

Фридрихъ Ницше.

**Такъ говорилъ
Заратустра**

Книга для всехъ и ни для кого.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

Ю. М. Антоновскаго.

CHALIDZE PUBLICATIONS

NEW YORK, 1981

Фридрихъ Ницше.

Такъ говорилъ Заратустра

Книга для всѣхъ и ни для кого.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

Ю. М. Антоновекаго.

CHALIDZE PUBLICATIONS

NEW YORK, 1981

*Печатается по изданию 1911 года
Книгоиздательство "Прометей", СПб*

F. Nietzsche

THUS SPOKE ZARATHUSTRA

Published by Chalidze Publications
505 Eighth Ave.,
New York, N.Y. 10018

Manufactured in the United States of America

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Отъ переводчика	VII

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Предисловіе Заратустры.

О сверхъ-человѣкѣ и о послѣднемъ человѣкѣ	3
---	---

Рѣчи Заратустры.

О трехъ превращеніяхъ	17
О каеэдрахъ добродѣтели	19
О мечтающихъ о другомъ мірѣ	21
О презирающихъ тѣло	24
О радостяхъ и страстяхъ	26
О блѣдномъ преступникѣ	28
О чтеніи и письмѣ	30
О деревѣ на горѣ	31
О проповѣдникахъ смерти	34
О войнѣ и войнахъ	36
О новомъ кумирѣ	38
О базарныхъ мухахъ	40
О цѣломудріи	43
О другѣ	44
О тысячѣ и одной цѣли	46
О любви къ ближнему	48
О пути созидающаго	50
О старыхъ и молодыхъ женщинахъ	52

	стр.
Объ укусъ змѣи	54
О ребенкѣ и бракѣ	56
О свободной смерти	58
О дарящей добродѣтели	60

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Ребенокъ съ зеркаломъ	69
На блаженныхъ островахъ	71
О сострадательныхъ	74
О священникахъ	76
О добродѣтельныхъ	79
О толпѣ	82
О тарантулахъ	84
О знаменитыхъ мудрецахъ	87
Ночная пѣснь	90
Пѣснь пляска	91
Надгробная пѣснь	94
О преодолѣннiи самого себя	97
О возвышенныхъ	100
О странѣ культуры	102
О незапятнанномъ познаніи	104
Объ учепыхъ	107
О поэтахъ	109
О великихъ событіяхъ	112
Прорицатель	115
Объ избавленіи	118
О человѣческой мудрости	123
Тишина	126

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Странникъ	131
О призракѣ и загадкѣ	134
О блаженствѣ противъ воли	138
Передъ восходомъ солнца	142
Объ умаляющей добродѣтели	144
На священной горѣ	150

	стр.
О прохожденіи мимо	153
Объ отступникахъ	156
Возвращеніе	159
О троякомъ злѣ	163
О духѣ тяжести	167
О старыхъ и новыхъ скрижаляхъ	171
Выздоровливающій	190
О великомъ томленіи	196
Другая пѣснь пляска	198
Семь печатей	202

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.

Жертва медовая	209
Крикъ о помощи	212
Бесѣда съ королями	215
Піявка	219
Чародѣи	222
Въ отставкѣ	228
Самый безобразный человѣкъ	232
Добровольный нищій	237
Тѣнь	241
Въ полдень	244
Привѣтствіе	246
Пиръ	251
О высшемъ человѣкѣ	253
Пѣснь тоски	263
О наукѣ	267
Среди дочерей пустыни	270
Пробужденіе	275
Праздникъ осла	278
Пѣснь опьяненія	281
Знаменіе	289

Отъ переводчика.

На переводѣ Заратустры подтверждается еще разъ старая истина, что все самое простое есть вмѣстѣ съ тѣмъ и самое трудное. Книга Ницше написана простымъ, почти библейскимъ языкомъ, и потому ея переводъ представляетъ чрезвычайную трудность. Недаромъ въ 1898 г., когда впервые появились отрывки моего перевода этой книги въ журналѣ г. Булгакова, одинъ почитатель Ницше сдѣлалъ въ печати мнѣ упрекъ, что подобную книгу надо переводить лѣтъ восемь, тогда какъ я переводилъ ее всего одинъ годъ. И, дѣйствительно, только въ 1907 г., когда я предложилъ на судъ читателей третье изданіе моего перевода, я могъ надѣяться, что онъ удовлетворитъ, наконецъ, требованіямъ, которымъ долженъ отвѣчать серьезный трудъ подобнаго рода. Читатель могъ въ то время быть увѣренъ, съ одной стороны, что теперь передъ нимъ буквальный переводъ Заратустры, даже слова по возможности расположены въ томъ же порядкѣ, какъ у Ницше; съ другой—я употребилъ тогда всѣ старанія, чтобы въ немъ сохранена была внѣшняя, литературная красота оригинала. Чтобы достичь того и другого одновременно, дѣйствительно, понадобилось около восьми лѣтъ труда; ибо каждое изъ трехъ предыдущихъ моихъ изданій Заратустры не было простой перепечаткой предшествующаго, а совершенно новой переработкой перевода. Въ этомъ легко можетъ убѣдиться всякій, у кого найдется время и охота сличить всѣ четыре изданія моего перевода, сдѣланныя въ 1900, 1903, 1907 и настоящемъ годахъ. Остались безъ измѣненія только страницы стиховъ, риѣмованныхъ и нериѣмованныхъ, помѣщенныхъ въ этомъ, какъ и въ предыдущемъ, изданіи съ разрѣшенія, нынѣ покойнаго, *А. М. Бобрищева-Пушкина*, въ его прекрасномъ переводѣ.

Считаю необходимымъ сдѣлать здѣсь нѣсколько указаній, относящихся къ тексту.

Стран. 72, строка 5, снизу: «Все, что не переходит, есть только символъ!» въ противоположность стихамъ Гёте въ концѣ второй части «Фауста» «Alles Vergängliche ist nur ein Gleichniss».—Стран. 87, строка 13, сверху: тарантелла—*Tarantel*, означаетъ по-нѣмецки и тарантула и тарантеллу.—Стран. 110, строка 11, сверху: многое, чего нельзя описать, осуществлялось тамъ,—намекъ на слова Гёте въ концѣ второй части «Фауста»: «*Das Unbeschreibliche, hier ist es gethan*».—Стран. 152, строка 10, сверху: мрачные завистники—*Neidbolde und Leidholde*.—Стран. 153, строка 4, снизу: ...духъ превратился здѣсь въ простую игру словъ?—*Wortspiel, Wort-Spülicht* (вся эта глава полна игрою словъ, въ большинствѣ случаевъ непереводимой).—Стран. 154, строка 17, сверху: игра словами *Mond* (мѣсяцъ) и *Mondkalb* (нарость).—Стран. 179, строка 10, сверху: игра словами *rein* (чистый) и *Schwein* (свинья).—Стран. 182, строка 2, сверху: гнилая лѣность—*Faulheit, faulig* (*faul* означаетъ лѣнивый и гнилой).—Стран. 185, строка 9, снизу: игра словами *Eheschliessen* (заключеніе брака) и *Ehebrechen* (разрывъ его, прелюбодѣяніе).—Стран. 185, строка 5, снизу: я нарушила бракъ—*Ehebrechen* (совершить прелюбодѣяніе) и *durch die Ehe gebrochen* (разбитый бракомъ).—Стран. 193, строка 15, сверху: игра словами *besser* (лучше) и *boeser* (злѣе).—Стран. 209, строка 12, снизу: *Pech* (смола) означаетъ фигурально: несчастіе, бѣда.—Стран. 210, строка 6, снизу: игра словами *Gründling* (пискарь) и *Abgrund* (бездна, глубина).—Стран. 243, строка 12, сверху: игра словами *Suchen nach meinem Heim* (искать своего дома) и *Heimsuchung* (наказаніе).—Стран. 262, строка 2, снизу: игра словами: *Distelkopf* (головка чертополоха) и *Tiftelkopf* (сумасбродная голова).—Стран. 263, строка 6, сверху: игра словами *Schwarzsichtig* (кто видитъ лишь черное) и *Schwärsüchtig* (покрытый язвами).

ТАКЪ
ГОВОРИЛЪ ЗАРАТУСТРА.

Часть первая.

Предисловіе Заратустры.

I.

Когда Заратустръ исполнилось тридцать лѣтъ, покинулъ онъ свою родину и озеро своей родины и пошелъ въ горы. Здѣсь наслаждался онъ своимъ духомъ и своимъ одиночествомъ и въ теченіе десяти лѣтъ не утомлялся счастьемъ своимъ. Но наконецъ измѣнилось сердце его,—и въ одно утро поднялся онъ съ зарею, сталъ передъ солнцемъ и такъ говорилъ къ нему:

«Великое свѣтило! Къ чему свелось бы твое счастье, еслибъ не было у тебя тѣхъ, кому ты свѣтишь!

Въ теченіе десяти лѣтъ подымалось ты надъ моей пещерой: ты пресытилось бы своимъ свѣтомъ и этой дорогою, еслибъ не было меня, моего орла и моей змѣи.

Но мы каждое утро поджидали тебя, принимали отъ тебя преизбытокъ твой и благословляли тебя.

Взгляни! Я пресытился своей мудростью, какъ пчела, собравшая слишкомъ много меду; мнѣ нужны руки, простертыя ко мнѣ.

Я хотѣлъ бы одарять и надѣлять до тѣхъ поръ, пока мудрые среди людей не стали бы опять радоваться безумству своему, а бѣдные—богатству своему.

Для этого я долженъ спуститься внизъ: какъ дѣлаешь ты каждый вечеръ, окунаясь въ море и неся свѣтъ свой на другую сторону міра, ты богатѣйшее свѣтило!

Я долженъ, подобно тебѣ, закатиться, какъ называютъ это люди, къ которымъ хочу я спуститься.

Такъ благослови же меня, ты спокойное око, безъ зависти взирающее даже на чрезмѣрно большое счастье!

Благослови чашу, готовую пролиться, чтобы золотистая влага текла изъ нея и неслась всюду отблескъ твоей отрады!

Взгляни, эта чаша хочетъ опять стать пустою, и Заратустра хочетъ опять стать человѣкомъ».

— Такъ начался з а к а т ъ Заратустры.

* * *

2.

Заратустра спустился одинъ съ горы, и никто не повстрѣчался ему. Но когда вошелъ онъ въ лѣсъ, передъ нимъ неожиданно предсталъ старецъ, покинувшій свою священную хижину, чтобы поискать кореньевъ въ лѣсу. И такъ говорилъ старецъ Заратустрѣ:

«Мнѣ не чуждъ этотъ странникъ: нѣсколько лѣтъ тому назадъ проходилъ онъ здѣсь. Заратустрой назывался онъ; но онъ измѣнился.

Тогда несъ ты свой прахъ на гору: неужели теперь хочешь ты нести свой огонь въ долины? Неужели не боишься ты кары поджигателю?

Да, я узнаю Заратустру. Чистъ взоръ его, и на устахъ его нѣтъ отвращенія. Не потому ли и идетъ онъ, точно танцуетъ?

Заратустра измѣнился, ребенкомъ сталъ Заратустра, Заратустра проснулся: чего же хочешь ты среди спящихъ?

Какъ на морѣ жилъ ты въ одиночествѣ, и море носило тебя. Увы! ты хочешь выйти на сушу? Ты хочешь снова самъ таскать свое тѣло?»

Заратустра отвѣчалъ: «Я люблю людей».

«Развѣ не потому, сказалъ святой, ушелъ и я въ лѣсъ и пустыню? Развѣ не потому, что и я слишкомъ любилъ людей?

Теперь люблю я бога: людей не люблю я. Человѣкъ для меня слишкомъ несовершененъ. Любовь къ человѣку убила бы меня».

Заратустра отвѣчалъ: «Что говорилъ я о любви! Я несу людямъ даръ».

«Не давай имъ ничего, сказалъ святой. Лучшеними съ нихъ что-нибудь и неси вмѣстѣ съ ними—это будетъ для нихъ всего лучше: если только это лучше и для тебя!

И если ты хочешь имъ дать, дай имъ не больше милостыни и еще заставь ихъ просить ее у тебя!»

«Нѣтъ, отвѣчалъ Заратустра, я не даю милостыни. Для этого я не достаточно бѣденъ».

Святой сталъ смѣяться надъ Заратустрой и такъ говорилъ: «Тогда постарайся, чтобъ они приняли твои сокровища! Они не довѣрчивы къ отшельникамъ и не вѣрятъ, что мы приходимъ, чтобы дарить.

Наши шаги по улицамъ звучать для нихъ слишкомъ одиноко. И если они ночью, въ своихъ кроватяхъ, услышатъ человѣка, идущаго задолго до восхода солнца, они спрашиваютъ себя: куда крадется этотъ воръ?

Не ходи же къ людямъ и оставайся въ лѣсу! Иди лучше къ звѣрямъ! Почему не хочешь ты быть, какъ я,—медвѣдемъ среди медвѣдей, птицею среди птицъ?»

«А что дѣлаетъ святой въ лѣсу?» спросилъ Заратустра.

Святой отвѣчалъ: «Я слагаю пѣсни и пою ихъ; и когда я слагаю пѣсни, я смѣюсь, плачу и бормочу себѣ въ бороду: такъ славлю я бога.

Пѣніемъ, плачемъ, смѣхомъ и бормотаньемъ славлю я бога, моего бога. Но скажи, что несешь ты намъ въ даръ?»

Услышавъ эти слова, Заратустра поклонился святому и сказалъ: «Что могъ бы я дать вамъ! Позвольте мнѣ скорѣе уйти, чтобъ чего-нибудь я не взялъ у васъ!»—Такъ разошлись они въ разныя стороны, старецъ и человѣкъ, и каждый смѣялся, какъ смѣются дѣти.

Но когда Заратустра остался одинъ, говорилъ онъ такъ въ сердцѣ своемъ: «Возможно ли это! Этотъ святой старецъ въ своемъ лѣсу еще не слыхалъ о томъ, что богъ умеръ!» —

* * *

3.

Придя въ ближайшій городъ, лежавшій за лѣсомъ, Заратустра нашелъ тамъ множество народа, собравшагося на базарной площади: ибо ему обѣщано было зрѣлище—плясунъ на канатѣ. И Заратустра говорилъ такъ къ народу:

Я учу васъ о сверхъ-человѣкѣ. Человѣкъ есть нѣчто, что должно превзойти. Что сдѣлали вы, чтобъ превзойти его?

Всѣ существа до сихъ поръ создавали что-нибудь выше себя; а вы хотите быть отливомъ этой великой волны и скорѣе вернуться къ состоянію звѣря, чѣмъ превзойти человѣка?

Что такое обезьяна въ отношеніи человѣка? Посмѣшище или мучительный позоръ. И тѣмъ же самымъ долженъ быть человѣкъ для сверхъ-человѣка: посмѣшищемъ или мучительнымъ позоромъ.

Вы совершили путь отъ червя къ человѣку, но многое въ васъ еще осталось отъ червя. Нѣкогда были вы обезьяною, и даже теперь еще человѣкъ больше обезьяна, чѣмъ иная изъ обезьянъ.

Даже мудрѣйшій среди васъ есть только негармоничная, колеблющаяся форма между растеніемъ и призракомъ. Но развѣ я велю вамъ стать призракомъ или растеніемъ?

Смотрите, я учу васъ о сверхъ-человѣкѣ!

Сверхъ-человѣкъ—смыслъ земли. Пусть же ваша воля говоритъ: Да будетъ сверхъ-человѣкъ смысломъ земли!

Я заклиная васъ, мои братья, оставайтесь вѣрны землѣ и не вѣрьте тѣмъ, кто говоритъ вамъ о надземныхъ надеждахъ! Они отравители, все равно, знаютъ ли они это, или нѣтъ.

Они презираютъ жизнь, эти умирающіе и сами себя отравившіе, отъ которыхъ устала земля: пусть погибнуть они!

Прежде хула на бога была величайшей хулой; но богъ умеръ, и вмѣстѣ съ нимъ умерли и эти хулители. Теперь хулить землю самое ужасное преступленіе, также какъ чтить сущность непостижимаго выше, чѣмъ смыслъ земли!

Нѣкогда смотрѣла душа на тѣло съ презрѣніемъ: и тогда не было ничего выше, чѣмъ это презрѣніе;—она хотѣла видѣть тѣло тощимъ, отвратительнымъ и голоднымъ. Такъ думала она бѣжать отъ тѣла и отъ земли.

О, эта душа сама была еще тощей, отвратительной и голодной; и жестокость была наслажденіемъ этой души!

Но и теперь еще, братья мои, скажите, мнѣ: что говоритъ ваше тѣло о вашей душѣ? Развѣ ваша душа не есть бѣдность и грязь и жалкое довольство собою?

Поистинѣ, человѣкъ—это грязный потокъ. Надо быть моремъ, чтобъ принять въ себя грязный потокъ и не сдѣлаться нечистымъ.

Смотрите, я учу васъ о сверхъ-человѣкѣ: онъ—это море, гдѣ можетъ потонуть ваше великое презрѣніе.

Въ чемъ то самое высокое, что можете вы пережить? Это—часть великаго презрѣнія. Часть, когда ваше счастье становится для васъ отвратительнымъ, также какъ вашъ разумъ и ваша доброта.

Часть, когда вы говорите: «Въ чемъ мое счастье! Оно—бѣд-

ность и грязь и жалкое довольство собою. Мое счастье должно бы было оправдывать само существованіе!»

Часть, когда вы говорите: «Въ чемъ мой разумъ! Добивается ли онъ знанія, какъ левъ своей пищи? Онъ—бѣдность и грязь и жалкое довольство собою!»

Часть, когда вы говорите: «Въ чемъ моя добродѣтель! Она еще не заставила меня безумствовать. Какъ усталъ я отъ добра моего и отъ зла моего! Все это бѣдность и грязь и жалкое довольство собою!»

Часть, когда вы говорите: «Въ чемъ моя справедливость. Я не вижу, чтобы былъ я пламенемъ и углемъ. А справедливый—это пламень и уголь!»

Часть, когда вы говорите: «Въ чемъ моя жалость! Развѣ жалость—не крестъ, къ которому приговждается каждый, кто любить людей? Но моя жалость не есть распятіе».

Говорили ли вы уже такъ? Восклицали ли вы уже такъ? Ахъ, еслибы я уже слышалъ васъ такъ восклицающими!

Не вашъ грѣхъ—ваше самодовольство вопіеть къ небу; ничтожество вашихъ грѣховъ вопіеть къ небу!

Но гдѣ же та молнія, что лизнетъ васъ своимъ языкомъ? Гдѣ то безуміе, что надо бы привить вамъ?

Смотрите, я учу васъ о сверхъ-человѣкѣ: онъ—эта молнія, онъ—это безуміе!

Пока Заратустра такъ говорилъ, кто-то крикнулъ изъ толпы: «Мы слышали уже довольно о канатномъ плясунѣ; пусть намъ покажутъ его!» И весь народъ началъ смѣяться надъ Заратустрой. А канатный плясунъ, подумавъ, что эти слова относятся къ нему, принялся за свое дѣло.

* * *

4.

Заратустра же глядѣлъ на народъ и удивлялся. Потомъ онъ такъ говорилъ:

Человѣкъ—это канатъ, натянутый между животнымъ и сверхъ-человѣкомъ,—канатъ надъ пропастью.

Опасно прохожденіе, опасно остаться въ пути, опасенъ взоръ, обращенный назадъ, опасны страхъ и остановка.

Въ человѣкѣ важно то, что онъ мостъ, а не цѣль: въ чело-

вѣкъ можно любить только то, что онъ переходитъ и уничтоженіе.

Я люблю тѣхъ, кто не умѣетъ жить иначе, какъ чтобы погибнуть, ибо идутъ они по мосту.

Я люблю великихъ ненавистниковъ, ибо они великіе почитатели и стрѣлы желанія другого берега.

Я люблю тѣхъ, кто не ищетъ за звѣздами основанія, чтобы погибнуть и сдѣлаться жертвою: а приносить себя въ жертву землѣ, чтобы земля нѣкогда стала землею сверхъ-человѣка.

Я люблю того, кто живетъ для познанія и кто хочетъ познать для того, чтобы нѣкогда жилъ сверхъ-человѣкъ. Ибо такъ хочетъ онъ своей гибели.

Я люблю того, кто трудится и изобрѣтаетъ, чтобы построить жилище для сверхъ-человѣка и приготовить къ приходу его землю, животныхъ и растенія: ибо такъ хочетъ онъ своей гибели.

Я люблю того, кто любитъ свою добродѣтель: ибо добродѣтель есть воля къ гибели и стрѣла желанія другого берега.

Я люблю того, кто не бережетъ для себя ни капли духа, но хочетъ всецѣло быть духомъ своей добродѣтели: ибо такъ, подобно духу, проходитъ онъ по мосту.

Я люблю того, кто изъ своей добродѣтели дѣлаетъ свое тяготѣніе и свою судьбу: ибо такъ хочетъ онъ ради своей добродѣтели еще жить и не жить болѣе.

Я люблю того, кто не хочетъ имѣть слишкомъ много добродѣтелей. Одна добродѣтель есть больше добродѣтель, чѣмъ двѣ, ибо она больше тотъ узелъ, на которомъ держится судьба.

Я люблю того, чья душа расходуетъ, кто не хочетъ благодарности и не оказываетъ ея: ибо онъ постоянно даритъ и не хочетъ беречь себя.

Я люблю того, кто стыдится, когда счастливая игра выпадаетъ на долю его, и кто тогда спрашиваетъ: неужели я игрокъ-обманщикъ?—ибо онъ хочетъ гибели.

Я люблю того, кто бросаетъ золотыя слова впереди своихъ дѣлъ и исполняетъ всегда еще больше, чѣмъ обѣщаетъ: ибо онъ хочетъ своей гибели.

Я люблю того, кто оправдываетъ людей будущаго и избавляетъ людей прошлаго: ибо онъ хочетъ гибели отъ людей настоящаго.

Я люблю того, кто строгъ къ своему богу, такъ какъ онъ любитъ своего бога: ибо онъ долженъ погибнуть отъ гнѣва своего бога.

Я люблю того, чья душа глубока даже въ ранахъ, и кто можетъ погибнуть при малѣйшемъ испытаніи: такъ охотно идетъ онъ по мосту.

Я люблю того, чья душа переполнена, такъ что онъ забываетъ самого себя, и всѣ вещи содержатся въ немъ: такъ становятся всѣ вещи его гибелью.

Я люблю того, кто свободенъ духомъ и свободенъ сердцемъ: такъ голова его есть только внутренность сердца его, а сердце его влечетъ его къ гибели.

Я люблю всѣхъ тѣхъ, кто являются тяжелыми каплями, падающими одна за другой изъ темной тучи, нависшей надъ человечествомъ: молнія приближается, возбѣщаютъ они и гибнутъ, какъ провозвѣстники.

Смотрите, я провозвѣстникъ молніи и тяжелая капля изъ тучи: но эта молнія называется сверхъ-человѣкъ. —

* * *

5.

Произнесши эти слова, Заратустра снова посмотрѣлъ на народъ и умолкъ. «Вотъ стоятъ они, говорилъ онъ въ сердцѣ своемъ, вотъ смѣются они: они не понимаютъ меня, мои рѣчи не для этихъ ушей.

Неужели нужно сперва разодрать имъ уши, чтобъ научились они слушать глазами? Неужели надо гремѣть, какъ литабры и какъ проповѣдники покаянія? Или вѣрятъ они только заикающемуся?

У нихъ есть нѣчто, чѣмъ гордятся они. Но какъ называютъ они то, что дѣлаетъ ихъ гордыми? Они называютъ это культурою, она отличаетъ ихъ отъ пастуховъ.

Поэтому не любятъ они слышать о себѣ слово «презрѣніе». Буду же говорить я къ ихъ гордости.

Буду же говорить я имъ о самомъ презрѣнномъ существѣ: а это и есть послѣдній человѣкъ».

И такъ говорилъ Заратустра къ народу:

Наступаетъ время, что человѣкъ поставитъ себѣ цѣль свою. Наступаетъ время, что человѣкъ посадитъ зерно высшей надежды своей.

Его почва еще достаточно богата для этого. Но эта почва

будетъ нѣкогда бѣдной и безплодной, и ни одно высокое дерево не будетъ больше расти на ней.

Горе! Приближается время, когда человѣкъ не пуститъ болѣе стрѣлы желанія своего выше человѣка, и тетива лука его разучится дрожать!

Я говорю вамъ: нужно носить въ себѣ еще хаосъ, чтобы быть въ состояніи родить танцующую звѣзду. Я говорю вамъ: въ васъ есть еще хаосъ.

Горе! Приближается время, когда человѣкъ не родитъ больше звѣзды. Горе! Приближается время самого презрѣннаго человѣка, который уже не можетъ презирать самого себя.

Смотрите! Я показываю вамъ послѣдняго человѣка.

«Что такое любовь? Что такое творчество? Устремление? Что такое звѣзда?»—такъ вопрошаетъ послѣдній человѣкъ и моргаетъ.

Земля стала маленькой, и по ней прыгаетъ послѣдній человѣкъ, дѣлающій все маленькимъ. Его родъ не истребимъ, какъ земляная блоха; послѣдній человѣкъ живетъ дольше всѣхъ.

«Счастіе найдено нами»—говорятъ послѣдніе люди, и моргаютъ.

Они покинули страны, гдѣ было холодно жить: ибо имъ необходимо тепло. Также любятъ они сосѣда и жмутся къ нему: ибо имъ необходимо тепло.

Захворать или быть недовѣрчивымъ считается у нихъ грѣхомъ: ибо ходятъ они осмотрительно. Одни безумцы еще спотыкаются о камни или о людей!

Отъ времени до времени немного яду: это вызываетъ пріятные сны. А въ концѣ побольше яду, чтобы пріятно умереть.

Они еще трудятся, ибо трудъ—развлеченіе. Но они заботятся, чтобы развлеченіе не утомляло ихъ.

Не будетъ болѣе ни бѣдныхъ, ни богатыхъ: то и другое слишкомъ хлопотливо. И кто захотѣлъ бы еще управлять? И кто повинаться? То и другое слишкомъ хлопотливо.

Нѣтъ пастыря, одно лишь стадо! Каждый желаетъ равенства, всѣ равны: кто чувствуетъ иначе, тотъ добровольно идетъ въ сумасшедшій домъ.

«Прежде весь міръ былъ сумасшедшій»—говорятъ самые умные изъ нихъ, и моргаютъ.

Всѣ умны и знаютъ все, что было: такъ что можно смѣяться безъ конца. Они еще ссорятся, но скоро мирятся—иначе это разстроивало бы желудокъ.

У нихъ есть свое маленькое удовольствіе для дня и свое маленькое удовольствіе для ночи: но здоровье—выше всего.

«Счастье найдено нами»—говорять послѣдніе люди, и умирають.

Здѣсь окончилась первая рѣчь Заратустры, называемая также «Предисловіемъ», ибо на этомъ мѣстѣ его прервали крикъ и радость толпы. «Дай намъ этого послѣдняго человѣка, о Заратустра,—такъ восклицали они—сдѣлай насъ похожими на этихъ послѣднихъ людей! И мы даримъ тебѣ сверхъ-человѣка!» И весь народъ радовался и щелкалъ языкомъ. Но Заратустра сталъ печаленъ и сказалъ въ сердцѣ своемъ:

«Они не понимаютъ меня: мои рѣчи не для этихъ ушей.

Очевидно, я слишкомъ долго жилъ на горѣ, слишкомъ часто слушалъ ручьи и деревья: теперь я говорю имъ, какъ пастухамъ.

Непреклонна душа моя и свѣтла, какъ горы утренней порою. Но они думаютъ, что холоденъ я и что смѣюсь я ужасными шутками.

И вотъ они смотрятъ на меня и смѣются: и, смѣясь, они еще ненавидятъ меня. Ледъ въ смѣхѣ ихъ».

* * *

6.

Но тутъ случилось нѣчто, что сдѣлало уста всѣхъ нѣмыми и взоръ неподвижнымъ. Ибо тѣмъ временемъ канатный плясунъ началъ свое дѣло: онъ вышелъ изъ маленькой двери и пошелъ по канату, протянутому между двумя башнями и висѣвшему надъ базарной площадью и народомъ. Когда онъ находился посреди своего пути, маленькая дверь вторично отворилась, и дѣтина, пестро одѣтый, какъ паяцъ, выскочилъ изъ нея и быстрыми шагами пошелъ во слѣдъ первому. «Впередъ, хромоногій, кричалъ онъ своимъ страшнымъ голосомъ, впередъ, лѣнивая скотина, контрабандистъ, набѣленная рожа! Смотри, чтобъ я не пощекоталъ тебя своею пяткою! Что дѣлаешь ты здѣсь между башнями? Ты вышелъ изъ башни; туда бы и слѣдовало запереть тебя, ты загораживаешь дорогу тому, кто лучше тебя!»—И съ каждымъ словомъ онъ все приближался къ нему: и когда былъ уже на разстояніи одного только шага отъ него, случилось нѣчто ужасное, что сдѣлало уста всѣхъ нѣмыми и взоръ неподвижнымъ:—онъ испустилъ дьявольскій крикъ и прыгнулъ черезъ того, кто загородилъ ему дорогу. Но этотъ, увидѣвъ, что его соперникъ побѣждаетъ его, потерялъ

голову и канатъ; онъ бросилъ свой шестъ и самъ еще быстрѣе, чѣмъ шестъ, полетѣлъ внизъ, какъ какой-то вихрь изъ рукъ и ногъ. Базарная площадь и народъ походили на море, когда проносится буря: все въ смятеніи бѣжало въ разныя стороны, большею частью туда, гдѣ должно было упасть тѣло.

Но Заратустра оставался на мѣстѣ, и прямо возлѣ него упало тѣло, изодранное и разбитое, но еще не мертвое. Немного спустя, къ раненому вернулось сознание, и онъ увидѣлъ Заратустру, стоявшаго возлѣ него на колѣняхъ. «Что ты тутъ дѣлаешь? сказалъ онъ наконецъ, я давно зналъ, что чортъ подставитъ мнѣ ногу. Теперь онъ тащитъ меня въ преисподнюю: не хочешь ли ты помѣшать ему?»

«Клянусь честью, другъ, отвѣчалъ Заратустра, не существуетъ ничего, о чемъ ты говоришь: нѣтъ ни чорта, ни преисподней. Твоя душа умереть еще скорѣе, чѣмъ твое тѣло: не бойся же ничего!»

Человѣкъ посмотрѣлъ на него съ недоумѣемъ. «Если ты говоришь правду, сказалъ онъ, то, теряя жизнь, я ничего не теряю. Я немного больше животнаго, котораго ударами и голодомъ научили плясать».

«Не совсѣмъ такъ, сказалъ Заратустра; ты изъ опасности сдѣлалъ себѣ ремесло, а за это нельзя презирать. Теперь ты гибнешь отъ своего ремесла: за это я хочу похоронить тебя своими руками».

На эти слова Заратустры умирающей ничего не отвѣтилъ; онъ только пошевелилъ рукою, какъ бы ища, въ благодарность, руки Заратустры. —

* * *

7.

Тѣмъ временемъ наступилъ вечеръ, и базарная площадь скрылась во мракѣ: тогда разсѣялся и народъ, ибо устаютъ даже любопытство и страхъ. Но Заратустра продолжалъ сидѣть на землѣ возлѣ мертваго и былъ погруженъ въ свои мысли: такъ забылъ онъ о времени. Наконецъ наступила ночь, и холодный вѣтеръ подулъ на одинокаго. Тогда поднялся Заратустра и сказалъ въ сердцѣ своемъ:

«Поистинѣ, прекрасный уловъ былъ сегодня у Заратустры. Онъ не поймалъ человѣка, за то трупъ поймалъ онъ.

Безпокойно человѣческое существованіе и къ тому же лишено всегда смысла: паяцъ можетъ стать удѣломъ его.

Я хочу учить людей смыслу ихъ бытія: этотъ смыслъ есть сверхъ-человѣкъ, молнія изъ темной тучи человѣкъ.

Но я еще далекъ отъ нихъ, и моя мысль не говоритъ ихъ мыслямъ. Для людей я еще середина между безумцемъ и трупомъ.

Темна ночь, темны пути Заратустры. Идемъ, холодный; недвижный товарищъ! Я несу тебя туда, гдѣ я похороню тебя своими руками».

* * *

8.

Сказавъ это въ сердцѣ своемъ, Заратустра взялъ трупъ себѣ на спину и пустился въ путь. Но не успѣлъ онъ пройти и ста шаговъ, какъ человѣкъ подкрался къ нему и сталъ шептать ему на ухо. Тотъ, кто говорилъ, былъ паяцъ съ башни. «Уходи изъ этого города, о Заратустра, говорилъ онъ; слишкомъ многіе ненавидятъ тебя здѣсь. Ненавидятъ тебя добрые и праведные, и они зовутъ тебя своимъ врагомъ и ненавистникомъ; ненавидятъ тебя правовѣрные, и они зовутъ тебя опаснымъ для толпы. Счастье твое, что смѣялись надъ тобою: и поистинѣ, ты говорилъ, какъ шутъ. Счастье твое, что ты присталъ къ мертвой собакѣ; унизившись такъ, ты спасъ себя на сегодня. Но уходи прочь изъ этого города—или завтра я перепрыгну черезъ тебя, живой черезъ мертвого». И сказавъ это, человѣкъ исчезъ; а Заратустра продолжалъ свой путь по темнымъ улицамъ.

У воротъ города повстрѣчались ему могильщики; они факеломъ посвѣтили ему въ лицо, узнали Заратустру и много издѣвались надъ нимъ. «Заратустра уноситъ съ собой мертвую собаку: bravo, Заратустра обратился въ могильщика! Ибо наши руки слишкомъ чисты для этой поживы. Не хочетъ ли Заратустра украсть у чорта его кусокъ? Ну, такъ и быть! Желаемъ хорошо поужинать! Если только чортъ не лучшій еще воръ, чѣмъ Заратустра!—онъ украдетъ ихъ обоихъ, онъ съѣстъ ихъ обоихъ!» И они смѣялись и перешептывались между собой.

Заратустра не сказалъ на это ни слова и шелъ своей дорогой. Онъ шелъ два часа по лѣсамъ и болотамъ и очень часто слышалъ голодный вой волковъ; наконецъ и на него напалъ голодъ. Онъ остановился передъ уединеннымъ домомъ, въ которомъ горѣлъ свѣтъ.

«Голодъ нападаетъ на меня, какъ разбойникъ, сказалъ Заратустра. Въ лѣсахъ и болотахъ нападаетъ на меня голодъ мой и въ глубокую ночь.

Удивительные капризы у моего голода. Часто наступаетъ онъ у меня только послѣ обѣда, и сегодня цѣлый день я не чувствовалъ его: гдѣ же замѣшкался онъ?»

И съ этими словами Заратустра постучался въ дверь дома. Появился старикъ; онъ несъ свѣтъ и спросилъ: «Кто идетъ ко мнѣ и нарушаетъ мой скверный сонъ?»

«Живой и мертвый, отвѣчалъ Заратустра. Дайте мнѣ поѣсть и попить; днемъ я забылъ объ этомъ. Тотъ, кто кормить голоднаго, насыщаетъ свою собственную душу: такъ говорить мудрость».

Старикъ ушелъ, но тотчасъ вернулся и предложилъ Заратустрѣ хлѣбъ и вино. «Здѣсь плохая сторона для голодающихъ, сказалъ онъ; поэтому я и живу здѣсь. Звѣрь и человѣкъ приходятъ ко мнѣ, отшельнику. Но позови же своего товарища поѣсть и попить, онъ усталъ еще больше, чѣмъ ты». Заратустра отвѣчалъ: «Мертвъ мой товарищъ, было бы трудно уговорить его поѣсть». «Это меня не касается, ворча произнесъ старикъ; кто стучится въ мою дверь, долженъ принимать то, что я ему предлагаю. Ышите и будьте здоровы!»—

Послѣ этого Заратустра шелъ еще два часа, довѣрясь дорогѣ и свѣту звѣздъ: ибо онъ былъ привычный ночной ходокъ и любилъ всему спящему смѣтрѣть въ лицо. Но когда стало свѣтать, Заратустра очутился въ глубокомъ лѣсу, и дальше уже не было видно дороги. Тогда онъ положилъ мертваго въ дупло дерева на высотѣ своей головы,—ибо онъ хотѣлъ защитить его отъ волковъ,—и самъ легъ на землю, на мохъ. И тотчасъ уснулъ онъ, усталый тѣломъ, но съ непреклонной душою.

* * *

9.

Долго спалъ Заратустра, и не только утренняя заря, но и полдень прошли по лицу его. Но, наконецъ, онъ открылъ глаза: съ удивленіемъ посмотрѣлъ Заратустра на лѣсъ и тишину, съ удивленіемъ заглянулъ онъ внутрь самого себя. Потомъ онъ быстро поднялся, какъ морякъ, завидѣвшій внезапно землю, и возликовалъ: ибо онъ увидѣлъ новую истину. И такъ говорилъ онъ тогда въ сердцѣ своемъ:

«Свѣтъ низошелъ на меня: мнѣ нужны послѣдователи, и при

томъ живые,—не мертвые послѣдователи и не трупы, которыхъ ношу я съ собою, куда я хочу.

Мнѣ нужны живые послѣдователи, которые слѣдуютъ за мною, потому что хотять слѣдовать сами за собой—и туда, куда я хочу.

Свѣтъ низошелъ на меня: не къ народу долженъ говорить Заратустра, а къ послѣдователямъ! Заратустра не долженъ быть пастухомъ и собакою стада!

Сманить многихъ изъ стада—для этого пришелъ я. Негодовать будутъ на меня народъ и стадо: разбойникомъ хочетъ называться Заратустра у пастуховъ.

Пастухи говорю я, но они называютъ себя добрыми и праведными. Пастухи говорю я, но они называютъ себя правовѣрными.

Посмотрите на добрыхъ и праведныхъ! Кого ненавидятъ они больше всего? Того, кто разбиваетъ ихъ скрижали цѣнностей, разрушителя, преступника:—но это и есть созидающій.

Посмотрите на правовѣрныхъ! Кого ненавидятъ они больше всего? Того, кто разбиваетъ ихъ скрижали цѣнностей, разрушителя, преступника:—но это и есть созидающій.

Послѣдователей ищетъ созидающій, а не труповъ, а также не стадъ и не правовѣрныхъ. Созидающихъ такъ же, какъ онъ, ищетъ созидающій, тѣхъ, что пишутъ новыя цѣнности на новыхъ скрижаляхъ.

Послѣдователей ищетъ созидающій, и тѣхъ, кто собиралъ бы жатву вмѣстѣ съ нимъ: ибо все созрѣло у него для жатвы. Но ему недостаетъ сотни серповъ: поэтому онъ вырываетъ колосья и негодуетъ.

Послѣдователей ищетъ созидающій, и тѣхъ, кто умѣетъ точить свои серпы. Разрушителями будутъ называться они и ненавистниками добрыхъ и злыхъ. Но они соберутъ жатву и будутъ праздновать.

Созидающихъ вмѣстѣ съ нимъ ищетъ Заратустра, собирающихъ жатву и празднующихъ вмѣстѣ съ нимъ ищетъ Заратустра: что сталъ бы онъ создавать со стадами, пастухами и трупами!

И ты, мой первый послѣдователь, прощай! Хорошо схоронилъ я тебя въ дуплѣ дерева, хорошо спряталъ я тебя отъ волковъ.

Но я расстаюсь съ тобою, ибо время прошло. Отъ зари до зари осѣнила меня новая истина.

Ни пастухомъ, ни могильщикомъ не долженъ я быть. Никогда больше не буду я говорить къ народу: послѣдній разъ говорилъ я къ мертвому.

Къ созидającymъ, собирающимъ жатву и празднующимъ хочу я присоединиться: радугу хочу я показать имъ и всѣ ступени, ведущія къ сверхъ-человѣку.

Отшельникамъ буду я пѣть свою пѣсню и тѣмъ, кто живутъ вдвоемъ; и у кого есть еще уши, чтобъ слышать неслыханное, тому хочу я обременить его сердце счастьемъ своимъ.

Я стремлюсь къ своей цѣли, я иду своей дорогой; черезъ медлительныхъ и нерадивыхъ перепрыгну я. Пусть будетъ мой путь ихъ гибелью!»

* * *

10.

Такъ говорилъ Заратустра въ сердцѣ своемъ, а солнце стало уже на полдень: тогда онъ вопросительно взглянулъ на небо—ибо услышалъ надъ собою рѣзкій крикъ птицы. И онъ увидѣлъ орла: описывая широкіе круги, неся тотъ въ воздухѣ, а съ нимъ—змѣя, но не въ видѣ добычи, а какъ подруга: ибо она обвила своими кольцами шею его.

«Это мои звѣри!» сказалъ Заратустра и обрадовался въ сердцѣ своемъ.

«Самое гордое животное, какое есть подъ солнцемъ, и животное самое умное, какое есть подъ солнцемъ,—они отправились на развѣдки.

Они хотятъ знать, живъ ли еще Заратустра. И поистинѣ, живъ ли я еще?

Опаснѣе оказалось быть среди людей, чѣмъ среди звѣрей, опасными путями ходить Заратустра. Пусть же ведутъ меня мои звѣри!»

Сказавъ это, Заратустра вспомнилъ слова святого въ лѣсу, вздохнулъ и говорилъ такъ въ сердцѣ своемъ:

«Еслибъ я могъ стать мудрѣе! Еслибъ я могъ стать мудрымъ вполне, какъ змѣя моя!

Но невозможнаго хочу я: попрошу же я свою гордость идти всегда вмѣстѣ съ моей мудростью!

И если когда-нибудь моя мудрость покинетъ меня:—ахъ, она любитъ улетать!—пусть тогда моя гордость улетитъ вмѣстѣ съ моимъ безуміемъ!» —

— Такъ начался закатъ Заратустры.

* * *

Рѣчи Заратустры.

О трехъ превращеніяхъ.

Три превращенія духа называю я вамъ: какъ духъ становится верблюдомъ, львомъ верблюдъ, и наконецъ ребенкомъ становится левъ.

Много труднаго существуетъ для духа, для духа сильнаго и выносливаго, который способенъ къ глубокому почитанію: ко всему тяжелому и самому трудному стремится сила его.

Что есть тяжесть? вопрошаетъ выносливый духъ, становится, какъ верблюдъ, на колѣни и хочетъ, чтобы хорошенько навьючили его.

Что есть самое трудное? такъ вопрошаетъ выносливый духъ; скажите, герои, чтобы взялъ я это на себя и радовался силѣ своей.

Не значить ли это: унизиться, чтобы заставить страдать свое высокоуміе? Заставить блистать свое безуміе, чтобы осмѣять свою мудрость?

Или это значить: бѣжать отъ нашего дѣла, когда оно празднуетъ свою побѣду? Подняться на высокія горы, чтобы искусить искусителя?

Или это значить: питаться желудями и травой познанія и ради истины терпѣть голодъ души?

Или это значить: больнымъ быть и отослать утѣшителей, и заключить дружбу съ глухими, которые никогда не слышатъ, чего ты хочешь?

Или это значить: опуститься въ грязную воду, если это вода истины, и не гнать отъ себя холодныхъ лягушекъ и теплыхъ жабъ?

Нитче.—Такъ говорилъ Заратустра.

Или это значить: тѣхъ любить, кто насъ презираетъ, и простирать руку привидѣнію, когда оно хочетъ пугать насъ?

Все самое трудное беретъ на себя выносливый духъ: подобно навьюченному верблюду, который спѣшитъ въ пустыню, спѣшитъ и онъ въ свою пустыню.

Но въ самой уединенной пустынѣ совершается второе превращеніе: здѣсь львомъ становится духъ, свободу хочетъ онъ себѣ завоевать и господиномъ быть въ своей собственной пустынѣ.

Своего послѣдняго господина ищетъ онъ здѣсь: врагомъ хочетъ онъ стать ему и своему послѣднему богу, изъ-за побѣды онъ хочетъ бороться съ великимъ дракономъ.

Кто же этотъ великій драконъ, котораго духъ не хочетъ болѣе называть господиномъ и богомъ? «Ты долженъ» называется великій драконъ. Но духъ льва говоритъ «я хочу».

Чешуйчатый звѣрь «ты долженъ», искрясь золотыми искрами, лежитъ ему на дорогѣ, и на каждой чешуѣ его блеститъ, какъ золото, «ты долженъ!»

Тысячелѣтнія цѣнности блестятъ на этихъ чешуяхъ, и такъ говоритъ сильнѣйшій изъ всѣхъ драконовъ: «цѣнности всѣхъ вещей—блестятъ на мнѣ».

«Всѣ цѣнности уже созданы, и каждая созданная цѣнность—это я. Поистинѣ, «я хочу» не должно болѣе существовать!» Такъ говоритъ драконъ.

Братья мои, къ чему нуженъ левъ въ человѣческомъ духѣ? Чему не удовлетворяетъ подъяремный звѣрь, воздержный и почтительный?

Создавать новыя цѣнности—этого не можетъ еще левъ: но создать себѣ свободу для новаго созиданія—этого можетъ достичь сила льва.

Завоевать себѣ свободу и священное «нѣтъ» даже передъ долгомъ: для этого, братья мои, нужно стать львомъ.

Завоевать себѣ право для новыхъ цѣнностей—это самое страшное завоеваніе для духа выносливаго и почтительнаго. Поистинѣ, оно кажется ему грабежомъ и дѣломъ хищнаго звѣря.

Какъ свою святыню, любилъ онъ когда-то «ты долженъ»: теперь ему надо видѣть даже въ этой святынѣ произволь и мечту, чтобы завоевать себѣ свободу отъ любви своей: нужно стать львомъ для этой побѣды.

Но скажите, братья мои, что можетъ сдѣлать ребенокъ, чего

не могъ бы даже левъ? Почему хищный левъ долженъ стать еще ребенкомъ?

Дитя есть невинность и забвеніе, новое начинаніе, игра, самокатящееся колесо, начальное движеніе, святое слово утвержденія.

Да, для игры созиданія, братья мои, нужно святое слово утвержденія: с в о е й воли хочеть теперь духъ, с в о й міръ находитъ отрѣшившійся отъ него.

Три превращенія духа назвалъ я вамъ: какъ духъ сталъ верблюдомъ, львомъ верблюдъ, и наконецъ левъ ребенкомъ. —

Такъ говорилъ Заратустра. Въ тотъ разъ остановился онъ въ городъ, названномъ: Пестрая корова.

* * *

О каедахъ добродѣтели.

Заратустрѣ хвалили одного мудреца, который умѣлъ хорошо говорить о снѣ и о добродѣтели: за это его высоко чтили и награждали, и всѣ юноши садились передъ каедрой его. Къ нему пошелъ Заратустра, и вмѣстѣ со всѣми юношами сѣлъ передъ каедрой его. И такъ говорилъ мудрецъ:

Честь и стыдъ передъ сномъ! Это первое! И избѣгайте встрѣчи съ тѣми, кто плохо спитъ и бодрствуетъ ночью!

Стыдливъ и воръ въ присутствіи сна: потихоньку крадется онъ въ ночи. Но нѣтъ стыда у ночного сторожа, не стыдась трубить онъ въ свой рогъ.

Умѣть спать—не пустяшное дѣло: чтобъ хорошо спать, надо бодрствовать въ теченіе цѣлаго дня.

Десять разъ долженъ ты днемъ преодолѣть самого себя: это дастъ хорошую усталость, это макъ души.

Десять разъ долженъ ты мириться съ самимъ собою; ибо преодолѣніе есть обида, и дурно спитъ непомирившійся.

Десять истинъ долженъ найти ты въ теченіе дня: иначе ты будешь и ночью искать истины, и твоя душа останется голодной.

Десять разъ долженъ ты смѣяться въ теченіе дня и быть веселымъ: иначе будетъ тебя ночью беспокоить желудокъ, этотъ отецъ скорби.

Немногіе знаютъ это; но надо обладать всѣми добродѣтелями, чтобъ спать хорошо. Не далъ ли я ложнаго свидѣтельства? Не нарушилъ ли я супружеской вѣрности?

Не позволилъ ли я себѣ пожелать рабыни ближняго моего? Все это мѣшало бы хорошему сну.

И даже при существованіи всѣхъ добродѣтелей надо еще понимать одно: умѣть во время послать спать всѣ добродѣтели.

Чтобъ не ссорились между собой эти милыя женщины! И изъ-за тебя также, несчастный!

Живи въ мирѣ съ богомъ и сосѣдомъ: этого требуетъ хорошій сонъ. И живи также въ мирѣ съ сосѣдскимъ чортомъ! Иначе ночью онъ будетъ посѣщать тебя.

Чти начальство и повинуйся ему, даже хрому начальству! Этого требуетъ хорошій сонъ. Развѣ моя вина, если начальство любить ходить на хромыхъ ногахъ?

Тотъ, по моему, лучшій пастухъ, кто пасетъ свои овцы на тучныхъ лугахъ: этого требуетъ хорошій сонъ.

Я не хочу ни большихъ почестей, ни большихъ сокровищъ: то и другое раздражаетъ селезенку. Однако дурно спится безъ добраго имени и малыхъ сокровищъ.

Маленькое общество для меня предпочтительнѣе, чѣмъ злое: но и оно должно приходить и уходить во время. Этого требуетъ хорошій сонъ.

Мнѣ также очень нравятся нищіе духомъ: они способствуютъ сну. Блаженны они, особенно если всегда воздають имъ должное.

Такъ проходитъ день у добродѣтельнаго. Но когда наступаетъ ночь, я остерегаюсь, конечно, призывать сонъ! Онъ не хочетъ, чтобы его призывали,—его, который есть господинъ всѣхъ добродѣтелей!

Но я размышляю, что я сдѣлалъ и о чемъ я думалъ въ теченіе дня. Пережевывая, спрашиваю я себя, терпѣливо, какъ корова: каковы однако были твои десять преодолѣній?

И каковы были тѣ десять примиреній, десять истинъ и десять случаевъ смѣха, которыми мое сердце радовало себя?

При такомъ обсужденіи и взвѣшиваніи сорока мыслей, нападаетъ на меня сразу сонъ, незванный, господинъ всѣхъ добродѣтелей.

Сонъ ударяетъ мнѣ по глазамъ: и они тяжелѣютъ. Сонъ касается устъ моихъ, и они остаются отверстыми.

Поистинѣ, тихими шагами приходитъ онъ ко мнѣ, лучшій изъ воровъ, и похищаетъ у меня мои мысли: глупымъ стою я тогда, какъ эта каеэдра.

Но недолго стою я въ такомъ положеніи: затѣмъ я уже лежу.

Слушая эти рѣчи мудреца, Заратустра смѣялся въ сердцѣ своемъ: ибо свѣтъ низошелъ на него. И такъ говорилъ онъ въ сердцѣ своемъ:

Безумцемъ кажется мнѣ этотъ мудрецъ со своими сорока мыслями; но я вѣрю, что хорошо ему спится.

Счастливъ уже и тотъ, кто живетъ вблизи этого мудреца! Такой сонъ заразителенъ; даже сквозь толстую стѣну заразителенъ онъ.

Сами чары живутъ въ его каѳедрѣ. И не напрасно сидѣли юноши передъ проповѣдникомъ добродѣтели.

Его мудрость гласить: такъ бодрствовать, чтобы сонъ былъ спокойный. И поистинѣ, еслибъ жизнь не имѣла смысла, и я долженъ былъ бы выбрать безсмыслицу, то эта безсмыслица казалась бы мнѣ наиболѣе достойной избранія.

Теперь я понимаю ясно, чего нѣкогда искали прежде всего, когда искали учителей добродѣтели. Хорошаго сна искали себѣ и увѣнчанной маками добродѣтели!

Для всѣхъ этихъ прославленныхъ мудрецовъ каѳедры мудрость была сномъ безъ сновидѣній: они не знали лучшаго смысла жизни.

И теперь еще встрѣчаются люди, похожіе на этого проповѣдника добродѣтели, не всегда однако такіе же честные: но ихъ время прошло. И не долго стоять имъ, какъ уже будутъ они лежать.

Блаженны сонливые: ибо скоро заснутъ они. —

Такъ говорилъ Заратустра.

* * *

О мечтающихъ о другомъ мірѣ.

Однажды Заратустра направилъ мечту свою по ту сторону человѣка, подобно всѣмъ мечтающимъ о другомъ мірѣ. Актомъ страдающаго и измученнаго бога показался тогда мнѣ міръ.

Сномъ показался тогда мнѣ міръ, и поэтическимъ твореніемъ бога; разноцвѣтнымъ дымомъ предъ очами недовольнаго бога.

Добро и зло, и радость и страданіе, и я и ты—все показалось мнѣ разноцвѣтнымъ дымомъ предъ очами творца. Отвратить взоръ свой отъ себя захотѣлъ творецъ,—и тогда создалъ онъ міръ.

Опьяняющей радостью служить для страдающаго—отвратить изоръ отъ страданія своего и забыться. Опьяняющей радостью и самозабвеніемъ казался мнѣ нѣкогда міръ.

Этотъ міръ, вѣчно несовершенный, отраженіе вѣчнаго противорѣчія и несовершенный образъ—опьяняющая радость для его несовершеннаго творца:—такимъ казался мнѣ нѣкогда міръ.

Итакъ, однажды направилъ я свою мечту по ту сторону человѣка, подобно всѣмъ мечтающимъ о другомъ мірѣ. Правда-ли, по ту сторону человѣка?

Ахъ, братья мои, этотъ богъ, котораго я создалъ, былъ человѣческимъ твореніемъ и человѣческимъ безуміемъ, подобно всѣмъ богамъ!

Человѣкомъ былъ онъ, и при томъ лишь бѣдной частью человѣка и моего я: изъ моего собственнаго праха и пламени пришелъ онъ, этотъ призракъ! И поистинѣ, не пришелъ онъ ко мнѣ изъ другого міра!

Что же случилось, братья мои? Я преодолѣлъ себя, страдающаго, я отнесъ свой собственный прахъ на гору, болѣе свѣтлое пламя обрѣлъ я себѣ. И вотъ! Призракъ у д а л и л с я отъ меня!

Теперь это было бы для меня страданіемъ и мукой для здоровѣвшаго—вѣрять въ подобные призраки: теперь это было бы для меня страданіемъ и униженіемъ. Такъ говорю я къ мечтающимъ о другомъ мірѣ.

Страданіемъ и безсиліемъ созданы всѣ другіе міры, и тѣмъ короткимъ безуміемъ счастья, которое испытываетъ только страдающей больше всѣхъ.

Усталость, желающая однимъ скачкомъ, скачкомъ смерти достигнуть конца, бѣдная усталость невѣдѣнія, не желающая больше хотѣть: ею созданы всѣ боги и другіе міры.

Вѣрьте мнѣ, братья мои! Тѣло, отчаявшееся въ тѣлѣ,—ощупывало пальцами обманутаго духа послѣднія стѣны.

Вѣрьте мнѣ, братья мои! Тѣло, отчаявшееся въ землѣ,—слышало, какъ говорили нѣдра бытія.

И тогда захотѣло оно пробиться головою сквозь послѣднія стѣны, и не только головою,—и перейти въ «другой міръ».

Но «другой міръ» вполне сокрытъ отъ человѣка, этотъ обезчеловѣченный нечеловѣческій міръ, составляющій небесное ничто; и нѣдра бытія не говорятъ къ человѣку иначе, какъ въ лицѣ человѣка.

Поистинѣ, трудно доказать всякое бытіе и трудно заставить

его говорить. Скажите мнѣ, братья мои, развѣ самая дивная вещи не доказаны еще самымъ лучшимъ образомъ?

Да, это я, и противорѣчіе и сложность я говорятъ самымъ вѣрнымъ образомъ о моемъ бытіи, это созидающее, хотящее и оцѣнивающее я, которое есть мѣра и цѣнность вещей.

И это самое вѣрное бытіе, я—говорить о тѣлѣ и стремится къ тѣлу, даже когда оно творить и предается мечтамъ и бьется разбитыми крыльями.

Все вѣрнѣе научается оно говорить, это я: и чѣмъ больше оно научается, тѣмъ больше находитъ оно словъ, чтобъ хвалить тѣло и землю.

Новой гордости научило меня мое я, которой учу я людей: не прятать больше головы въ песокъ небесныхъ вещей, а гордо держать ее, земную голову, которая создаетъ смыслъ земли!

Новой волѣ учу я людей: идти той дорогой, которой слѣпо шель человѣкъ, и хвалить ее и не уклоняться отъ нея больше въ сторону, подобно больнымъ и умирающимъ!

Больными и умирающими были тѣ, кто презирали тѣло и землю и изобрѣли небо и искупительныя капли крови: но даже и эти сладкіе и мрачныя яды брали они у тѣла и земли!

Своей нищеты хотѣли они избѣжать, а звѣзды были для нихъ слишкомъ далеки. Тогда вздыхали они: «О, еслибъ существовали небесныя пути, чтобы прокрасться въ другое бытіе и счастье!»— тогда изобрѣли они свою выдумку и кровавое питіе!

Эти неблагодарные—они мечтали, что отреклись отъ своего тѣла и отъ этой земли. Но кому же обязаны они судорогами и блаженствомъ своего отреченія? Своему тѣлу и этой землѣ.

Снисходителень Заратустра къ больнымъ. Поистинѣ, онъ не сердится на ихъ способы утѣшенія и на ихъ неблагодарность. Пусть будутъ они выздоравливающими и преодолювающими, и пусть создадутъ себѣ высшее тѣло!

Не сердится Заратустра и на выздоравливающего, когда онъ съ нѣжностью взираетъ на свою мечту и въ полночь крадется къ могилѣ своего бога: но болѣзнь и больнымъ тѣломъ остаются для меня его слезы.

Много больного народу встрѣчалось всегда среди тѣхъ, кто предается мечтамъ и томится по богѣ: яростно ненавидятъ они познающаго и ту самую младшую изъ добродѣтелей, которая зовется: правдивость.

Они смотрятъ всегда назадъ въ темныя времена: тогда, по-

истинѣ, мечта и вѣра были другими вещами; неистовство разума было богоподобіемъ, и сомнѣніе грѣхомъ.

Слишкомъ хорошо знаю я этихъ богоподобныхъ: они хотятъ, чтобъ въ нихъ вѣрили, и чтобъ сомнѣніе было грѣхомъ. Слишкомъ хорошо знаю я также, во что сами они вѣрятъ больше всего.

Поистинѣ, не въ другіе міры и искупительныя капли крови: но въ тѣло больше всего вѣрятъ они, и на свое собственное тѣло смотрятъ они, какъ на вещь въ себѣ.

Но болѣзненной вещью является оно для нихъ: и они охотно ушли бы изъ кожи. Поэтому они прислушиваются къ проповѣдникамъ смерти и сами проповѣдуютъ другіе міры.

Лучше слушайтесь, братья мои, голоса здороваго тѣла: это—болѣе правдивый и чистый голосъ.

Болѣе правдиво и чаще говоритъ здоровое тѣло, совершенное и съ прямыми углами: и оно говоритъ о смыслѣ земли. —

Такъ говорилъ Заратустра.

* * *

О презирающихъ тѣло.

Къ презирающимъ тѣло хочу я сказать мое слово. Не переучиваться и переучивать должны они, но только проститься со своимъ собственнымъ тѣломъ—и такимъ образомъ стать нѣмыми.

«Я тѣло и душа»—такъ говоритъ ребенокъ. И почему не говорить, какъ дѣти?

Но пробудившійся, знающій говоритъ: я—тѣло, только тѣло, и ничто больше; а душа есть только слово для обозначенія чего-то въ тѣлѣ.

Тѣло—это большой разумъ, множество съ однимъ сознаніемъ, война и миръ, стадо и пастырь.

Орудіемъ твоего тѣла является также твой маленькій разумъ, братъ мой; ты называешь «духомъ» это маленькое орудіе, эту игрушку твоего большого разума.

«Я» говоришь ты и гордишься этимъ словомъ. Но больше его—во что не хочешь ты вѣрить—тѣло твое съ его большимъ разумомъ: оно не говоритъ «я», но дѣлаетъ его.

Что чувствуетъ чувство и что познаетъ умъ—никогда не

имѣть въ себѣ своей цѣли. Но чувство и умъ хотѣли бы убѣдить тебя, что они цѣль всѣхъ вещей: такъ тщеславны они

Орудіемъ и игрушкой являются чувство и умъ: за ними лежить еще Само. Само ищетъ также глазами чувствъ, оно прислушивается также ушами духа.

Само всегда прислушивается и ищетъ: оно сравниваетъ, подчиняетъ, завоевываетъ, разрушаетъ. Оно господствуетъ и является даже господиномъ надъ «я».

За твоими мыслями и чувствами, братъ мой, стоитъ болѣе могущественный повелитель, невѣдомый мудрецъ,—онъ называется Само. Въ твоемъ тѣлѣ онъ живетъ; онъ и есть твое тѣло.

Больше разума въ твоемъ тѣлѣ, чѣмъ въ твоей высшей мудрости. И кто знаетъ, къ чему нужна твоему тѣлу твоя высшая мудрость?

Твое Само смѣется надъ твоимъ «я» и его гордыми скачками. «Что мнѣ эти скачки и полеты мысли? говоритъ оно себѣ. Окольный путь къ моей цѣли. Я служу помочами для «я» и внушителемъ его понятій».

Само говоритъ къ я: «здѣсь ощущай боль!» И вотъ оно страдаетъ и думаетъ о томъ, какъ бы больше не страдать—и для этого именно должно оно думать.

Само говоритъ къ я: «здѣсь чувствуй радость!» И вотъ оно радуется и думаетъ о томъ, какъ бы почаще радоваться—и для этого именно должно оно думать.

Къ презирающимъ тѣло хочу я сказать слово. То, что презираютъ они, составляетъ предметъ ихъ любви. Что же создало любовь и презрѣніе, и цѣнность и волю?

Созидающее Само создало себѣ любовь и презрѣніе, оно создало себѣ радость и горе. Созидающее тѣло создало себѣ духъ, какъ орудіе своей воли.

Даже въ своемъ безуміи и презрѣніи, вы, презирающіе тѣло, вы служите своему Само. Я говорю вамъ: ваше Само хочетъ умереть и отворачивается отъ жизни.

Оно уже не въ силахъ дѣлать то, чего оно хочетъ больше всего:—созидать дальше себя. Этого хочетъ оно больше всего, въ этомъ все страстное желаніе его.

Но теперь это стало для него слишкомъ поздно:—и вотъ ваше Само хочетъ погибнуть, вы презирающіе тѣло.

Ваше Само хочетъ погибнуть, и потому вы стали презираю-

щими тѣло! Ибо вы уже больше не въ силахъ созидать дальше себя.

И потому вы негодуете на жизнь и землю. Безсознательная зависть свѣтится въ косомъ взглядѣ вашего презрѣнія.

Я не слѣдую вашимъ путемъ, вы, презирающіе тѣло! Для меня вы не мостъ, ведущій къ сверхъ-человѣку! —

Такъ говорилъ Заратустра.

* * *

О радостяхъ и страстяхъ.

Братъ мой, если есть у тебя добродѣтель, и она твоя добродѣтель, то ты не владѣешь ею сообща съ другими.

Конечно, ты хочешь называть ее по имени и ласкать ее: ты хочешь подергать ее за ушко и позабавиться съ нею.

И смотри! Теперь ты обладаешь ею именемъ сообща съ народомъ, и самъ ты съ твоей добродѣтелью сталъ народомъ и стадомъ!

Лучше было бы тебѣ сказать: «нѣтъ словъ, нѣтъ названія тому, что составляетъ муку и сладость моей души, а также мой внутренній голодъ».

Пусть твоя добродѣтель будетъ слишкомъ высока, чтобы довѣрить ее имени: и если ты долженъ говорить о ней, то не стыдись говорить о ней шопотомъ.

Говори шопотомъ: «Это мое добро, какимъ я люблю его, какимъ оно всецѣло мнѣ нравится, и лишь такимъ я хочу его.

Не потому я хочу его, чтобы было оно божественнымъ закономъ, и не потому я хочу его, чтобы было оно человѣческимъ установленіемъ и человѣческой необходимостью: оно не служить мнѣ указателемъ на небо или въ рай.

Только земную добродѣтель люблю я: въ ней мало мудрости, и всего меньше разума всѣхъ людей.

Но эта птица свила у меня гнѣздо себѣ: поэтому я люблю и прижимаю ее къ сердцу:—теперь на золотыхъ яйцахъ она сидитъ у меня».

Такъ долженъ ты говорить шопотомъ и хвалить свою добродѣтель.

Нѣкогда были у тебя страсти, и ты называлъ ихъ злыми. А

теперь у тебя только твои добродѣтели: онѣ выросли изъ твоихъ страстей.

Ты положилъ свою высшую цѣль въ эти страсти: и вотъ онѣ стали твоей добродѣтелью и твоей радостью.

И еслибъ ты былъ изъ рода вспылчивыхъ, или изъ рода сластолюбцевъ, или изувѣровъ, или людей мстительныхъ:

Все таки въ концѣ концовъ всѣ твои страсти обратились бы въ добродѣтели и всѣ твои демоны въ ангеловъ.

Нѣкогда были дикіе псы въ твоихъ нѣдрахъ: но въ концѣ концовъ обратились они въ птицъ и прелестныхъ пѣвуній.

Изъ своихъ ядовъ приготовилъ ты себѣ бальзамъ свой; ты доилъ корову—скорбь свою,—теперь ты пьешь сладкое молоко ея вымени.

И впредь ничего злого не вырастаетъ изъ тебя, кромѣ зла, которое вырастаетъ изъ борьбы твоихъ добродѣтелей.

Братъ мой, если ты счастливъ, то у тебя одна добродѣтель и не болѣе:—тогда легче проходишь ты по мосту.

Почтенно имѣть много добродѣтелей, но это тяжелый рокъ: многіе шли въ пустыню и убивали себя, ибо они уставали быть битвой и полемъ сраженія добродѣтелей.

Братъ мой, зло ли война и битвы? Однако, это зло необходимо, необходимы и зависть, и недовѣріе, и клевета между твоими добродѣтелями.

Посмотри, какъ каждая изъ твоихъ добродѣтелей жаждетъ высшаго: она хочетъ всего твоего духа, чтобъ былъ онъ ея вѣстникомъ, она хочетъ всей твоей силы въ гнѣвѣ, ненависти и любви.

Ревнива каждая добродѣтель въ отношеніи другой, а ревность ужасная вещь. Даже добродѣтель можетъ погибнуть изъ-за ревности.

Кого окружаетъ пламя ревности, тотъ обращаетъ, наконецъ, подобно скорпіону, отравленное жало на самого себя.

Ахъ, братъ мой, развѣ ты никогда еще не видѣлъ, какъ добродѣтель клеветаетъ на себя и закалываетъ самое себя?

Человѣкъ есть нѣчто, что должно превзойти: и потому ты долженъ любить свои добродѣтели:—ибо отъ нихъ ты погибнешь.

Такъ говорилъ Заратустра.

О блѣдномъ преступникѣ.

Вы не хотите убивать, вы судьи и жертвоприносители, пока животное не наклонить головы? Взгляните, блѣдный преступникъ склонилъ голову, изъ его глазъ говорить великое презрѣніе.

«Мое я есть нѣчто, что должно превзойти: мое я служить для меня великимъ презрѣніемъ къ человѣку»: такъ говорятъ глаза его.

То, что онъ самъ осудилъ себя, было его высшимъ мгновеніемъ: не допускайте, чтобы тотъ, кто возвысился, опять опустился въ свою пропасть!

Нѣтъ спасенія для того, кто такъ страдаетъ отъ себя самого,—кромѣ быстрой смерти.

Ваше убійство, судьи, должно быть жалостью, а не мщеніемъ. И убивая, блюдите, чтобы сами вы оправдывали жизнь!

Недостаточно примириться съ тѣмъ, кого вы убиваете. Ваша печаль да будетъ любовью къ сверхъ-человѣку: такъ оправдываете вы продленіе своей жизни!

«Врагъ» должны вы говорить, а не «злодѣй»; «больной» должны вы говорить, а не «негодяй»; «сумасшедшій» должны вы говорить, а не «грѣшникъ».

И ты, красивый судья, еслибъ ты громко сказалъ все, что ты совершилъ уже въ мысляхъ, каждый закричалъ бы: «Прочь эту грязь и этого ядовитого червя!»

Но одно—мысль, другое—дѣло, третье—образъ дѣла. Между ними не вращается колесо причинности.

Образъ сдѣлалъ этого блѣднаго человѣка блѣднымъ. На высотѣ своего дѣла былъ онъ, когда онъ совершалъ его: но онъ не вынесъ его образа, когда оно совершилось.

Всегда смотрѣлъ онъ на себя, какъ на совершившаго одно только дѣло. Безуміемъ называю я это: исключеніе превратилось въ существо его.

Черта околдовываетъ курицу; ударъ, который онъ нанесъ, околдовываетъ его блѣдный разумъ—безуміемъ послѣ дѣла называю я это.

Слушайте, вы судьи! Другое безуміе существуетъ еще: это безуміе передъ дѣломъ. Ахъ, вы проникли недостаточно глубоко въ эту душу!

Такъ говорить красный судія: «но ради чего убилъ этотъ преступникъ? Онъ хотѣлъ ограбить».

Но я говорю вамъ: душа его хотѣла крови, а не грабежа: онъ жаждалъ счастья ножа!

Но его бѣдный разумъ не понялъ этого безумія и убѣдилъ его. «Что за важность—кровь! говорилъ онъ; не хочешь ли ты, по крайней мѣрѣ, совершить при этомъ грабежъ? Отмстить?»

И онъ послушался своего бѣднаго разума: какъ свинецъ легла на него его рѣчь,—и вотъ, убивая, онъ ограбилъ. Онъ не хотѣлъ стыдиться своего безумія.

И теперь опять свинецъ его вины лежитъ на немъ, и опять его бѣдный разумъ сталъ такимъ тупымъ, такимъ разслабленнымъ, такимъ тяжелымъ.

Еслибъ только онъ могъ тряхнуть головою, его бремя скатилось бы внизъ: но кто тряхнетъ эту голову?

Что такое этотъ человѣкъ? Куча болѣзней, чрезъ духъ проникающихъ въ міръ: тамъ ищутъ онъ своей добычи.

Что такое этотъ человѣкъ? Клубокъ дикихъ змѣй, которыя рѣдко вмѣстѣ бываютъ спокойны,—и вотъ онѣ расплозаются и ищутъ добычи въ мірѣ.

Взгляните на это бѣдное тѣло! Что оно выстрадало и чего страстно желало, это пыталась объяснить себѣ эта бѣдная душа,—она объясняла это, какъ радость убійства и зависть къ счастью ножа.

Кто теперь становится больнымъ, на того нападаетъ зло, которое теперь считается зломъ: страданіе хочетъ онъ причинять тѣмъ самымъ, что ему причиняетъ страданіе. Но были другія времена, и другое зло и добро.

Нѣкогда были зломъ сомнѣніе и воля къ самому себѣ. Тогда становился больной еретикомъ и колдуномъ: какъ еретикъ и колдунъ страдалъ онъ и хотѣлъ заставить страдать другихъ.

Но это не вмѣщается въ ваши уши: это вредитъ вашимъ добрымъ, говорите вы мнѣ. Но что мнѣ за дѣло до вашихъ добрыхъ!

Многое въ вашихъ добрыхъ вызываетъ во мнѣ отвращеніе, и, поистинѣ, не ихъ зло. Я хотѣлъ бы, чтобъ безуміе охватило ихъ, стъ котораго они бы погибли, какъ этотъ блѣдный преступникъ!

Поистинѣ, я хотѣлъ бы, чтобъ ихъ безуміе называлось истинной, или вѣрностью, или справедливостью: но у нихъ есть своя добродѣтель, чтобъ долго жить въ жалкомъ довольствѣ собою.

Я—перила моста на стремительномъ потокѣ: держись за меня, кто можетъ за меня держаться. Но вашимъ костылемъ не служу я.

Такъ говорилъ Заратустра.

* * *

О чтеніи и письмѣ.

Изъ всего написаннаго люблю я только то, что пишется своей кровью. Пиши кровью: и ты узнаешь, что кровь есть духъ.

Не легко понять чужую кровь: я ненавижу читающихъ изъ праздности.

Кто знаетъ читателя, тотъ ничего не дѣлаетъ для читателя. Еще одно столѣтіе читателей—и духъ самъ будетъ дурно пахнуть.

То, что каждый имѣетъ право учиться читать, портитъ надолго не только писаніе, но и мысль.

Нѣкогда духъ былъ богомъ, потомъ сталъ человѣкомъ, а нынѣ становится онъ даже толпою.

Кто пишетъ кровью и притчами, тотъ хочетъ, чтобъ его не читали, а заучивали наизусть.

Въ горахъ кратчайшій путь—съ вершины на вершину: но для этого надо имѣть длинныя ноги. Притчи должны быть вершинами: и тѣ, къ кому говорятъ онѣ,—большими и сильными.

Воздухъ разрѣженный и чистый, опасность близкая и духъ полный радостной злобы: все это хорошо идетъ одно къ другому.

Я хочу, чтобъ кругомъ меня были горныя духи, ибо мужественъ я. Мужество гонить призраки, само создаетъ себѣ горныхъ духовъ,—мужество хочетъ смѣяться.

Я не чувствую болѣе общенія съ вами: эта туча, что я вижу подъ собой, эта чернота и тяжесть, надъ которыми я смѣюсь,—такова ваша грозовая туча.

Вы смотрите вверхъ, когда вы стремитесь подняться. А я смотрю внизъ, ибо я поднялся.

Кто изъ васъ можетъ одновременно смѣяться и быть высоко?

Кто поднимается на высочайшія горы, тотъ смѣется надъ всякой трагедіей сцены и жизни.

Беззаботными, насмѣшливыми, сильными, — такими хочетъ видѣть на сѣ мудрость: она—женщина и любить всегда только воина.

Вы говорите мнѣ: «жизнь тяжело нести». Но къ чему была бы вамъ ваша гордость поутру и ваша покорность вечеромъ?

Жизнь тяжело нести: но не притворяйтесь же такими нѣжными! Мы всѣ прекрасные подъяремные ослы и ослицы.

Что у насъ общаго съ розовой почкой, которая дрожить, ибо капля росы лежитъ у нея на тѣлѣ?

Правда: мы любимъ жизнь, но не потому что къ жизни, а потому что къ любви мы привыкли.

Въ любви всегда есть немного безумія. Но и въ безуміи всегда есть немного разума.

И даже мнѣ, расположенному къ жизни, кажется, что мотыльки и мыльные пузыри и тѣ, кто похожъ на нихъ среди людей, больше всѣхъ знаютъ о счастьи.

Смотрѣть, какъ порхаютъ эти легкія, неразумныя, красивыя, подвижныя маленькія души—это доводитъ Заратустру до слезъ и пѣсенъ.

Я бы повѣрилъ только въ такого бога, который умѣлъ бы танцовать.

И когда я видѣлъ своего демона, я находилъ его серьезнымъ, тяжелымъ, глубокимъ и торжественнымъ: это былъ духъ тяжести,—благодаря ему всѣ вещи падаютъ на землю.

Убиваютъ не гнѣвомъ, а смѣхомъ. Вставайте, помогите намъ убить духъ тяжести!

Я научился ходить: съ тѣхъ поръ я позволяю себѣ бѣгать. Я научился летать: съ тѣхъ поръ я не жду толчка, чтобъ двинуться съ мѣста.

Теперь я легокъ, теперь я летаю, теперь я вижу себя подъ собой, теперь богъ танцуетъ во мнѣ.

Такъ говорилъ Заратустра.

* * *

О деревѣ на горѣ.

Заратустра замѣтилъ, что одинъ юноша избѣгаетъ его. И вотъ однажды вечеромъ, когда шелъ онъ одинъ по горамъ, окружавшимъ городъ, названный «Пестрая корова», онъ встрѣтилъ этого юношу сидѣвшимъ на землѣ, у дерева, и смотрѣвшимъ усталымъ

взоромъ въ долину. Заратустра дотронулся до дерева, у котораго сидѣлъ юноша, и говорилъ такъ:

«Еслибъ я захотѣлъ потрясти это дерево своими руками, я бы не могъ этого сдѣлать.

Но вѣтеръ, невидимый нами, терзаетъ и гнетъ его, куда онъ хочетъ. Невидимыя руки еще больше гнуть и терзаютъ насъ».

Тогда юноша всталъ въ смущеніи и сказалъ: «Я слышу Заратустру, я только что думалъ о немъ». Заратустра отвѣчалъ:

«Чего же ты пугаешься?—Съ человѣкомъ происходитъ то же, что и съ деревомъ.

Чѣмъ больше стремится онъ вверхъ, къ свѣту, тѣмъ глубже простираются корни его въ землю, внизъ, въ мракъ и глубину,—къ злу».

«Да, къ злу! воскликнулъ юноша. Какъ же возможно, что ты открылъ мою душу?»

Заратустра засмѣялся и сказалъ: «Есть души, которыхъ никогда не откроютъ, развѣ что сперва выдумаютъ ихъ».

«Да, къ злу! воскликнулъ юноша еще разъ.

Ты сказалъ истину, Заратустра. Я не вѣрю больше въ себя самого, съ тѣхъ поръ, какъ стремлюсь я вверхъ, и никто уже не вѣритъ въ меня,—но какъ же случилось это?

Я мнѣяюсь слишкомъ быстро: мое сегодня опровергаетъ мое вчера. Я часто перепрыгиваю ступени, когда поднимаюсь,—этого не прощаетъ мнѣ ни одна ступень.

Когда я наверху, я нахожу себя всегда одинокимъ. Никто не говорить со мною, холодъ одиночества заставляетъ меня дрожать. Чего же хочу я на высотѣ?

Мое презрѣніе и мое желаніе растутъ одновременно; чѣмъ выше поднимаюсь я, тѣмъ больше презираю я того, кто поднимается. Чего же хочетъ онъ на высотѣ?

Какъ стыжусь я своего восхожденія и спотыканія! Какъ смѣюсь я надъ своимъ усиленнымъ дыханіемъ! Какъ ненавижу я летающаго! Какъ усталъ я на высотѣ!»

Тутъ юноша умолкъ. А Заратустра посмотрѣлъ на дерево, у котораго они стояли, и говорилъ такъ:

«Это дерево стоитъ одиноко здѣсь на горѣ, оно выросло высоко надъ человѣкомъ и животнымъ.

И еслибъ оно захотѣло говорить, не нашлось бы никого, кто бы могъ понять его: такъ высоко выросло оно.

Теперь ждетъ оно и ждетъ,—чего же ждетъ оно? Оно нахо-

дится слишкомъ близко къ облакамъ: оно ждетъ, вѣроятно, первой молніи?»

Когда Заратустра сказалъ это, юноша воскликнулъ въ сильномъ волненіи: «Да, Заратустра, ты говоришь истину. Своей гибели желалъ я, стремясь въ высоту, и ты та молнія, которой я ждалъ! Взгляни, что я такое, съ тѣхъ поръ, какъ ты явился къ намъ? Зависть къ тебѣ убила меня!»—Такъ говорилъ юноша и горько плакалъ. А Заратустра обнялъ его и увелъ съ собою.

И когда они вмѣстѣ прошли немного, Заратустра началъ такъ говорить:

Разрывается сердце мое. Больше чѣмъ твои слова, твой взоръ говорить мнѣ объ опасности, которой ты подвергаешься.

Ты еще не свободенъ, ты ищешь еще свободы. Бодрствующимъ сдѣлало тебя твое исканіе и лишило тебя сна.

Въ свободную высь стремишься ты, звѣздъ жаждетъ твоя душа. Но твои дурные инстинкты также жаждутъ свободы.

Твои дикіе псы хотятъ на свободу; они лаютъ отъ радости въ своемъ подземельи, пока твой духъ стремится отворить всѣ темницы.

По моему, ты еще заключенный въ тюрьмѣ, мечтающій о свободѣ: ахъ, мудрой становится душа у такихъ заключенныхъ, но также лукавой и дурной.

Очиститься долженъ еще освободившійся духъ. Въ немъ еще много отъ тюрьмы и отъ грязи: чистымъ долженъ еще стать его взоръ.

Да, я знаю твою опасность. Но моей любовью и надеждой заклиная я тебя: не бросай своей любви и надежды!

Ты еще чувствуешь себя благороднымъ, и благороднымъ чувствуютъ тебя также и другіе, кто не любитъ тебя и посылаетъ вослѣдъ тебѣ злые взгляды. Знай, что у всѣхъ поперекъ дороги стоитъ благородный.

Даже для добрыхъ стоитъ благородный поперекъ дороги: и даже когда они называютъ его добрымъ, этимъ хотятъ они устрани-
нить его съ дороги.

Новое хочетъ создать благородный, новую добродѣтель. Старого хочетъ добрый, и чтобъ старое сохранилось.

Но не въ томъ опасность для благороднаго, что онъ станетъ добрымъ, а въ томъ, что онъ станетъ наглымъ, будетъ насмѣшникомъ и разрушителемъ.

Нитче.—Такъ говорилъ Заратустра.

Ахъ, я зналъ благородныхъ, потерявшихъ свою высшую надежду. И теперь клеветали они на всѣ высшія надежды.

Теперь жили они наглые среди краткихъ удовольствій, и едва на день хватало цѣли у нихъ.

«Духъ—тоже сладострастіе»—такъ говорили они. Тогда разбили крылья у духа ихъ: теперь ползаетъ онъ всюду и грязнить все, что гложетъ.

Нѣкогда мечтали они стать героями: теперь они сластолюбцы. Печаль и ужасъ для нихъ герой.

Но моей любовью и надеждой заклинаю я тебя: храни героя въ своей душѣ! Храни свято свою высшую надежду!—

Такъ говорилъ Заратустра.

* * *

О проповѣдникахъ смерти.

Есть проповѣдники смерти: и земля полна тѣми, кому нужно проповѣдывать отвращеніе къ жизни.

Земля полна лишними, жизнь испорчена чрезмѣрнымъ многострадальствомъ людей. О, еслибъ можно было «вѣчной жизнью» сманить ихъ изъ этой жизни!

«Желтые» или «черные»: такъ называютъ проповѣдниковъ смерти. Но я хочу показать ихъ вамъ еще и въ другихъ краскахъ.

Вотъ они ужасные, что носятъ въ себѣ хищнаго звѣря и не имѣютъ другого выбора, кромѣ какъ вождельніе, или самоумерщвление. Но и вождельніе ихъ—тоже самоумерщвление.

Они еще не стали людьми, эти ужасные: пусть же проповѣдуютъ они отвращеніе къ жизни и сами уходятъ!

Вотъ—чахоточные душою: едва родились они, какъ уже начинаютъ умирать и жаждутъ ученій усталости и отреченія.

Они охотно желали бы быть мертвыми, и мы должны одобрить ихъ волю! Будемъ же остерегаться, чтобы не воскресить этихъ мертвыхъ и не повредить эти живые гробы!

Повстрѣчается ли имъ больной, или старикъ, или трупъ; и тотчасъ говорятъ они: «жизнь опровергнута!»

Но только они опровергнуты и ихъ глаза, видящіе только одно лицо въ существованіи.

Погруженные въ глубокое уныніе и внимательные только къ маленькимъ случайностямъ, приносящимъ смерть: такъ ждутъ они, стиснувъ зубы.

Или же: они хватаются за сласти и смѣются при этомъ своему ребячеству: они висятъ на жизни, какъ на соломинкѣ, и смѣются, что они еще висятъ на соломинкѣ.

Ихъ мудрость гласитъ: «Глупецъ тотъ, кто остается жить, и мы настолько же глупы. Это и есть самое глупое въ жизни!»—

«Жизнь есть только страданіе»—такъ говорятъ другіе и не лгутъ: такъ постарайтесь же, чтобъ перестать в амъ существовать! Такъ постарайтесь же, чтобъ кончилась жизнь, которая есть только страданіе!

И да гласитъ правило вашей добродѣтели: «ты долженъ убить самого себя! Ты долженъ самъ себя украсть у себя!»—

«Сладострастіе есть грѣхъ,—такъ говорятъ проповѣдующіе смерть—дайте намъ идти стороною и не рождать дѣтей!»

«Трудно родить,—говорятъ другіе—къ чему еще рождать? Родятся лишь несчастные!» И они также проповѣдники смерти.

«Намъ нужна жалость—такъ говорятъ третьи. Возьмите, что есть у меня! Возьмите меня самого! Тѣмъ меньше я буду связанъ съ жизнью!»

Еслибъ они были совсѣмъ сострадательные, они отбили бы у своихъ ближнихъ охоту къ жизни. Быть злымъ—было бы ихъ истинной добротою.

Но они хотятъ освободиться отъ жизни: что имъ за дѣло, что они еще крѣпче связываютъ другихъ своими цѣпями и даяніями!

И даже вы, для которыхъ жизнь есть суровый трудъ и безпокойство: развѣ вы не очень утомлены жизнью? Развѣ вы еще не созрѣли для проповѣди смерти?

Всѣ вы, для которыхъ дорогъ суровый трудъ и все быстрое, новое, неизвѣстное,—вы чувствуете себя дурно; ваша дѣятельность есть бѣгство и желаніе забыть самихъ себя.

Еслибъ вы больше вѣрили въ жизнь, вы бы меньше отдавались мгновенію. Но чтобы ждать, въ васъ нѣтъ достаточно содержанія,—и даже чтобы лѣниться!

Всюду раздается голосъ тѣхъ, кто проповѣдуютъ смерть: и земля полна тѣми, кому нужно проповѣдывать смерть.

Или «вѣчную жизнь»: мнѣ все равно,—если только они не замедлятъ отправиться туда!

Такъ говорилъ Заратустра.

* * *

О войнѣ и воинахъ.

Мы не хотимъ пощады отъ нашихъ лучшихъ враговъ, а также отъ тѣхъ, кого мы любимъ до глубины души. Позвольте же мнѣ сказать вамъ правду!

Мои собратья по войнѣ! Я люблю васъ до глубины души; теперь и прежде я былъ вашимъ равнымъ. И я также вашъ лучший врагъ. Позвольте же мнѣ сказать вамъ правду!

Я знаю о ненависти и зависти вашего сердца. Вы недостаточно велики, чтобы не знать ненависти и зависти. Такъ будьте же настолько велики, чтобы не стыдиться себя самихъ!

И если вы не можете быть подвижниками познанія, то будьте, по крайней мѣрѣ, его воинами. Они спутники и предвѣстники этого подвижничества.

Я вижу множество солдатъ: какъ хотѣлъ бы я видѣть много воиновъ! Однообразно, въ мундиръ, одѣты они: да не будетъ такъ однообразно то, что скрываютъ они подъ мундиромъ!

Будьте такими, чей взоръ всегда ищетъ врага — своего врага. И у нѣкоторыхъ изъ васъ сквозитъ ненависть съ перваго взгляда.

Своего врага ищите вы, свою войну ведите вы, войну за свои мысли! И если ваша мысль не устоитъ, все таки ваша честность должна и надъ этимъ праздновать побѣду!

Любите миръ, какъ средство къ новымъ войнамъ. И притомъ короткій миръ—больше, чѣмъ долгій.

Я призываю васъ не къ работѣ, а къ борьбѣ. Я призываю васъ не къ миру, а къ побѣдѣ. Да будетъ трудъ вашъ борьбой и миръ вашъ побѣдою!

Можно молчать и сидѣть смирно, только когда есть стрѣлы и лукъ: иначе болтаютъ и ссорятся. Да будетъ вашъ миръ побѣдою!

Вы говорите, что благая цѣль освящаетъ даже войну? Я же говорю вамъ, что благо войны освящаетъ всякую цѣль.

Война и мужество совершили больше великихъ дѣлъ, чѣмъ любовь къ ближнему. Не ваша жалость, а ваша храбрость спасала доселѣ несчастныхъ.

Что хорошо? спрашиваете вы. Хорошо быть храбрымъ. Предоставьте маленькимъ дѣвочкамъ говорить: «быть добрымъ, вотъ что мило и въ то же время трогательно».

Васъ называютъ безсердечными: но ваше сердце неподдѣльно, и я люблю стыдливость вашей сердечности. Вы стыдитесь прилива вашихъ чувствъ, а другіе стыдятся ихъ отлива.

Вы безобразны? Ну, что-жъ, братья мои! Окутайте себя возвышеннымъ, этой мантией безобразнаго!

И когда ваша душа становится большой, она становится высокомѣрной; и въ вашей возвышенности есть злоба. Я знаю васъ.

Въ злобѣ встрѣчается высокомѣрный со слабымъ. Но они не понимаютъ другъ друга. Я знаю васъ.

Враги у васъ должны быть только такіе, которыхъ бы вы ненавидѣли, а не такіе, чтобъ ихъ презирать. Надо, чтобъ вы гордились своимъ врагомъ: тогда успѣхи вашего врага будутъ и вашими успѣхами.

Возстаніе—это доблесть раба. Вашей доблестью да будетъ повиновеніе! Само приказаніе ваше да будетъ повиновеніемъ!

Для хорошаго воина «ты долженъ» звучитъ пріятнѣе, чѣмъ «я хочу». И все, что вы любите, вы должны сперва приказать себѣ.

Ваша любовь къ жизни да будетъ любовью къ вашей высшей надеждѣ: а этой высшей надеждой пусть будетъ высшая мысль о жизни!

Но ваша высшая мысль должна быть вамъ приказана мною—и она гласитъ: человѣкъ есть нѣчто, что должно превзойти.

Итакъ живите вы своей жизнью повиновенія и войны! Что пользы въ долгой жизни! Какой воинъ хочетъ, чтобы шадли его!

Я не шажу васъ, я люблю васъ всѣмъ сердцемъ, мои собратья по войнѣ!—

Такъ говорилъ Заратустра.

О новомъ кумирѣ.

Кое-гдѣ существуютъ еще народы и стада, но не у насъ, мои братья: у насъ есть государства.

Государство? Что это такое? Теперь слушайте меня, ибо теперь я скажу вамъ свое слово о смерти народовъ.

Государствомъ называется самое холодное изъ всѣхъ холодныхъ чудовищъ. Холодно лжетъ оно; и эта ложь ползетъ изъ устъ его: «Я, государство, составляю народъ».

Это—ложь! Созидателями были тѣ, кто создали народы и дали имъ вѣру и любовь: такъ служили они жизни.

Разрушители—это тѣ, кто ставятъ ловушки для многихъ и называютъ ихъ государствомъ: они навѣсили имъ мечъ и навязали имъ сотни желаній.

Гдѣ еще существуетъ народъ, не понимаетъ онъ государства и ненавидитъ его, какъ дурной глазъ и нарушеніе обычаевъ и правъ.

Это знаменіе даю я вамъ: каждый народъ говоритъ на своемъ языкѣ о добрѣ и злѣ: этого языка не понимаетъ сосѣдъ. Свой языкъ обрѣлъ онъ себѣ въ обычаяхъ и правахъ.

Но государство лжетъ на всѣхъ языкахъ о добрѣ и злѣ: и что оно говоритъ, оно лжетъ—и что есть у него, оно украло.

Все въ немъ обманъ: крадеными зубами кусаетъ оно, зубастое. Обманъ даже внутренности его.

Смѣшеніе языковъ въ добрѣ и злѣ: это знаменіе даю я вамъ, какъ знаменіе государства. Поистинѣ, волю къ смерти означаетъ это знаменіе! Поистинѣ, оно подмигиваетъ проповѣдникамъ смерти!

Рождается слишкомъ много людей: для лишнихъ изобрѣтено государство!

Смотрите, какъ оно ихъ привлекаетъ къ себѣ, это многое множество! Какъ оно ихъ душитъ, жуетъ и пережевываетъ!

«На землѣ нѣтъ ничего больше меня: я упорядочивающій перстъ божій»—такъ рычитъ чудовище. И не только длинноухіе и близорукіе опускаются на колѣни!

Ахъ, даже вамъ, великія души, нашептываетъ оно свою мрачную ложь! Ахъ, оно угадываетъ богатые сердца, охотно себя расточающія!

Ахъ, даже васъ угадываетъ оно, вы побѣдители стараго бога!

Вы устали въ борьбѣ, и теперь ваша усталость служить новому кумиру!

Героевъ и честныхъ людей хотѣлъ бы онъ уставить вокругъ себя, новый кумиръ! Оно любить грѣться въ солнечномъ сіяніи чистой совѣсти,—холодное чудовище!

Все готовъ дать вамъ, если вы поклонитесь ему, новый кумиръ: такъ покупаетъ онъ себѣ блескъ вашей добродѣтели и взоръ вашихъ гордыхъ очей.

Приманить хотѣтъ онъ васъ, вы многое множество! И вотъ избобрѣтена была адская штука, конь смерти, бряцающій сбруей божескихъ почестей!

Да, избобрѣтена была смерть для многихъ, но она прославляетъ самоё себя, какъ жизнь: поистинѣ, сердечная услуга всѣмъ проповѣдникамъ смерти!

Государствомъ зову я, гдѣ всѣ вмѣстѣ пьютъ ядъ, хорошіе и дурные: государствомъ, гдѣ всѣ теряютъ самихъ себя, хорошіе и дурные: государствомъ, гдѣ медленное самоубійство всѣхъ—называется «жизнью».

Посмотрите же на этихъ лишнихъ людей! Они крадутъ произведенія избобрѣтателей и сокровища мудрецовъ: культурой называютъ они свою кражу—и все обращается у нихъ въ болѣзнь и несчастіе!

Посмотрите же на этихъ лишнихъ людей! Они всегда больны, они изливаютъ свою желчь и называютъ это газетой. Они проглатываютъ другъ друга и никогда не могутъ переварить.

Посмотрите же на этихъ лишнихъ людей! Богатства приобрѣтаютъ они и дѣлаются отъ этого бѣднѣе. Власти хотятъ они и прежде всего рычага власти, много денегъ,—эти безсильные!

Посмотрите, какъ лѣзутъ онѣ, эти проворныя обезьяны! Онѣ лѣзутъ другъ на друга и потому срываются въ грязь и въ пропасть.

Всѣ они хотятъ достигъ трона: безуміе ихъ въ томъ,—будто счастье возсѣдало на тронѣ! Часто грязь возсѣдаетъ на тронѣ—и также часто тронъ на грязи.

По моему, всѣ они безумцы, карабкающіяся обезьяны и находящіеся въ бреду. По моему, дурнымъ запахомъ несутъ отъ ихъ кумира, холоднаго чудовища: по моему, дурнымъ запахомъ несутъ отъ всѣхъ этихъ служителей кумира.

Мои братья, развѣ хотите вы задохнуться въ чаду ихъ ртовъ и желаній! Скорѣе разбейте окна и прыгайте вонъ!

Избѣгайте же дурного запаха! Сторонитесь идолопоклонства лишнихъ людей!

Избѣгайте же дурного запаха! Сторонитесь отъ дыма этихъ человѣческихъ жертвъ!

Свободною стоитъ для великихъ душъ и теперь еще земля. Свободныхъ много еще мѣстъ для одинокихъ и для тѣхъ, кто живетъ вдвоемъ, гдѣ вѣтъ благоуханіе тихихъ морей.

Еще свободной стоитъ для великихъ душъ свободная жизнь. Поистинѣ, кто владѣетъ малымъ, тѣмъ меньше другіе будутъ владѣть имъ: хвала малой бѣдности!

Тамъ, гдѣ оканчивается государство, начинается впервые человѣкъ, который не есть лишній: тамъ начинается пѣснь тѣхъ, кто необходимъ, мелодія единожды существующая и невозвратная.

Туда, гдѣ оканчивается государство,—туда смотрите, мои братья! Развѣ вы не видите радугу и мосты, ведущіе къ сверхъ-человѣку?—

Такъ говорилъ Заратустра.

* * *

О базарныхъ мухахъ.

Бѣги, мой другъ, въ свое уединеніе! Я вижу, ты оглушенъ шумомъ великихъ людей и исколотъ жалами маленькихъ.

Съ достоинствомъ умѣютъ лѣсъ и скалы хранить молчаніе вмѣстѣ съ тобою. Опять уподобись твоему любимому дереву съ раскинутыми вѣтвями: тихо, прислушиваясь, склонилось оно надъ моремъ.

Гдѣ оканчивается уединеніе, тамъ начинается базаръ; и гдѣ начинается базаръ, начинается и шумъ великихъ комедіантовъ и жужжанье ядовитыхъ мухъ.

Въ мірѣ самыя лучшія вещи ничего еще не стоятъ, если никто не представляетъ ихъ; великими людьми называется народъ этихъ представителей.

Плохо понимаетъ народъ великое, т. е. творческое. Но любить онъ всѣхъ представителей и тѣхъ, кто играетъ въ великія вещи.

Вокругъ изобрѣтателей новыхъ цѣнностей вращается міръ:—

неслышно вращается онъ. Но вокругъ комедіантовъ вращается народъ и слава: это называется «міровымъ порядкомъ».

У комедіанта есть духъ, но мало совѣсти духа. Всегда вѣритъ онъ въ то, чѣмъ онъ заставляетъ вѣрить сильнѣе всего,— вѣрить въ себя самого!

Завтра у него новая вѣра, а послѣ-завтра еще болѣе новая. Чувства его быстры, какъ народъ, и настроенія переменчивы.

Опрокинуть — называется у него: доказать. Сдѣлать сумасшедшимъ — называется у него: убѣдить. А кровь для него лучшее изъ всѣхъ основаній.

Истину, проскальзывающую только въ тонкія уши, называетъ онъ ложью и ничѣмъ. Поистинѣ, онъ вѣритъ только въ такихъ боговъ, которые производятъ въ мірѣ много шума!

Базаръ полонъ шумящими паяцами—и народъ хвалится своими великими людьми! Для него они—господа минуты.

Но минута настоятельно требуетъ отъ нихъ отвѣта: и они требуютъ его отъ тебя. Они хотятъ, чтобъ ты сказалъ да или нѣтъ. Горе тебѣ, если хочешь ты сѣсть между двумя стульями?

Не завидуй этимъ безусловнымъ, настоятельно требующимъ отвѣта, ты любитель истины! Никогда еще истина не держалась за руку безусловнаго.

Отъ этихъ стремительныхъ удались въ безопасность: лишь на базарѣ нападаютъ съ вопросомъ: да или нѣтъ?

Медленно течетъ жизнь всѣхъ глубокихъ родниковъ: долго должны они ждать, прежде чѣмъ узнаютъ, что упало въ ихъ глубину.

Въ сторону отъ базара и славы уходитъ все великое: въ сторонѣ отъ базара и славы жили издавна изобрѣтатели новыхъ цѣнностей.

Бѣги, мой другъ, въ свое уединеніе: я вижу тебя искусаннѣйшимъ ядовитыми мухами. Бѣги туда, гдѣ вѣетъ суровый, свѣжій воздухъ!

Бѣги въ свое уединеніе! Ты жилъ слишкомъ близко къ маленькимъ, жалкимъ людямъ. Бѣги отъ ихъ невидимаго мщенія! Въ отношеніи тебя они только мщеніе.

Не поднимай руки противъ нихъ! Они—безчисленны, и не твое назначеніе быть махалкой для мухъ.

Безчисленны эти маленькіе, жалкіе люди; и не одному уже гордому зданію дождевыя капли и соръ послужили къ гибели.

Ты не камень, но ты сталъ уже пустъ отъ множества капель. Ты будешь изломанъ и получишь трещины отъ множества капель.

Усталымъ вижу я тебя отъ ядовитыхъ мухъ, исцарапаннымъ въ кровь вижу я тебя во многихъ мѣстахъ; и твоя гордость не хочетъ даже возмущаться.

Крови твоей хотѣли бы они при всей невинности, крови жаждаютъ ихъ безкровныя души — и потому они кусаютъ при всей невинности.

Но ты глубокий, ты страдаешь слишкомъ глубоко даже отъ малыхъ ранъ; и прежде чѣмъ ты излечивался, такой же ядовитый червь уже ползъ по твоей рукѣ.

Ты кажешься мнѣ слишкомъ гордымъ, чтобъ убивать этихъ лакомокъ. Но берегись, чтобъ не стало твоимъ назначеніемъ выносить ихъ ядовитое насиліе!

Они жужжатъ вокругъ тебя со своей похвалой: навязчивость—ихъ похвала. Они хотятъ близости твоей кожи и твоей крови.

Они лстятъ тебѣ, какъ богу или дьяволу; они визжатъ передъ тобою, какъ передъ богомъ или дьяволомъ. Ну, что-жъ! Они—льстецы и визгуны, и ничего болѣе.

Также бываютъ они часто любезны съ тобою. Но это всегда было хитростью трусливыхъ. Да, трусы хитры!

Они много думаютъ о тебѣ своей узкой душою,—подозрительнымъ кажешься ты имъ всегда! Все, о чемъ много думаютъ, становится подозрительнымъ.

Они наказываютъ тебя за всѣ твои добродѣтели. Они вполне прощаютъ тебѣ только—твои ошибки.

Потому что ты кротокъ и справедливъ, ты говоришь: «невиновны они въ своемъ маленькомъ существованіи». Но ихъ узкая душа думаетъ: «Виновно всякое великое существованіе».

Даже когда ты снисходителенъ къ нимъ, они все-таки чувствуютъ, что ты презираешь ихъ; и они возвращаютъ тебѣ твое благодареніе скрытыми злодѣяніями.

Твоя гордость безъ словъ всегда противорѣчитъ ихъ вкусу; они громко радуются, когда ты бываешь настолько скромнѣе, чтобъ быть тщеславнымъ.

То, что мы узнаемъ въ человѣкѣ, воспламеняемъ мы въ немъ. Остерегайся же маленькихъ людей!

Передъ тобою чувствуютъ они себя маленькими, и ихъ низость тлѣетъ и разгорается противъ тебя въ невидимое мщеніе.

Развѣ ты не замѣчалъ, какъ умолкали они, когда ты подходилъ къ нимъ, и какъ сила ихъ покидала ихъ, какъ дымъ покидаетъ угасающій огонь?

Да, мой другъ, укоромъ совѣсти являешься ты для своихъ ближнихъ: ибо они недостойны тебя. И они ненавидятъ тебя и охотно сосали бы твою кровь.

Твои ближніе будутъ всегда ядовитыми мухами; то, что есть въ тебѣ великаго,—должно дѣлать ихъ еще болѣе ядовитыми и еще болѣе похожими на мухъ.

Бѣги, мой другъ, въ свое уединеніе, туда, гдѣ вѣетъ суровый, свѣжій воздухъ! Не твое назначеніе быть махалкой для мухъ.—

Такъ говорилъ Заратустра.

* * *

О цѣломудріи.

Я люблю лѣсъ. Въ городахъ трудно жить: тамъ слишкомъ много страстныхъ людей.

Не лучше ли попасть въ руки убійцы, чѣмъ въ предметъ мечты страстной женщины?

И посмотрите на этихъ мужчинъ: ихъ глаза говорятъ—они не знаютъ ничего лучшаго на землѣ, какъ спать съ женщиной.

Грязь на днѣ ихъ души; и горе, если у грязи ихъ есть еще духъ!

О, еслибъ вы совершенны были, по крайней мѣрѣ, какъ звѣри! Но звѣрямъ принадлежитъ невинность.

Развѣ я совѣтую вамъ убивать свои чувства? Я совѣтую вамъ невинность чувствъ.

Развѣ цѣломудріе я совѣтую вамъ? У иныхъ цѣломудріе есть добродѣтель, но у многихъ почти что порокъ.

Они, быть можетъ, воздерживаются: но песь чувственности проглядываетъ, съ завистью, во всемя, что они дѣлаютъ.

Даже до высотъ ихъ добродѣтели и вплоть до суроваго духа ихъ слѣдуетъ за ними это животное и его вражда.

И какъ ловко умѣетъ песь чувственности молить о духѣ, когда ему отказываютъ въ тѣлѣ!

Вы любите трагедіи и все, что раздражаетъ сердце? Но я отношусь недовѣрчиво къ вашему псу.

У васъ слишкомъ жестокіе глаза, и вы похотливо смотрите на страдающихъ. Не переодѣлось ли только ваше сладострастіе, и теперь называется состраданіемъ?

И это знаменіе даю я вамъ: многіе, желавшіе изгнать своего дьявола, сами вошли при этомъ въ свиней.

Кому тягостно цѣломудріе, тому надо его отсовѣтовать: чтобы оно не сдѣлалось путемъ въ преисподнюю, т. е. грязью и похотью души.

Развѣ я говорю о грязныхъ вещахъ? По моему, это не есть еще худшее.

Познающій не любитъ погружаться въ воду истины не тогда, когда она грязна, но когда она мелкая.

Поистинѣ, есть цѣломудренныя до глубины души: они болѣе кротки сердцемъ, они смѣются охотнѣе и больше, чѣмъ вы.

Они смѣются также и надъ цѣломудріемъ и спрашиваютъ: «что такое цѣломудріе!

Цѣломудріе не есть ли безуміе? Но это безуміе пришло къ намъ, а не мы къ нему.

Мы предложили этому гостю пріютъ въ нашемъ сердцѣ: теперь онъ живетъ у насъ,—пусть остается, сколько захочетъ!»

Такъ говорилъ Заратустра.

* * *

О другѣ.

«Всегда быть одному слишкомъ много для меня»,—такъ думаетъ отшельникъ. «Всегда одинъ и одинъ—это даетъ со временемъ двухъ!»

«Я» и «меня» всегда слишкомъ усердствуютъ въ разговорѣ: какъ вынести это, еслибъ не было друга?

Всегда для отшельника другъ является третьимъ: третій—это пробка, мѣшающая разговору двухъ опуститься въ бездонную глубь.

Ахъ, существуетъ слишкомъ много бездонныхъ глубинъ для всѣхъ отшельниковъ. Поэтому такъ страстно жаждутъ они друга и высоты его.

Наша вѣра въ другихъ выдаетъ, во что мы охотно хотѣли бы

вѣрить въ насъ самихъ. Наше страстное желаніе друга является нашимъ предателемъ.

И часто съ помощью любви хотятъ лишь перескочить черезъ зависть. Часто нападаютъ и дѣлаютъ себѣ враговъ, чтобы скрыть, что и на тебя могутъ напасть.

«Будь, по крайней мѣрѣ, моимъ врагомъ!»—такъ говоритъ истинное почитаніе, которое не осмѣливается просить о дружбѣ.

Если ты хочешь имѣть друга, ты долженъ вести войну за него: а чтобы вести войну, надо умѣть быть врагомъ.

Ты долженъ въ своемъ другѣ уважать еще врага. Развѣ ты можешь близко подойти къ своему другу и не перейти къ нему?

Въ своемъ другѣ ты долженъ имѣть своего лучшаго врага. Ты долженъ быть къ нему ближе всего сердцемъ, когда ты противишься ему.

Ты не хочешь передъ своимъ другомъ носить одежды? Для твоего друга должно быть честью, что ты даешь ему себя, каковъ ты есть. Но онъ за это посылаетъ тебя къ чорту!

Кто не скрываетъ себя, возмущаетъ этимъ другихъ: такъ много имѣете вы основаній бояться наготы! Да, еслибъ вы были богами, вы могли бы стыдиться своихъ одеждъ!

Ты не можешь для своего друга достаточно хорошо нарядиться: ибо ты долженъ быть для него страстнымъ желаніемъ и стрѣлою, устремленною къ сверхъ-человѣку.

Видѣлъ ли ты своего друга спящимъ,—чтобъ знать, какъ онъ выглядитъ? Что такое лицо твоего друга? Оно—твое собственное лицо на грубомъ, несовершенномъ зеркалѣ.

Видѣлъ ли ты своего друга спящимъ? Испугался ли ты, что такъ выглядитъ твой другъ? О, мой другъ, человѣкъ есть нѣчто, что должно превзойти.

Угадывать и молчать долженъ умѣть другъ твой: не все долженъ ты видѣть. Твой сонъ долженъ выдать тебѣ, что дѣлаетъ твой другъ, когда бодрствуетъ.

Пусть будетъ твое состраданіе угадываніемъ: ты долженъ сперва узнать, хочетъ ли твой другъ состраданія. Быть можетъ, онъ любить въ тебѣ несокрушенный взоръ и взглядъ вѣчности.

Пусть будетъ состраданіе къ другу сокрыто подъ твердой корой, на ней долженъ ты стереть себѣ зубы. Тогда оно будетъ имѣть свою тонкость и сладость.

Являешься ли ты чистымъ воздухомъ, и одиночествомъ, и хлѣбомъ, и лекарствомъ для своего друга? Иной не можетъ изба-

виться отъ своихъ собственныхъ цѣпей и однако является изгавителемъ для друга.

Не рабъ ли ты? Тогда ты не можешь быть другомъ. Не тиранъ ли ты? Тогда ты не можешь имѣть друзей.

Слишкомъ долго въ женщинѣ были скрыты рабъ и тиранъ. Поэтому женщина не способна еще къ дружбѣ: она знаетъ только любовь.

Въ любви женщины есть несправедливость и слѣпота ко всему, чего она не любитъ. Но и въ сознательной любви женщины есть всегда еще неожиданность, и молнія, и ночь рядомъ со свѣтомъ.

Еще не способна женщина къ дружбѣ: женщины все еще кошки и птицы. Или, въ лучшемъ случаѣ, коровы.

Еще не способна женщина къ дружбѣ. Но скажите мнѣ, вы мужчины, кто же среди васъ способенъ къ дружбѣ?

О, мужчины, ваша бѣдность и ваша скудость души! Сколько даете вы другу, столько даю я даже своему врагу, и не становлюсь отъ того бѣднѣе.

Существуетъ товарищество: пусть будетъ и дружба!

Такъ говорилъ Заратустра.

* * *

О тысячѣ и одной цѣли.

Много странъ видѣлъ Заратустра и много народовъ: такъ открылъ онъ добро и зло многихъ народовъ. Большею властію не нашелъ Заратустра на землѣ, какъ добро и зло.

Ни одинъ народъ не могъ бы жить, не сдѣлавъ сперва оцѣнки; если хочетъ онъ сохранить себя, онъ не долженъ оцѣнивать такъ, какъ оцѣниваетъ сосѣдь.

Многое, что у одного народа называлось добромъ, у другого называлось стыдомъ и позоромъ: такъ нашелъ я. Многое, что нашелъ я, здѣсь называлось зломъ, а тамъ украшалось пурпурной мантией почести.

Никогда одинъ сосѣдь не понималъ другого: всегда удивлялась душа его безумству и злобѣ сосѣда.

Скрижалъ добра виситъ надъ каждымъ народомъ. Взгляни, это скрижалъ преодолѣній его; взгляни, это голосъ воли его къ власти.

Похвально то, что кажется ему труднымъ; все неизбежное и трудное называетъ онъ добромъ; а то, что еще освобождаетъ отъ величайшей нужды, рѣдкое и самое трудное — зоветъ онъ священнымъ.

Что способствуетъ тому, что онъ господствуетъ, побѣждаетъ и блеситъ на страхъ и зависть своего сосѣда: все это означаетъ для него высоту, начало, мѣрило и смыслъ всѣхъ вещей.

Поистинѣ, мой братъ, если узналъ ты потребность народа и страну, и небо, и сосѣда его: ты несомнѣнно угадалъ и законъ его преодоленій, и почему онъ восходитъ по этой лѣстницѣ къ своей надеждѣ.

«Всегда ты долженъ быть первымъ и стоять впереди другихъ: никого не должна любить твоя ревнивая душа, кромѣ друга» — слова эти заставляли дрожать душу грека: и шелъ онъ своей стезею величія.

«Говорить правду и хорошо владѣть лукомъ и стрѣлою» — казалось въ одно и то же время и мило и тяжело тому народу, отъ котораго идетъ имя мое — имя, которое для меня въ одно и то же время и мило и тяжело.

«Чтить отца и мать и до глубины души служить волѣ ихъ»: эту скрижаль преодоленій навѣсилъ на себя другой народъ и сталъ чрезъ это могучимъ и вѣчнымъ.

«Соблюдать вѣрность и ради вѣрности полагать честь и кровь даже на дурныя и опасныя дѣла»: такъ поучаясь, преодолевалъ себя другой народъ, и такъ преодолевая себя, сталъ онъ чреватъ великими надеждами.

Поистинѣ, люди дали себѣ все добро и все зло ихъ. Поистинѣ, они не заимствовали и не находили его, оно не упало къ нимъ, какъ гласъ съ небеси.

Человѣкъ сперва вкладывалъ цѣнности въ вещи, чтобы сохранить себя, — онъ создалъ сперва смыслъ вещамъ, человѣческой смыслъ! Поэтому называетъ онъ себя «человѣкомъ», т.-е. оцѣнивающимъ.

Оцѣнивать значитъ создавать: слушайте, вы созидающіе! Оцѣнивать — это драгоценность и сокровище всѣхъ оцѣненныхъ вещей.

Чрезъ оцѣнку впервые является цѣнность: и безъ оцѣнки былъ бы пустъ орѣхъ бытія. Слушайте, вы созидающіе!

Перемѣна цѣнностей — это перемѣна созидающихъ. Постоянно уничтожаетъ тотъ, кто долженъ быть созидателемъ.

Созидающими были сперва народы и лишь позднѣе отдѣльныя личности; поистинѣ, сама отдѣльная личность есть еще самое юное изъ твореній.

Народы нѣкогда навѣсили на себя скрижаль добра. Любовь, желающая господствовать, и любовь, желающая повиноваться, вмѣстѣ создали себѣ эти скрижали.

Чувство стада старше происхожденіемъ, чѣмъ чувство «я»: и покуда добрая совѣсть именуется стадомъ, лишь дурная совѣсть говоритъ: я.

Поистинѣ, лукавое «я», лишенное любви, ищущее своей пользы въ пользѣ многихъ: это—не начало стада, а гибель его.

Любящіе были всегда и созидающими, они создали добро и зло. Огонь любви и огонь гнѣва горить на именахъ всѣхъ добродѣтелей.

Много странъ видѣлъ Заратустра и много народовъ: Сольшей власти не нашелъ Заратустра на землѣ, какъ дѣла любящихъ: «добро» и «зло» ихъ имя.

Поистинѣ, чудовищемъ является власть этихъ похвалъ и этой хулы. Скажите, братья, кто побѣдитъ его мнѣ? Скажите, кто наброситъ этому звѣрю цѣпь на тысячу головъ?

Тысяча цѣлей существовала до сихъ поръ, ибо существовала тысяча народовъ. Недостаетъ еще только цѣпи для тысячи головъ, недостаетъ единой цѣли. Еще у человѣчества нѣтъ цѣли.

Но скажите же мнѣ, мои братья: если человѣчеству недостаетъ еще цѣли, то быть можетъ, недостаетъ еще и его самого?—

Такъ говорилъ Заратустра.

* * *

О любви къ ближнему.

Вы жметесь къ ближнему, и для этого есть у васъ прекрасныя слова. Но я говорю вамъ: ваша любовь къ ближнему есть ваша дурная любовь къ самимъ себѣ.

Вы бѣжите къ ближнему отъ самихъ себя и хотѣли бы изъ этого сдѣлать себѣ добродѣтель: но я насквозь вижу ваши «безкорыстіе».

«Ты» старше, чѣмъ «я»; «ты» признано священнымъ, но еще не «я»: до того жметса чловѣкъ къ ближнему.

Развѣ я совѣтую вамъ любовь къ ближнему? Скорѣе я совѣтую вамъ бѣжать отъ ближняго и любить дальняго!

Выше любви къ ближнему стоитъ любовь къ дальнему и будущему; выше еще, чѣмъ любовь къ человѣку, ставлю я любовь къ вещамъ и призракамъ.

Этотъ призракъ, витающій передъ тобою, братъ мой, прекраснѣе тебя; почему же не отдаешь ты ему свою плоть и свои кости? Но ты страшишься и бѣжишь къ своему ближнему.

Вы не выносите самихъ себя и недостаточно себя любите: и вотъ вы хотѣли бы соблазнить ближняго на любовь и позолотить себя его заблужденіемъ.

Я хотѣлъ бы, чтобъ всѣ ближніе и сосѣди ихъ стали для васъ невиносимы; тогда вы должны бы были изъ самихъ себя создать своего друга съ переполненнымъ сердцемъ его.

Вы приглашаете свидѣтеля, когда хотите хвалить себя; и когда вы склонили его хорошо думать о васъ, сами вы хорошо думаете о себѣ.

Лжетъ не только тотъ, кто говоритъ вопреки своему знанію, но еще больше тотъ, кто говоритъ вопреки своему незнанію. Именно такъ говорите вы о себѣ при общеніи съ другими, и обманываете сосѣда на счетъ себя.

Такъ говоритъ безумецъ: «общеніе съ людьми портитъ характеръ, особенно когда нѣтъ его».

Одинъ идетъ къ ближнему, потому что онъ ищетъ себя, а другой, потому что онъ хотѣлъ бы потерять себя. Ваша дурная любовь къ самимъ себѣ дѣлаетъ для васъ изъ одиночества тюрьму.

Дальніе оплачиваютъ вашу любовь къ ближнему; и если вы соберетесь впятеромъ, шестой долженъ всегда умереть.

Я не люблю вашихъ празднествъ; слишкомъ много актеровъ находилъ я тамъ, и даже зрители вели себя часто, какъ актеры.

Не о ближнемъ учу я васъ, но о другѣ. Пусть другъ будетъ для васъ праздникомъ земли и предчувствіемъ сверхъ-человѣка.

Я учу васъ о другѣ и переполненномъ сердцѣ его. Но надо умѣть быть губкою, если хочешь быть любимымъ переполненными сердцами.

Я учу васъ о другѣ, въ которомъ міръ предстоитъ завершеннымъ, какъ чаша добра,—о созидающемъ другѣ, всегда готовомъ подарить заверченный міръ.

И какъ міръ развернулся для него, такъ опять онъ сверты-

вается вмѣстѣ съ нимъ, подобно становленію добра и зла, подобно становленію цѣли изъ случая.

Будущее и самое дальнее пусть будетъ причиною твоего сегодня: въ своемъ другѣ ты долженъ любить сверхъ-человѣка, какъ свою причину.

Мои братья, не любовь къ ближнему совѣтую я вамъ: я совѣтую вамъ любовь къ дальнему.

Такъ говорилъ Заратустра.

* * *

О пути созидающаго.

Ты хочешь, мой братъ, идти въ уединеніе? Ты хочешь искать дороги къ самому себѣ? Помедли еще немного и послушай меня.

«Кто ищетъ, легко самъ теряется. Всякое уединеніе есть грѣхъ»: такъ говоритъ стадо. И ты долго принадлежалъ къ стаду.

Голосъ стада будетъ звучать еще даже въ тебѣ! И когда ты скажешь: «у меня уже не одна совѣсть съ вами»—это будетъ жалобой и страданіемъ.

Смотри, само это страданіе породила еще единая совѣсть: и послѣднее мерцаніе этой совѣсти горитъ еще на твоей печали.

Но ты хочешь слѣдовать голосу своей печали, который есть путь къ самому себѣ? Покажи же мнѣ на это свое право и свою силу!

Являешь ли ты собой новую силу и новое право? Начальное движеніе? Самокатящееся колесо? Можешь ли ты заставить звѣзды вращаться вокругъ себя?

Ахъ, такъ много вождельюющихъ о высотѣ! Такъ много видишь судорогъ честолюбія! Докажи мнѣ, что ты не изъ вождельюющихъ и не изъ честолюбцевъ!

Ахъ, какъ много есть великихъ мыслей, которыя дѣлаютъ не болѣе, чѣмъ кузнечные мѣха: они надуваютъ и дѣлаютъ еще болѣе пустымъ.

Свободнымъ называешь ты себя? Твою господствующую мысль хочу я слышать, а не о томъ, что ты сбросилъ ярмо съ себя.

Изъ тѣхъ ли ты, что имѣютъ право сбросить ярмо съ себя? Такихъ не мало, которые потеряли свою послѣднюю цѣнность, когда освободились отъ своего рабства.

Свободный отъ чего? Какое дѣло до этого Заратустръ! Но твой ясный взоръ долженъ повѣдать мнѣ: свободный для чего?

Можешь ли ты дать себѣ свое добро и свое зло и навѣсить на себя свою волю, какъ законъ? Можешь ли ты быть самъ своимъ судьей и мстителемъ своего закона?

Ужасно быть одному съ судьей и мстителемъ собственнаго закона. Такъ бываетъ брошена звѣзда въ пустое пространство и въ ледяное дыханіе одиночества.

Сегодня еще страдаешь ты отъ множества, ты одинокій: сегодня еще есть у тебя все твое мужество и твои надежды.

Но когда-нибудь ты устанешь отъ одиночества, когда-нибудь твоя гордость согнется, и твое мужество поколеблется. Когда-нибудь ты воскликнешь «я одинокъ!»

Когда-нибудь ты не увидишь болѣе своей высоты, а твое низменное будетъ слишкомъ близко къ тебѣ; твое возвышенное будетъ даже пугать тебя, какъ призракъ. Когда-нибудь ты воскликнешь: «все—ложь!»

Есть чувства, которыя грозятъ убить одинокаго; если это имъ не удастся, они должны сами умереть! Но способенъ ли ты быть убійцею?

Знаешь ли ты, мой братъ, уже слово «презрѣніе»? И муку твоей справедливости, быть справедливымъ къ тѣмъ, кто тебя презираетъ?

Ты принуждаешь многихъ перемѣнить о тебѣ мнѣніе: это ставятъ они тебѣ въ большую вину. Ты близко подходилъ къ нимъ, и все-таки прошелъ мимо: этого они никогда не простятъ тебѣ.

Ты сталъ выше ихъ: но чѣмъ выше ты подымаешься, тѣмъ меньшимъ кажешься ты въ глазахъ зависти. Но больше всѣхъ ненавидятъ того, кто летаетъ.

«Какимъ образомъ хотѣли вы быть ко мнѣ справедливыми!—долженъ ты говорить—я избираю для себя вашу несправедливость, какъ предназначенный мнѣ удѣлъ».

Несправедливость и грязь бросаютъ они вослѣдъ одинокому: но, мой братъ, если хочешь ты быть звѣздой, ты долженъ свѣтить имъ несмотря ни на что!

И остерегайся добрыхъ и праведныхъ! Они любятъ распинать тѣхъ, кто изобрѣтаетъ для себя свою собственную добродѣтель,—они ненавидятъ одинокаго.

Остерегайся также святой простоты! Все для нея нечестиво, что не просто; она любить играть съ огнемъ—костровъ.

И остерегайся также приступовъ своей любви! Слишкомъ скоро протягиваетъ одинокій руку тому, кто съ нимъ повстрѣчается.

Иному ты долженъ подать не руку, а только лапу: и я хочу, чтобы у твоей лапы были когти.

Но самымъ опаснымъ врагомъ, котораго ты можешь встрѣтить, будешь всегда ты самъ; ты самъ подстерегаешь себя въ пещерахъ и лѣсахъ.

Одинокій, ты идешь дорогою къ самому себѣ! И твоя дорога идетъ впереди тебя самого и твоихъ семи демоновъ!

Ты будешь самъ для себя и еретикомъ, и колдуномъ, и прорицателемъ, и безумцемъ, и скептикомъ, и нечестивцемъ, и злодѣемъ.

Надо, чтобъ ты сжегъ себя въ своемъ собственномъ пламени: какъ же могъ бы ты обновиться, не сдѣлавшись сперва пепломъ!

Одинокій, ты идешь путемъ созидающаго: бога хочешь ты себѣ создать изъ своихъ семи демоновъ!

Одинокій, ты идешь путемъ любящаго: самого себя любишь ты и потому презираешь ты себя, какъ презираютъ только любящіе.

Созидать хочетъ любящій, ибо онъ презираетъ! Что знаетъ о любви тотъ, кто не долженъ былъ презирать именно то, что любилъ онъ!

Съ своей любовью и своимъ созиданіемъ иди въ свое уединеніе, мой братъ; и только позднѣе, прихрамывая, послѣдуетъ за тобой справедливость.

Съ моими слезами иди въ свое уединеніе, мой братъ. Я люблю того, кто хочетъ созидать дальше самого себя и такъ погибаетъ.—

Такъ говорилъ Заратустра.

* * *

О старыхъ и молодыхъ женщинахъ.

«Почему крадешься ты такъ робко въ сумеркахъ, о Заратустра? И что прячешь ты бережно подъ своимъ плащомъ?

«Не сокровище ли, подаренное тебѣ? Или новорожденное дитя

твое? Или теперь ты самъ идешь по пути воровъ, ты другъ злыхъ?»—

Поистинѣ, мой братъ! отвѣчалъ Заратустра, это—сокровище, подаренное мнѣ: это маленькая истина, что несу я.

Но она безпокойна, какъ малое дитя; и еслибъ я не зажималъ ей рта, она кричала бы во все горло.

Когда сегодня я шелъ одинъ своею дорогой, въ часъ, когда солнце садится, мнѣ повстрѣчалась старушка и такъ говорила къ душѣ моей:

«О многомъ уже говорилъ Заратустра даже намъ, женщинамъ, но никогда не говорилъ онъ намъ о женщинѣ».

И я возразилъ ей: «о женщинѣ надо говорить только мужчинамъ».

«И мнѣ также ты можешь говорить о женщинѣ, сказала она; я достаточно стара, чтобы тотчасъ все позабыть».

И я внялъ просьбѣ старушки и такъ говорилъ ей:

Все въ женщинѣ загадка, и все въ женщинѣ имѣетъ одну разгадку: она называется беременностью.

Мужчина для женщины средство: цѣлью бываетъ всегда ребенокъ. Но что же женщина для мужчины?

Двухъ вещей хочетъ настоящій мужчина: опасности и игры. Поэтому хочетъ онъ женщины, какъ самой опасной игрушки.

Мужчина долженъ быть воспитанъ для войны, а женщина для отдохновенія воина: все остальное—безумство.

Слишкомъ сладкихъ плодовъ не любить воинъ. Поэтому любить онъ женщину; въ самой сладкой женщинѣ есть еще горькое.

Лучше мужчины понимаетъ женщина дѣтей, но мужчина больше ребенокъ, чѣмъ женщина.

Въ настоящемъ мужчинѣ сокрыто дитя, которое хочетъ играть. О, женщины, найдите дитя въ мужчинѣ!

Пусть женщина будетъ игрушкой, чистой и тонкой, какъ алмазъ, сіяющая добродѣтелями еще не существующаго міра.

Пусть лучъ звѣзды сіяетъ въ вашей любви! Пусть вашей надеждой будетъ: «о, еслибъ мнѣ родить сверхъ-человѣка!»

Пусть въ вашей любви будетъ храбрость! Своею любовью должны вы наступать на того, кто внушаетъ вамъ страхъ.

Пусть въ вашей любви будетъ ваша честь! Вообще женщина мало понимаетъ въ чести. Но пусть будетъ ваша честь въ томъ, чтобъ всегда больше любить, чѣмъ быть любимы, и никогда не быть вторыми.

Пусть мужчина боится женщины, когда она любитъ: ибо она приноситъ всякую жертву, и всякая другая вещь не имѣетъ для нея цѣны.

Пусть мужчина боится женщины, когда она ненавидитъ: ибо мужчина въ глубинѣ души только золь, а женщина еще дурна.

Кого ненавидитъ женщина больше всего?—Такъ говорило желѣзо магниту: «я ненавижу тебя больше всего, потому что ты притягиваешь, но недостаточно силенъ, чтобы притянуть къ себѣ».

Счастье мужчины называется: я хочу. Счастье женщины называется: онъ хочетъ.

«Смотри, теперь только сталъ міръ совершененъ!» — такъ думаетъ каждая женщина, когда она повинуетъ отъ всей любви.

И повиноваться должна женщина и найти глубину къ своей поверхности. Поверхность—душа женщины, подвижная, бурливая пленка на мелкой водѣ.

Но душа мужчины глубока, ея бурный потокъ шумитъ въ подземныхъ пещерахъ: женщина чувствуетъ его силу, но не понимаетъ ея.—

Тогда сказала мнѣ старушка: «Много пріятнаго сказалъ Заратустра и особенно для тѣхъ, кто достаточно молодъ для этого.

Странно, Заратустра знаетъ мало женщинъ, и однако онъ правъ относительно ихъ. Не потому ли это происходитъ, что у женщины нѣтъ ничего невозможнаго?

А теперь въ благодарность прими маленькую истину! Я достаточно стара для нея!

Заверни ее хорошенько и зажми ей ротъ: иначе она будетъ кричать во все горло, эта маленькая истина».

«Дай мнѣ, женщина, твою маленькую истину!» сказалъ я. И такъ говорила старушка:

«Ты идешь къ женщинамъ? Не забудь плетку!»—

Такъ говорилъ Заратустра.

* * *

Объ укусѣ змѣи.

Однажды Заратустра заснулъ подъ смоковницей, ибо было жарко, и положилъ руку на лицо свое. Но приползла змѣя и укусила его въ шею, такъ что Заратустра вскрикнулъ отъ боли. От-

нявъ руку отъ лица, онъ посмотрѣлъ на змѣю; тогда узнала она глаза Заратустры, неуклюже отвернулась и хотѣла бѣжать. «Погоди, сказалъ Заратустра, я еще не поблагодарилъ тебя! Ты разбудила меня кстати, мой путь еще дологъ». «Твой путь уже коротокъ, отвѣтила печально змѣя; мой ядъ убиваетъ». Заратустра улынулся. «Когда же драконъ умиралъ отъ яда змѣи?—сказалъ онъ. Но возьми обратно свой ядъ! Ты недостаточно богата, чтобы дарить мнѣ его». Тогда змѣя снова обвилась ему вокругъ шеи и начала лизать его рану.

Когда Заратустра однажды разсказалъ это ученикамъ своимъ, они спросили: «Въ чемъ же нравоученіе разсказа твоего, о Заратустра?» Заратустра такъ отвѣчалъ на это:

Разрушителемъ морали называютъ меня добрые и праведные: мой разсказъ—безнравственнымъ.

Если есть врагъ у васъ, не платите ему за зло добромъ: ибо это пристыдило бы его. Напротивъ, докажите ему, что онъ сдѣлалъ для васъ нѣчто доброе.

И лучше сердитесь, но не стыдите! И когда проклинаятъ васъ, мнѣ не нравится, что вы хотите благословить проклинаящихъ. Лучше прокляните и вы немного!

И если случилась съ вами большая несправедливость, скорѣй сдѣлайте пять малыхъ несправедливостей! Ужасно смотрѣть, когда кого-нибудь одного давитъ несправедливость.

Развѣ вы уже знали это? Раздѣленная съ другими несправедливость есть уже половина права. И тотъ долженъ взять на себя несправедливость, кто можетъ нести ее!

Маленькое мщеніе болѣе человѣчно, чѣмъ отсутствіе всякой мести. И если наказаніе не есть также право и честь для нарушителя, то я не хочу вашихъ наказаній.

Благороднѣе—обвинять себя, чѣмъ оправдывать, особенно если кто правъ. Только для этого надо быть достаточно богатымъ.

Я не люблю вашей холодной справедливости; во взорѣ вашихъ судей видится мнѣ всегда палачъ и его холодный ножъ.

Скажите, гдѣ находится справедливость, которая есть любовь съ ясновидящими глазами?

Найдите же мнѣ любовь, которая несетъ не только всякое наказаніе, но и всякую вину!

Найдите же мнѣ справедливость, которая оправдываетъ всякаго, кромѣ тѣхъ, кто судить!

Хотите ли вы слышать еще и это? У того, кто хочетъ быть

совѣмъ справедливымъ, даже ложь обращается въ любовь къ чело-
вѣчеству.

Но какъ могъ бы я быть совѣмъ справедливымъ! Какъ
могъ бы я каждому воздать свое! Съ меня достаточно, если каж-
дому отдаю я мое.

Наконецъ, братья мои, остерегайтесь быть несправедливыми
къ отшельникамъ! Какъ могъ бы отшельникъ забыть! Какъ
могъ бы онъ отплатить!

На глубокой родникъ похожъ отшельникъ. Легко бросить
камень въ него; но если упалъ онъ на самое дно, скажите, кто
захочетъ снова достать его?

Остерегайтесь обидѣть отшельника! Но если вы это сдѣлали,
то уже и убейте его!

Такъ говорилъ Заратустра.

* *

О ребенкѣ и бракѣ.

Есть у меня вопросъ къ тебѣ, братъ мой: какъ свинцовый
грузъ, бросаю я этотъ вопросъ въ твою душу, чтобы знать, какъ
глубока она.

Ты молодъ и желаешь ребенка и брака. Но я спрашиваю
тебя: настолько ли ты чело-вѣкъ, чтобы имѣть право же-
лать ребенка?

Побѣдитель ли ты, преодолѣлъ ли ты себя самого, повелѣ-
тель ли чувствъ, господинъ ли своихъ добродѣтелей? Такъ спра-
шиваю я тебя.

Или въ твоемъ желаніи говорить звѣрь и необходимость? Или
страхъ одиночества? Или недовольство собою?

Я хочу, чтобы твоя побѣда и твоя свобода страстно желали
ребенка. Живые памятники долженъ ты строить своей побѣдѣ и
своему освобожденію.

Дальше себя долженъ ты строить. Но сперва ты долженъ по-
строить самого себя правильно въ отношеніи тѣла и души.

Не только въ ширь долженъ ты расти, но и въ высь! Да по-
можетъ тебѣ въ этомъ садъ супружества!

Высшее тѣло долженъ ты создать, начальное движеніе, само-
катящееся колесо,—созидающаго долженъ ты создать.

Бракъ: такъ называю я волю двухъ создать третьяго, который больше тѣхъ, что создали его. Глубокое уваженіе другъ передъ другомъ называю я бракомъ, какъ передъ хотящими одной и той же воли.

Да будетъ это смысломъ и правдой твоего брака. Но то, что называютъ бракомъ многое множество, эти лишніе,—ахъ, какъ назову я его?

Ахъ, эта бѣдность души вдвоемъ! Ахъ, эта грязь души вдвоемъ! Ахъ, это жалкое довольство собою вдвоемъ!

Бракомъ называютъ они все это; и они говорятъ, будто ихъ браки заключены на небѣ.

Ну, что-жъ, я не хочу этого неба лишнѣхъ людей! Нѣтъ, не надо мнѣ ихъ, этихъ спутанныхъ небесною сѣтью звѣрей!

Пусть подальше останется отъ меня богъ, который, прихрамывая, идетъ благословлять то, чего онъ не соединялъ!

Не смѣйтесь надъ этими браками! У какого ребенка нѣтъ основаній плакать изъ-за своихъ родителей?

Достойнымъ казался мнѣ этотъ человѣкъ и созрѣвшимъ для смысла земли: но когда я увидѣлъ его жену, земля показалась мнѣ домомъ для умалишенныхъ.

Да, я хотѣлъ бы, чтобъ земля дрожала въ судорогахъ, когда святой сочетается съ гусыней.

Одинъ вышелъ, какъ герой, искать истины, а въ концѣ концовъ онъ себѣ маленькую наряженную ложь. Своимъ бракомъ называетъ онъ это.

Другой былъ остороженъ въ обращеніи и крайне разсѣрчивъ. Но однимъ разомъ испортилъ онъ навсегда свое общество: своимъ бракомъ называетъ онъ это.

Третій искалъ служанки съ добродѣтелями ангела. Но однимъ разомъ сталъ онъ служанкою женщины, и теперь ему самому надо бы стать ангеломъ.

Осторожными находилъ я всѣхъ покупателей, и у всѣхъ у нихъ были хитрые глаза. Но жену себѣ покупаетъ даже хитрейшій изъ нихъ, не выдавъ ея.

Много короткихъ безумствъ—это называется у васъ любовью. И вашъ бракъ, какъ одна длинная глупость, кладетъ конецъ многимъ короткимъ безумствамъ.

Ваша любовь къ женѣ и любовь жены къ мужу: ахъ, еслибъ могла она быть жалостью къ страдающимъ и сокрытымъ богамъ! Но почти всегда два животныхъ угадываютъ другъ друга.

Но даже ваша лучшая любовь есть только символъ, полный экстаза, и болѣзненный пылъ. Любовь—это факель, который долженъ свѣтить вамъ на высшихъ путяхъ.

Нѣкогда вы должны будете любить дальше себя! Начните же учиться любить! И потому вы должны были испытать горькую чашу вашей любви.

Горечь содержится въ чашѣ даже лучшей любви: такъ возбуждаетъ она стремленіе къ сверхъ-человѣку, такъ возбуждаетъ она жажду въ тебѣ, созидающемъ!

Жажду въ созидающемъ, стрѣлу, устремленную къ сверхъ-человѣку: скажи, братъ мой, такова ли твоя воля къ браку?

Священны для меня такая воля и такой бракъ.—

Такъ говорилъ Заратустра.

* * *

О свободной смерти.

Многіе умираютъ слишкомъ поздно, а нѣкоторые слишкомъ рано. Еще странно звучить ученіе: «умри во-время!»

Умри во-время; такъ учить Заратустра.

Конечно, кто никогда не жилъ во-время, какъ могъ бы онъ умереть во-время? Ему бы лучше никогда не родиться!—Такъ совѣтую я лишнимъ людямъ.

Но даже лишніе люди важничаютъ еще своею смертію, и даже самый пустой орѣхъ хочетъ еще, чтобъ его разгрызли.

Серьезно относятся всѣ къ смерти: но смерть не есть еще праздникъ. Еще не научились люди чтить самые свѣтлые праздники.

Совершенную смерть показываю я вамъ; она для живущихъ становится жаломъ и священнымъ обѣтомъ.

Своею смертію умираетъ совершившій свой путь, умираетъ побѣдоносно, окруженный тѣми, кто надѣются и даютъ священный обѣтъ.

Слѣдовало бы научиться умирать; и не должно быть праздника тамъ, гдѣ такой умирающій не освятилъ клятвы живущихъ!

Такъ умереть—лучше всего; а второе: умереть въ борьбѣ и растратить великую душу.

Но какъ борющемуся, такъ и побѣдителю одинаково нена-

вистна ваша смерть, которая скалитъ зубы и крадется какъ воръ—и однако входитъ какъ повелитель.

Свою смерть хвалю я вамъ, свободную смерть, которая приходитъ ко мнѣ, потому что я хочу.

И когда же захочу я?—У кого есть цѣль и преемникъ, тотъ хочетъ смерти во-время для цѣли и преемника.

Изъ глубокаго уваженія къ цѣли и преемнику не повѣситъ онъ сухихъ вѣнковъ въ святилищѣ жизни.

Поистинѣ, не хочу я походить на тѣхъ, кто сучить веревку: они тянутъ свои нити въ длину, а сами при этомъ все пьются.

Иные становятся для своихъ истинъ и побѣдъ слишкомъ стары; беззубый ротъ не имѣетъ уже права на всѣ истины.

И каждый, желающій славы, долженъ умѣть во-время проститься съ почестью и знать трудное искусство—уйти во-время.

Надо перестать позволять себя ѣсть, когда находятъ васъ особенно вкусными: это знаютъ тѣ, кто хотятъ, чтобъ ихъ долго любили.

Есть, конечно, кислые яблоки, участь которыхъ—ждать до послѣдняго дня осени: и въ то же время становятся они спѣлыми, желтыми и морщинистыми.

У однихъ сперва старѣетъ сердце, у другихъ—умъ. Иные бывають стариками въ юности: но кто поздно бываетъ юнымъ, долго остается имъ.

Иному не удастся жизнь: ядовитый червь гложетъ ему сердце. Пусть же постарается онъ, чтобъ тѣмъ лучше удалась ему смерть.

Иной не бываетъ никогда сладкимъ: онъ гніетъ еще лѣтомъ. Одна трусость удерживаетъ его на его суку.

Живутъ слишкомъ многіе, и слишкомъ долго висятъ они на своихъ сучьяхъ. Пусть же придетъ буря и стряхнетъ съ дерева все гнилое и червивое!

О, еслибъ пришли проповѣдники скорой смерти! Они были бы настоящею бурей на деревьяхъ жизни! Но я слышу только проповѣдь медленной смерти и терпѣнія ко всему «земному».

Ахъ, вы проповѣдуете терпѣніе ко всему земному? Но это земное слишкомъ долго терпитъ васъ, вы богохульники!

Поистинѣ, слишкомъ рано умеръ тотъ еврей, котораго чтутъ проповѣдники медленной смерти: и для многихъ стало съ тѣхъ поръ роковымъ, что умеръ онъ слишкомъ рано.

Онъ зналъ только слезы и скорбь еврея, вмѣстѣ съ нена-

вистью добрыхъ и праведныхъ: тогда напало на него страстное желаніе смерти.

Зачѣмъ не остался онъ въ пустынѣ и вдали отъ добрыхъ и праведныхъ! Быть можетъ, онъ научился бы жить и научился бы любить землю—и вмѣстѣ съ тѣмъ смѣяться

Вѣрьте мнѣ, братья мои! Онъ умеръ слишкомъ рано; онъ самъ отрекся бы отъ своего ученія, еслибъ онъ достигъ моего возраста! Достаточно благороденъ былъ онъ, чтобъ отречься!

Но незрѣлымъ былъ онъ еще. Незрѣло любить юноша и незрѣло ненавидить онъ человѣка и землю. Еще связаны и тяжелы у него душа и крылья мысли.

Но зрѣлый мужъ больше ребенокъ, чѣмъ юноша, и меньше скорби въ немъ: лучше понимаетъ онъ смерть и жизнь.

Свободный къ смерти и свободный въ смерти, онъ говоритъ священное «нѣтъ», когда нѣтъ уже времени говорить «да»: такъ понимаетъ онъ смерть и жизнь.

Да не будетъ ваша смерть хулою на человѣка и землю, друзья мои: этого прошу я у меда вашей души.

Въ вашей смерти должны еще горѣть вашъ духъ и ваша добродѣтель, какъ вечерняя заря горитъ на землѣ: или смерть плохо удалась вамъ.

Такъ хочу я самъ умереть, чтобы вы, друзья, ради меня еще больше любили землю; и въ землю хочу я опять обратиться, чтобы найти отдыхъ у той, что меня родила.

Поистинѣ, была цѣль у Заратустры, онъ бросилъ свой мячъ: теперь будьте вы, друзья, наслѣдниками моей цѣли, для васъ закидываю я золотой мячъ.

Больше всего люблю я смотрѣть на васъ, мои друзья, когда вы бросаете золотой мячъ! Поэтому еще немного останусь я на землѣ: простите мнѣ это!

Такъ говорилъ Заратустра.

* * *

О дарящей добродѣтели.

I.

Когда Заратустра простился съ городомъ, который любило сердце его и имя котораго было: «Пестрая корова»,—послѣдовали за нимъ многіе, называющіеся учениками его, и составили свиту

его. И такъ дошли они до перекрестка: тогда Заратустра сказалъ имъ, что дальше онъ хочетъ идти одинъ; ибо онъ любилъ ходить въ одиночествѣ. Но ученики его на прощанье подали ему посохъ, на золотой ручкѣ котораго была змѣя, обвившаяся вокругъ солнца. Заратустра обрадовался посоху и оперся на него; потомъ онъ такъ говорилъ къ своимъ ученикамъ:

Скажите же мнѣ: какъ достигло золото высшей цѣнности? Тѣмъ, что оно необыкновенно и бесполезно, блестяще и кротко въ своемъ блескѣ; оно всегда даритъ себя.

Только какъ символъ высшей добродѣтели, достигло золото высшей цѣнности. Какъ золото, свѣтится взоръ у даящаго. Блескъ золота заключаетъ миръ между луною и солнцемъ.

Необыкновенна и бесполезна высшая добродѣтель, блестяща и кротка она въ своемъ блескѣ: даящая добродѣтель есть высшая добродѣтель.

Поистинѣ, я угадываю васъ, мои ученики: вы стремитесь, подобно мнѣ, къ даящей добродѣтели. Что у васъ общаго съ кошками и волками?

Ваша жажда въ томъ, чтобы самимъ стать жертвою и даяніемъ: потому вы и жаждете собрать всѣ богатства въ своей душѣ.

Ненасытно стремится ваша душа къ сокровищамъ и всему драгоцѣнному, ибо ненасытна ваша добродѣтель въ желаніи дарить.

Вы принуждаете всѣ вещи приблизиться къ вамъ и войти въ васъ, чтобы обратно текли онѣ изъ вашего родника, какъ дары вашей любви.

Поистинѣ, въ грабителя всѣхъ цѣнностей должна обратиться такая даящая любовь; но здоровымъ и священнымъ называю я этотъ эгоизмъ.

Есть другой эгоизмъ, черезчуръ бѣдный и голодающій, который всегда хочетъ красть, эгоизмъ больныхъ, больной эгоизмъ.

Воровскимъ глазомъ смотритъ онъ на все блестящее; алчностью голода измѣряетъ онъ того, кто можетъ богато ѣсть; и всегда ползаетъ онъ вокругъ стола даящихъ.

Болѣзнь и невидимое выраженіе говорятъ въ этой алчности; о болѣзненномъ тѣлѣ говоритъ воровская алчность этого эгоизма.

Скажите мнѣ, братья мои: что считается у насъ худымъ и наихудшимъ? Не есть ли это вырожденіе?—И мы предполагаемъ всегда вырожденіе, гдѣ нѣтъ даящей души.

Вверхъ идетъ нашъ путь, отъ рода къ другому роду, болѣе

высокому. Но ужасомъ является для насъ вырождающееся чувство, которое говоритъ: «все для меня».

Вверхъ летитъ наше чувство: ибо оно есть символъ нашего тѣла, символъ возвышенія. Символъ этихъ возвышеній суть имена добродѣтелей.

Такъ проходитъ тѣло чрезъ исторію, оно нарождается и борется. А духъ—что онъ для тѣла? Глашатай его битвъ и побѣдъ, товарищъ и отголосокъ.

Символы всѣ имена добра и зла: они ничего не выражаютъ, они—только знаки. Безумецъ тотъ, кто хочетъ познать ихъ.

Будьте внимательны, братья мои, къ каждому часу, когда вашъ духъ хочетъ говорить въ символахъ: тогда зарождается наша добродѣтель.

Тогда возвысилось ваше тѣло и воскресло; своей отрадою увлекаетъ оно духъ, такъ что онъ становится творцомъ, и цѣнителемъ, и любящимъ, и благодѣтелемъ всѣхъ вещей.

Когда ваше сердце бьется широко и полно, какъ бурный потокъ, который есть благо и опасность для живущихъ на берегу: тогда зарождается ваша добродѣтель.

Когда вы возвысились надъ похвалою и порицаніемъ, и ваша воля, какъ воля любящаго, хочетъ приказывать всѣмъ вещамъ: тогда зарождается ваша добродѣтель.

Когда вы презираете мягкое ложе и все, что пріятно, и можете отдыхать достаточно далеко отъ изнѣженныхъ: тогда зарождается ваша добродѣтель.

Когда вы хотите единой воли, и эта переменна всѣхъ потребностей называется у васъ необходимостью: тогда зарождается ваша добродѣтель.

Поистинѣ, она есть новое добро и новое зло! Поистинѣ, это—новое глубокое журчаніе и голосъ новаго ключа!

Властью является эта новая добродѣтель; господствующей мыслью является она, и вокругъ нея мудрая душа: золотое солнце, и вокругъ него змѣй познанія.

2.

Здѣсь Заратустра умолкъ на минуту и съ любовью смотрѣлъ на своихъ учениковъ. Затѣмъ продолжалъ онъ такъ говорить:— и голосъ его измѣнился.

Оставайтесь вѣрны землѣ, братья мои, со всей властью вашей добродѣтели! Пусть ваша дарящая любовь и ваше познаніе служатъ смыслу земли! Объ этомъ прошу и заклинаю я васъ.

Не позволяйте вашей добродѣтели улетать отъ земного и биться крыльями о вѣчныя стѣны! Ахъ, всегда было такъ много улетѣвшей добродѣтели!

Приводите, какъ я, улетѣвшую добродѣтель обратно къ землѣ,—да, обратно къ тѣлу и жизни: чтобъ дала она свой смыслъ землѣ, смыслъ человѣческой!

Сотни разъ улетали и заблуждались до сихъ поръ духъ и добродѣтель. Ахъ, въ нашемъ тѣлѣ и теперь еще живетъ весь этотъ обманъ и заблужденіе: плотью и волею сдѣлались они.

Сотни разъ дѣлали попытку и заблуждались до сихъ поръ какъ духъ, такъ и добродѣтель. Да, попыткою былъ человѣкъ. Ахъ, много невѣжества и заблуждений сдѣлались въ насъ плотью!

Не только разумъ тысячелѣтій—также безуміе ихъ прорывается въ насъ. Опасно быть наслѣдникомъ.

Еще боремся мы шагъ за шагомъ съ исполиномъ случаемъ, и надъ всѣмъ человѣчествомъ царило до сихъ поръ еще безсмысліе.

Да послужатъ вашъ духъ и ваша добродѣтель, братья мои, смыслу земли: цѣнность всѣхъ вещей да будетъ вновь установлена вами! Поэтому вы должны быть борющимися! Поэтому вы должны быть созидателями!

Познавая, очищается тѣло; дѣлая попытку къ познанію, оно возвышается; для познающаго священны всѣ побужденія; душа того, кто возвысился, становится радостной.

Врачъ, исцѣлился самъ: и ты исцѣлишь также и своего больного. Было бы лучшей помощью для него, чтобъ увидѣлъ онъ своими глазами того, кто самъ себя исцѣляетъ.

Есть тысячи дорогъ, по которымъ еще никогда не ходили, тысячи здоровыхъ натуръ и скрытыхъ острововъ жизни. Все еще не исчерпаны и не открыты человѣкъ и земля человѣка.

Бодрствуйте и прислушивайтесь, вы одинокіе! Отъ будущаго вѣтъ незамѣтно вѣтеръ; и тонкихъ ушей ищетъ добрая вѣсть.

Вы сегодня еще одинокіе, вы живушіе вдали, вы будете нѣкогда народомъ: отъ васъ, избравшихъ самихъ себя, долженъ произойти народъ избранный:—и отъ него сверхъ-человѣкъ.

Поистинѣ, мѣстомъ выздоровленія должна еще стать земля! И уже вѣтъ вокругъ нея новымъ благоуханіемъ, приносящимъ исцѣленіе,—и новой надеждой!

* * *

3.

Сказавъ эти слова, Заратустра умолкъ, какъ тотъ, кто не сказалъ еще своего послѣдняго слова; долго въ нерѣшимости держалъ онъ посохъ въ своей рукѣ. Наконецъ, такъ заговорилъ онъ:—и голосъ его измѣнился.

Ученики мои, теперь ухожу я одинъ! Уходите теперь и вы, и то же одни! Такъ хочу я.

Поистинѣ, я совѣтую вамъ: уходите отъ меня и защищайтесь отъ Заратустры! А лучше еще: стыдитесь его! Быть можетъ, онъ обманулъ васъ.

Человѣкъ познанія долженъ не только любить своихъ враговъ, но умѣть ненавидѣть даже своихъ друзей.

Плохо оплачиваетъ тотъ учителю, кто навсегда остается только ученикомъ. И почему не хотите вы ощипать вѣнокъ мой?

Вы уважаете меня; но что будетъ, если нѣкогда рушится уваженіе ваше? Берегитесь, чтобы кумиръ не убилъ васъ!

Вы говорите, что вѣрите въ Заратустру? Но что толку въ Заратустрѣ! Вы—вѣрующіе въ меня: но что толку во всѣхъ вѣрующихъ!

Вы еще не искали себя, когда нашли меня. Такъ поступаютъ всѣ вѣрующіе; потому-то всякая вѣра такъ мало значить.

Теперь я приказываю вамъ потерять меня и найти себя; и только когда вы всѣ отречетесь отъ меня, я вернусь къ вамъ.

Поистинѣ, другими глазами, братья мои, я буду тогда искать утерянныхъ мною; другою любовью я буду тогда любить васъ.

И нѣкогда вы должны будете еще стать моими друзьями и дѣтьми единой надежды: тогда я захочу въ третій разъ быть среди васъ, чтобы отпраздновать съ вами великій полдень.

Великій полдень—когда человѣкъ стоитъ посреди своего пути между животнымъ и сверхъ-человѣкомъ и празднуетъ свой путь

къ заката, какъ свою высшую надежду: ибо это есть путь къ новому утру.

И тогда идущій къ заката самъ благословить себя за то, что былъ онъ переходной ступенью; и солнце его познанія будетъ стоять у него на полднѣ.

«Умерли всѣ боги: теперь мы хотимъ, чтобы жилъ сверхъ-человѣкъ»—такова должна быть въ великій полдень наша послѣдняя воля!—

Такъ говорилъ Заратустра.

ТАКЪ ГОВОРИЛЪ ЗАРАТУСТРА.

Часть вторая.

„—и только когда вы всѣ отречетесь отъ меня, я вернусь къ вамъ.

Поистинѣ, другими глазами, братья мои, я буду тогда искать утерянныхъ мною; другою любовью я буду тогда любить васъ“.

Заратустра,
о даящей добродѣтели
(I. стр. 64).

Ребенокъ съ зеркаломъ.

Послѣ этого Заратустра опять возвратился въ горы, въ уединеніе своей пещеры и избѣгалъ людей: ожидая подобно сѣятелю, посѣявшему свое сѣмя. Но душа его была полна нетерпѣніемъ и страстнымъ желаніемъ видѣть тѣхъ, кого онъ любилъ: ибо еще многое онъ имѣлъ дать имъ. А это особенно трудно: изъ любви сжимать отверстую руку и, какъ дарящій, хранить стыдливость.

Такъ проходили у одинокаго мѣсяцы и годы; но мудрость его росла и причиняла ему страданіе своей полнотою.

Но въ одно утро проснулся онъ еще задолго до зари, долго припоминалъ что-то, сидя на своемъ ложѣ, и наконецъ такъ говорилъ въ своемъ сердцѣ:

«Что же такъ напугало меня во снѣ, что я проснулся? Развѣ не ребенокъ подходилъ ко мнѣ, несшій зеркало?»

«О, Заратустра—сказалъ мнѣ ребенокъ—посмотри на себя въ зеркалѣ!»

Посмотрѣвъ въ зеркало, я вскрикнулъ, и мое сердце содрогнулось: ибо не себя увидѣлъ я въ немъ, а образъ демона и язвительную улыбку его.

Поистинѣ, слишкомъ хорошо понимаю я знаменіе сновъ и предостереженіе ихъ: мое ученіе въ опасности, сорная трава хочетъ называться пшеницею!

Мои враги стали сильны и исказили образъ моего ученія, такъ что мои возлюбленные должны стыдиться даровъ, что далъ я имъ.

Утеряны для меня мои друзья; насталь мой часъ, искать утерянныхъ мною!»—

Съ этими словами Заратустра вскочилъ съ ложа, но не какъ испуганный, ищущій воздуха, а скорѣе какъ пророкъ и пѣснопѣвецъ, на котораго снизошелъ духъ. Съ удивленіемъ смотрѣли на него его орелъ и его змѣя: ибо, подобно утренней зарѣ, грядущее счастье легло на лицѣ его.

Что же случилось со мной, мои звѣри?—сказалъ Заратустра. Развѣ я не преобразился! Развѣ не пришло ко мнѣ блаженство, какъ бурный вихрь?

Безумно мое счастье, и безумное будетъ оно говорить: слишкомъ оно еще юно—имѣйте же съ нимъ терпѣніе!

Я раненъ своимъ счастьемъ. всѣ страдающіе должны быть моими врачами!

Къ моимъ друзьямъ могу я опять спуститься, а также къ моимъ врагамъ! Заратустра опять можетъ говорить, и дарить, и дѣлать добро своимъ возлюбленнымъ.

Моя нетерпѣливая любовь течетъ черезъ край въ бурныхъ потокахъ, бѣжитъ съ высотъ въ долины, на востокъ и на западъ. Съ молчаливыхъ горъ и грозovýchъ тучъ страданія съ шумомъ спускается моя душа въ долины.

Слишкомъ долго тосковалъ я и смотрѣлъ въ даль. Слишкомъ долго принадлежалъ я одиночеству: такъ разучился я молчанію.

Я всецѣло сдѣлалъ устами и шумомъ ручья, ниспадающаго съ высокихъ скалъ: внизъ, въ долины хочу я низринуть мою рѣчь.

И пусть низринется потокъ моей любви туда, гдѣ нѣтъ пути! Какъ не найти потоку, въ концѣ концовъ, дороги къ морю!

Правда, есть озеро во мнѣ, отшельническое, себѣ довлѣющее; но потокъ моей любви мчитъ его съ собою внизъ—къ морю!

Новыми путями иду я, новая рѣчь приходитъ ко мнѣ; усталъ я, подобно всѣмъ созидающимъ, отъ старыхъ рѣчей. Не хочетъ мой духъ больше ходить на истоптанныхъ подошвахъ.

Слишкомъ медленно течетъ для меня всякая рѣчь:—въ твою колесницу я прыгаю, буря! И даже тебя я хочу хлестать своей злобою!

Какъ крикъ и какъ ликованіе, хочу я мчаться по дальнимъ морямъ, пока не найду я блаженныхъ острововъ, гдѣ замѣшались мои друзья:—

И мои враги между ними! Какъ люблю я теперь каждого, къ кому могу я говорить! Даже мои враги принадлежатъ къ моему блаженству.

И когда я хочу сѣсть на своего самого дикаго коня, мое копье помогаетъ мнѣ всего лучше: оно во всякое время готовый слуга моей ноги:—

Копье, что бросаю я въ моихъ враговъ! Какъ благодарю я моихъ враговъ, что я могу наконецъ бросить копьемъ!

Слишкомъ велико было напряженіе моей тучи: среди хохота молній хочу я градомъ осыпать долины.

Грозно будетъ тогда подниматься моя грудь; грозно, по горамъ, будетъ разносить она свою бурю: такъ приходитъ для нея облегченіе.

Поистинѣ, какъ буря, приходитъ мое счастье и моя свобода! Но мои враги должны думать, что злой духъ неистовствуетъ надъ ихъ головами.

Даже вы, друзья мои, испугаетесь моей дикой мудрости; и быть можетъ, убѣжите отъ нея вмѣстѣ съ моими врагами.

Ахъ, еслибъ сумѣлъ я пастушеской свирѣлью обратно привлечь васъ! Ахъ, еслибъ моя львиная мудрость научилась нѣжно рычать! Многому учились мы вмѣстѣ!

Моя дикая мудрость стала беременной на одинокихъ горахъ; на жесткихъ камняхъ родила она самага младшаго изъ своихъ дѣтей.

Теперь, безумная, бѣгаетъ она по суровой пустынѣ и ищетъ, все ищетъ мягкаго дерну—моя старая дикая мудрость!

На мягкій дернъ вашихъ сердецъ, друзья мои!—на вашу любовь хотѣла бы она уложить свое любимое дитя!—

Такъ говорилъ Заратустра.

* * *

На блаженныхъ островахъ.

Плоды падаютъ съ смоковницъ, они хороши и сладки; и пока они падаютъ, сдирается красная кожа ихъ. Я сѣверный вѣтеръ для спѣлыхъ плодовъ.

Такъ, подобно плодамъ смоковницы, падаютъ къ вамъ эти наставленія, друзья мои: теперь пейте ихъ сокъ и ѣшьте ихъ сладкое мясо! Осень кругомъ насъ, и чистое небо, и время послѣ полудня.

Посмотрите, какое обиліе кругомъ насъ! И среди этого избытка хорошо смотрѣть на дальнія моря.

Нѣкогда говорили богъ, когда смотрѣли на дальнія моря; но теперь училъ я васъ говорить: сверхъ-человѣкъ.

Богъ есть предположеніе, но я хочу, чтобы ваше предположеніе простиралось не дальше, чѣмъ ваша созидаящая воля.

Могли бы вы создать бога?—Такъ не говорите же мнѣ

о всякихъ богахъ! Но вы несомнѣнно могли бы создать сверхъ-человѣка.

Быть можетъ, не вы сами, братья мои! Но вы могли бы пересоздать себя въ отцовъ и предковъ сверхъ-человѣка: и пусть это будетъ вашимъ лучшимъ созданіемъ!—

Богъ есть предположеніе: но я хочу, чтобъ ваше предположеніе было ограничено въ мыслимости.

Могли бы вы мыслить бога?—Но пусть это означаетъ для васъ волю къ истинѣ, чтобъ все превратилось въ человѣчески мыслимое, человѣчески видимое, человѣчески чувствуемое! Ваши собственныя чувства должны вы продумать до конца!

И то, что называли вы міромъ, должно сперва быть создано вами: вашъ разумъ, вашъ образъ, ваша воля, ваша любовь должны стать имъ! И поистинѣ, для вашего блаженства, вы познающіе!

И какъ могли бы вы выносить жизнь безъ этой надежды, вы познающіе? Вы не должны быть однородны съ непостижимымъ и неразумнымъ.

Но я хочу совѣмъ открыть вамъ свое сердце, друзья мои: если бъ существовали боги, какъ удержался бы я, чтобъ не быть богомъ! слѣдовательно, нѣтъ боговъ.

Правда, сдѣлалъ я этотъ выводъ; но теперь онъ спасаетъ меня.—

Богъ есть предположеніе: но кто испилъ бы всю муку этого предположенія и не умеръ бы? Неужели нужно у созидающаго отнять его вѣру и у орла его пареніе въ доступной орламъ высотѣ?

Богъ есть мысль, которая дѣлаетъ все прямое кривымъ и все, что стоитъ, вращающимся. Какъ? Время исчезло бы, и все преходящее оказалось бы только ложью?

Мыслить подобное—это круженіе для костей человѣческихъ и тошнота для желудка: поистинѣ, предположить нѣчто подобное—называю я болѣзнью верченія.

Злымъ и враждебнымъ человѣку называю я все это ученіе о единомъ, полномъ, неподвижномъ, сытомъ и непроходящемъ!

Все, что не преходитъ, есть только символъ! И поэты слишкомъ много лгутъ.—

Но о времени и становленіи должны говорить лучшіе символы: хвалой должны они быть и оправданіемъ всего, что преходитъ!

Созидать—это великое избавленіе отъ страданія и облегченіе

жизни. Но чтобъ быть созидающимъ, надо подвергнуться страданіямъ и многимъ превращеніямъ.

Да, много горькаго умиранія должно быть въ вашей жизни, вы созидающіе! Такъ будьте вы ходатаями и оправдателями всего, что преходить.

Чтобъ самъ созидающій сталъ новорожденнымъ,—для этого долженъ онъ хотѣть быть роженицей и пережить родильныя муки.

Поистинѣ, черезъ сотни душъ шелъ я своею дорогою, черезъ сотни колыбелей и родильныхъ мукъ. Уже много разъ я прощался, я знаю послѣдніе, разбивающіе сердце часы.

Но такъ хочетъ моя созидающая воля, моя судьба. Или, говоря вамъ откровеннѣе: такой именно судьбы—хочетъ моя воля.

Все чувствующее страдаетъ во мнѣ и находится въ темницѣ: но моя воля всегда приходитъ ко мнѣ, какъ освободительница и вѣстникъ радости.

Воля освобождаетъ: таково истинное ученіе о волѣ и свободѣ—ему учить васъ Заратустра.

Не хотѣть больше, не цѣнить больше и не созидать больше! ахъ, пусть эта великая усталость навсегда останется отъ меня далекой!

Даже въ познаніи чувствую я только радость рожденія и радость становленія моей воли; и если есть невинность въ моемъ познаніи, то потому, что есть въ немъ воля къ рожденію.

Прочь отъ бога и боговъ тянула меня эта воля; и что осталось бы создавать, еслибъ боги—существовали!

Но всегда къ человѣку влечетъ меня сызнова пламенная воля моя къ созиданію; такъ устремляется молотъ на камень.

О, люди, въ камнѣ дремлетъ для меня образъ, образъ моихъ образовъ! Ахъ, онъ долженъ дремать въ самомъ твердомъ, самомъ безобразномъ камнѣ!

Теперь дико устремляется мой молотъ на свою тюрьму. Отъ камня летятъ куски; какое мнѣ дѣло до этого?

Кончить хочу я этотъ образъ: ибо тѣнь подошла ко мнѣ—самая молчаливая, самая легкая приблизилась ко мнѣ!

Красота сверхъ-человѣка приблизилась ко мнѣ, какъ тѣнь. Ахъ, братья мои! Что мнѣ теперь до боговъ!—

Такъ говорилъ Заратустра.

О сострадательныхъ.

Мои друзья! до вашего друга дошли насмѣшливыя слова: «посмотрите только на Заратустру! Развѣ не ходитъ онъ среди насъ, какъ среди звѣрей?»

Но было бы лучше такъ сказать: «познающій ходитъ среди людей, к а к ъ среди звѣрей».

Но самъ человѣкъ называется у познающаго: звѣрь, имѣющій красныя щеки.

Откуда у него это имя? Не потому ли, что слишкомъ часто долженъ былъ онъ стыдиться?

О, друзья мои! Такъ говоритъ познающій: стыдъ, стыдъ, стыдъ—вотъ исторія человѣка!

И потому благородный предписываетъ себѣ не стыдить другихъ: стыдъ предписываетъ онъ себѣ передъ всякимъ страдающимъ.

Поистинѣ, не люблю я сострадательныхъ, блаженныхъ въ своемъ состраданіи: слишкомъ лишены они стыда.

Если долженъ я быть сострадательнымъ, все таки не хочу я называться имъ; и если я сострадателенъ, то только издали.

Я люблю скрывать свое лицо и убѣгаю, прежде чѣмъ узнать я: такъ совѣтую я дѣлать и вамъ, друзья мои!

Пусть моя судьба ведетъ меня дорогою тѣхъ, кто какъ вы, всегда свободны отъ состраданія, и съ кѣмъ я могъ бы имѣть общими надежду, пиршество и медъ!

Поистинѣ, я дѣлалъ и то и другое для всѣхъ, кто страдаетъ: но мнѣ казалось всегда, что лучше я дѣлалъ, когда учился больше радоваться.

Съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ люди, человѣкъ слишкомъ мало радовался: лишь это, братья мои, нашъ первородный грѣхъ!

И когда мы научимся больше радоваться, тогда мы лучше разучимся причинять другимъ горе и выдумывать его.

Поэтому умываю я руку, помогавшую страдающему, поэтому вытираю я также и душу.

Ибо когда я видѣлъ страдающаго страдающимъ, я стыдился его изъ-за стыда его; и когда я помогалъ ему, я прохаживался безжалостно по гордости его.

Большія одолженія дѣлаютъ не благодарныхъ, а мстительныхъ; и если маленькое благодѣяніе не забывается, оно обращается въ гложащаго червя.

«Будьте равнодушны, когда принимаете что-нибудь! Оказывайте вниманіе тѣмъ, что вы принимаете!»—такъ совѣтую я тѣмъ, кому нечѣмъ отдарить.

Но я изъ тѣхъ, кто дарить: я люблю дарить, какъ другъ, друзьямъ. Но пусть чужіе и бѣдные сами срываютъ плоды съ моего дерева; это менѣе стыдитъ ихъ.

Но нищихъ надо бы совсѣмъ уничтожить! Поистинѣ, сердисься, что даешь имъ, и сердисься, когда не даешь имъ.

И заодно съ ними грѣшниковъ и укоры совѣсти! Вѣрьте мнѣ, друзья мои: укоры совѣсти учатъ кусать другихъ.

Но хуже всего мелкія мысли. Поистинѣ, лучше ужъ совершить злое, чѣмъ подумать мелкое!

Хотя вы говорите: «радость отъ мелкой злобы избавляетъ насъ отъ крупнаго злого дѣла». Но здѣсь не надо быть бережливымъ.

Злое дѣло похоже на нарывъ: оно зудитъ, и чешется, и нарываешь,—оно говорить откровенно.

«Гляди, я—болѣзнь»—такъ говоритъ злое дѣло; въ этомъ откровенность его.

Но мелкая мысль похожа на вошь: она и ползетъ, и сгибается, и нигдѣ не хочетъ быть—пока все тѣло не будетъ вялымъ и дряблымъ отъ маленькихъ вшей.

Но тому, кто одержимъ демономъ, я такъ говорю на ухо: «лучше, чтобъ ты вырастилъ своего демона! Даже для тебя существуетъ еще путь величія!»—

Ахъ, братья мои! О каждомъ знаютъ слишкомъ много! И многіе дѣлаются для насъ прозрачными, но отъ этого мы не можемъ еще пройти сквозь нихъ.

Трудно жить съ людьми, ибо такъ трудно хранить молчаніе.

И не къ тому, кто противенъ намъ, бываемъ мы больше всего несправедливы, а къ тому, до кого намъ нѣтъ никакого дѣла.

Но если есть у тебя страдающій другъ, то будь для страданія его мѣстомъ отдохновенія, но также и жесткимъ ложемъ, походной кроватью: такъ будешь ты ему наиболѣе полезенъ.

И если другъ дѣлаетъ тебѣ что-нибудь дурное, говори ему: «я прощаю тебѣ, что ты мнѣ дѣлалъ; но еслибъ ты дѣлалъ это себѣ,—какъ могъ бы я это простить!»

Такъ говоритъ всякая великая любовь: она преодолеваетъ даже прощеніе и жалость.

Надо сдерживать свое сердце; стоит только распустить его, и какъ быстро каждый теряетъ голову!

Ахъ, гдѣ въ мірѣ совершалось больше безумія, какъ не среди сострадательныхъ? И что въ мірѣ причиняло больше страданія, какъ не безуміе сострадательныхъ?

Горе всѣмъ любящимъ, у которыхъ нѣтъ болѣе высокой вершины, чѣмъ состраданіе ихъ!

Такъ говорилъ однажды мнѣ демонъ: «даже у бога есть свой адъ: это любовь его къ людямъ».

И недавно я слышалъ, какъ говорилъ онъ такія слова: «богъ умеръ; изъ-за состраданія своего къ людямъ умеръ богъ».—

Итакъ, я предостерегаю васъ отъ состраданія: отътуда приближается къ людямъ тяжелая туча! Поистинѣ, я знаю знаменія временъ!

Запомните также и эти слова: всякая великая любовь выше состраданія: ибо то, что она любитъ, она еще хочетъ—создать!

«Себя самого приношу я въ жертву любви своей, и ближняго своего, подобно себѣ» — такъ надо говорить всѣмъ созидающимъ.

Но всѣ созидающіе тверды.

Такъ говорилъ Заратустра.

* * *

О священникахъ.

И однажды Заратустра подалъ знакъ своимъ ученикамъ и говорилъ имъ эти слова:

«Вотъ—жрецы: и хотя они также мои враги, но вы проходите мимо нихъ молча, съ опущенными мечами!

Также и между ними есть герои; многіе изъ нихъ слишкомъ много страдали: поэтому они хотятъ заставить другихъ страдать.

Они—злые враги: нѣтъ ничего мстительнѣе смиренія ихъ. И легко оскверняется тотъ, кто нападаетъ на нихъ.

Но моя кровь родственна ихъ крови: и я хочу, чтобы моя кровь была почтена въ ихъ крови».—

И когда прошли они мимо, напала скорбь на Заратустру; но не долго боролся онъ со своею скорбью, затѣмъ началъ онъ такъ говорить:

Жаль мнѣ этихъ священниковъ. Они мнѣ противны; но для

меня они еще наименьшее зло, съ тѣхъ поръ какъ живу я среди людей.

Я страдаю и страдалъ съ ними: для меня они—плѣнники и клейменные. Тотъ, кого называютъ они избавителемъ, заковалъ ихъ въ оковы:—

Въ оковы ложныхъ цѣнностей и словъ безумія! Ахъ, еслибъ кто избавилъ ихъ отъ ихъ избавителя!

Къ острову думали они нѣкогда пристать, когда море бросало ихъ во всѣ стороны; но онъ оказался спящимъ чудовищемъ!

Ложныя цѣнности и слова безумія: это—худшія чудовища для смертныхъ,—долго дремлетъ и ждетъ въ нихъ судьба.

Но наконецъ она наступаетъ, пробуждается и пожираетъ все, что строило на ней жилища себѣ.

О, посмотрите же на эти жилища, что построили себѣ эти священники! Церквами называютъ они свои благоухающія пещеры.

О, этотъ поддѣльный свѣтъ, этотъ спертый воздухъ! Здѣсь душа не смѣетъ подняться на высоту свою!

Ибо такъ приказываетъ ей вѣра: «на колѣняхъ взбирайтесь по лѣстницѣ, вы грѣшники!»

Поистинѣ, предпочитаю я видѣть безстыднаго, чѣмъ перекошенные глаза стыда и благоговѣнія ихъ!

Кто же создалъ себѣ эти пещеры и лѣстницы покаянія? Не были ли ими тѣ, кто хотѣли спрятаться и стыдились яснаго неба?

И только тогда, когда ясное небо опять проглотитъ, сквозь разрушенныя крыши, на траву и пунцовый макъ у разрушенныхъ стѣнъ, только тогда опять обращаю я свое сердце къ жилищамъ этого бога.

Они называли богомъ, что противорѣчило имъ и причиняло страданіе: и поистинѣ, было много героическаго въ ихъ поклоненіи!

И не иначе умѣли они любить своего бога, какъ распявъ человѣка!

Какъ трупы думали они жить; въ черныя одежды облекли они свой трупъ; и даже изъ ихъ рѣчей слышу я еще зловоніе склеповъ.

И кто живетъ вблизи ихъ, живетъ вблизи черныхъ прудовъ, откуда жаба, въ сладкой задумчивости, поетъ свою пѣсню.

Лучшія пѣсни должны бы они мнѣ пѣть, чтобъ научился я вѣрить ихъ избавителю: избавленными должны бы выглядѣть его ученики!

Нагими хотѣлъ бы я видѣть ихъ: ибо только красота должна проповѣдовать покаяніе. Но кого же убѣдить эта закутанная печаль!

Поистинѣ, сами ихъ избавители не исходили изъ свободы и седьмого неба свободы! Поистинѣ, сами они никогда не ходили по коврамъ познанія!

Изъ дыръ состоялъ духъ этихъ избавителей; и въ каждую дыру помѣстили они свое безуміе, своего помощника, котораго они называли богомъ.

Въ ихъ состраданіи утонулъ ихъ духъ, и когда они вздувались отъ состраданія, на поверхности всегда плавало великое безуміе.

Гнѣвно, съ крикомъ гнали они свое стадо по своей тропинкѣ: какъ будто къ будущему ведетъ только одна тропинка! Поистинѣ, даже эти пастыри принадлежали еще къ овцамъ!

У этихъ пастырей былъ маленькій умъ и обширная душа: но, братья мои, какими маленькими странами были до сихъ поръ даже самыя обширныя души!

Знаками крови писали они на пути, по которому они шли, и ихъ безуміе учило, что кровью свидѣлствуется истина.

Но кровь есть самый худшій свидѣтель истины; кровь отравляетъ самое чистое ученіе до степени безумія и ненависти сердець.

А если кто и идетъ на огонь изъ-за своего ученія,—что же это доказываетъ! Поистинѣ, совсѣмъ другое дѣло, когда изъ собственного горѣнія исходитъ собственное ученіе!

Горячее сердце и холодная голова: гдѣ они встрѣчаются, тамъ возникаетъ ураганъ, который называютъ «избавителемъ».

Поистинѣ, были люди болѣе великіе и болѣе высокіе по рожденію, чѣмъ тѣ, кого народъ называетъ избавителями, эти увлекающіе все за собой ураганы!

И еще отъ болѣе великихъ, чѣмъ были всѣ избавители, должны вы, братья мои, избавиться, если хотите вы найти путь къ свободѣ!

Никогда еще не было сверхъ-человѣка. Нагими видѣлъ я обоихъ, самаго большого и самаго маленькаго человѣка:—

Еще слишкомъ похожи они другъ на друга. Поистинѣ, даже самаго великаго изъ нихъ находилъ я — слишкомъ человѣческимъ!—

Такъ говорилъ Заратустра.

О добродѣтельныхъ.

Громоу и небеснымъ огнемъ надо говорить къ вялымъ и соннымъ чувствамъ.

Но голосъ красоты говорить тихо: онъ проникаетъ только въ самыя чуткія души.

Тихо вздрагивала и смѣялась сегодня опора моя: это священный смѣхъ и трепеть красоты.

Надъ вами, вы добродѣтельные, смѣялась сегодня моя красота. И до меня доносился ея голосъ: «они хотятъ еще—чтобъ имъ заплатили!»

Вы еще хотите, чтобъ вамъ заплатили, вы добродѣтельные! Хотите получить плату за добродѣтель, небо за землю, вѣчность за ваше сегодня?

И теперь негодуете вы на меня, что учу я, что нѣтъ воздаятеля? И поистинѣ, я не учу даже, чтобъ добродѣтель была своей собственной наградой.

Ахъ, вотъ мое горе: въ основу вещей коварно придуманы награда и наказаніе—и даже въ основу вашихъ душъ, вы добродѣтельные!

Но подобно клыку вепря, должно мое слово бороздить основу вашей души; плугомъ хочу я называться для васъ.

Все сокровенное вашей основы должно выйти на свѣтъ; и когда вы будете лежать на солнцѣ, взрытые и изломанные, отдѣлится ваша ложь отъ вашей истины.

Ибо вотъ ваша истина: вы слишкомъ чисты для грязи такихъ словъ, какъ мщеніе, наказаніе, награда и возмездіе.

Вы любите вашу добродѣтель, какъ мать любить свое дитя; но когда же слыхано было, чтобъ мать хотѣла платы за свою любовь?

Ваша добродѣтель—это ваше самое дорогое дитя. Въ васъ есть жажда кольца; чтобъ снова достичь самого себя, для этого вертится и крутится каждое кольцо.

И каждое дѣло вашей добродѣтели похоже на потухающую звѣзду: ея свѣтъ всегда находится еще въ пути и блуждаетъ—и когда же не будетъ онъ больше въ пути?

Такъ и свѣтъ вашей добродѣтели находится еще въ пути, даже когда дѣло совершено уже. Пусть оно будетъ даже забыто и мертво: лучъ его свѣта живъ еще и блуждаетъ.

Пусть ваша добродѣтель будетъ вашимъ Само, а не чѣмъ-то постороннимъ, кожей, покровомъ: вотъ истина изъ основы вашей души, вы добродѣтельные!—

Но есть, конечно, и такіе, для которыхъ добродѣтель представляется корчей подъ ударомъ бича: и вы слишкомъ много слышались вопля ихъ!

Есть и другіе, называющіе добродѣтелью лѣнивое состояніе своихъ пороковъ; и если просыпается ихъ ненависть и ихъ зависть, просыпается также ихъ «справедливость» и треть свои заспанные глаза.

Есть и такіе, которыхъ тянетъ внизъ: ихъ демоны тянутъ ихъ. Но чѣмъ ниже они опускаются, тѣмъ ярче горятъ ихъ глаза и страстное стремленіе ихъ къ своему богу.

Ахъ, и такой крикъ достигалъ вашихъ ушей, вы добродѣтельные: «что не я, то для меня богъ и добродѣтель!»

Есть и такіе, что съ трудомъ двигаются и скрипятъ, какъ телѣги, везущія камни въ долину: они говорятъ много о достоинствѣ и добродѣтели, — свою узду называютъ они добродѣтью!

Есть и такіе, что подобны часамъ съ ежедневнымъ заводомъ; они дѣлаютъ свой тикъ-такъ и хотятъ, чтобы тикъ-такъ называлось—добродѣтью.

Поистинѣ, они забавляютъ меня: гдѣ бы я ни находилъ такіе часы, я завожу ихъ своей насмѣшкой; и они должны еще пошипѣть мнѣ!

Другіе гордятся своей горстью справедливости и клеветуютъ въ имя ея на все: такъ что міръ тонетъ въ ихъ несправедливости.

Ахъ, какъ дурно звучитъ слово «добродѣтель» въ ихъ устахъ! И когда они говорятъ: «я справедливъ», всегда это звучитъ какъ будто: «я отомщенъ!»

Своею добродѣтью хотятъ они выцарапать глаза своимъ врагамъ; и они возносятся только для того, чтобы унижить другихъ.

Но опять есть и такіе, что сидятъ въ своемъ болотѣ и такъ говорятъ изъ тростника: «добродѣтель — это значитъ сидѣть смиренно въ болотѣ.

Мы никого не кусаемъ и избѣгаемъ тѣхъ, кто хочетъ укунить; и во всемъ мы держимся мнѣнія, навязаннаго намъ».

Опять-таки есть и такіе, что любятъ жесты и думаютъ: добродѣтель—это родъ жестовъ.

Ихъ колѣни всегда преклоняются, а ихъ руки восхваляютъ добродѣтель, но ихъ сердце ничего не знаетъ о ней.

Но есть и такіе, что считаютъ за добродѣтель сказать: «добродѣтель необходима»; но въ душѣ они вѣрятъ только въ необходимость полиціи.

И многіе, кто не могутъ видѣть высокаго въ людяхъ, называютъ добродѣтелью, когда слишкомъ близко видятъ низкое ихъ: такъ называютъ они добродѣтелью свой дурной глазъ.

Одни хотятъ поучаться и стать на путь истинный и называютъ его добродѣтелью; а другіе хотятъ отъ всего отказаться— и называютъ это также добродѣтелью.

И такимъ образомъ почти всѣ вѣрятъ, что участвуютъ въ добродѣтели; и всѣ хотятъ, по меньшей мѣрѣ, быть знатоками въ «добрѣ» и «злѣ».

Но не для того пришелъ Заратустра, чтобъ сказать всѣмъ этимъ лжецамъ и глупцамъ: «что знаете вы о добродѣтели! Что могли бы вы знать о ней!»—

Но чтобъ устали вы, друзья мои, отъ старыхъ словъ, которыми научились вы отъ глупцовъ и лжецовъ:

Чтобъ устали отъ словъ «награда», «возмездіе», «наказаніе», «месть въ справедливости»—

Чтобъ устали говорить: «такой-то поступокъ хорошъ, ибо онъ безкорыстенъ».

Ахъ, друзья мои! Пусть ваше Само отразится въ поступкахъ, какъ мать отражается въ ребенкѣ: таково должно быть ваше слово о добродѣтели!

Поистинѣ, я отнялъ у васъ сотню словъ и самыя дорогія погрешности вашей добродѣтели; и теперь вы сердитесь на меня, какъ сердятся дѣти.

Они играли у моря,—вдругъ пришла волна и смыла у нихъ въ пучину ихъ игрушку: теперь плачутъ они.

Но та же волна должна принести имъ новыя игрушки и рассыпать передъ ними новыя пестрыя раковины!

Такъ будутъ они утѣшены; и подобно имъ и вы, друзья мои, получите свое утѣшеніе—и новыя пестрыя раковины!—

Такъ говорилъ Заратустра.

* * *

Итакъ.—Такъ говорилъ Заратустра.

О толпѣ.

Жизнь есть источникъ радости; но всюду, гдѣ пьетъ толпа, всѣ родники бываютъ отравлены.

Все чистое люблю я; но я не могу видѣть мордъ съ оскаленными зубами и жажду нечистыхъ.

Они бросали свой взоръ въ глубь родника: и вотъ мнѣ свѣтится изъ родника ихъ противная улыбка.

Священную воду отравили они своею похотью: и когда они свои грязные сны называли радостью, отравляли они еще и слова.

Негодуетъ пламя, когда они свои сырые сердца кладутъ на огонь; самъ духъ кипить и дымится, когда толпа приближается къ огню.

Приторнымъ и мягкимъ становится плодъ въ ихъ рукахъ: сушить и дѣлаетъ негоднымъ взоръ ихъ плодовое дерево.

И многіе, кто отвернулись отъ жизни, отвернулись только отъ толпы: они не хотѣли дѣлать съ толпою ни источника, ни пламени, ни плода.

И многіе, кто уходили въ пустыню и вмѣстѣ съ хищными звѣрями терпѣли жажду, не хотѣли только сидѣть у водоема вмѣстѣ съ грязными погонщиками верблюдовъ.

И многіе, кто приходили, какъ истербители и какъ градобитіе на всѣ хлѣбныя поля, хотѣли только поставить свою ногу въ пасть толпы и такимъ образомъ заткнуть ей глотку.

И знать, что для самой жизни нужны вражда и смерть и кресты мучениковъ—это не есть еще тотъ кусокъ, которымъ давился я больше всего:—

Но нѣкогда я спрашивалъ и почти давился своимъ вопросомъ: какъ? неужели для жизни нужна толпа?

Нужны отравленные источники, зловонные огни, грязные сны и черви въ хлѣбѣ жизни?

Не моя ненависть, а мое отвращеніе пожирало жадно мою жизнь! Ахъ, я часто утомлялся духомъ, когда я даже толпу находилъ остроумной!

И отъ господствующихъ отвернулся я, когда я увидѣлъ, что они теперь называютъ господствомъ: хлопотать и торговаться изъ-за власти—съ толпою!

Среди народовъ жилъ я, заткнувъ уши, чужой имъ по языку, чтобъ ихъ языкъ барышничества и ихъ торговля изъ-за власти оставались мнѣ чуждыми.

И зажавъ носъ, шелъ я негодующій черезъ всѣ вчера и сегодня: поистинѣ, дурно пахнутъ пишущей чернью всѣ вчера и сегодня!

Какъ калѣка, ставшій глухимъ, слѣпымъ и нѣмымъ: такъ жилъ я долго, чтобъ не жить вмѣстѣ съ властвующей, пишущей и веселящейся чернью.

Съ трудомъ, осторожно поднимался мой духъ по лѣстницѣ; крохи радости были усладой ему; опираясь на посохъ, текла жизнь для слѣпца.

Что же случилось со мной? Какъ избавился я отъ отвращенія? Кто обновилъ мой взоръ? Какъ поднялся я на высоту, гдѣ толпа не сидитъ уже у источника?

Развѣ не само мое отвращеніе создало мнѣ крылья и силы, угадавшія источникъ? Поистинѣ, я долженъ былъ взлетѣть на самую высь, чтобы вновь обрѣсти источникъ радости!

О, я нашелъ его, братья мои! Здѣсь на самой выси течетъ для меня источникъ радости! И существуетъ жизнь, отъ которой не пьютъ толпа вмѣстѣ съ вами!

Слишкомъ стремительно течешь ты для меня, источникъ радости! И часто опустошаешь ты кубокъ, желая наполнить его!

И мнѣ надо еще научиться болѣе скромно приближаться къ тебѣ: еще слишкомъ стремительно бьется мое сердце навстрѣчу тебѣ:—

Мое сердце, гдѣ горитъ мое лѣто, короткое, знойное, грустное и чрезмѣрно блаженное: какъ жаждетъ мое лѣто-сердце твоей прохлады!

Миновала медлительная печаль моей весны! Миновала злоба моихъ снѣжныхъ хлопьевъ въ іюнѣ! Лѣтомъ сдѣлался я всецѣло, и полуднемъ лѣта!

Лѣтомъ въ самой выси, съ холодными источниками и блаженной тишиной: о, приходите, друзья мои, чтобъ тишина стала еще блаженнѣй!

Ибо это—наша высь и наша родина: слишкомъ высоко и недоступно живемъ мы здѣсь для всѣхъ нечистыхъ и для жажды ихъ.

Бросьте же, друзья, свой чистый взоръ въ источникъ моей радости! Развѣ помутится онъ! Онъ улыбнется въ отвѣтъ вамъ своей чистотою.

На деревѣ будущаго вѣмъ мы свое гнѣздо; орлы должны въ своихъ клювахъ приносить пищу намъ, одиночимъ!

Поистинѣ, не ту пищу, которую могли бы вкушать и нечистые! Имъ казалось бы, что они пожирають огонь, и они обожгли бы себѣ рты!

Поистинѣ, мы не готовимъ здѣсь жилища для нечистыхъ! Ледяной пещерой было бы наше счастье для тѣла и духа ихъ.

И подобно могучимъ вѣтрамъ, хотимъ мы жить надъ ними, сосѣди орламъ, сосѣди снѣгу, сосѣди солнцу: такъ живутъ могучіе вѣтры.

И подобно вѣтру, хочу я когда-нибудь еще подуть среди нихъ, и своимъ духомъ отнять дыханіе у духа ихъ: такъ хочетъ мое будущее.

Поистинѣ, могучій вѣтеръ Заратустра для всѣхъ низкихъ мѣстъ; и такой совѣтъ даетъ онъ своимъ врагамъ и всѣмъ, кто плюетъ: «берегись плевать противъ вѣтра!»

Такъ говорилъ Заратустра.

О тарантулахъ.

Взгляни, вотъ яма тарантула! Не хочешь ли ты посмотреть на него самого? Вотъ виситъ его сѣть: тронь, чтобъ она задрожала.

Вотъ идетъ онъ добровольно: здравствуй, тарантул! Чернымъ сидитъ на твоей спинѣ твой треугольникъ и примѣта; и я знаю также, что сидитъ въ твоей душѣ.

Мщеніе сидитъ въ твоей душѣ: куда ты укусишь, тамъ вырастаетъ черный струлъ; мщеніемъ заставляетъ твой ядъ кружиться душу!

Такъ говорю я вамъ въ символъ, вы проповѣдники равенства, заставляющіе кружиться души! Тарантулы вы для меня и скрытые мстители!

Но я выведу ваши притоны на свѣтъ: поэтому и смѣюсь я вамъ въ лицо своимъ смѣхомъ высоты.

Поэтому и рву я вашу сѣть, чтобъ ваша ярость выманила васъ изъ вашей пещеры лжи и чтобъ ваша месть выскочила изъ-за вашего слова «справедливость».

Ибо, да будетъ человекъ избавленъ отъ мести: вотъ для меня мость, ведущій къ высшей надеждѣ, и радужное небо послѣ долгихъ грозъ.

Но другого, конечно, хотят тарантулы. «По нашему, справедливость будетъ именно въ томъ, чтобы міръ былъ полонъ грѣхами нашего мщенія»—такъ говорятъ они между собою.

«Мщенію и позору хотимъ мы предать всѣхъ, кто не подобенъ намъ»—такъ клянутся сердца тарантуловъ.

И еще: «воля къ равенству—вотъ что должно стать отнынѣ именемъ для добродѣтели; и противъ всего, власть имущаго, поднимаемъ мы свой крикъ!»

Проповѣдники равенства! Безсильное безуміе тирана вопіетъ въ васъ о «равенствѣ»: такъ скрывается ваше сокровенное желаніе тираніи за словами о добродѣтели!

Истосковавшійся мракъ, скрытая зависть, быть можетъ, мракъ и зависть вашихъ отцовъ: вотъ что прорывается въ васъ безумнымъ пламенемъ мести.

То, о чемъ молчалъ отецъ, начинаетъ говорить въ сынъ; и часто находилъ я въ сынѣ обнаженную тайну отца.

На вдохновенныхъ похожи они: но не сердце вдохновляетъ ихъ—а месть. И если они становятся хитрыми и холодными,—это не умъ, а зависть дѣлаетъ ихъ хитрыми и холодными.

Ихъ зависть приводитъ ихъ даже на путь мыслителей; и въ томъ отличительная черта ихъ зависти, что всегда идутъ они слишкомъ далеко: такъ что ихъ усталость должна, въ концѣ концовъ, засыпать на снѣгу.

Въ каждой жалобѣ ихъ звучитъ мщеніе, въ каждой похвалѣ ихъ есть желаніе причинить страданіе; и быть судьями кажется имъ блаженствомъ.

Но я совѣтую вамъ, друзья мои: не довѣряйте никому, въ комъ сильно стремленіе наказывать!

Это—народъ плохого сорта и происхожденія; на ихъ лицахъ виденъ палачъ и ищейка.

Не довѣряйте всѣмъ тѣмъ, кто много говорятъ о своей справедливости! Поистинѣ, ихъ душамъ недостаетъ не одного только меду.

И если они сами себя называютъ «добрыми и праведными», не забывайте, что имъ недостаетъ только—власти, чтобы стать фарисеями!

Друзья мои, я не хочу, чтобы меня смѣшивали или ставили наравнѣ съ ними.

Есть такіе, что проповѣдуютъ мое ученіе о жизни: и въ тоже время они проповѣдники равенства и тарантулы.

Они говорятъ въ пользу жизни, эти ядовитые пауки, хотя они сидятъ въ своихъ пещерахъ, отвернувшись отъ жизни: ибо этимъ они хотятъ причинять страданіе.

Этимъ они хотятъ причинять страданіе всѣмъ, у кого теперь власть: ибо у этихъ преобладаетъ еще проповѣдь смерти.

Будь иначе, и тарантулы учили бы иначе: ибо они нѣкогда были худшими клеветниками на міръ и сожигателями еретиковъ.

Я не хочу, чтобы меня смѣшивали или ставили наравнѣ съ этими проповѣдниками равенства. Ибо такъ говорить ко мнѣ справедливость: «люди не равны».

И они не должны быть равны! Чѣмъ была бы моя любовь къ сверхъ-человѣку, еслибъ я говорилъ иначе?

Пусть по тысячѣ мостовъ и тропинокъ стремятся они къ будущему, и пусть между ними будетъ все больше войны и неравенства: такъ заставляетъ меня говорить моя великая любовь!

Изобрѣтателями образовъ и призраковъ должны они стать во время вражды своей, и этими образами и призраками должны они сразиться въ послѣдней борьбѣ!

Добрый и злой, богатый и бѣдный, высокій и низкій, и всѣ имена цѣнностей: все должно быть оружіемъ и кричащимъ символомъ и указывать, что жизнь должна всегда сызнова преодолевать самое себя!

Въ высь хочетъ она строиться съ помощью столбовъ и ступеней: дальніе горизонты хочетъ она извѣдать и смотрѣть на блаженныя красоты,—для этого ей нужна высота!

И такъ какъ ей нужна высота, то ей нужны ступени и противорѣчія ступеней и поднимающихся по нимъ! Подниматься хочетъ жизнь и, поднимаясь, преодолевать себя.

И посмотрите, друзья мои! Здѣсь, гдѣ пещера тарантула, высятся развалины древняго храма,—посмотрите на нихъ просвѣтленными глазами!

Поистинѣ, тотъ, кто нѣкогда здѣсь, въ камнѣ, воздвигалъ свои мысли вверхъ, зналъ о тайнѣ всякой жизни наравнѣ съ мудрѣйшимъ изъ людей!

Что даже въ красотѣ есть борьба и неравенство, и война и власть и чрезмѣрная власть: этому учить онъ насъ здѣсь въ самомъ ясномъ символѣ.

Какъ божественно преломляются здѣсь въ борьбѣ своды и дуги: какъ свѣтомъ и тѣнью они устремляются другъ противъ друга, божественно стремительные.—

Такъ же увѣренно и прекрасно будемъ врагами и мы, друзья мои! Божественно устремимся мы другъ противъ друга!—

Увы! Тутъ укусилъ меня самого тарантулъ, мой старый врагъ! Божественно увѣренно и прекрасно укусилъ онъ меня въ палецъ!

«Должны быть наказаніе и справедливость — такъ думаетъ онъ: вѣдь не даромъ же ему пѣтъ здѣсь гимны въ честь вражды!»

Да, онъ отмстилъ за себя! И, увы! теперь мщеніемъ заставитъ онъ кружиться и мою душу!

Но чтобъ не сталъ я кружиться, друзья мои, привяжите меня покрѣпче къ этому столбу! Ужъ лучше хочу я быть столпникомъ, чѣмъ вихремъ мщенія!

Поистинѣ, не вихрь и не смерчъ Заратустра; а если онъ и танцоръ, то никакъ не танцоръ тарантеллы!—

Такъ говорилъ Заратустра.

* * *

О знаменитыхъ мудрецахъ.

Народу служили вы и народному суевѣрію, вы всѣ знаменитые мудрецы!—а не истинѣ! И потому только платили вамъ дань уваженія.

И потому только перенесли ваше невѣріе, что оно было остроумнымъ окольнымъ путемъ къ народу. Такъ предоставляетъ господинъ волю своимъ рабамъ и еще потѣшается ихъ своеволіемъ.

Но кто же ненавистенъ народу, какъ волкъ собакамъ:—свободный умъ, врагъ цѣпей, кто не молится и живетъ въ лѣсахъ.

Выгнать его изъ его убѣжища—это называлось всегда у народа «чувствомъ справедливости»: на него онъ все еще натравливаетъ своихъ самыхъ злыхъ собакъ.

«Истина существуетъ: ибо существуетъ народъ! Горе ищущему!»—такъ велось изстари.

Своему народу хотѣли вы дать оправданіе въ его поклоненіи: это называли вы «волею къ истинѣ», вы знаменитые мудрецы!

И ваше сердце всегда говорило себѣ: «изъ народа вышелъ я, оттуда же низшелъ на меня голосъ бога».

Упрямые и хитрые, какъ ослы, вы всегда были ходатаями за народъ.

И многіе властители, желавшіе ладить съ народомъ, впрягали впереди своихъ коней—осленка знаменитаго мудреца.

А теперь, знаменитые мудрецы, хотѣлось бы мнѣ, чтобъ вы наконецъ совсѣмъ сбросили съ себя шкуру льва!

Пеструю шкуру хищнаго звѣря и космы изслѣдующаго, ищущаго и завоевывающаго!

Ахъ, чтобъ научился я вѣрить въ вашу «правдивость», вамъ надо сперва отказаться отъ вашей воли къ поклоненію.

Правдивымъ называю я того, кто идетъ въ пустыни, гдѣ нѣтъ боговъ, и разбиваетъ свое сердце, готовое поклониться.

На желтомъ пескѣ, палимый солнцемъ, украдкой смотритъ онъ съ жадностью на богатые источниками острова, гдѣ все живущее отдыхаетъ подъ тѣнью деревь.

Но его жажда не можетъ заставить его сдѣлаться похожимъ на этихъ довольныхъ: ибо гдѣ есть оазисы, тамъ есть и идолы.

Быть голоднымъ, сильнымъ, одинокимъ и безбожнымъ: такъ хочетъ воля льва.

Быть свободнымъ отъ счастья рабовъ, избавленнымъ отъ боговъ и поклоненія имъ, безстрашнымъ и наводящимъ страхъ, великимъ и одинокимъ: такова воля правдиваго.

Въ пустынѣ жили искони правдивые, свободные умы, какъ господа пустыни; но въ городахъ живутъ хорошо откормленные, знаменитые мудрецы,—выючныя животныя.

Ибо всегда тянутъ они, какъ ослы—повозку народа!

За это не сержусь я на нихъ: но слугами остаются они для меня и людьми запряженными, даже если сбруя ихъ сверкаетъ золотомъ.

И часто бывали они хорошими слугами, достойными похвалы. Ибо такъ говоритъ добродѣтель: «если долженъ ты быть слугою, ищи того, кому твоя служба всего полезнѣе!»

«Духъ и добродѣтель твоего господина должны расти благодаря тому, что ты его слуга: такъ будешь ты расти и самъ вмѣстѣ съ его духомъ и его добродѣтелью!»

И поистинѣ, вы знаменитые мудрецы, слуги народа! Вы сами росли вмѣстѣ съ духомъ и добродѣтелью народа—а народъ черезъ васъ! Къ вашей чести говорю я это!

Но народомъ остаетесь вы для меня даже въ своихъ добродѣтеляхъ, близорукимъ народомъ,—который не знаетъ, что такое духъ!

Духъ есть жизнь, которая сама стоитъ жизни: своимъ соб-

ственнымъ страданіемъ увеличиваетъ она собственное знаніе,— знали ли вы уже это?

И счастье духа въ томъ, чтобъ помазаннымъ быть и освященнымъ быть слезами на закланіе,—знали ли вы уже это?

И слѣпота слѣплого и его исканіе ошупью свидѣтельствуютъ о силѣ солнца, на которое глядѣлъ онъ,—знали ли вы уже это?

Съ помощью горъ долженъ учиться строить познающій! Мало того, что духъ двигаетъ горами,—знали ли вы уже это?

Вы знаете только искры духа: но вы не видите наковальни, какой является онъ, и жестокости его молота!

Поистинѣ, вы не знаете гордости духа! Но еще менѣе перенесли бы вы скромность духа, еслибъ когда-нибудь захотѣла она говорить!

И никогда еще не могли вы ввергнуть свой духъ въ яму со снѣгомъ: вы недостаточно горячи для этого! Потому и не знаете вы восторговъ его холода.

Но во всемъ обходитесь вы, по моему, съ духомъ слишкомъ запросто; и изъ мудрости дѣлали вы часто богадѣльню и больницу для плохихъ поэтовъ.

Вы не орлы: потому и не испытывали вы счастья въ испугѣ духа. И кто не птица, не долженъ парить надъ пропастью.

Вы кажетесь мнѣ теплыми: но холодомъ вѣетъ отъ всякаго глубокаго познанія. Холодны, какъ ледъ, самые глубокіе источники духа: услада для горячихъ рукъ и для тѣхъ, кто дѣйствуетъ.

Вотъ стоите вы, чтимые, строгіе, съ прямыми спинами, вы знаменитые мудрецы!—вами не движетъ могучій вѣтеръ и сильная воля.

Видѣли ли вы когда-нибудь парусъ на морѣ, надутый вѣтромъ и дрожащій отъ бури?

Подобно парусу, дрожащему отъ бури духа, проходитъ по морю моя мудрость—моя дикая мудрость!

Но вы слуги народа, вы знаменитые мудрецы,—какъ могли бы вы идти со мною!—

Такъ говорилъ Заратустра.

Ночная пѣснь.

Ночь: теперь говорятъ громче всѣ быющіе ключи. И моя душа тоже быющій ключъ.

Ночь: теперь только пробуждаются всѣ пѣсни влюбленныхъ. И моя душа тоже пѣснь влюбленного.

Что-то неутоленное, неутолимое есть во мнѣ; оно хочетъ говорить. Жажда любви есть во мнѣ; она сама говоритъ языкомъ любви.

Я—свѣтъ: ахъ, еслибъ быть мнѣ ночью! Но въ томъ и одиночество мое, что опоясанъ я свѣтомъ.

Ахъ, еслибъ быть мнѣ темною ночью! Какъ упивался бы я у сосцевъ свѣта!

И даже васъ благословлялъ бы я, вы, звѣздочки, мерцающія, какъ свѣтящіеся червяки на небѣ!—и былъ бы счастливъ отъ вашихъ даровъ свѣта.

Но я живу въ своемъ собственномъ свѣтѣ, я вновь поглощаю пламя, что исходитъ изъ меня.

Я не знаю счастья берущаго; и часто мечталъ я о томъ, что красть должно быть еще блаженнѣе, чѣмъ брать.

Въ томъ моя бѣдность, что моя рука никогда не отдыхаетъ отъ даренія; въ томъ моя зависть, что я вижу глаза, полные ожиданія, и ночи, освѣщенные жаждой желанія.

О, горе всѣхъ, кто дарить! О, затменіе моего солнца! О, жажда желаній! О, ярый голодъ среди пресыщенія!

Они берутъ у меня: но затрогиваю ли я ихъ душу? Цѣлая пропасть лежитъ между дарить и брать; но и черезъ малѣйшую пропасть очень трудно перекинуть мостъ.

Голодъ вырастаетъ изъ моей красоты: причинить страданіе хотѣлъ бы я тѣмъ, кому я свѣчу, ограбить хотѣлъ бы я одаренныхъ мною:—такъ алчу я злобы.

Отдернуть руку, когда другая рука уже протягивается къ ней; медлить, какъ водопадъ, который медлитъ въ своемъ паденіи:—такъ алчу я злобы.

Такое мщеніе измышляетъ мой избытокъ: такое коварство рождается изъ моего одиночества.

Мое счастье дарить замерло въ дареніи, моя добродѣтель устала отъ себя самой и отъ своего избытка!

Кто постоянно дарить, тому грозитъ опасность потерять стыдъ;

кто постоянно раздаеть, у того рука и сердце натирають себѣ мозоли отъ постоянного раздаванія.

Мои глаза не дѣлаются уже влажными передъ стыдомъ просящихъ; моя рука слишкомъ огрубѣла для дрожанія рукъ наполненныхъ.

Куда же дѣвались слезы изъ моихъ глазъ и нѣжность изъ моего сердца? О, одиночество всѣхъ, кто дарить! О, молчаніе всѣхъ, кто свѣтитъ!

Много солнць вращается въ пустомъ пространствѣ: всему, что темно, говорятъ они своимъ свѣтомъ,—для меня молчатъ они.

О, въ этомъ и есть вражда свѣта ко всему свѣтящемуся: безжалостно проходитъ оно своими путями.

Несправедливое въ глубинѣ сердца ко всему свѣтящемуся, равнодушное къ другимъ солнцамъ,—такъ движется всякое солнце.

Какъ буря несутся солнца своими путями, въ этомъ—движеніе ихъ. Своей неумолимой волѣ слѣдуютъ они, въ этомъ—холодъ ихъ.

О, это вы, темныя ночи, создаете теплоту изъ всего свѣтящагося! О, только вы пьете млеко и усладу у сосцевъ свѣта!

Ахъ, ледъ кругомъ меня, моя рука обжигается объ ледъ! Ахъ, жажда во мнѣ, которая томится по вашей жаждѣ!

Ночь: ахъ, зачѣмъ я долженъ быть свѣтомъ! И жаждою тьмы! И одиночествомъ!

Ночь: теперь рвется, какъ ключъ, мое желаніе, — желаніе говорить.

Ночь: теперь говорятъ громче всѣ бьющіе ключи. И душа моя тоже бьющій ключъ.

Ночь: теперь пробуждаются всѣ пѣсни влюбленныхъ. И моя душа тоже пѣснь влюбленнаго.—

Такъ пѣлъ Заратустра.

✱ ✱
✱

Пѣснь пляска.

Однажды вечеромъ проходилъ Заратустра съ своими учениками по лѣсу; и вотъ: отыскивая источникъ, вышелъ онъ на зеленый лугъ, окаймленный молчаливыми деревьями и кустарникомъ: на немъ танцовали дѣвушки. Узнавъ Заратустру, дѣвушки

бросили свой танецъ; но Заратустра подошелъ къ нимъ съ привѣтливымъ видомъ и говорилъ эти слова:

«Не бросайте пляски, вы, милыя дѣвушки! Къ вамъ подошелъ не противникъ игръ со злымъ взглядомъ, не врагъ дѣвушекъ.

Ходатай бога я передъ дьяволомъ, а онъ — духъ тяжести. Какъ бы могъ я, вы, быстроногія, быть врагомъ божественныхъ танцевъ? Или женскихъ ножекъ съ красивыми пальцами?

Правда, я—лѣсъ, полный мрака отъ темныхъ деревьевъ: но кто не испугается моего мрака, найдетъ и кущи розъ подъ сѣнью моихъ кипарисовъ.

И маленькаго бога найдетъ онъ, любезнаго дѣвушкамъ: у колодца лежитъ онъ тихо, съ закрытыми глазами.

Поистинѣ, среди бѣла дня уснулъ онъ, лѣнинецъ! Не гонялся ли онъ слишкомъ много за бабочками?

Не сердитесь на меня, прекрасныя плясуньи, если я немного накажу маленькаго бога! Быть можетъ, кричать будетъ онъ и плакать,—но онъ готовъ смѣяться, даже когда плачетъ!

И со слезами на глазахъ пусть проситъ онъ у васъ о пляскѣ; а я спою пѣснь къ его пляскѣ:

Пѣснь пляски и насмѣшки надъ духомъ тяжести, моимъ величайшимъ и самымъ могучимъ демономъ, о которомъ говорятъ, что онъ «владыка міра».—

И вотъ пѣсня, которую пѣлъ Заратустра, въ то время, какъ Купидонъ и дѣвушки вмѣстѣ плясали:

Въ твои глаза заглянулъ я недавно, о, жизнь! И мнѣ показалось, что я погружаюсь въ непостижимое.

Но ты вытасила меня золотою удочкой; насмѣшливо смѣялась ты, когда я тебя называлъ непостижимой.

«Такъ говорятъ всѣ рыбы, отвѣчала ты; чего не постигаютъ онѣ, то и непостижимо.

Но я только измѣнчива и дика, и во всемъ я женщина, и при томъ не добродѣтельная:

Хотя я называюсь у васъ, мужчинъ, «глубиною» или «вѣрностью», «вѣчностью», «тайною».

Но вы, мужчины, одаряете насъ всегда собственными добродѣтелями—ахъ, вы добродѣтельные!»

Такъ смѣялась она, невѣроятная; но никогда не вѣрю я ей и смѣху ея, когда она дурно говоритъ о себѣ самой.

И когда я съ глазу на глазъ говорилъ съ своей дикой мудростью, она сказала мнѣ съ гнѣвомъ: «Ты желаешь, ты жаждешь, ты любишь, потому только ты и хвалишь жизнь!»

Чуть было зло не отвѣтилъ я ей и не сказалъ правды разсерженной; и нельзя злѣе отвѣтить, какъ «сказавъ правду» своей мудрости.

Такъ обстоитъ дѣло между нами тремя. Отъ всего сердца люблю я только жизнь—и поистинѣ, всего больше тогда, когда я ненавижу ее!

Но если я люблю мудрость, и часто слишкомъ люблю ее, то потому, что она очень напоминаетъ мнѣ жизнь!

У ней ея глаза, ея смѣхъ и даже ея золотая удочка: чѣмъ же я виноватъ, что онѣ такъ похожи одна на другую?

И когда однажды жизнь спросила меня: Что такое мудрость?—я съ жаромъ отвѣтилъ: «О, да! мудрость!

Ея алчутъ и не насыщаются, смотрятъ сквозь покровы и ловятъ сѣтью.

Красива ли она? Почему я знаю! Но и самые старые карпы еще идутъ на приманки ея.

Измѣнчива она и упряма; часто я видѣлъ, какъ кусала она себѣ губы и путала гребнемъ свои волосы.

Быть можетъ, она зла и лукава, и во всемъ она женщина; но когда она дурно говорить о себѣ самой, тогда именно увлекаетъ она всего больше».

И когда я сказалъ это жизни, она зло улыбнулась и закрыла глаза. «О комъ же говоришь ты? спросила она, не обо мнѣ ли?

И если даже ты правъ,—можно ли говорить э т о мнѣ прямо въ лицо! Но теперь скажи мнѣ о своей мудрости!»

Ахъ, ты опять раскрыла глаза свои, о жизнь возлюбленная! И мнѣ показалось, что я опять погружаюсь въ непостижимое.—

Такъ пѣлъ Заратустра. Но когда пляска кончилась и дѣвушки ушли, онъ сдѣлался печаленъ.

«Солнце давно уже сѣло, сказалъ онъ наконецъ; лугъ сталъ сырымъ, отъ лѣсовъ вѣетъ прохладой.

Что-то невѣдомое окружаетъ меня и задумчиво смотреть. Какъ! Ты живъ еще, Заратустра?

Почему? Зачѣмъ? Для чего? Куда? Гдѣ? Какъ? Развѣ не безуміе, жить еще?—

Ахъ, друзья мои, это вечеръ вопрошаетъ во мнѣ. Простите мнѣ мою печаль!

Вечеръ насталь: простите мнѣ, что вечеръ насталь!»

Такъ говорилъ Заратустра.

* * *

Надгробная пѣснь.

«Тамъ островъ могиль, молчаливый; тамъ также могилы моей юности. Туда отнесу я вѣчно зеленый вѣнокъ жизни».

Такъ рѣшивъ въ сердцѣ, ѣхалъ я по морю.—

О, вы, образы и видѣнія моей юности! О, взоры любви, божественныя мгновенья! Какъ быстро исчезли вы! Я вспоминаю о васъ сегодня, какъ объ умершихъ для меня.

Отъ васъ, мои дорогіе мертвецы, нисходитъ на меня сладкое благоуханіе, облегчающее мое сердце слезами. Поистинѣ, оно глубоко трогаетъ и облегчаетъ сердце одинокому пловцу.

И все-таки я самый богатый и больше всѣхъ вызывающій зависть къ себѣ—я самый одинокій! Ибо вы были у меня, а я до сихъ поръ у васъ: скажите, кому падали такія розовыя яблочки съ дерева, какъ мнѣ?

Я все-таки предметъ вашей любви и наслѣдникъ, цвѣтушій, въ память о васъ, пестрыми дико растущими добродѣтелями, о, вы возлюбленные мои!

Ахъ, мы были созданы оставаться вблизи другъ друга, вы милыя, нездѣшнія чудеса; и не какъ боязливыя птицы, приблизились вы ко мнѣ и къ желанію моему—нѣтъ, какъ довѣрчивыя къ довѣрчивому!

Да, вы были созданы для вѣрности, подобно мнѣ, и для нѣжной вѣчности: долженъ ли я теперь называть васъ именемъ вашей не-вѣрности, вы взоры любви и божественныя мгновенья: иному имени не научился я еще.

Поистинѣ, слишкомъ быстро умерли вы для меня, вы бѣглецы. Но не бѣжали вы отъ меня, не бѣжалъ и я отъ васъ: не виновны мы другъ передъ другомъ въ нашей невѣрности.

Чтобъ м е н я убить, душили васъ, вы, пѣвчія птицы моихъ надеждъ! Да, въ васъ, вы возлюбленные мои, пускала всегда злоба свои стрѣлы—чтобъ попасть въ мое сердце!

И она попала! Ибо вы были всегда самыми близкими моему

сердцу, вы были все, чѣмъ я владѣлъ и что владѣло мною: и по-
то му вы должны были умереть молодыми и слишкомъ рано!

Въ самое уязвимое, чѣмъ я владѣлъ, пустили они стрѣлу: то
были вы, чья кожа походить на нѣжный пухъ, и еще больше на
улыбку, умирающую отъ одного взгляда на нее!

Но такъ скажу я своимъ врагамъ: что значить всякое чело-
вѣкоубійство въ сравненіи съ тѣмъ, что вы мнѣ сдѣлали!

Больше зла сдѣлали вы мнѣ, чѣмъ всякое человѣкоубійство;
невозвратное взяли вы у меня:—такъ говорю я вамъ, мои враги.

Развѣ вы не убивали видѣній и самыхъ дорогихъ чудесъ моей
юности! Товарищей моихъ игръ отнимали вы у меня, блаженныхъ
духовъ! Въ память ихъ кладу я этотъ вѣнокъ и это проклятіе.

Это проклятіе вамъ, мои враги! Развѣ вы не сдѣлали мою
вѣчность болѣе короткой, какъ звукъ разбивается въ холодную
ночь! Однимъ лишь взглядомъ божественнаго ока промелькнула
она для меня,—однимъ мгновеніемъ!

Такъ говорила въ добрый часъ когда-то моя чистота: «боже-
ственными должны быть для меня всѣ существа».

Тогда напали вы на меня съ грязными призраками; ахъ,
куда же дѣвался теперь тотъ добрый часъ!

«Всѣ дни должны быть для меня священны»—такъ говорила
когда-то мудрость моей юности: поистинѣ, веселой мудрости рѣчь!

Но тогда украли вы, враги, у меня мои ночи и замѣнили ихъ
мукой безсонницы: ахъ, куда же дѣвалась теперь та веселая
мудрость?

Когда-то искалъ я по птицамъ счастливыхъ примѣтъ: тогда
пустили вы мнѣ на дорогу противное чудовище—сову. Ахъ, куда же
дѣвалось тогда мое нѣжное стремленіе?

Когда-то далъ я обѣтъ отрѣшиться отъ всякаго отвращения:
тогда превратили вы моихъ ближнихъ и самыхъ близкихъ въ
гнойные вередь. Ахъ, куда же дѣвался тогда мой самый благо-
родный обѣтъ?

Какъ слѣпецъ, шель я когда-то блаженными путями: тогда
набросали вы грязи на дорогу слѣпца: и теперь чувствуетъ онъ
отвращеніе къ старой тропинкѣ слѣпца.

И когда я совершалъ самое трудное для меня и праздновалъ
побѣду своихъ преодолѣній, тогда вы заставили тѣхъ, что любили
меня, кричать, что причиняю я имъ жестокое горе.

Поистинѣ, вы всегда поступали такъ: вы отравляли мнѣ мой
лучшій медъ и старанія моихъ лучшихъ пчелъ.

Къ моей благотворительности посылали вы всегда самыхъ наглыхъ нищихъ; вокругъ моего состраданія заставляли вы всегда тѣсниться неисправимыхъ безстыдниковъ. Такъ ранили вы мои добродѣтели въ ихъ вѣрѣ.

И если приносилъ я въ жертву, что было у меня самого священнаго: тотчасъ присоединяло сюда и ваше «благочестіе» свои жирные дары: такъ что въ чаду вашего жира глохло, что было у меня самого священнаго.

И однажды хотѣлъ я плясать, какъ никогда еще не плясалъ: выше всѣхъ небесъ хотѣлъ я плясать. Тогда уговорили вы моего самого любимаго пѣвца.

И теперь онъ запѣлъ заунывную, мрачную пѣсню; ахъ, онъ трубилъ мнѣ въ уши, какъ печальный рогъ!

Убийственный пѣвецъ, орудіе злобы, ты виновенъ менѣе всѣхъ! Уже стоялъ я готовымъ къ лучшему танцу: тогда убилъ ты своими звуками мой восторгъ!

Только въ пляскѣ умѣю я говорить символами о самыхъ высокихъ вещахъ:—и теперь остался мой самый высокій символъ невыраженнымъ въ моихъ тѣлодвиженіяхъ!

Невыраженной и неразрѣшенной осталась во мнѣ высшая надежда! И умерли всѣ образы и утѣшенія моей юности!

Какъ только перенесъ я это? Какъ перенесъ и превозмогъ я эти раны? Какъ воскресла моя душа изъ этихъ могилъ?

Да, есть во мнѣ нѣчто, чего нельзя ни ранить, ни похоронить, что можетъ взрывать даже скалы: моею волею называется оно. Молчаливо и не измѣняясь проходить оно черезъ годы.

Своимъ ходомъ хочетъ идти на моихъ ногахъ моя старая воля; ея чувство безжалостно и неуязвимо.

Неуязвимъ я только въ мою пяту. Ты жива еще и вѣрна себѣ, самая терпѣливая! Всегда проходила ты черезъ всѣ могилы!

Въ тебѣ живетъ еще все неразрѣшенное моей юности; и какъ жизнь и юность, сидишь ты здѣсь, надѣясь, на желтыхъ обломкахъ могилъ.

Да, ты еще для меня разрушительница всѣхъ могилъ: при вѣтъ тебѣ, моя воля! И только тамъ, гдѣ есть могилы, есть и воскресенье.—

Такъ пѣлъ Заратустра.

О преодоленіи самого себя.

«Волею къ истинѣ» называете вы, мудрѣйшіе, то, что движетъ вами и дѣлаетъ пылкими?

Волею къ мыслимости всего сущаго: такъ называю я вашу волю!

Все сущее хотите вы сдѣлать сперва мыслимымъ: ибо вы сомнѣваетесь съ добрымъ недовѣріемъ, мыслимо ли оно.

Но оно должно подчиняться и покоряться вамъ! Такъ хочетъ ваша воля. Гладкимъ должно стать оно и подчиниться духу, какъ его зеркало и отраженіе въ немъ.

Въ этомъ вся ваша воля, вы мудрѣйшіе, какъ воля къ власти; и даже когда вы говорите о добрѣ и злѣ и объ оцѣнкахъ цѣнностей.

Создать хотите вы еще міръ, передъ которымъ вы могли бы преклонить колѣна: такова ваша послѣдняя надежда и опьяненіе.

Но не мудрые, народъ,—они подобны рѣкѣ, по которой плыветъ челнокъ: и въ челнокѣ сидятъ, торжественныя и разряженныя оцѣнки цѣнностей.

Вашу волю и ваши цѣнности поставили вы на рѣку становленія; старая воля къ власти открывается въ томъ, во что вѣритъ народъ, какъ въ добро и зло.

Это были вы, мудрѣйшіе, кто посадилъ такихъ гостей въ этотъ челнокъ и далъ имъ блескъ и гордыя имена,—вы и ваша господствующая воля!

Дальше несетъ теперь рѣка вашъ челнокъ: она должна его нести. Что за бѣда, если пѣнится разбитая волна и гнѣвно противится киллю!

Не рѣка является вашей опасностью и концомъ вашего добра и зла, вы, мудрѣйшіе: но сама эта воля, воля къ власти,—неистощимая, творящая воля къ жизни.

Но чтобы поняли вы мое слово о добрѣ и злѣ, я скажу вамъ еще свое слово о жизни и свойствѣ всего живого.

Все живое прослѣдилъ я, я прошелъ великими и малыми путями, чтобы познать его свойство.

Стограннымъ зеркаломъ ловилъ я взоръ жизни, когда уста ея молчали: дабы ея взоръ говорилъ мнѣ. И ея взоръ говорилъ мнѣ.

Но гдѣ бы ни находилъ я живое, вездѣ слышалъ я и рѣчь о послушаніи. Все живое есть нѣчто повинующееся.

Нитче.—Такъ говорилъ Заратустра.

И вотъ второе: тому приказываютъ, кто не можетъ повиноваться самому себѣ. Таково свойство всего живого.

Но вотъ третье, что я слышалъ: приказывать труднѣе, чѣмъ повиноваться. И не потому только, что приказывающій несетъ бремя всѣхъ повинующихся, и что легко можетъ это бремя раздавить его:—

Попыткой и дерзновениемъ казалось мнѣ всякое приказаніе; и приказывая, живущій всегда рискуетъ самимъ собою.

И даже когда онъ приказываетъ самому себѣ: онъ долженъ еще искупить свое приказаніе. Своего собственного закона долженъ онъ стать судьей, и мстителемъ, и жертвой.

Но какъ же происходитъ это!—такъ спрашивалъ я себя. Что побуждаетъ все живое повиноваться, и приказывая, быть еще повинующимся?

Слушайте же мое слово, вы, мудрѣйшіе. Удостоверьтесь серьезно, проникъ ли я въ сердце жизни и до самыхъ корней его сердца!

Вездѣ, гдѣ находилъ я живое, находилъ я и волю къ власти; и даже въ волѣ служащаго находилъ я волю быть господиномъ.

Чтобъ сильнѣйшему служилъ болѣе слабый—къ этому побуждаетъ его воля его, которая хочетъ быть господиномъ надъ еще болѣе слабымъ: лишь безъ этой радости не можетъ онъ обойтись.

И какъ меньшій отдаетъ себя большему, чтобы тотъ радовался и власть имѣлъ надъ меньшимъ: такъ приноситъ себя въ жертву и большій, и изъ-за власти ставить на доску—жизнь свою.

Въ томъ и жертва великаго, чтобъ было въ немъ дерзновение, и опасность, и игра на жизнь и смерть.

А гдѣ есть жертва, и служеніе, и взоры любви, тамъ есть и воля быть господиномъ. Окольными путями пробирается слабѣйшій въ крѣпость и до самаго сердца сильнѣйшаго—и похищаетъ власть у него.

И вотъ какую тайну повѣдала мнѣ сама жизнь: «Смотри, говорила она, я всегда должна преодолевать самое себя.

«Конечно, вы называете это волей къ творенію или стремленіемъ къ цѣли, къ высшему, дальнему, болѣе сложному: но все это образуетъ единую тайну.

«Лучше погибну я, чѣмъ отрекусь отъ этого; и поистинѣ,

гдѣ есть закатъ и опаденіе листьевъ, тамъ жизнь жертвуетъ собою—изъ-за власти!

«Мнѣ надо быть борьбою, и становленіемъ, и цѣлью, и противорѣчіемъ цѣлей: ахъ, кто угадываетъ мою волю, угадываетъ также, какими кривыми путями она должна идти!

«Что бы ни создавала я и какъ бы ни любила я созданное—скоро должна я стать противницей ему и моей любви: такъ хочетъ моя воля.

«И даже ты, познающій, ты только тропинка и слѣдъ моей воли: поистинѣ, моя воля къ власти ходитъ по слѣдамъ твоей воли къ истинѣ!

«Конечно, не обрѣлъ тотъ истины, кто пустилъ вслѣдъ ей слово о «волѣ къ существованію»: такой воли—не существуетъ!

«Ибо то, чего нѣтъ, не можетъ хотѣть; а что существуетъ, какъ могло бы оно еще хотѣть существованія!

«Только тамъ, гдѣ есть жизнь, есть и воля: но это не воля къ жизни, но—такъ учу я тебя—воля къ власти!

«Многое цѣнится живущимъ выше, чѣмъ сама жизнь; но и въ самой оцѣнкѣ говорить—воля къ власти!»—

Такъ учила меня нѣкогда жизнь: и отсюда разрѣшаю я, вы, мудрѣйшіе, также и загадку вашего сердца.

Поистинѣ, я говорю вамъ: добра и зла, которое было бы непреходящимъ—не существуетъ! Надо, чтобъ всегда сызнава преодолѣвало оно самого себя.

При помощи вашихъ цѣнностей и словъ о добрѣ и злѣ совершаете вы насиліе, вы цѣнители цѣнностей: и въ этомъ ваша скрытая любовь и блескъ, и трепетъ, и порывъ вашей души.

Но еще большее насиліе и новое преодоленіе растетъ изъ вашихъ цѣнностей: объ нихъ разбивается яйцо и скорлупа его.

И кто долженъ быть творцомъ въ добрѣ и злѣ: поистинѣ, тотъ долженъ быть сперва разрушителемъ, разбивающимъ цѣнности.

Такъ принадлежитъ высшее зло къ высшему благу: а это благо есть творческое.—

Будемъ же говорить только о немъ, вы, мудрѣйшіе, хотя и трудно это. Но молчаніе еще хуже; всѣ истины, о которыхъ умалчиваютъ, становятся ядовитыми.

И пусть разобьется все, что можетъ разбиться объ наши истины! Еще много зданій есть для постройки!—

Такъ говорилъ Заратустра.

О возвышенныхъ.

Спокойно глубина моего моря: кто бы угадалъ, что она скрываетъ смѣшныя чудовища!

Непоколебима моя глубина: но она блеститъ отъ плавающихъ загадокъ и смѣха.

Одного возвышеннаго видѣлъ я сегодня, торжественнаго, кающагося духомъ: о, какъ смѣялась моя душа надъ его безобразіемъ!

Съ приподнятой грудью, похожій на тѣхъ, кто вбираетъ въ себя дыханіе: такъ стоялъ онъ, возвышенный и молчаливый:

Увѣшанный безобразными истинами, своей охотничьей добычей и богатый разодранными одеждами; также много шиповъ висѣло на немъ—но я не видѣлъ еще ни одной розы.

Еще не научился онъ смѣху и красотѣ. Мрачнымъ возвратился этотъ охотникъ изъ лѣса познанія.

Съ битвы вернулся онъ съ дикими звѣрями: и сквозь его суровость проглядываетъ еще дикій звѣрь—не побѣжденный!

Какъ тигръ, все еще стоитъ онъ, готовый прыгнуть; но я не люблю этихъ напряженныхъ душъ; не по вкусу мнѣ всѣ эти удалившіеся.

И вы говорите мнѣ, друзья, что о вкусахъ не спорять? Но вѣдь вся жизнь есть споръ о вкусахъ!

Вкусъ: это одновременно и вѣсъ, и вѣсы, и тотъ, кто вѣситъ; и горе всему живущему, еслибъ захотѣло оно жить безъ спора о вѣсѣ, о вѣсахъ и о томъ, кто вѣситъ!

Еслибъ этотъ возвышенный утомился своею возвышенностью: только тогда началась бы его красота,—и только тогда вкусилъ бы я его и нашелъ бы вкуснымъ.

И только когда онъ отвратится самъ отъ себя, перепрыгнетъ онъ черезъ свою собственную тѣнь—и, поистинѣ, прямо въ свое солнце.

Слишкомъ долго сидѣлъ онъ въ тѣни, щеки поблѣднѣли у кающагося духомъ; почти умеръ онъ съ голоду въ своихъ ожиданіяхъ.

Презрѣніе еще въ его взорѣ; и отвращеніе таится на его устахъ. Хотя отдыхаетъ онъ теперь, но его отдыхъ еще не на солнцѣ.

Онъ долженъ былъ бы работать какъ волъ; и его счастье должно бы пахнуть землею, а не презрѣніемъ къ землѣ.

Бѣлымъ воломъ хотѣлъ бы я его видѣть, идущимъ, фыркая и мыча, впереди плуга: и его мычаніе должно бы хвалить все земное!

Темно еще его лицо; тѣнь руки пробѣгаетъ по немъ. Затемненъ еще взоръ его глазъ.

Самое дѣло его есть еще тѣнь на немъ: рука затемняетъ того, кто дѣйствуетъ ею. Еще не преодолѣлъ онъ своего дѣла.

Какъ люблю я въ немъ затылокъ вола: но теперь хочу я еще видѣть взоръ ангела.

Также свою волю героя долженъ онъ забыть: вознесеннымъ вверхъ долженъ онъ быть для меня, а не только возвышеннымъ:—самъ эфиръ долженъ вознести его, лишеннаго воли!

Онъ побѣдилъ чудовищъ, онъ разгадалъ загадки: но онъ долженъ еще побѣдить своихъ чудовищъ и разгадать свои загадки, въ небесныхъ дѣтей онъ долженъ еще превратить ихъ.

Еще не научилось его познаніе улыбаться и жить безъ зависти: еще не стихъ потокъ его страстей въ красотѣ.

Поистинѣ, не въ сытости должно смолкнуть и утонуть его желаніе, а въ красотѣ! Красота входитъ въ великодушіе тѣхъ, кто возвышенно настроенъ.

Положивъ руку надъ головой: такъ долженъ былъ бы отдыхать герой, такъ долженъ былъ бы преодолевать онъ даже свой отдыхъ.

Но именно для героя красота есть самая трудная вещь. Не достижима красота для всякой сильной воли.

Немного больше, немного меньше: именно это значить здѣсь много, это значить здѣсь всего больше.

Оставить мускулы въ бездѣйствіи и освободить волю отъ ноши ея: это и есть самое трудное для всѣхъ васъ, вы, возвышенные!

Когда власть становится милостивой и нисходитъ въ видимое: красотой называю я такое нисхождение.

И ни отъ кого не требую я такъ красоты, какъ отъ тебя, сильный: твоя доброта да будетъ твоимъ послѣднимъ преодолѣніемъ самого себя.

На всякое зло считаю я тебя способнымъ: поэтому я и требую отъ тебя добра.

Поистинѣ, я смѣялся часто надъ слабыми, которые мнятъ себя добрыми, потому что у нихъ безсильныя руки.

Къ столбу добродѣтели долженъ ты стремиться: чѣмъ выше

онъ подымается, тѣмъ становится онъ красивѣе и нѣжнѣе, а внутри тверже и выносливѣе.

Да, возвышенный, нѣкогда долженъ ты быть прекраснымъ и держать зеркало передъ своей собственной красотою.

Тогда твоя душа будетъ содрогаться отъ божественныхъ желаній; и поклоненіе будетъ въ твоёмъ тщеславіи!

Это и есть тайна души: только когда герой покинулъ ея, приближается къ ней, въ сновидѣніи,—сверхъ-герой.—

Такъ говорилъ Заратустра.

О странѣ культуры.

Слишкомъ далеко залетѣлъ я въ будущее: ужасъ напалъ на меня.

И, оглянувшись кругомъ, я увидѣлъ, что время было моимъ единственнымъ современникомъ.

Тогда бѣжалъ я назадъ домой—и спѣшилъ все быстрѣе: такъ пришелъ я къ вамъ, вы настоящіе, и въ страну культуры.

Впервые посмотрѣлъ я на васъ, какъ слѣдуетъ, и съ добрыми желаніями: поистинѣ, съ тоскою въ сердцѣ пришелъ я.

Но что случилось со мной? Какъ ни было мнѣ страшно,—я долженъ былъ разсмѣяться! Никогда не видѣлъ мой глазъ ничего болѣе пестраго!

Я продолжалъ смѣяться, тогда какъ мои ноги и сердце дрожали: «да, тутъ родина всѣхъ горшковъ съ красками!» — сказалъ я.

Съ лицами, обмазанными пятидесятью красками: такъ сидѣли вы, къ моему удивленію, вы настоящіе!

И съ пятидесятью зеркалами вокругъ себя, которыя льстили и подражали игрѣ вашихъ красокъ!

Поистинѣ, вы не могли бы носить лучшей маски, вы настоящіе, чѣмъ ваши собственные лица! Кто бы могъ васъ—узнать!

Исписанные знаками прошлаго, а эти знаки закрашены новыми знаками: такъ сокрылись вы отъ всѣхъ толкователей!

И если даже быть изслѣдователемъ внутренностей: кто повѣрилъ бы, что есть у васъ внутренности! Изъ красокъ кажется вы составленными и изъ склеенныхъ бумажекъ.

Всѣ вѣка и народы смотрятъ въ безпорядкѣ изъ-подъ вашихъ покрововъ; всѣ обычаи и всѣ вѣрованія говорятъ безпорядочно въ вашихъ жестахъ.

Еслибъ кто освободилъ васъ отъ вашихъ покрываль, мантий, красокъ и жестовъ: все-таки осталось бы у него достаточно, чтобъ пугать этимъ птицъ.

Поистинѣ, я самъ испуганная птица, однажды увидѣвшая васъ нагими и безъ красокъ; и я улетѣлъ, когда скелетъ сталъ дѣлать мнѣ знаки любви.

Ибо скорѣе хотѣлъ бы я быть поденщикомъ въ подземномъ мірѣ и служить тѣнямъ минувшаго!—Жирнѣе и полнѣе васъ обитатели подземнаго міра!

Въ томъ и горечь моей внутренности, что ни нагими, ни одѣтыми не выношу я васъ, вы настоящіе!

Все безпокойное въ будущемъ и что нѣкогда пугало улетѣвшихъ птицъ, поистинѣ, внушаетъ больше довѣрія, чѣмъ ваша «дѣйствительность».

Ибо такъ говорите вы: «Мы всецѣло дѣйствительность, и при томъ безъ вѣры и суевѣрія»: такъ гордитесь вы—ахъ, даже не имѣя чѣмъ гордиться!

Но какъ могли бы вы вѣрить, вы размалеванные! — вы образы всего, во что нѣкогда вѣрили!

Вы—ходячее опроверженіе самой вѣры, и обрывки всякихъ мыслей. Недостовѣрные: такъ называю я васъ, выразители дѣйствительности!

Всѣ времена говорятъ другъ противъ друга въ вашихъ умахъ; но сны и бредъ всѣхъ временъ были все-таки ближе къ дѣйствительности, чѣмъ ваше бодрствованіе!

Безплодны вы: потому и недостаетъ вамъ вѣры. Но кто долженъ былъ создать, у того были всегда свои вѣщіе сны и звѣзды знаменія—и вѣрилъ онъ въ вѣру!—

Вы—полуоткрытыя ворота, у которыхъ ждутъ могильщики. И вотъ ваша дѣйствительность: «Все стоитъ того, чтобъ погибнуть».

Ахъ, вы стоите предо мной, вы безплодные, живые скелеты! И многіе изъ васъ хорошо понимали это и сами.

И они говорили: «кажется, богъ, пока я спалъ, что-то отнял у меня? Поистинѣ, достаточно, чтобъ сдѣлать изъ этого женщину!

Удивительна удобо ребръ моихъ!» такъ говорили уже многіе изъ людей настоящаго.

Да, смѣхъ вызываете вы во мнѣ, вы настоящіе! И въ особенности, когда вы удивляетесь сами себѣ!

И горе мнѣ, еслибъ не могъ я смѣяться надъ вашимъ удивленіемъ и долженъ былъ глотать все, что есть противнаго въ вашихъ горшкахъ!

Но я хочу отнестись къ вамъ легче, ибо нѣчто тяжелое долженъ нести я; и что мнѣ за дѣло, если жуки и мухи сядутъ на мою ношу!

Поистинѣ, не станетъ же она отъ того тяжелѣе! И не отъ васъ, вы настоящіе, должна прійти ко мнѣ великая усталость.—

Ахъ, куда же еще подняться мнѣ съ моимъ желаніемъ! Со всѣхъ горъ высматриваю я страну моихъ отцовъ.

Но родины не нашелъ я нигдѣ: ни въ одномъ городѣ не основываюсь я, и ухожу изъ всѣхъ воротъ.

Чужды мнѣ и для насмѣшки служатъ мнѣ люди настоящаго; къ нимъ еще недавно влекло меня сердце; и изгнанъ я изъ страны моихъ отцовъ.

Такъ что люблю я еще только страну моихъ дѣтей, неоткрытую, лежащую въ самыхъ далекихъ моряхъ: и пусть ищутъ и ищутъ ея мои корабли.

Своими дѣтьми хочу я искупить то, что я потомокъ моихъ отцовъ: и всѣмъ будущимъ—это настоящее!—

Такъ говорилъ Заратустра.

* * *

О незапятнанномъ познаніи.

Когда вчера взошла луна, я думалъ, что она хочетъ родить солнце: такъ широко, какъ роженица, лежала она на горизонтѣ.

Но она обманула меня своей беременностью; и скорѣе еще я повѣрю въ мужчину на лунѣ, чѣмъ въ женщину.

Конечно, мало похожъ на мужчину этотъ застѣнчивый ночной мечтатель. Поистинѣ, съ нечистой совѣстью бродитъ онъ по крышамъ.

Ибо полонъ онъ вождельній и ревности, этотъ монахъ на лунѣ, падохъ онъ до земли и всѣхъ радостей влюбленныхъ.

Нѣтъ, я не люблю его, этого кота на крышахъ! Противны мнѣ всѣ, кто подкрадывается къ полуоткрытымъ окнамъ!

Набожно и молча бродитъ онъ по звѣзднымъ коврамъ:—но

я не люблю мужскихъ ногъ, ступающихъ тихо, на которыхъ не звенятъ даже шпоры.

Шаги всякаго честнаго говорятъ; но кошка ходить по землѣ, крадучись. Взгляни, луна восходить нечестно, какъ кошка.—

Это сравненіе прилагаю я къ вамъ, чувствительные лицемѣры, къ вамъ, ищущимъ «чистаго познанія»! Васъ называю я—сластолюбцами!

Вы также любите землю и земное: я хорошо разгадалъ васъ!—но стыдъ въ вашей любви и нечистая совѣсть,—вы похожи на луну!

Въ презрѣніи къ земному убѣдили вы вашъ духъ, но не ваше нутро: а о н о сильнѣйшее въ васъ!

И теперь стыдится вашъ духъ, что онъ угождаетъ вашему нутру, и крадется путями лжи и обмана, чтобы не встрѣтиться со своимъ собственнымъ стыдомъ.

«Для меня было бы высшимъ счастьемъ—такъ говоритъ себѣ вашъ лживый духъ—смотрѣть на жизнь безъ вожелѣній, а не какъ собака, съ высунутымъ языкомъ:

«Быть счастливымъ въ созерцаніи, съ умершей волею, безъ приступовъ и алчности себялюбія,—холоднымъ и сѣрымъ на всемъ тѣлѣ, но съ пьяными глазами мѣсяца!

«Для меня было бы лучшей долею—такъ соблазняетъ самого себя соблазненный—любить землю, какъ любить ее мѣсяцъ, и только одними глазами прикасаться къ красотѣ ея.

«И я называю незапятнаннымъ познаніемъ всѣхъ вещей, когда я ничего не хочу отъ нихъ: какъ только лежать передъ ними подобно зеркалу съ сотнею глазъ».—

О, вы чувствительные лицемѣры, вы сластолюбцы! Вамъ нѣ достааетъ невинности въ желаніи: и вотъ почему клевете вы на желаніе!

Поистинѣ, не какъ созидающіе, производящіе и радующіеся становленію, любите вы землю!

Гдѣ есть невинность? Тамъ, гдѣ есть воля къ рожденію. И кто хочетъ созидать дальше себя, у того для меня самая чистая воля.

Гдѣ есть красота? Тамъ, гдѣ я долженъ хотѣть всю волю; гдѣ хочу я любить и погибнуть, чтобы образъ не остался только образомъ.

Любить и погибнуть: это согласуется отъ вѣчности. Хотѣть

любви—это значить хотѣтъ также смерти. Такъ говорю я вамъ, малодушные!

Но вашъ взоръ, нечистый и изнѣженный, хочетъ быть «со-зерцаніемъ!» А къ чему можно прикоснуться трусливымъ глазомъ, должно быть окрещено именемъ «прекраснаго»! О вы, загрязнители благородныхъ именъ!

Но въ томъ проклятiе ваше, вы незапятнанные, вы ищущіе чистаго познанія, что никогда не родите вы: хотя бы широко, какъ роженица, и лежали вы на горизонтѣ!

И поистинѣ, ваши уста полны благородныхъ словъ: и мы должны вѣрить, что и ваше сердце полно черезъ край, вы лжецы?

Но мои слова—слова грубыя, презрительныя и простыя: и я люблю подбирать то, что на вашихъ пиршествахъ падаетъ подъ столъ.

Все-таки я могу сказать ими истину—лицемѣрамъ! Да, мои рыбы косточки, раковины и колючіе листья должны—щекотать носы лицемѣрамъ!

Дурной запахъ всегда кругомъ васъ и вашихъ пиршествъ: ибо ваши похотливыя мысли, ваша ложь и притворство висятъ въ воздухѣ!

Рискните же сперва повѣрить самимъ себѣ—себѣ и своему нутру! Кто не вѣритъ себѣ самому, всегда лжетъ.

Личиною бога прикрылись вы передъ самими собой, вы «чистые»: въ личинѣ бога укрылся ужасный кольчатый червь вашъ.

Поистинѣ, вы обманываете, «созерцающіе»! Даже Заратустра былъ нѣкогда обманутъ божественной внѣшностью вашей; не угадалъ онъ, какія змѣи наполняютъ эту внѣшность.

Душу бога мечталъ я нѣкогда видѣть играющей въ вашихъ играхъ, вы, ищущіе чистаго познанія! О лучшимъ искусствѣ не мечталъ я никогда, чѣмъ ваши искусства!

Нечистоты отъ змѣй и дурной запахъ скрывала отъ меня даль: и что хитрость ящерицы похотливо ползала здѣсь.

Но я подошелъ къ вамъ ближе: тогда наступилъ для меня день—и теперь наступаетъ онъ для васъ,—кончились похождения мѣсяца!

Взгляните на него! Застигнутый, блѣдный стоитъ онъ—предъ утренней зарею!

Ибо оно уже близко, огненное свѣтило,—его любовь приближается къ землѣ! Невинность и жажда творца—вотъ любовь всякаго солнца!

Смотрите же на него, какъ оно нетерпѣливо подымается надъ моремъ! Развѣ вы не чувствуете жаднаго, горячаго дыханія любви его?

Моремъ хотеть упиться оно и глубину его поднять къ себѣ на высоту: и тысячью грудей поднимается къ нему страстное море.

Ибо оно хотеть, чтобъ солнце цѣловало его и упивалось имъ; оно хотеть стать воздухомъ, и высотой, и стезею свѣта, и самимъ свѣтомъ!

Поистинѣ, подобно солнцу люблю я жизнь и всѣ глубокія моря.

И для меня въ томъ познаніе, чтобъ все глубокое поднялось—на мою высоту!—

Такъ говорилъ Заратустра.

* * *

Объ ученыхъ.

Пока я спалъ, овца принялась объѣдать вѣнокъ изъ плюща на моей головѣ, — и, объѣдая, она говорила: «Заратустра не ученый больше».

И, сказавъ это, она съ пренебреженіемъ отошла въ сторону. Ребенокъ рассказалъ мнѣ объ этомъ.

Люблю я лежать здѣсь, гдѣ играютъ дѣти, вдоль развалившейся стѣны, среди чертополоха и краснаго мака.

Я все еще ученый для дѣтей, а также для чертополоха и краснаго мака. Невинны они, даже въ своей злобѣ.

Но для овецъ я уже пересталъ быть ученымъ: такъ хотеть моя судьба—да будетъ она благословенна!

Ибо истина въ томъ, что ушелъ я изъ дома ученыхъ, и еще захлопнулъ дверь за собою.

Слишкомъ долго сидѣла моя душа голодной за ихъ столомъ; не научился я подобно имъ познанію, какъ грызть орѣхи.

Просторъ люблю я и воздухъ надъ свѣжей землей; лучше буду спать я на воловыхъ шкурахъ, чѣмъ на званіяхъ и почестяхъ ихъ.

Я слишкомъ горячъ, и сгораю отъ собственныхъ мыслей: часто захватываетъ у меня дыханіе. Тогда мнѣ нужно на просторъ, подальше отъ всѣхъ запыленныхъ комнатъ.

Но они прохлаждаются въ прохладной тѣни: они хотятъ во

всемъ быть только зрителями и остерегаются сидѣть тамъ, гдѣ солнце жжетъ ступни.

Подобно тѣмъ, кто стоитъ на улицѣ и глазѣтъ на проходящихъ: такъ ждутъ и они и глазѣютъ на мысли, продуманныя другими.

Если дотронуться до нихъ руками, отъ нихъ невольно поднимается пыль, какъ отъ мучныхъ мѣшковъ: но кто же подумаетъ, что пыль ихъ идетъ отъ зерна и отъ золотыхъ даровъ нивы?

Когда выдаютъ они себя за мудрыхъ, меня знобитъ отъ мелкихъ изреченій и истинъ ихъ: часто отъ мудрости ихъ идетъ запахъ, какъ будто она исходитъ изъ болота: и поистинѣ, я слышалъ уже, какъ лягушка квакала въ ней!

Ловки они, и искусные пальцы у нихъ: что моя простота при многосторонности ихъ! Всякое тканье и вязанье знаютъ ихъ пальцы: такъ вяжутъ они чулки духа!

Они хорошіе часовые механизмы: нужно только правильно заводить ихъ! Тогда показываютъ они безошибочно время и производятъ при этомъ легкій шумъ.

Подобно мельницамъ, работаютъ они и стучать: только подбрасывай имъ свои зерна!—они сумѣютъ уже измельчить ихъ и сдѣлать бѣлую пыль изъ нихъ.

Они зорко поглядываютъ другъ другу на пальцы и не слишкомъ довѣряютъ одинъ другому. Изобрѣтательные на маленькія хитрости, подстерегаютъ они тѣхъ, у кого хромаетъ знаніе,—подобно паукамъ подстерегаютъ они.

Я видѣлъ, какъ они всегда съ осторожностью готовятъ ядъ; и всегда надѣвали они при этомъ стеклянныя перчатки на свои пальцы.

Также въ поддѣльныя кости умѣютъ они играть; и я заставлялъ ихъ играющими съ такимъ жаромъ, что они при этомъ потѣли.

Мы чужды другъ другу, и ихъ добродѣтели противны мнѣ еще болѣе, чѣмъ лукавство и поддѣльныя игральныя кости ихъ.

И когда я жилъ у нихъ, я жилъ надъ ними. Поэтому и не взлюбили они меня.

Они и слышать не хотятъ, чтобы кто-нибудь ходилъ надъ ихъ головами; и потому наложили они дерева, земли и сору между мной и головами ихъ.

Такъ заглушали они шумъ отъ моихъ шаговъ: и меньше всего слушали меня до сихъ поръ самые ученые среди нихъ.

Всѣ ошибки и слабости людей нагромождали они между собою и мной: — «чернымъ поломъ» называютъ они это въ своихъ домахъ.

И все-таки хожу я съ своими мыслями надъ головами ихъ; и даже еслибъ я захотѣлъ ходить по своимъ собственнымъ ошибкамъ, все-таки былъ бы я надъ ними и головами ихъ.

Ибо люди не равны: такъ говорить справедливость. И чего я хочу, они не имѣли бы права хотѣть!—

Такъ говорилъ Заратустра.

* * *

О поэтахъ.

«Съ тѣхъ поръ, какъ лучше знаю я тѣло,—сказалъ Заратустра одному изъ своихъ учениковъ — духъ для меня только какъ бы духъ; все же, что «не переходитъ», — есть только символъ».

«Это слышалъ я уже однажды отъ тебя, отвѣчалъ ученикъ; и тогда ты прибавилъ еще: «но поэты слишкомъ много лгутъ». Почему же сказалъ ты, что поэты слишкомъ много лгутъ?»

«Почему? повторилъ Заратустра. Ты спрашиваешь, почему? Но я не принадлежу къ тѣмъ, у кого можно спрашивать объ ихъ «почему».

Развѣ переживанія мои начались со вчерашняго дня? Давно уже пережилъ я основанія своихъ мнѣній.

Мнѣ пришлось бы быть бочкой памяти, еслибъ хотѣлъ я хранить всѣ основанія своихъ мнѣній?

Уже слишкомъ много для меня, самому хранить свои мнѣнія; и много птицъ улетаетъ уже.

И среди нихъ нахожу я и залетнаго звѣрька въ моей голу-бятнѣ, онъ мнѣ чужой и дрожить, когда я кладу на него свою руку.

Но что же сказалъ тебѣ однажды Заратустра? Что поэты слишкомъ много лгутъ?—Но и Заратустра—поэтъ.

Вѣришь ли ты, что сказалъ онъ здѣсь правду? Почему вѣришь ты этому?»

Ученикъ отвѣчалъ: «я вѣрю въ Заратустру». Но Заратустра покачалъ головой и улыбнулся.

Вѣра не спасаетъ меня, сказалъ онъ, особенно вѣра въ меня.

Но положимъ, что кто-нибудь совершенно серьезно сказалъ бы, что поэты слишкомъ много лгутъ: онъ былъ бы правъ,—мы лжемъ слишкомъ много.

Мы знаемъ слишкомъ мало и дурно учимся: поэтому и должны мы лгать.

И кто же изъ насъ, поэтовъ, не разбавлялъ бы своего вина? Многія ядовитыя смѣси приготовлялись въ нашихъ погребехъ; многое, чего нельзя описать, осуществлялось тамъ.

И такъ какъ мы мало знаемъ, то намъ особенно нравятся нищіе духомъ, особенно если это молодыя бабенки.

И даже падки мы къ тому, о чемъ старыя бабы рассказываютъ себѣ по вечерамъ. Это называемъ мы сами вѣчной женственностью въ насъ.

И какъ будто существуетъ особый, тайный доступъ къ знанію, скрытый для тѣхъ, кто чему-нибудь учится: такъ вѣримъ мы въ народъ и «мудрость» его.

Всѣ поэты вѣрятъ, что если кто-нибудь, лежа въ травѣ или въ уединенной рощѣ, наостритъ уши, узнаетъ кое-что о вещахъ, находящихся между небомъ и землею.

И когда находятъ на поэтовъ нѣжное настроеніе, они всегда думаютъ, что сама природа влюблена въ нихъ:

И что она подкрадывается къ ихъ ушамъ, чтобы нашептать имъ таинственные, влюбленные лстивыя рѣчи: этимъ гордятся и чванятся они передъ всѣми смертными!

Ахъ, есть такъ много вещей между небомъ и землею, мечтать о которыхъ позволяли себѣ только поэты!

И особенно выше неба: ибо всѣ боги суть символы и измышленія поэтовъ!

Поистинѣ, насъ влечетъ всегда вверхъ—въ царство облаковъ: на нихъ сажаемъ мы своихъ пестрыхъ баловней и называемъ ихъ тогда богами и сверхъ-человѣками:—

Ибо достаточно легки они для этихъ сѣдалищъ!—всѣ эти боги и сверхъ-человѣки.

Ахъ, какъ усталъ я отъ всего недостижимаго, что непременно хочетъ быть событіемъ! Ахъ, какъ усталъ я отъ поэтовъ!

Пока Заратустра такъ говорилъ, сердился на него ученикъ

его, но молчалъ. Молчалъ и Заратустра; но взоръ его обращенъ былъ внутрь, какъ будто глядѣлъ онъ въ глубокую даль. Наконецъ онъ вздохнулъ.

Я—отъ сегодня и отъ прежде, сказалъ онъ затѣмъ; но есть во мнѣ нѣчто, что отъ завтра, отъ послѣзавтра и отъ нѣкогда.

Я усталъ отъ поэтовъ, древнихъ и новыхъ: поверхностны для меня они всѣ и отмели на морѣ.

Они недостаточно вдумались въ глубину: потому и не опу-
скалось чувство ихъ до самаго дна.

Немного похоти и немного скуки: таковы еще лучшія мысли ихъ.

Дуновеніемъ и бѣгомъ призраковъ кажутся мнѣ всѣ звуки ихъ арфъ; что знали они до сихъ поръ о зноѣ душевномъ, рождающемъ звуки!—

Они для меня недостаточно опрятны: всѣ они мутятъ свою воду, чтобы глубокой казалась она.

И они любятъ выдавать себя за примирителей: но они остаются для меня людьми неопрятными, посредниками и посредственностью, которая все мутитъ!—

Ахъ, я закидывалъ свою сѣть въ ихъ моря, желая наловить хорошихъ рыбъ, но постоянно вытаскивалъ я голову какого-нибудь стараго бога.

Такъ давало море камень голодающему. И имъ самимъ кажется, что происходятъ они изъ моря.

Несомнѣнно, попадаютъ перлы у нихъ: тѣмъ болѣе похожи сами они на твердыхъ раковинъ. И часто вмѣсто души находилъ я у нихъ соленую тину.

У моря научились они тщеславію его: не есть ли море павлинь изъ павлиновъ?

Даже передъ самымъ безобразнымъ изъ всѣхъ буйволовъ распускаетъ оно свой хвостъ, и никогда не устаетъ оно играть своимъ вѣеромъ изъ кружевъ, шелку и серебра.

Угрюмо смотритъ буйволъ, въ своей душѣ близкій къ песку, еще болѣе близкій къ тинѣ, но приближающійся больше всего къ болоту.

Что ему красота, и море, и убранство павлина! Такое сравненіе прилагаю я къ поэтамъ.

Поистинѣ, самый духъ ихъ—павлинь изъ павлиновъ и море тщеславія!

Зрителей требуетъ духъ поэта: хотя бы были то буйволы!—

Но я усталъ отъ этого духа: и я предвижу время, когда онъ устанетъ отъ самого себя.

Я видѣлъ уже поэтовъ измѣнившимися и направившими взоры противъ самихъ себя.

Я видѣлъ приближеніе кающихся духомъ: они выросли изъ нихъ.—

Такъ говорилъ Заратустра.

* * *

О великихъ событіяхъ.

Есть островъ на морѣ—недалеко отъ блаженныхъ острововъ Заратустры—на немъ постоянно дымится огнедышащая гора; народъ и особенно старыя бабы изъ народа говорятъ объ этомъ островѣ, что онъ поставленъ подобно камню передъ вратами подземнаго міра: чрезъ самую же гору проходитъ внизъ узкая тропинка, ведущая къ этимъ вратамъ подземнаго міра.

Въ ту пору, какъ Заратустра пребывалъ на блаженныхъ островахъ, случилось, что корабль бросилъ якорь у острова, гдѣ стоитъ дымящаяся гора; и люди его сошли на берегъ, чтобъ пострѣлять кроликовъ. Но около полудня, когда капитанъ и люди его снова собрались вмѣстѣ, увидѣли они вдругъ человѣка, идущаго къ нимъ по воздуху, и какой-то голосъ сказалъ явственно: «пора! давно пора!» Когда же видѣніе было совсѣмъ близко къ нимъ—оно быстро пролетѣло мимо нихъ, подобно тѣни, въ направленіи, гдѣ была огненная гора—тогда узнали они, къ величайшему смущенію, что это—Заратустра; ибо всѣ они уже видѣли его, за исключеніемъ самого капитана, и любили его, какъ любитъ народъ: мѣшая поровну любовь и страхъ.

«Смотрите, сказалъ старый кормчій, это Заратустра отправляется въ адъ!»

Въ то же самое время, какъ эти корабельщики пристали къ огненному острову, разнесся слухъ, что Заратустра исчезъ; и, когда спрашивали друзей его, они рассказывали, что онъ ночью сѣлъ на корабль, не сказавъ, куда хочетъ онъ ѣхать.

Такъ возникло смятеніе, а черезъ три дня къ этому смятенію присоединилась еще исторія корабельщиковъ—и теперь весь народъ говорилъ, что чортъ унесъ Заратустру. Хотя ученики его смѣялись надъ этой болтовней, и одинъ изъ нихъ сказалъ даже:

«я думаю, что скорѣе Заратустра унесъ чорта». Но въ глубинѣ души всѣ были озабочены и желали скорѣе увидѣть его: какъ же велика была ихъ радость, когда на пятый день Заратустра появился среди нихъ.

И вотъ разсказъ о бесѣдѣ Заратустры съ огненнымъ псомъ.

Земля, сказалъ онъ, имѣетъ оболочку; и эта оболочка поражена болѣзнями. Одна изъ этихъ болѣзней называется, напри-
мѣръ: «человѣкъ».

А другая изъ этихъ болѣзней называется «огненный песь»: о немъ люди много лгали и позволяли лгать.

Чтобы извѣдать эту тайну, перешелъ я море: и я увидѣлъ истину нагою, поистинѣ! нагою съ головы до ногъ.

Теперь я знаю, что это за огненный песь; а также всѣ бѣсы изверженія и возмущенія, которыхъ бояться не однѣ только старыя бабы.

«Выходи, огненный песь, изъ своей бездны! кричалъ я, и сознайся, какъ глубока эта глубина! Откуда берется то, что ты изрыгаешь вверхъ?»

Ты пьешь обильно у моря: это видно по соли твоего красно-рѣчія! Поистинѣ, для пса изъ бездны, берешь ты слишкомъ много пищи съ поверхности!

Самое большее, я считаю тебя чревоущателемъ земли: и всякій разъ, когда я слышалъ рѣчи бѣсовъ возмущенія и изверженія, находилъ я ихъ похожими на тебя: съ твоей же солью, ложью и плоскостью.

Вы умѣете рычать и засыпать пепломъ. Вы большіе хвостуны и хорошо изучили искусство подогрѣвать тину.

Гдѣ вы, тамъ непременно должна быть по близости тина и много похожего на губку, ноздреватаго и защемленного: все это хочетъ на свободу.

«Свобода» вопите вы всѣ особенно охотно: но я разучился вѣрить въ «великія событія», коль скоро вокругъ нихъ много шума и дыма.

И повѣрь мнѣ, шумъ ада! Величайшія событія—это не наши самые шумные, а наши самые тихіе часы.

Не вокругъ изобрѣтателей новаго шума: вокругъ изобрѣтателей новыхъ цѣнностей вращается міръ; не слышно вращается онъ.

И сознайся только! Мало оказывалось всегда совершившагося,

Нитис.—Такъ говорилъ Заратустра.

когда твой шумъ и дымъ разсѣивались. Ну, что-жъ, если городъ обращался въ развалины, и колонна лежала въ грязи!

И вотъ, что скажу я еще разрушителямъ колоннъ. Несомнѣнно, это величайшее безуміе—бросать соль въ море и колонны въ грязь.

Въ грязи вашего презрѣнія лежала колонна: но таковъ законъ ея, что для нея изъ презрѣнія вырастаетъ новая жизнь и живая красота!

Теперь въ божественномъ ореолѣ възстаетъ она, еще болѣе обольстительная въ своемъ страданіи; и поистинѣ! она еще поблагодарить васъ, что вы низвергли ее, вы разрушители!

Такой совѣтъ даю я царямъ и церквамъ и всему одряхлѣвшему отъ лѣтъ и отъ добродѣтели—дайте только низвергнуть себя! Чтобъ опять вернулись вы къ жизни и къ вамъ—добродѣтель!»

Такъ говорилъ я предъ огненнымъ псомъ: но онъ сердито прервалъ меня и спросилъ: «Церковь? Что это такое?»

«Церковь? отвѣчалъ я, это родъ государства и при томъ самый лживый. Но молчи, огненный песь! Ты знаешь родъ свой лучше другихъ!

Какъ и ты самъ, государство есть песь лицемѣрія; какъ и ты, любить оно говорить среди дыму и грохота,—чтобы заставить вѣрить, что подобно тебѣ оно говоритъ изъ нѣдра вещей.

Ибо оно хочетъ непрѣмѣнно быть самымъ важнымъ звѣремъ на землѣ; и въ этомъ также вѣрятъ ему».—

И какъ только сказалъ я это, огненный песь, какъ бѣшеный, сталъ извиваться отъ зависти. «Какъ, кричалъ онъ, самымъ важнымъ звѣремъ на землѣ? И въ этомъ также вѣрятъ ему?» И столько дыму и ужасныхъ криковъ выходило изъ его глотки, что я думалъ, что онъ задохнется отъ гнѣва и зависти.

Наконецъ онъ умолкъ, и уменьшилось его пыхтѣніе; но какъ только онъ умолкъ, сказалъ я со смѣхомъ:

«Ты сердишься, огненный песь: значить, я правъ относительно тебя!

И чтобъ оставался я правымъ, послушай о другомъ огненномъ псѣ: онъ говоритъ дѣйствительно изъ сердца земли.

Дыханіе его изъ золота и золотого дождя: такъ хочетъ сердце его. Что ему до пепла, дыма и горячей пѣны!

Смѣхъ вылетаетъ изъ него, какъ пестрыя тучки; противны

ему твое бурчанье, твое плеванье и истерзанныя внутренности твои!

Но золото и смѣхъ—береть онъ изъ сердца земли, ибо, чтобъ зналъ ты наконецъ,—сердце земли изъ золота».

Когда услышалъ это огненный песь, онъ не выдержалъ, чтобъ дослушать меня. Пристыженный, поджалъ онъ свой хвостъ, трусливо проговорилъ вау, вау! и уползъ внизъ въ свою пещеру.—

Такъ рассказывалъ Заратустра. Но ученики его едва слушали его: такъ велико было ихъ желаніе рассказать ему о корабельщикахъ, кроликахъ и о летающемъ чловѣкѣ.

«Что мнѣ думать объ этомъ! сказалъ Заратустра. Развѣ я призракъ?»

Но вѣроятно, это была моя тѣнь. Вы, должно быть, кое-что уже слышали о странникѣ и тѣни его?

Несомнѣнно одно: нужно, чтобъ я держалъ ее крѣпче, — иначе, она еще испортитъ мою славу».

И еще разъ Заратустра покачалъ головой и дивился. «Что мнѣ думать объ этомъ!» повторилъ онъ.

«Почему же кричалъ призракъ: «пора! Давно пора!»

П о ч е м у ж е—давно пора?»—

Такъ говорилъ Заратустра.

✱ * ✱

Прорицатель.

«—и я видѣлъ, наступило великое уныніе среди людей. Лучшіе устали отъ своихъ дѣлъ.

Объявилось ученіе, и рядомъ съ нимъ шла вѣра въ него: «Все пусто, все равно, все уже было!»

И эхо вторило со всѣхъ холмовъ: «Все пусто, все равно, все уже было!»

Правда, собрали мы жатву: но почему же сгнили и почернѣли наши плоды? Что упало съ злого мѣсяца въ послѣднюю ночь?

Напрасенъ былъ всякій трудъ, въ отраву обратилось наше вино, дурной глазъ спалилъ наши поля и наши сердца.

Всѣ мы изсохли; и, еслибъ огонь упалъ на насъ, мы бы рассыпались какъ пепелъ:—но даже огонь утомили мы.

Всѣ источники изсякли, и даже море отступило назадъ. Земля хочетъ треснуть, но бездна не хочетъ поглотить!

«Ахъ, есть ли еще море, гдѣ бы можно было утонуть»: такъ раздается наша жалоба—надъ плоскими болотами.

Поистинѣ, мы уже слишкомъ устали, чтобъ умереть; и мы еще бодрствуемъ и продолжаемъ жить—въ склепахъ!»—

Такъ говорящимъ слышалъ Заратустра одного прорицателя; и его предсказанія проникли въ сердце его и измѣнили его. Печальный и усталый бродилъ онъ; и онъ сталъ похожъ на тѣхъ, о комъ говорилъ прорицатель.

Поистинѣ, сказалъ онъ своимъ ученикамъ,—еще немного, и наступятъ эти долгія сумерки. Ахъ, какъ спасу я отъ нихъ мой свѣтъ!

Чтобъ не потухъ онъ среди этой печали! Для дальнихъ міровъ онъ долженъ быть свѣтомъ и для самыхъ далекихъ ночей!

Такъ опечаленный въ сердцѣ ходилъ Заратустра; и три дня не принималъ онъ ни пищи, ни питія, не имѣлъ покоя и потерялъ рѣчь. Наконецъ, случилось, что впалъ онъ въ глубокой сонъ. Ученики же его сидѣли вокругъ него, бодрствуя долгими ночами, и съ безпокойствомъ ждали, не проснется ли онъ, не заговоритъ ли опять и не выздоровѣетъ ли отъ своей печали.

Вотъ рѣчь, которую сказалъ Заратустра, когда проснулся; голосъ его доходилъ до его учениковъ какъ бы издалика:

«Послушайте сонъ, который я видѣлъ, вы, друзья, и помогите мнѣ отгадать его смыслъ!

Все еще загадка для меня этотъ сонъ; его смыслъ сокрытъ въ немъ и не витаетъ еще свободно надъ нимъ.

Я отрѣшился отъ всякой жизни, такъ снилось мнѣ. Я сдѣлался ночнымъ и могильнымъ сторожемъ въ замкѣ Смерти, на одинокой горѣ.

Тамъ охранялъ я гробы ея; мрачные своды были полны трофеями побѣдъ ея. Изъ стеклянныхъ гробовъ смотрѣла на меня побѣжденная жизнь.

Запахъ запыленной вѣчности вдыхалъ я: удручена и въ пыли была моя душа. И кто же могъ бы освѣжать тамъ свою душу!

Свѣтъ полуночи былъ всегда кругомъ меня, одиночество на короточкахъ сидѣло рядомъ съ нимъ; и еще хрипящая мертвая тишина, худшая изъ моихъ подругъ.

Ключи носилъ я съ собой, самые заржавленные изъ всѣхъ ключей; и я умѣлъ отворять ими самыя скрипучія изъ всѣхъ воротъ.

Подобно зловѣщему карканью, пробѣгали звуки по длин-

нымъ ходамъ, когда поднимались затворы воротъ: зловѣще кричала эта птица, неохотно давала она будить себя.

Но было еще ужаснѣе, и еще сильнѣе сжималось мое сердце, когда все замолкало, и кругомъ водворялась тишина, и я одинъ сидѣлъ въ этомъ зловѣщемъ молчаніи.

Такъ медленно тянулось время, если время еще существовало: почему знаю я это! Но, наконецъ, случилось то, что меня разбудило.

Трижды ударили въ ворота какъ громомъ, трижды зазвучали и заревѣли своды въ отвѣтъ: тогда пошелъ я къ воротамъ.

Альпа! кричалъ я, кто несетъ свой прахъ на гору? Альпа! альпа! Кто несетъ свой прахъ на гору?

И я нажималъ ключъ и напиралъ на ворота, стараясь отворить ихъ. Но они не отворялись ни на палецъ:

Тогда бушующій вѣтеръ распахнулъ половинки ихъ: свистя, крича, разрѣзая воздухъ, бросилъ онъ мнѣ черный гробъ:

И среди шума, свиста и пронзительнаго воя раскололся гробъ, и изъ него раздался смѣхъ на тысячу ладовъ.

И тысяча обликовъ дѣтей, ангеловъ, совъ, глупцовъ и бабочекъ величиной съ ребенка смѣялись и издѣвались надо мной и неслись на меня.

Страшно испугался я и упалъ на-земь. И я закричалъ отъ ужаса, какъ никогда не кричалъ.

Но собственный крикъ разбудилъ меня: — и я пришелъ въ себя». —

Такъ рассказывалъ Заратустра свой сонъ и потомъ умолкъ: ибо онъ не зналъ еще значенія своего сна. Но ученикъ, котораго онъ любилъ больше всѣхъ, быстро поднялся, схватилъ руку Заратустры и сказалъ:

«Сама твоя жизнь объясняетъ намъ сонъ этотъ, о, Заратустра!

Не ты ли самъ этотъ вѣтеръ, съ пронзительнымъ свистомъ, распахивающій ворота въ замкъ Смерти?

Не ты ли самъ этотъ гробъ, наполненный многоцвѣтной злобою и ангельскими обликами жизни?

Поистинѣ, подобно дѣтскому смѣху на тысячу ладовъ, входитъ Заратустра во всѣ склепы, смѣясь надъ ночными и могильными сторожами и надъ всѣми, кто гремитъ ржавыми ключами.

Пугать и опрокидывать будешь ты ихъ своимъ смѣхомъ; обморокъ и пробужденіе докажутъ твою власть надъ ними.

И даже, когда наступят долги сумерки и усталость смертельная, ты не закатаешься на нашем небѣ, ты защитникъ жизни!

Новыя звѣзды и новое великолѣпіе ночи показалъ ты намъ; поистинѣ, самый смѣхъ раскинулъ ты надъ нами многоцвѣтнымъ шатромъ.

Отнынѣ дѣтскій смѣхъ всегда будетъ бить ключемъ изъ гробовъ; отнынѣ всегда будетъ дуть могучій вѣтеръ, торжествующій надъ смертельной усталостью: въ этомъ ты самъ намъ порука и предсказатель!

Поистинѣ, самихъ враговъ своихъ видѣлъ ты во снѣ: это былъ твой самый тяжелый сонъ!

Но какъ ты проснулся отъ нихъ и пришелъ въ себя, такъ и они должны проснуться отъ себя самихъ—и придти къ тебѣ!»—

Такъ говорилъ ученикъ; и всѣ остальные тѣснились къ Заратустрѣ, хватали руки его и хотѣли его убѣдить оставить ложе и печаль и вернуться къ нимъ. Заратустра же сидѣлъ, приподнявшись на своемъ ложѣ, и съ дикимъ взоромъ. Подобно тому, кто возвращается послѣ долгаго отсутствія, смотрѣлъ онъ на своихъ учениковъ, вглядывался въ ихъ лица и еще не узнавалъ ихъ. Но когда они подняли его и поставили на ноги, измѣнился сразу взоръ его; онъ понималъ все, что случилось, и, глядя себѣ бороду, сказалъ твердымъ голосомъ:

«Ну, что-жъ, это придетъ въ свое время; но позаботьтесь, мои ученики, чтобъ былъ у насъ хорошій обѣдъ, и поскорѣй! Такъ думаю я искупить дурные сны!

Прорицатель же долженъ ѣсть и пить рядомъ со мною: и поистинѣ, я покажу ему еще море, въ которомъ можетъ онъ утонуть!»

Такъ говорилъ Заратустра. И онъ долго смотрѣлъ въ лицо ученику, объяснившему сонъ, и качалъ при этомъ головою.—

✧ * *

Объ избавленіи.

Однажды, когда Заратустра проходилъ по большому мосту, окружили его калѣки и нищіе, и одинъ горбатый такъ говорилъ ему:

«Посмотри, Заратустра! Даже народъ учится у тебя и прио-

брѣтаетъ вѣру въ твоё ученіе: но чтобъ совсѣмъ увѣровалъ онъ въ тебя, для этого нужно ещё одно—ты долженъ убѣдить ещё насъ, калѣкъ! Здѣсь у тебя прекрасный выборъ и, поистинѣ, прекрасный случай испытать себя больше, чѣмъ на одной головѣ! Ты можешь исцѣлять слѣпыхъ и заставлять бѣгать хромыхъ, и ты могъ бы нѣсколько облегчить и того, у кого слишкомъ много позади его:—это, думаю я, было бы прекраснымъ средствомъ заставить калѣкъ увѣровать въ Заратустру!»

Но Заратустра такъ возразилъ говорившему: «Когда снимаютъ у горбатаго горбъ его, у него отнимаютъ и духъ его—такъ учить народъ. И когда возвращаютъ слѣпому глаза его, онъ видитъ на землѣ слишкомъ много дурного: такъ что онъ проклинаетъ исцѣлившаго его. Тотъ же, кто даётъ возможность бѣгать хрому, дѣлаетъ ему величайшій вредъ: ибо едва ли онъ сможетъ бѣжать такъ скоро, чтобъ пороки не опереживали его,—его,—такъ учить народъ о калѣкахъ. И почему бы Заратустрѣ не учиться у народа, если народъ учится у Заратустры?»

Но съ тѣхъ поръ, какъ живу я среди людей, для меня это ещё наименьшее зло, что вижу я: «Одному недостаетъ глаза, другому—уха, третьему—ноги; но есть и такіе, что утратили языкъ, или носъ, или голову».

Я вижу и видѣлъ худшее, и много столь отвратительнаго, что не обо всемъ хотѣлось бы говорить, а объ иномъ хотѣлось бы даже умолчать: напримѣръ, о людяхъ, которымъ недостаетъ всего, кромѣ избытка ихъ,—о людяхъ, которые не что иное, какъ одинъ большой глазъ, или одинъ большой ротъ, или одно большое брюхо, или вообще одно что-нибудь большое,—калѣками наизнанку называю я ихъ.

И когда я шелъ изъ своего уединенія и впервые проходилъ по этому мосту, я не вѣрилъ своимъ глазамъ, непрестанно смотрѣлъ и наконецъ сказалъ: «это—ухо! Ухо величиною съ чловѣка!» Я посмотрѣлъ ещё пристальнѣе: и дѣйствительно за ухомъ двигалось ещё нѣчто, до жалости маленькое, бѣдное и слабое. И поистинѣ, чудовищное ухо сидѣло на маленькомъ, тонкомъ стеблѣ,—и этимъ стеблемъ былъ чловѣкъ! Вооружась очками, можно было даже разглядѣть маленькое, завистливое личико, а также пухлую душонку, которая качалась на стеблѣ этомъ. Народъ же говорилъ мнѣ, что большое ухо не только чловѣкъ, но даже великій чловѣкъ, геній. Но никогда не вѣрилъ я народу, когда говорилъ онъ о великихъ людяхъ,—и я

остался при убѣжденіи, что это—калѣка наизнанку, у котораго всего слишкомъ мало и только одного чего-нибудь слишкомъ много».

Сказавъ такъ горбату и тѣмъ, для кого онъ былъ толкователемъ и ходатаемъ, Заратустра обратился съ глубокимъ негодованіемъ къ своимъ ученикамъ и сказалъ:

Поистинѣ, друзья мои, я хожу среди людей, какъ среди обломковъ и отдѣльных частей человѣка!

Самое ужасное для взора моего—это видѣть человѣка разрушеннымъ и разбросаннымъ, какъ будто на полѣ кровопролитной битвы.

И если переносится мой взоръ отъ настоящаго къ прошлому, всюду находитъ онъ то же самое: обломки, отдѣльныя части человѣка и ужасную случайность—и ни одного человѣка!

Настоящее и прошлое на землѣ—ахъ! друзья мои, это и есть самое невыносимое для меня; и я не могъ бы жить, еслибъ не былъ я провидцемъ того, что должно придти.

Провидецъ, хотящій, созидающій, само будущее и мостъ къ будущему—и ахъ, родъ калѣки на этомъ мосту: все это и есть Заратустра.

И вы также часто спрашивали себя: «кто для насъ Заратустра? Какъ должны мы называть его?» И какъ у меня, ваши отвѣты были вопросами.

Есть ли онъ общающій? Или исполняющій? Завоевывающій? Или наслѣдующій? Осень? Или плугъ? Врачъ? Или выздоравливающій?

Поэтъ ли онъ? Говоритъ ли онъ истину? Освободитель? Или покоритель? Добрый? Или зло?

Я хожу среди людей, какъ среди обломковъ будущаго: того будущаго, что вижу я.

И въ томъ мое творчество и стремленіе, чтобъ собрать и соединить воедино все, что является обломкомъ, загадкой и ужасной случайностью.

И какъ могъ бы я быть человѣкомъ, еслибъ человѣкъ не былъ также поэтомъ, отгадчикомъ и избавителемъ отъ случая!

Спасти тѣхъ, кто прошли, и преобразовать всякое «было» въ «такъ хотѣлъ я»—лишь это я назвалъ бы избавленіемъ!

Воля—такъ называется освободитель и вѣстникъ радости: такъ училъ я васъ, мои друзья! А теперь научитесь еще: сама воля еще плѣнница.

«Хотѣть» освобождаетъ: но какъ называется то, что и освободителя заковываетъ еще въ цѣпи?

«Было» — такъ называется скрежетъ зубовъ и сокровенное горе воли. Бессильная противъ того, что уже сдѣлано, — она злобная зрительница всего прошлаго.

Обратно не можетъ воля хотѣть; что не можетъ она побѣдить время и остановить движеніе времени, — въ этомъ сокровенное горе воли.

«Хотѣть» освобождаетъ: чего только ни придумываетъ сама воля, чтобъ освободиться отъ своего горя и посмѣяться надъ своимъ тюремщикомъ?

Ахъ, безумцемъ становится каждый плѣнникъ! Безумствомъ освобождаетъ себя и плѣненная воля.

Что время не бѣжитъ назадъ, — въ этомъ гнѣвъ ея; «было» — такъ называется камень, котораго не можетъ катить она.

И вотъ катитъ она камни отъ гнѣва и досады, и мститъ тому, кто не чувствуетъ подобно ей гнѣва и досады.

Такъ стала воля, освободительница, причинять страданіе: и на всемъ, что можетъ страдать, вымещаетъ она, что не можетъ вернуться вспять.

Это и только это есть само мщеніе: отвращеніе воли ко времени и къ его «было».

Поистинѣ, великое безуміе живетъ въ нашей волѣ, и въ проклятіе стало всему человѣческому, что это безуміе научилось духу!

Духъ мщенія: друзья мои, онъ былъ до сихъ поръ лучшей мыслью людей; и гдѣ было страданіе, тамъ всегда должно было быть наказаніе.

«Наказаніе» — именно такъ называется само себя мщеніе: съ помощью лживаго слова оно притворяется доброй совѣстью.

И такъ какъ въ самомъ хотящемъ есть страданіе, что не можетъ онъ обратно хотѣть, — то и сама воля и вся жизнь должны бы быть — наказаніемъ!

И вотъ туча за тучей собрались надъ духомъ: пока наконецъ безуміе не стало проповѣдывать: «Все преходитъ, и потому все достойно того, чтобъ прейти!»

«И самой справедливостью является тотъ законъ времени, чтобъ оно пожирало своихъ дѣтей»: такъ проповѣдовало безуміе.

«Нравственно все распредѣлено по праву и наказанію. Ахъ,

гдѣ же избавленіе отъ потока вещей и отъ наказанія «существованіемъ?» Такъ проповѣдовало безуміе.

«Можетъ ли существовать избавленіе, если существуетъ вѣчное право? Ахъ, недвижимъ камень «было»: вѣчными должны быть также всѣ наказанія!» Такъ проповѣдовало безуміе.

«Никакое дѣло не можетъ быть уничтожено: какъ могло бы оно быть не сдѣлано чрезъ наказаніе! Въ томъ именно вѣчное въ наказаніи «существованіемъ», что существованіе вѣчно должно быть опять дѣломъ и наказаніемъ!

«Пока, наконецъ, воля не избавится отъ себя самой и не станетъ отрицаніемъ воли»:—но вѣдь вы знаете, братья мои, эту басню безумія!

Прочь велъ я васъ отъ этихъ басенъ, когда училъ я васъ: «Воля есть созидательница».

Всякое «было» есть обломокъ, загадка, ужасная случайность, пока созидаящая воля не добавитъ: «но такъ хотѣла я!»

— Пока созидаящая воля не добавитъ: «Но такъ хочу я! Такъ захочу я!»

Но говорила ли она уже такъ? И когда это случается? Освобождена ли уже воля отъ своего собственнаго безумія?

Стала ли уже воля избавительница себя самой и вѣстникомъ радости? Забыла ли она духъ мщенія и всякій скрежетъ зубовой?

И кто научилъ ее примиренію съ временемъ и высшему, чѣмъ всякое примиреніе?

Высшаго, чѣмъ всякое примиреніе, должна хотѣть воля, которая есть воля къ власти:—но какъ это можетъ случиться съ ней? Кто научить ее хотѣть обратно?»

— Но на этомъ мѣстѣ рѣчи Заратустры случилось, что онъ вдругъ остановился и сдѣлался похожимъ на страшно испугавшагося. Испуганными глазами смотрѣлъ онъ на своихъ учениковъ; взоръ его, какъ стрѣла, пронизывалъ ихъ мысли и тайные помыслы. Но минуту спустя онъ уже опять смѣялся и сказалъ добродушно:

«Трудно жить съ людьми, ибо трудно хранить молчаніе. Особенно для болтливаго».—

Такъ говорилъ Заратустра. Но горбатый прислушивался къ разговору и закрылъ при этомъ свое лицо; когда же онъ услышалъ, что Заратустра смѣется, онъ съ любопытствомъ взглянулъ на него и проговорилъ медленно:

«Почему Заратустра говоритъ съ нами иначе, чѣмъ съ своими учениками?»

Заратустра отвѣчалъ: «Что-жъ тутъ удивительнаго! Съ горбатыми надо говорить по горбату!»

«Хорошо, сказалъ горбатый; и съ учениками надо болтать по школьному.

Но почему говоритъ Заратустра иначе къ своимъ ученикамъ—чѣмъ къ самому себѣ?»—

О человѣческой мудрости.

Не высота: покатость есть нѣчто ужасное!

Покатость, гдѣ взглядъ стремительно падаетъ внизъ, а рука тянется вверхъ. Тогда трепещетъ сердце отъ двойнаго желанія своего.

Ахъ, друзья, угадываете ли вы и моего сердца двойное желаніе?

Въ томъ покатость для меня и опасность, что взоръ мой устремляется въ высоту, а рука моя хотѣла бы держаться и опираться—на глубину!

За человѣка цѣпляется воля моя, цѣпями связываю я себя съ человѣкомъ, ибо влечетъ меня въ высь, къ сверхъ-человѣку: ибо къ нему стремится другая воля моя.

И потому живу я слѣпымъ среди людей; какъ будто не знаю я ихъ: чтобъ моя рука не утратила совсѣмъ своей вѣры въ нѣчто твердое.

Я не знаю васъ, люди: эта тьма и это утѣшеніе часто окружаютъ меня.

Я сижу у проѣзжихъ воротъ, доступный для cadaго плута, и спрашиваю: кто хочетъ меня обмануть?

Моя первая человѣческая мудрость въ томъ, что я позволяю себя обманывать, чтобъ не быть на-сторожѣ отъ обманщиковъ.

Ахъ, еслибъ я былъ на-сторожѣ отъ человѣка: какъ бы могъ человѣкъ быть тогда якоремъ для воздушнаго шара моего! Слишкомъ легко оторвался бы я, увлекаемый вверхъ и вдаль!

Таково ужъ провидѣніе надъ моею судьбой, что безъ предвидѣнія долженъ я быть.

И кто среди людей не хочетъ умереть отъ жажды, долженъ

научиться пить изъ всѣхъ стакановъ; и кто среди людей хочетъ остаться чистымъ, долженъ умѣть мыться и грязной водой.

И часто такъ говорилъ я себѣ въ утѣшеніе: «Ну, подымайся, старое сердце! Несчастье не удалось тебѣ: наслаждайся этимъ—какъ своимъ счастьемъ!»

Моя вторая человѣческая мудрость въ томъ, что больше щажу я тщеславныхъ, чѣмъ гордыхъ.

Не есть ли оскорбленное тщеславіе мать всѣхъ трагедій? Но гдѣ оскорблена гордость, тамъ вырастаетъ еще нѣчто лучшее, чѣмъ гордость.

Чтобъ пріятно было смотрѣть на жизнь, надо, чтобъ ея игра хорошо была сыграна: но для этого нужны хорошіе актеры.

Хорошими актерами находилъ я всѣхъ тщеславныхъ: они играютъ и хогятъ, чтобъ всѣ смотрѣли на нихъ съ удовольствіемъ,—весь духъ ихъ въ этомъ желаніи.

Они представляютъ себя, они выдумываютъ себя; вблизи ихъ люблю я смотрѣть на жизнь,—это исцѣляетъ отъ тоски.

Потому и щажу я тщеславныхъ, что они врачи моей тоски и привязываютъ меня къ человѣку, какъ къ зрѣлищу.

И потомъ: кто извѣрнитъ въ тщеславномъ всю глубину его скромности! Я люблю его, и мнѣ его жаль изъ-за его скромности.

У васъ хочетъ онъ научиться своей вѣрѣ въ себя; онъ питается вашими взглядами, онъ ѣстъ хвалу изъ вашихъ рукъ.

Даже вашей лжи вѣритъ онъ, если вы лжете во хвалу ему: ибо въ глубинѣ вздыхаетъ его сердце: «что я такое!»

И если истинная добродѣтель та, что не знаетъ о себѣ самой: то и тщеславный не знаетъ о своей скромности!—

Моя третья человѣческая мудрость въ томъ, что ваша боязливость не дѣлаетъ для меня противнымъ видъ злыхъ людей.

Я счастливъ при видѣ чудесъ, порождаемыхъ горячимъ солнцемъ: при видѣ тигра, пальмъ и гремучихъ змѣй.

Такъ и среди людей есть прекрасныя порожденія горячаго солнца, и у злыхъ есть много чудеснаго.

И какъ мудрѣйшіе среди васъ не казались мнѣ такими ужъ мудрыми, такъ нашель я и злобу людей лучше, чѣмъ говорятъ о ней.

И часто спрашивалъ я, качая головой: къ чему еще гремите вы, гремучія змѣй?

Поистинѣ, даже для зла есть еще будущее! И самый горячій югъ не открытъ еще для человѣка.

Сколь многое называютъ теперь худшей злобою, что имѣть всего двѣнадцать шаговъ въ ширину и три мѣсяца въ длину! Но нѣкогда придутъ въ міръ гораздо большіе драконы.

Чтобъ сверхъ-человѣкъ не былъ лишень своего дракона, сверхъ-дракона, достойнаго его, — надо, чтобъ горячее солнце долго еще пылало надъ влажнымъ дѣйственнымъ лѣсомъ!

Изъ вашихъ дикихъ кошекъ должны стать сперва тигры, изъ вашихъ ядовитыхъ жабъ — крокодилы: ибо у добраго охотника должна быть и добрая охота!

И поистинѣ, вы, добрые и праведные! Въ васъ есть много смѣшнаго и особенно вашъ страхъ передъ тѣмъ, что до сихъ поръ называли «дьяволомъ»!

Такъ чужда ваша душа всего великаго, что вамъ сверхъ-человѣкъ былъ бы страшенъ въ своей добротѣ!

И вы мудрые и знающіе, вы бѣжали бы отъ солнечнаго зноя той мудрости, въ которой сверхъ-человѣкъ купается съ радостью свою наготу.

Вы высшіе люди, какихъ встрѣчалъ мой взоръ! въ томъ сомнѣніе мое въ васъ и тайный смѣхъ мой: я угадываю, вы бы назвали моего сверхъ-человѣка—дьяволомъ!

Ахъ, усталъ я отъ этихъ высшихъ и лучшихъ: съ «высоты» ихъ потянуло меня выше, дальше отъ нихъ, къ сверхъ-человѣку!

Ужасъ напалъ на меня, когда увидѣлъ я нагими этихъ лучшихъ людей: тогда выросли у меня крылья, чтобъ унести въ далекое будущее.

Въ далекое будущее, въ болѣе южныя страны, о какихъ не мечталъ еще ни одинъ художникъ: туда, гдѣ боги стыдятся всякихъ одеждъ!

Но переодѣтыми хочу видѣть я васъ, о, люди братья и ближніе мои, и наряженными, тщеславными и гордыми, въ качествахъ «добрыхъ и праведныхъ». —

И переодѣтымъ хочу я самъ сидѣть среди васъ, — чтобъ не узнавать васъ и себя: въ этомъ моя послѣдняя человѣческая мудрость. —

Такъ говорилъ Заратустра.

Тишина.

Что случилось со мною, друзья мои? Вы видите меня разстроеннымъ, изгнаннымъ, повинующимся противъ воли, готовымъ уйти—ахъ, уйти подальше отъ васъ!

Да, еще одинъ разъ долженъ Заратустра вернуться въ свое уединеніе: но неохотно возвращается на этотъ разъ медвѣдь въ свою берлогу!

Что случилось со мною? Кто обязываетъ меня къ этому?— Ахъ, этого хочетъ моя гнѣвная повелительница, она говорила ко мнѣ; называлъ ли я вамъ когда-нибудь имя ея?

Вчера вечеромъ говорила ко мнѣ тишина моя: вотъ имя ужасной повелительницы моей.

И случилось это такъ, — ибо я долженъ сказать вамъ все, чтобъ ваше сердце не ожесточилось противъ внезапно удаляющагося!

Знаете ли вы испугъ засыпающаго?—

До пальцевъ своихъ ногъ пугается онъ, ибо почва уходитъ изъ-подъ ногъ его и начинается сонъ.

Это говорю я вамъ для сравненія. Вчера, въ часъ глубочайшей тишины, почва ушла изъ-подъ моихъ ногъ: сонъ начался.

Стрѣлка подвинулась, часы моей жизни стали, чтобъ отдохнуть,—никогда еще не было такой тишины вокругъ меня: такъ что мое сердце испугалось.

Тогда заговорила беззвучно тишина ко мнѣ: «Ты знаешь это, Заратустра?»—

И я вскрикнулъ отъ страха при этомъ шопотѣ, и кровь отхлынула отъ моего лица: но я молчалъ.

Тогда во второй разъ сказала она мнѣ беззвучно: «Ты знаешь это, Заратустра, но ты не говоришь объ этомъ!»—

И я отвѣчалъ наконецъ, подобно упряму: «Да, я знаю это, но не хочу говорить объ этомъ!»

Тогда опять сказала она мнѣ беззвучно: «Ты не хочешь, Заратустра? Правда ли это? Не прячься въ своемъ упорствѣ!»—

И я плакалъ и дрожалъ, какъ ребенокъ, и наконецъ сказалъ: «Ахъ, я хотѣлъ бы, но развѣ могу я! Избавь меня! Это свыше моихъ силъ!»

Тогда опять сказала она мнѣ беззвучно: «Что тебѣ за дѣло, что случится съ тобой, Заратустра! Скажи свое слово, и умри!»—

И я отвѣчалъ: «Ахъ, развѣ это мое слово? Кто я такой? Я жду болѣе достойнаго; я не достоинъ даже умереть за него».

Тогда опять сказала она мнѣ беззвучно: «Что тебѣ за дѣло, что случится съ тобой? Ты еще недостаточно кротокъ для меня. У кротости самая толстая шкура».—

И я отвѣчалъ: «Чего только ни вынесла шкура моей кротости! У подножія своей высоты я живу: какъ высоки мои вершины? Никто еще не сказалъ мнѣ этого. Но хорошо знаю я свои долины».

Тогда опять сказала она мнѣ беззвучно: «О, Заратустра, кто долженъ двигать горами, тотъ передвигаетъ также долины и низменности».—

И я отвѣчалъ: «Еще мое слово не двигало горами, и что я говорилъ, не достигало людей. И хотя я шель къ людямъ, но еще не дошелъ до нихъ».

Тогда опять сказала она мнѣ беззвучно: «Что знаешь ты объ этомъ! Роса падаетъ на траву, когда ночь всего безмолвнѣе».—

И я отвѣчалъ: «Они смѣялись надо мной, когда нашель я свой собственный путь и пошелъ по немъ; и поистинѣ, дрожали тогда мои ноги».

И такъ говорили они мнѣ: ты потерялъ путь, а теперь ты не умѣешь даже ходить!»

Тогда опять сказала она мнѣ беззвучно: «Что тебѣ до насмѣшекъ ихъ! Ты тотъ, кто разучился повиноваться: теперь долженъ ты повелѣвать!»

Развѣ ты не знаешь, кто наиболѣе нуженъ всѣмъ? Кто приказываетъ великое.

Совершить великое трудно: но еще труднѣе приказать великое.

Самое непростительное въ тебѣ: у тебя есть власть, и ты не хочешь властвовать».—

И я отвѣчалъ: «Мнѣ недостаетъ голоса льва, чтобъ приказывать».

Тогда, какъ легкій шопотъ, сказала она мнѣ: «Самыя тихія слова—тѣ, что приносятъ бурю. Мысли, приходящія какъ голубь, управляютъ міромъ».

О, Заратустра, ты долженъ идти какъ тѣнь того, что должно наступить: такъ будешь ты приказывать и, приказывая, идти впереди».—

И я отвѣчалъ: «Мнѣ мѣшаетъ стыдъ».

Тогда опять сказала она мнѣ беззвучно: «Ты долженъ еще стать ребенкомъ, чтобы стыдъ не мѣшалъ тебѣ».

Гордыня юноши тяготѣетъ еще на тебѣ, поздно помолодѣлъ ты: но кто хочетъ превратиться въ дитя, долженъ преодолѣть еще свою юность».—

И я рѣшался долго и дрожалъ. Наконецъ сказалъ я то же, что и въ первый разъ: «Я не хочу».

Тогда раздался смѣхъ вокругъ меня. Ахъ, смѣхъ этотъ разрывалъ мнѣ внутренности и надрывалъ мое сердце!

И въ послѣдній разъ сказала она мнѣ: «О, Заратустра, плоды твои созрѣли, но ты не созрѣлъ для плодовъ своихъ!»

И такъ тебѣ надо опять уединиться: ибо ты долженъ еще дозрѣть».—

И опять раздался смѣхъ, удалявшійся отъ меня: тогда наступила вокругъ меня тишина, двойная тишина. Я же лежалъ на землѣ, и потъ катился съ моихъ членовъ.

— Теперь слышали вы все, и почему я долженъ вернуться въ свое уединеніе. Ничего не утаилъ я отъ васъ, мои друзья.

И все это слышали вы отъ меня, всегда самаго молчаливаго изъ всѣхъ людей—и я хочу остаться такимъ!

Ахъ, мои друзья! Я имѣлъ бы еще многое сказать вамъ, я имѣлъ бы еще многое дать вамъ! Почему же не даю я? Развѣ я скупъ?—

Но когда Заратустра произнесъ эти слова, имъ овладѣла великая скорбь и близость разлуки съ своими друзьями, такъ что онъ громко заплакалъ; и никто не могъ утѣшить его! Ночью же ушелъ онъ одинъ и оставилъ своихъ друзей.

ТАКЪ ГОВОРИЛЪ ЗАРАТУСТРА.

Часть третья.

„Вы смотрите вверхъ, когда вы стремитесь подняться. А я смотрю внизъ. ибо я поднялся.

Кто изъ васъ можетъ одновременно смѣяться и быть высоко?

Кто поднимается на высочайшія горы, тотъ смѣется надъ всякой трагедіей сцены и жизни“.

Заратустра,
о чтеніи и письмѣ
(I, стр. 30).

Странникъ.

Была полночь, когда Заратустра пустился въ свой путь черезъ горный хребетъ острова, чтобы раннимъ утромъ достичь противоположнаго берега: ибо тамъ хотѣлъ онъ сѣсть на корабль. Тамъ была прекрасная гавань, въ которой даже чужіе корабли охотно становились на якорь; они брали съ собою тѣхъ, кто съ блаженныхъ острововъ хотѣлъ пуститься въ море. Взираясь на гору, Заратустра вспоминалъ дорогою о своихъ многочисленныхъ одинокихъ странствованіяхъ съ самой юности, и о томъ, какъ много горъ, хребтовъ и вершинъ пришлось ему переходить.

Я, странникъ и скиталецъ по горамъ, говорилъ онъ въ своемъ сердцѣ, я не люблю долины и, кажется, я не могу долго сидѣть спокойно.

И каковы бы ни были моя судьба и то, что придется мнѣ пережить,—всегда будетъ въ нихъ странствованіе и восхожденіе на горы: въ концѣ концовъ мы переживаемъ только самихъ себя.

Прошло то время, когда на моемъ пути могли еще становиться случайности; и что могло бы теперь еще случиться со мной, что бы не было моей собственностью.

Мое Само только возвращается ко мнѣ, оно наконецъ приходитъ домой; возвращаются и всѣ части его, бывшія долго на чужбинѣ и разсѣяныя среди всѣхъ вещей и случайностей.

И еще одно знаю я: я стою теперь передъ послѣдней вершиной своей и передъ тѣмъ, что давно предназначено мнѣ. Ахъ, я долженъ вступить на самый трудный путь свой! Ахъ, я началъ самое одинокое странствованіе свое!

Но тому, кто подобенъ мнѣ, не избѣжать этого часа: часа, который говоритъ ему: «Только теперь ты идешь своимъ путемъ величія! Вершина и пропасть—слились теперь во едино!

Ты идешь своимъ путемъ величія: что доселѣ называлось твоей величайшей опасностью, теперь стало твоимъ послѣднимъ убѣжищемъ!

Ты идешь своимъ путемъ величія: теперь лучшей поддержкой тебѣ должно быть сознаніе, что позади тебя нѣтъ больше пути!

Ты идешь своимъ путемъ величія: здѣсь никто не можетъ красться по твоимъ слѣдамъ! Твои собственные шаги стирали путь за тобою, и надъ нимъ написано: Невозможность.

И если у тебя не будетъ больше ни одной лѣстницы, ты долженъ будешь научиться взбираться на свою собственную голову: какъ же иначе хотѣлъ бы ты подняться выше?

На свою собственную голову и выше черезъ свое собственное сердце! Теперь все самое нѣжное въ тебѣ должно стать самымъ суровымъ.

Кто всегда очень берегъ себя, подъ конецъ хвораетъ отъ своей чрезмѣрной осторожности. Хвала всему, что закаляетъ! Я не хвалю страны, гдѣ текутъ—масло и медъ!

Чтобъ видѣть многое, надо научиться не смотрѣть на себя:—эта суровость необходима каждому, кто восходитъ на горы.

И если кто ищетъ познанія назойливымъ окомъ, какъ увидитъ онъ въ вещахъ больше, чѣмъ внѣшнія причины ихъ!

Но ты, о, Заратустра, ты хотѣлъ видѣть основу и смыслъ всѣхъ вещей: и потому долженъ ты подниматься надъ самымъ собою, все выше и выше, пока даже твои звѣзды не окажутся подъ тобой!

Да! Смотрѣть внизъ на самого себя и даже на свои звѣзды: лишь это назвалъ бы я своей вершиной, лишь это осталось для меня моей послѣдней вершиной!—

Такъ говорилъ Заратустра съ собою, поднимаясь на гору и утѣшая свое сердце суровыми изреченіями: ибо сердце его сокрушалось, какъ никогда еще прежде. И когда онъ достигъ вершины горнаго хребта, онъ увидѣлъ другое море, разстилавшееся передъ нимъ: и онъ остановился и долго молчалъ. А ночь на этой высотѣ была холодная и ясная, и усѣяна звѣздами.

Я узнаю свою судьбу, сказалъ онъ наконецъ съ грустью. Ну, что-жъ! Я готовъ. Началось мое послѣднее уединеніе.

О, это черное, печальное море подо мною! О, это тяжелое, ночное недовольство! О, судьба и море! Къ вамъ долженъ я теперь спуститься!

Я стою передъ самой высокой своею горой и передъ самымъ

долгимъ своимъ странствованиемъ: поэтому я долженъ спуститься ниже, чѣмъ когда-либо поднимался я:

—глубже погрузиться въ страданіе, чѣмъ когда-либо поднимался я, до самой черной волны его! Такъ хочеть судьба моя: Ну, что-жъ! Я готовъ.

Откуда берутся высочайшія горы? такъ спрашивалъ я однажды. Тогда научился я, что выходятъ онѣ изъ моря.

Объ этомъ свидѣлствуютъ нѣдра ихъ и склоны вершинъ ихъ. Изъ самага низкаго должно вознестись самое высокое къ своей вершинѣ.—

Такъ говорилъ Заратустра на вершинѣ горы, гдѣ было холодно; но когда онъ достигъ близости моря и наконецъ стоялъ одинъ среди утесовъ, усталость отъ пути и тоска овладѣли имъ еще сильнѣе, чѣмъ прежде.

Теперь еще все спитъ, говорилъ онъ; спитъ также и море. Чуждое, сонное смотритъ его око на меня.

Но его теплое дыханіе чувствую я. И я чувствую также, что оно грезитъ. Въ грезахъ мечется оно на жесткихъ подушкахъ.

Чу! Какъ оно стонетъ отъ тяжкихъ воспоминаній! Или отъ недобрыхъ предчувствій?

Ахъ, я раздѣляю твою печаль, темное чудовище, и изъ-за тебя досадою я на себя самага.

Ахъ, почему нѣтъ въ моей рукѣ достаточной силы! Поистинѣ, охотно избавилъ бы я тебя отъ тяжелыхъ грезъ!—

И пока Заратустра такъ говорилъ, смѣялся онъ съ тоскою и горечью надъ самимъ собой. Какъ! Заратустра! сказалъ онъ, ты еще думаешь утѣшать море?

Ахъ, ты, любвеобильный глупецъ Заратустра, безмѣрно блаженный въ своемъ довѣріи! Но такимъ былъ ты всегда: всегда подходилъ ты довѣрчиво ко всему ужасному.

Ты хотѣлъ приласкать всѣхъ чудовищъ. Теплое дыханіе, немного мягкой шерсти на лапахъ:—и ты уже готовъ былъ полюбить и привлечь къ себѣ.

Любовь есть опасность для самага одинокаго; любовь ко всему, если только оно живое! Поистинѣ, достойны смѣха мое безуміе и моя скромность въ любви!—

Такъ говорилъ Заратустра и опять засмѣялся: но тутъ онъ вспомнилъ о своихъ покинутыхъ друзьяхъ,—и, какъ бы прови-

нившись передъ ними своими мыслями, онъ разсердился на себя за свои мысли. И вскорѣ смѣющийся заплакалъ:—отъ гнѣва и тоски горько заплакалъ Заратустра.

*
✱
*

О призрактъ и загадктъ.

I.

Когда среди моряковъ распространился слухъ, что Заратустра находится на кораблѣ,—ибо одновременно съ нимъ сѣлъ на корабль человѣкъ, прибывшій съ блаженныхъ острововъ,—всѣми овладѣло великое любопытство и ожиданіе. Но Заратустра молчалъ два дня и былъ холоденъ и глухъ отъ печали, такъ что не отвѣчалъ ни на взгляды, ни на вопросы. Къ вечеру же второго дня отверзъ онъ свои уши, хотя и продолжалъ молчать: ибо много необыкновеннаго и опаснаго можно было услышать на этомъ кораблѣ, пришедшемъ издалека и собиравшемся плыть еще далѣе. Заратустра же любилъ всѣхъ, кто предпринимаетъ дальнія странствованія и не можетъ жить безъ опасности. И вотъ, пока слушалъ онъ другихъ, развязался его собственный языкъ, и ледъ его сердца растаялъ:—тогда началъ онъ такъ говорить:

Вамъ, смѣлымъ искателямъ, испытателямъ и всѣмъ, кто когда-либо плавалъ подъ коварными парусами по страшнымъ морямъ,—

вамъ, опьяненнымъ загадками, любителямъ сумерекъ, чья душа привлекается звуками свирѣли ко всякой обманчивой пучинѣ:

— ибо вы не хотите нащупывать нить трусливой рукой, и гдѣ можете вы угадать, тамъ презираете вы изслѣдованіе—

вамъ однимъ расскажу я загадку, которую видѣлъ я,—призракъ, представшій предъ самымъ одинокимъ.—

Мрачный шелъ я недавно среди мертвенно блѣдныхъ сумерокъ,—мрачный и суровый, съ стиснутыми губами. Уже не одно солнце закатилось для меня.

Тропинка, капризно извивавшаяся между камнями, злобая, одинокая, не желавшая ни травы, ни кустарника: эта горная тропинка хрустѣла подъ моей дерзновенной ногой.

Безмолвно ступая среди насмѣшливаго грохота камней, сти-

рая въ прахъ камень, о который спотыкалась моя нога: такъ медленно взбирался я вверхъ.

Вверхъ: наперекоръ духу, увлекавшему меня внизъ, въ пропасть, духу тяжести, моему демону и смертельному врагу.

Вверхъ:—хотя онъ сидѣлъ на мнѣ, полукарликъ, полукротъ; хромою, дѣлая хромымъ и меня; вливая свинецъ въ мои уши, свинцовыя мысли въ мой мозгъ.

«О, Заратустра, насмѣшливо отчеканилъ онъ, ты камень мудрости! Какъ высоко вознесся ты, но каждый брошенный камень долженъ—упасть!

О, Заратустра, ты камень мудрости, ты дискъ блестящій, ты сокрушитель звѣздъ! Какъ высоко вознесся ты,—но каждый брошенный камень долженъ—упасть!

Тебѣ самому суждено побить себя камнями: о, Заратустра, какъ далеко бросилъ ты камень,—но на тебѣ упадетъ онъ!»

Карликъ умолкъ; и это длилось долго. Его молчаніе давило меня; и поистинѣ, вдвоемъ человѣкъ бываетъ болѣе одинокимъ, чѣмъ наединѣ съ собою!

Я поднимался, я поднимался, я грезилъ, я думалъ,—но все давило меня. Я походилъ на больного, котораго усыпляетъ тяжесть страданій его, но котораго снова будить отъ сна еще болѣе тяжелый сонъ.—

Но есть во мнѣ нѣчто, что называю я мужествомъ: оно до сихъ поръ убивало во мнѣ уныніе. Это мужество заставило меня наконецъ остановиться и сказать: «Карликъ! Ты! Или я!»—

Мужество лучшее смертоносное оружіе,—мужество нападающее: ибо въ каждомъ нападеніи есть побѣдная музыка.

Человѣкъ же самое мужественное животное: этимъ побѣдилъ онъ всѣхъ животныхъ. Побѣдной музыкой преодолѣлъ онъ всякое страданіе; а человѣческое страданіе—самое глубокое страданіе.

Мужество побѣждаетъ даже головокруженіе на краю пропасти: а гдѣ же человѣкъ не стоялъ бы на краю пропасти! Развѣ смотрѣть въ себя самого—не значитъ смотрѣть въ пропасть?

Мужество лучшее смертоносное оружіе: мужество убиваетъ даже состраданіе. Состраданіе же есть наиболѣе глубокая пропасть: ибо насколько глубоко человѣкъ заглядываетъ въ жизнь, настолько глубоко заглядываетъ онъ и въ страданіе.

Мужество лучшее смертоносное оружіе,—мужество нападаю-

щее: оно убиваетъ даже смерть, ибо оно говоритъ: «Такъ это была жизнь? Ну, что-жъ! Еще разъ!»

Но въ этихъ словахъ громко звучитъ побѣдная музыка, Имѣющій уши, да слышитъ.—

* * *

2.

«Стой, карликъ! сказалъ я. Я! Или ты! Но я сильнѣйшій изъ насъ двоихъ:—ты не знаешь самой глубокой мысли моей! Ея бремени—ты не могъ бы нести!»—

Тутъ случилось то, что облегчило меня: назойливый карликъ спрыгнулъ съ моихъ плечъ! Съжившись, онъ сѣлъ на камень противъ меня. Путь, гдѣ мы остановились, лежалъ чрезъ ворота.

«Взгляни на эти ворота, карликъ! продолжалъ я: у нихъ два лица. Двѣ дороги сходятся тутъ: по нимъ никто еще не проходилъ до конца.

Этотъ длинный путь назадъ: онъ тянется цѣлую вѣчность. А этотъ длинный путь впередъ—другая вѣчность.

Эти пути противорѣчаютъ одинъ другому, они сталкиваются:—и именно здѣсь, у этихъ воротъ, они сходятся вмѣстѣ. Название воротъ написано сверху: «Мгновенье».

Но если кто-нибудь по нимъ пошелъ бы дальше—и дальше все и дальше: то думаешь ли, карликъ, что эти два пути себѣ противорѣчили бы вѣчно?»—

«Все прямое лжетъ, презрительно пробормоталъ карликъ. Всякая истина крива, само время есть кругъ».

«Духъ тяжести, проговорилъ я съ гнѣвомъ, не притворяйся, что это такъ легко! Иль я оставляю тебя здѣсь, гдѣ ты сидишь, хромою уродецъ,—а я вѣдь несъ тебя наверхъ!»

Взгляни, я продолжалъ, на это Мгновенье! Отъ этихъ вратъ Мгновенья уходитъ длинный, вѣчный путь назадъ: позади насъ лежитъ вѣчность.

Не должно ли было все, что можетъ идти, уже однажды пройти этотъ путь? Не должно ли было все, что можетъ случиться, уже однажды случиться, сдѣлаться, пройти?

И если все уже было: что думаешь ты, карликъ, объ этомъ Мгновеньи? Не должны ли были и эти ворота уже—однажды быть?

И не связаны ли всѣ вещи такъ прочно, что это Мгновенье

влечетъ за собою все грядущее. Слѣдовательно—еще и само себя?

Ибо все, что можетъ идти: не должно ли оно еще разъ пройти—этотъ длинный путь впередъ!—

И этотъ медлительный паукъ, ползущій при лунномъ свѣтѣ, и этотъ самый лунный свѣтъ, и я, и ты, что шепчемся въ воротахъ, шепчемся о вѣчныхъ вещахъ, — развѣ всѣ мы уже не существовали?

— и не должны ли мы вернуться и пройти этотъ другой путь впереди насъ, этотъ длинный плачевный путь,—не должны ли мы вѣчно возвращаться»—

Такъ говорилъ я, и говорилъ все тише: ибо я страшился своей собственной мысли и сокровеннаго значенія ея. И вдругъ вблизи услышалъ я вой собаки.

Не слышалъ ли я уже когда-то этотъ вой собаки? Моя мысль устремилась въ прошлое. Да! когда я былъ ребенкомъ, въ самомъ раннемъ дѣтствѣ:

—тогда слышалъ я собаку, которая такъ выла. И я видѣлъ ее, оцетинившуюся, съ мордой, поднятой кверху, дрожащую, въ тотъ тихій полуночный часъ, когда и собаки вѣрятъ въ призраки:

— и мнѣ было жаль ее. Надъ домомъ только что взошелъ, въ мертвомъ молчаніи, полный мѣсяцъ; онъ остановился круглымъ огненнымъ шаромъ надъ плоской крышею, какъ воръ надъ чужой собственностью:—

тогда собаку обучалъ страхъ: ибо собаки вѣрятъ въ воровъ и призраковъ. И когда я опять услышалъ этотъ вой, я вновь почувствовалъ жалость.

Куда же дѣвался карликъ? И ворота? И паукъ? И наши перешептыванія? Было ли это во снѣ? Или на яву? Я увидѣлъ вдругъ, что стою среди дикихъ скалъ, одинъ, облитый мертвымъ луннымъ свѣтомъ.

Но здѣсь же лежалъ человѣкъ! И собака, съ оцетинившейся шерстью, прыгала и визжала,—и увидѣвъ, что я подошелъ—она снова завывала, она закричала:—слышалъ ли я когда-нибудь, чтобъ собака кричала такъ о помощи?

И, поистинѣ, ничего подобнаго тому, что увидѣлъ я, никогда я не видѣлъ. Я увидѣлъ молодого пастуха, задыхавшагося, корчившагося, съ искаженнымъ лицомъ; изо рта у него висѣла черная, тяжелая змѣя.

Видѣлъ ли я когда-нибудь столько отвращенія и смертельнаго ужаса на одномъ лицѣ? Должно быть, онъ спалъ? Въ это время змѣя заползла ему въ глотку и впилась въ нее.

Моя рука рванула змѣю, рванула:—напрасно! она не вырвала змѣи изъ глотки. Тогда изъ устъ моихъ раздался крикъ: «Откуси! Откуси!

Откуси ей голову!»—такъ кричалъ изъ меня мой ужасъ, моя ненависть, мое отвращеніе, моя жалость, все доброе и все злое во мнѣ слилось въ одинъ общій крикъ.—

Вы, смѣльчаки, окружающіе меня! Вы, искатели, испытатели и всѣ, кто плаваетъ подъ коварными парусами по неизслѣдованнымъ морямъ! Вы, любители загадокъ!

Разгадайте же мнѣ загадку, которую я видѣлъ тогда, растолкуйте же мнѣ призракъ, представшій предъ самымъ одинокимъ!

Ибо это былъ призракъ и предвидѣніе:—ч т о видѣлъ я тогда въ символѣ? И к т о же онъ, кто нѣкогда еще долженъ прійти?

К т о этотъ пастухъ, которому заползла въ глотку змѣя? К т о этотъ человѣкъ, которому все самое тяжелое, самое черное заползетъ въ глотку?

— И пастухъ откусилъ, какъ совѣтовалъ ему крикъ мой; откусилъ голову змѣи! Далеко отплюнулъ онъ ее:—и вскочилъ на ноги.—

Ни пастуха, ни человѣка болѣе,—предо мной стоялъ преображенный, просвѣтленный, который смѣялся! Никогда еще на землѣ не смѣялся человѣкъ, какъ онъ смѣялся!

О, братья мои, я слышалъ смѣхъ, который не былъ смѣхомъ человѣка,—и теперь пожираетъ меня жажда, желаніе, которое никогда не стихнетъ во мнѣ.

Желаніе этого смѣха пожираетъ меня: о, какъ вынесу я еще жизнь? И какъ вынесъ бы я теперь смерти!—

Такъ говорилъ Заратустра.

* * *

О блаженствѣ противъ воли.

Съ такими загадками и съ горечью въ сердцѣ плыль Заратустра по морю. Но на четвертый день странствованія, когда онъ уже былъ далеко отъ блаженныхъ острововъ и отъ своихъ друзей,

онъ перевозмогъ всю свою печаль:—побѣдоносно, твердой ногою стоялъ онъ снова на пути своей судьбы. И такъ говорилъ тогда Заратустра къ своей ликующей совѣсти:

Опять я одинъ и хочу имъ быть, одинъ съ яснымъ небомъ и свободнымъ моремъ; и снова послѣполуденное время вокругъ меня.

Въ послѣполуденное время обрѣлъ я нѣкогда впервые своихъ друзей, также въ послѣполуденное время вторично обрѣлъ я ихъ:— въ тотъ часъ, когда становится болѣе спокойнымъ всякій свѣтъ.

Ибо частички счастья, блуждающія еще между небомъ и землей, ищутъ пристанища себѣ въ свѣтлой душѣ: теперь отъ счастья сталъ болѣе спокойнымъ всякій свѣтъ.

О, послѣполуденное время моей жизни! Однажды спустилось также и мое счастье въ долину искать себѣ пристанища: тогда обрѣло оно эти открытыя, гостепріимныя души.

О, послѣполуденное время моей жизни! Чего ни отдалъ бы я, чтобы имѣть одно: живое насажденіе моихъ мыслей и утренній разсвѣтъ моей высшей надежды!

Послѣдователей искалъ нѣкогда созидающій и дѣтей своей надежды: и вотъ оказалось, что онъ не можетъ найти ихъ иначе, какъ самъ впервые создавъ ихъ.

Такъ и я нахожусь среди своего дѣла, идя къ своимъ дѣтямъ и возвращаясь отъ нихъ: ради своихъ дѣтей долженъ Заратустра довершить самого себя.

Ибо отъ всего сердца любятъ только свое дитя и свое дѣло; и гдѣ есть великая любовь къ самому себѣ, тамъ служить она признакомъ беременности: такъ замѣчалъ я.

Еще цвѣтутъ мои дѣти своей первой весною; стоя близко другъ къ другу, вмѣстѣ колеблемыя вѣтромъ деревья моего сада и лучшей земли.

И поистинѣ! Гдѣ такія деревья стоятъ близко другъ къ другу, тамъ находятся блаженные острова!

Но когда-нибудь я вырою ихъ и разсажу каждое отдѣльно: чтобъ научилось оно одиночеству, упорству и осторожности.

Суковатымъ и изогнутымъ, съ гибкой твердостью должно стоять оно у моря, живымъ маякомъ непобѣдимой жизни.

Тамъ, гдѣ бури низвергаются въ море, и уста горъ пьютъ воду, тамъ должно стоять каждое изъ нихъ, днемъ и ночью, на стражѣ, чтобъ испытать и познать себя.

Испытано и познано должно быть оно, чтобъ знать, моего ли оно рода и происхожденія,—господинъ ли оно упорной воли, молчаливо ли, даже когда говорить, и дѣлаетъ ли видъ, что беретъ, отдавая:—

— чтобъ стать нѣкогда моимъ послѣдователемъ и созидующимъ и празднующимъ вмѣстѣ съ Заратустрой:—такимъ, что пишетъ мою волю на моихъ скрижаляхъ: для болѣе полного довершенія всѣхъ вещей.

И ради него и подобныхъ ему долженъ я довершить самого себя: поэтому бѣгу я теперь своего счастья и отдаю себя въ жертву всѣмъ несчастьямъ—чтобъ испытать и познать себя въ послѣдній разъ.

И поистинѣ, настало время мнѣ уходить; и тѣнь странника, и поздняя пора, и тишина—все говорило мнѣ: «давно пора!»

Вѣтеръ проникъ въ замочную скважину и сказалъ: «Идемъ!» Дверь потихоньку распахнулась и сказала: «Уходи!»

Но я лежалъ, прикованный любовью къ своимъ дѣтямъ: желаніе любви наложило на меня эти узы, такъ что я сдѣлался жертвою своихъ дѣтей, и изъ-за нихъ потерялъ себя.

Желать—это уже значить для меня: потерять себя. У меня есть вы, мои дѣти! Въ этомъ обладаніи все должно быть увѣренностью и ничто не должно быть желаніемъ.

Но солнце моей любви пылало надо мной, въ собственномъ соку варился Заратустра, — тогда пронесли тѣнь и сомнѣніе надо мной.

Я уже жаждалъ мороза и зимы: «о, еслибъ морозъ и зима заставили меня снова дрожать отъ стужи и щелкать зубами!» вздыхалъ я:—тогда поднялись отъ меня ледяные туманы.

Мое прошлое вскрыло свои могилы, проснулось много страданія, заживо погребеннаго: — оно лишь дремало, сокрытое въ саванѣ.

Такъ все кричало мнѣ знаками: «Пора!» Но я—не слушалъ: пока наконецъ не зашевелилась моя бездна и моя мысль не укусила меня.

О, бездонная мысль, ты — моя мысль! Когда же найду я силу слышать, какъ ты роешься, и не дрожать болѣе?

До самой гортани стучить мое сердце, когда я слышу, какъ ты роешься! Даже твое молчаніе душитъ меня, ты, молчаливая, какъ бездна!

Никогда еще не рѣшался я вызвать тебя н а р у ж у: довольно того уже, что носилъ я тебя—съ собою! Еще не былъ я достаточно силенъ для послѣдней смѣлости льва и дерзости его.

Твоя тяжесть всегда была для меня уже достаточно ужасной: но нѣкогда я долженъ еще найти силу и голосъ льва, который вызоветъ тебя наружу!

И когда я преодолѣю это въ себѣ, тогда преодолѣю я еще и нѣчто большее; и п о б ѣ д а должна быть печатью моего довершенія!—

А до тѣхъ поръ я блуждаю еще по невѣдомымъ морямъ; случай льститъ мнѣ и ласкаетъ меня; я смотрю впередъ и назадъ—и не вижу конца.

Еще не наступилъ часъ моей послѣдней борьбы,—или онъ только что настаетъ? Поистинѣ, съ коварной прелестью смотрятъ на меня кругомъ море и жизнь!

О, послѣполуденное время моей жизни! О, счастье, предвѣстникъ вечера! О, пристань въ открытомъ морѣ! О, миръ въ неизвѣстности! Какъ не довѣряю я вамъ всѣмъ!

Поистинѣ, я не довѣряю вашей коварной прелести! Я похожъ на влюбленнаго, который не довѣряетъ слишкомъ бархатной улыбкѣ.

Какъ онъ, ревнивецъ, отталкиваетъ отъ себя возлюбленную, оставаясь нѣжнымъ даже въ своей суровости,—такъ и я отталкиваю отъ себя этотъ блаженный часъ.

Прочь отъ меня, блаженный часъ! Съ тобой пришло ко мнѣ блаженство противъ воли! Готовый къ своему самому глубокому страданію, стою я здѣсь: не во-время пришелъ ты!

Прочь отъ меня, блаженный часъ! Лучше ищи себѣ пристанища тамъ—у моихъ дѣтей! Спѣши! и благослови ихъ еще до вечера м о и м ѣ счастьемъ!

Уже наступаетъ вечеръ: солнце садится. Удалилось мое счастье!—

Такъ говорилъ Заратустра. И онъ ждалъ своего несчастья всю ночь: но ждалъ напрасно. Ночь оставалась ясной и тихой, и счастье само надвигалось къ нему все ближе и ближе. А къ утру засмѣялся Заратустра въ своемъ сердцѣ и сказалъ насмѣшливо: «Счастье бѣгаетъ за мной. Это потому, что я не бѣгаю за женщинами. А счастье—женщина».

Передъ восходомъ солнца.

О, небо надо мной, чистое, глубокое! Бездна свѣта! Созерцаю тебя, я трепещу отъ божественныхъ желаній.

Броситься въ твою высоту—въ этомъ моя глубина! Укрыться въ твоей чистотѣ—въ этомъ моя невинность!

Бога скрываетъ красота его: такъ и ты скрываешь свои звѣзды. Ты безмолвствуешь: такъ вѣщаешь ты мнѣ свою мудрость.

Безмолвно надъ бушующимъ моремъ поднялось ты сегодня, твоя любовь и твоя стыдливость открываются моею будущей душѣ.

Въ томъ, что пришло ты ко мнѣ, прекрасное, скрытое въ своей красотѣ, что безмолвно говоришь ты мнѣ, открываясь въ своей мудрости:

О, неужели не угадалъ бы я всей стыдливости твоей души! Передъ восходомъ солнца пришло ты ко мнѣ, самому одинокому.

Мы друзья съ тобою издавна: у насъ печаль, и страхъ, и сушность общіе; даже солнце у насъ общее.

Мы не говоримъ другъ съ другомъ, ибо знаемъ слишкомъ многое:—мы безмолвствуемъ, мы улыбками сообщаемъ другъ другу наше знаніе.

Не свѣтъ ли ты моего пламени? Не живетъ ли въ тебѣ душа родственная моему разуму?

Вмѣстѣ учились мы всему; вмѣстѣ учились мы подниматься надъ собою къ себѣ самимъ и безоблачно улыбаться:—безоблачно улыбаться внизъ, свѣтлыми очами и изъ огромной дали, въ то время, какъ подъ нами струятся, какъ дождь, насиліе и цѣль, и вина.

И если блуждалъ я одинъ: чего алкала душа моя по ночамъ и на тропинкахъ заблужденія? И если поднимался я на горы, кого, какъ не тебя, искалъ я на горахъ?

И всѣ мои странствованія и восхожденія на горы: развѣ не были они лишь необходимостью, чтобъ помочь неумѣлому:—летѣть только хотеть вся воля моя, летѣть до тебя!

И кого ненавидѣлъ я болѣе, какъ не ползущія облака и все, омрачающее тебя? И даже свою собственную ненависть ненавидѣлъ я, потому что она пятнала тебя!

Ползущія облака ненавижу я, этихъ крадущихся, хищныхъ кошекъ: они отнимаютъ у тебя и у меня, что есть у насъ общаго,—огромное, безграничное утвержденіе всѣхъ вещей.

Мы ненавидимъ ползущія облака, этихъ посредниковъ и смѣсителей: этихъ существъ разнородныхъ и неопредѣленныхъ, которыя не научились ни благословлять, ни проклинать отъ всего сердца.

Лучше буду я сидѣть въ бочкѣхъ подъ закрытымъ небомъ, или въ безднѣ безъ неба, чѣмъ видѣть тебя, ясное небо, омраченнымъ ползущими облаками!

И часто хотѣлось мнѣ ихъ соединить зубчатыми золотыми проволоками молніи, чтобы могъ я, подобно грому, барабанить по вздутому животу ихъ:—

гнѣвно барабанить, ибо они отнимаютъ у меня твое утвержденіе, ты небо чистое надо мною! свѣтлое! ты бездна свѣта!—ибо они отнимаютъ у тебя м о е утвержденіе.

Ибо легче мнѣ переносить шумъ, и громъ, и проклятiя непогоды, чѣмъ это осторожное, нерѣшительное кошащее спокойствіе; и даже среди людей ненавижу я всего больше всѣхъ тихонько ступающихъ, половинчатыхъ и неопредѣленныхъ, нерѣшительныхъ, медлительныхъ, какъ ползущія облака.

И «кто не можетъ благословлять, долженъ научиться проклинать!»—это свѣтлое наставленіе упало мнѣ съ яснаго неба, эта звѣзда блеститъ даже въ темныя ночи на моемъ небѣ.

Но я благословляю и утверждаю, если только ты окружаешь меня, ты чистое, ясное, ты бездна свѣта!—во всѣ бездны несу я тогда свое благословляющее утвержденіе.

Я сталъ благословляющимъ и утверждающимъ: я долго болелъ и былъ борцомъ, чтобы имѣть наконецъ руки свободными для благословленія.

И вотъ мое благословеніе: надъ каждою вещью быть ея собственнымъ небомъ, ея круглымъ куполомъ, ея лазурнымъ колоколомъ и вѣчнымъ спокойствіемъ: и блаженъ, кто такъ благословляетъ!

Ибо всѣ вещи крещены у источника вѣчности и по ту сторону добра и зла; а добро и зло суть только бѣгушія тѣни, влажная скорбь и ползущія облака.

Поистинѣ, это благословеніе, а не хула, когда я учу: «надъ всѣми вещами стоитъ небо случай, небо невинность, небо дерзновеніе».

«Случай»—это самая древняя аристократія міра, ее возвращать я всѣмъ вещамъ, я избавилъ ихъ отъ подчиненія цѣли.

Эту свободу и это небо спокойствіе поставилъ я, какъ лазурный колоколь, надъ всѣми вещами, когда я училъ, что надъ нами и чрезъ нихъ никакая «вѣчная воля»—не хочетъ.

Это дерзновеніе и это безуміе поставилъ я на мѣсто той воли, когда я училъ: «всюду одно не возможно — разумный смыслъ!»

Хотя немного разума, крупица мудрости разсѣяны отъ звѣзды до звѣзды,—эта закваска примѣшана ко всѣмъ вещамъ: изъ-за безумія примѣшана мудрость ко всѣмъ вещамъ!

Немного мудрости еще возможно; но эту блаженную увѣренность находилъ я во всѣхъ вещахъ: онѣ предпочитаютъ танцовать—на ногахъ случая.

О, небо надо мною, ты чистое, высокое! Теперь для меня въ томъ твоя чистота, что нѣтъ вѣчнаго паука-разума и паутины его:—

— что ты мѣсто танцевъ для божественныхъ случаевъ, что ты божественный столъ для божественныхъ игральныхъ костей и играющихъ въ нихъ!—

Но ты краснѣешь? Не сказалъ ли я того, чего нельзя высказывать? Не произнесъ ли я хулы, желая благословить тебя?

Или покраснѣлъ ты отъ стыда, что находимся мы вдвоемъ?— Не приказываешь ли ты мнѣ удалиться и замолчать, ибо теперь—день приближается?

Миръ—глубина:—глубь эта дню едва видна. Не все дерзаетъ говорить передъ лицомъ дня. Но день приближается: и мы должны теперь разстаться!

О, небо надо мною, ты стыдливое, плающее! О, ты мое счастье передъ восходомъ солнца! День приближается: и мы должны теперь разстаться!—

Такъ говорилъ Заратустра.

* * *

Объ умаляющей добродѣтели.

I.

Спустившись на сушу, Заратустра не направился прямо на свою гору и въ свою пещеру, а прошелся по разнымъ дорогамъ, всюду задавая вопросы и освѣдомляясь о многомъ, такъ что шутя

онъ говорилъ о себѣ самомъ: «вотъ рѣка, многими извивами возвращающаяся къ источнику своему!» Ибо онъ хотѣлъ узнать, что случилось съ человѣкомъ въ отсутствіи его: сталъ ли онъ болѣе великимъ, или меньше прежняго. И однажды увидѣлъ онъ рядъ новыхъ домовъ; дивился онъ этому и сказалъ:

»Что означаютъ дома эти? Поистинѣ, не великая душа построила ихъ по своему подобію!

Не глупый ли ребенокъ вынулъ ихъ изъ своего ящика съ игрушками? Пусть бы другой ребенокъ опять уложилъ ихъ въ свой ящикъ!

А эти комнаты и каморки: могутъ ли люди выходить изъ нихъ и входить туда? Онѣ кажутся мнѣ сдѣланными для шелковичныхъ червей, или для кошекъ лакомыхъ, которыя позволяютъ также лакомиться и собою!»

И Заратустра остановился и задумался. Наконецъ онъ сказалъ съ грустью: «Всѣ измельчало!»

Повсюду вижу я низкія ворота: кто подобенъ мнѣ, можетъ еще пройти въ нихъ, но—онъ долженъ нагнуться!

О, когда же вернусь я на мою родину, гдѣ я не долженъ болѣе нагибаться—не долженъ болѣе нагибаться передъ маленькими!» — И Заратустра вздохнулъ и устремилъ взоръ свой въ даль.—

Но въ тотъ же день сказалъ онъ рѣчь свою объ умаляющей добродѣтели.

2.

Я хожу среди этихъ людей и дивлюсь: они не прощаютъ мнѣ, что я не завидую добродѣтелямъ ихъ.

Они огрызаются на меня, ибо я говорю имъ: маленькимъ людямъ нужны маленькія добродѣтели,—ибо трудно мнѣ согласиться, чтобъ маленькіе люди были нужны!

Я похожъ здѣсь на пѣтуха въ чужомъ птичникѣ, котораго клюютъ даже куры; но за это не сержусь я на этихъ куръ.

Я вѣжливъ съ ними, какъ со всякой маленькой неприятностью; быть колючимъ по отношенію ко всему маленькому кажется мнѣ мудростью, достойной ежа.

Всѣ они говорятъ обо мнѣ, сидя вечеромъ у очага,—они говорятъ обо мнѣ, но никто не думаетъ—обо мнѣ!

Нитче.—Такъ говорилъ Заратустра.

Вотъ новая тишина, которой я научился: ихъ шумъ вокругъ меня накидываетъ покрывало на мои мысли.

Они шумятъ между собой: «что несетъ намъ эта темная туча? берегитесь, чтобъ не принесла она намъ заразы!»

И недавно одна женщина отдернула своего ребенка, тянувшегося ко мнѣ: «унесите дѣтей! кричала она; такіе глаза опалютъ дѣтскія души».

Они кашляютъ, когда я говорю: они думаютъ, что кашель—возраженіе противъ могучихъ вѣтровъ, — они ничего не догадываются о шумѣ моего счастья!

«У насъ еще нѣтъ времени для Заратустры»,—такъ возражаютъ они; но что толку во времени, у котораго «нѣтъ времени» для Заратустры?

И даже когда они восхваляютъ меня: развѣ могъ бы заснуть я на славѣ ихъ? Поясъ изъ тернія—хвала ихъ для меня: онъ зудитъ еще, даже когда я снимаю его.

И вотъ чему научился я у нихъ: тотъ, кто хвалитъ, дѣлаетъ видъ, будто воздастъ онъ должное, но на самомъ дѣлѣ онъ хочетъ получить еще больше!

Спросите у моей ноги, нравится ли ей ихъ манера хвалить и привлекать къ себѣ! Поистинѣ, при такой мѣркѣ и при такомъ тикъ-такъ не хочетъ она ни танцевать, ни оставаться въ покоѣ.

Они пробуютъ хвалить мнѣ маленькую добродѣтель и привлечь меня къ ней; въ тикъ-такъ маленькаго счастья хотѣли бы они увлечь мою ногу.

Я хожу среди этихъ людей и дивлюсь: они измельчали и все еще мельчаютъ:—и дѣлаетъ это ихъ ученіе о счастіи и добродѣтели.

Они вѣдь и въ добродѣтели скромны,—ибо они ищутъ довольства. А съ довольствомъ можетъ мириться только скромная добродѣтель.

Правда, и они также учатся шагать по-своему и шагать впередъ: но я называю это ковыляніемъ.—И этимъ мѣшаютъ они всякому, кто спѣшитъ.

И многіе изъ нихъ идутъ впередъ и смотрятъ при этомъ назадъ, вытянувъ шею: я охотно толкаю ихъ.

Ноги и глаза не должны ни лгать, ни изобличать другъ друга во лжи. Но много лжи у маленькихъ людей.

Нѣкоторые изъ нихъ обнаруживаютъ свою волю, но боль-

шинство лишь служить чужой волѣ. Нѣкоторые изъ нихъ искренни, но большинство плохіе актеры.

Есть между ними актеры безсознательные и актеры противъ воли,—искренніе всегда рѣдки, особенно искренніе актеры.

Качества мужа здѣсь рѣдки: поэтому ихъ женщины становятся мужчинами. Ибо только тотъ, кто достаточно мужчина, освобождаетъ въ женщинѣ—женщину.

И вотъ худшее лицемѣріе, что встрѣтилъ я у нихъ: даже тѣ, кто повелѣваютъ, поддѣлываются подъ добродѣтели тѣхъ, кто служить имъ.

«Я служу, ты служишь, мы служимъ»—такъ молится здѣсь лицемѣріе господствующихъ, — но горе! если первый господинъ есть только первый слуга!

Ахъ, даже въ ихъ лицемѣріе залетѣло любопытство моего взора; и я хорошо угадалъ ихъ счастье мухи и ихъ жужжаніе на освѣщенномъ солнцемъ оконномъ стеклѣ.

Сколько вижу я доброты, столько слабости. Сколько справедливости и состраданія, столько слабости.

Всѣ они круглы, аккуратны и благосклонны другъ къ другу, какъ круглы, аккуратны и благосклонны песчинки одна къ другой.

Скромно обнять маленькое счастье—это называютъ они «покорностью Провидѣнію!» и при этомъ они уже скромно косятся на новое маленькое счастье.

Въ сущности, въ своей простотѣ, они желаютъ лишь одного: чтобъ никто не причинялъ имъ страданія. Поэтому они предупредительны къ каждому и дѣлаютъ ему добро.

Но это трусость: хотя бы и называлась она «добродѣтелью».—

И когда этимъ маленькимъ людямъ случается говорить грубо: я слышу въ голосѣ ихъ лишь хрипоту, — ибо всякое дуновение вѣтра дѣлаетъ ихъ хрипыми.

Хитры они, и у добродѣтелей ихъ хитрые пальцы. Но имъ недостаетъ кулаковъ, ихъ пальцы не умѣютъ сжиматься въ кулакъ.

Добродѣтелью считаютъ они все, что дѣлаетъ скромнымъ и ручнымъ: такъ превратили они волка въ собаку и самого человѣка въ лучшее домашнее животное человѣка.

«Мы сѣли между двухъ стульевъ»—такъ говорятъ мнѣ улыбка

ихъ—одинаково далеко отъ умирающихъ гладіаторовъ и довольныхъ свиней».

Но это—посредственность: хотя бы и называлась она умѣренностью.—

3.

Я хожу среди этихъ людей и роняю много словъ: но они не умѣютъ ни брать, ни хранить.

Они удивляются, что я не пришелъ обличать ихъ похоти и пороки; но поистинѣ, я не пришелъ также предостерегать отъ карманныхъ воровъ!

Они удивляются, что я не желаю оттачивать и обострять ихъ мудрость: какъ будто у нихъ еще не довольно тонкихъ мудрецовъ, чей голосъ скрипитъ, какъ грифель по аспидной доскѣ!

И когда я кричу: «Кляните всѣхъ трусливыхъ демоновъ въ васъ, которые желали бы визжать, крестомъ складывать руки и поклоняться:» они восклицають: «Заратустра—нечестивецъ».

И особенно кричатъ объ этомъ ихъ проповѣдники смиренія:—да, именно имъ люблю я кричать въ самое ухо: Да! Я—Заратустра, нечестивецъ!

Проповѣдники смиренія! Всюду, гдѣ есть слабость, болѣзнь и гніеніе, они ползають, какъ вши; и только мое отвращеніе мѣшаетъ мнѣ давить ихъ.

Ну, что-жъ! Вотъ моя проповѣдь для ихъ ушей: я—Заратустра, нечестивецъ, который говоритъ «кто нечестивѣе меня, чтобы я могъ радоваться его наставленію?»

Я—Заратустра, нечестивецъ: гдѣ найду я подобныхъ себѣ? Подобны мнѣ всѣ, кто отдають себя самихъ своей волѣ и сбрасываютъ съ себя всякое смиреніе.

Я—Заратустра, нечестивецъ: я варю каждый случай въ своемъ котлѣ. И только когда онъ тамъ вполне сварится, я приѣвѣствую его, какъ мою пищу.

И поистинѣ, многіе случаи повелительно приближались ко мнѣ: но еще болѣе повелительно говорила къ нимъ моя воля,—и тотчасъ стояли они на колѣняхъ, умоляя—

— умоляя, чтобы далъ я имъ пристанище и оказалъ имъ сердечный пріемъ, и льстиво уговаривая: «видишь, о Заратустра, такъ только другъ приближается къ другу!»—

Но что говорю я тамъ, гдѣ нѣтъ ни у кого моихъ ушей!
И такъ стану я взывать ко всѣмъ вѣтрамъ:

Вы все мельчаете, вы маленькіе люди! Вы распадаетесь на крошки, вы любители довольства! Вы погибнете еще—

— отъ множества вашихъ маленькихъ добродѣтелей, отъ множества вашихъ мелкихъ упущеній, отъ вашего постоянного маленькаго смиренія!

Вы слишкомъ щадите, слишкомъ уступаете: такова почва, на которой произрастаете вы! Но чтобъ дерево стало большимъ, для этого должно оно обвить крѣпкія скалы крѣпкими корнями!

Даже то, чего вы не исполняете, помогаетъ ткать ткань всего человѣческаго будущаго; даже ваше ничто есть паутина и паукъ, живущій кровью будущаго.

И когда вы берете, вы какъ бы крадете, вы маленькіе добродѣтельные люди; но и среди мошенниковъ говорить честь: «надо красть только тамъ, гдѣ нельзя грабить».

«Дается»—таково ученіе смиренія. Но я говорю вамъ, вы, любители довольства: берется и будетъ все больше братья отъ васъ!

Ахъ, еслибъ вы сбросили съ себя всякое полухотѣніе и рѣшительно отдались и лѣни и дѣлу!

Ахъ, еслибъ вы поняли мои слова: «дѣлайте, пожалуй, все, что вы хотите,—но прежде всего будьте такими, которые могутъ хотѣть!»

Любите, пожалуй, своего ближняго, какъ себя,—но прежде всего будьте такими, которые любятъ самихъ себя—

— любятъ великой любовью, любятъ великимъ презрѣніемъ!» Такъ говорить Заратустра, нечестивецъ.—

Но что говорю я тамъ, гдѣ нѣтъ ни у кого моихъ ушей!
Здѣсь еще цѣлымъ часомъ рано для меня.

Свой собственный провозвѣстникъ я среди этихъ людей, свой собственный крикъ пѣтуха среди темныхъ улицъ.

Но приближается ихъ часъ! Приближается также и мой! Часъ отъ часу становятся они меньше, бѣднѣе, бесплоднѣе,—бѣдная трава! бѣдная земля!

И скоро будутъ они стоять, подобно сухой степной травѣ, и поистинѣ, усталые отъ себя самихъ,—и томимые скорѣе жаждой огня, чѣмъ воды!

О, благословенный часъ молніи. О, тайна передъ полуднемъ!—

въ блуждающіе огни нѣкогда превращу я ихъ и въ провозвѣстниковъ огненными языками:—

— возвѣщать будутъ они нѣкогда огненными языками: Онъ приближается, онъ близокъ, великій полдень!

Такъ говорилъ Заратустра.

* * *

На священной горѣ.

Зима, злая гостья, сидитъ у меня въ домѣ; посинѣли мои руки отъ ея дружескихъ рукопожатій.

Я уважаю ее, эту злую гостью, но охотно оставляю ее сидѣть одну. Я люблю убѣгать отъ нея; и если бѣжишь хорошо, то и убѣгаешь отъ нея!

Съ теплыми ногами, съ теплыми мыслями бѣгу я туда, гдѣ стихаетъ вѣтеръ,—въ освѣщенный солнцемъ уголокъ моей священной горы.

Тамъ смѣюсь я надъ моей суровою гостьей, и я люблю ее, что она ловитъ у меня въ домѣ мухъ и заставляетъ стихать разный мелкій шумъ.

Ибо она не любитъ, если хочетъ пѣть комаръ, или даже цѣлыхъ два; она дѣлаетъ улицу пустынной, такъ что лунный свѣтъ боится проникать туда ночью.

Она суровый гость,—но я чту ее, и не молюсь, какъ изнѣженные люди, пузатому кумиру огню.

Лучше немного пощелкать зубами, чѣмъ молиться кумирамъ!—такъ хочетъ родъ мой. И особенно ненавижу я всѣхъ кумировъ огня, пылкихъ, дымящихся и удушливыхъ.

Кого я люблю, того люблю я больше зимою, чѣмъ лѣтомъ; лучше и смѣлѣе смѣюсь я надъ моими врагами, съ тѣхъ поръ, какъ зима сидитъ у меня въ домѣ.

Поистинѣ, смѣло даже тогда, когда я заползаю въ постель:—тогда смѣется и шалитъ мое спрятавшееся счастье и мои обманчивые сны начинаютъ смѣяться.

Развѣ я—ползаю? Никогда въ жизни не ползалъ я передъ сильными; и если лгалъ я когда-нибудь, то лгалъ изъ любви. Поэтому веселъ я и на зимней постели.

Скромная постель грѣетъ меня больше, чѣмъ роскошная, ибо я ревнивъ къ своей бѣдности. А зимою она больше всего вѣрна мнѣ.

Злобою начинаю я каждый день, я смѣюсь надъ зимою холодной ванною: за это ворчитъ на меня моя строгая гостя.

Также люблю я ее щекотать маленькой восковой свѣчкой: чтобъ она, наконецъ, выпустила небо изъ пепельно-сѣрыхъ сумерокъ.

Особенно злымъ бываю я утромъ: въ ранній часъ, когда звенитъ ведро у колодца и раздается на сѣрыхъ улицахъ теплое ржаніе лошадей:—

Съ нетерпѣніемъ жду я, чтобы взошло, наконецъ, ясное небо, зимнее небо съ снѣжной бородой, старикъ съ побѣлѣвшей головой,—

— молчаливое зимнее небо, часто умалчивающее даже о своемъ солнцѣ!

Не у него ли научился я долгому, свѣтлому молчанію? Или оно научилось ему у меня? Или каждый изъ насъ самъ изобрѣлъ его?

Многосложно происхожденіе всѣхъ хорошихъ вещей, — всѣ хорошія веселыя вещи прыгаютъ отъ радости въ бытіе: какъ могли бы онѣ это сдѣлать—только одинъ разъ!

Хорошая, веселая вещь также долгое молчаніе, и хорошо также смотрѣть, подобно зимнему небу, съ яснымъ открытымъ лицомъ:—

— скрывать подобно ему свое солнце и свою непреклонную волю—солнце: поистинѣ, х о р о ш о изучилъ я это искусство и это зимнее веселье!

Моя самая любимая злоба и искусство въ томъ, чтобъ мое молчаніе научилось не выдавать себя молчаніемъ.

Гремя словами и игральными костями, пережитрую я тѣхъ, кто торжественно ждетъ: отъ всѣхъ этихъ строгихъ надсмотрщиковъ должна ускользнуть моя воля и цѣль.

Чтобъ никто не могъ видѣть основы и послѣдней воли моей,— для этого изобрѣлъ я долгое свѣтлое молчаніе.

Многихъ умныхъ встрѣчалъ я: они закрывали покрываломъ свое лицо и мутили свою воду, чтобъ никто не могъ насквозь видѣть ихъ.

Но именно къ нимъ обращались болѣе умные изъ среды недвѣрчивыхъ и ищущихъ разгадокъ: именно у нихъ вылавливали они наиболѣе припрятанную рыбу ихъ!

Но умы свѣтлые, смѣлые и прозрачные—они, по моему, самые хитрые изъ всѣхъ молчаливыхъ: такъ глубока основа ихъ, что даже самая прозрачная вода—не выдаетъ ея.—

Ты молчаливое зимнее небо съ снѣжной бородой, ты раскинутый бѣлый покровъ надо мною! О, ты небесный символъ моей души и ея радости!

И развѣ не долженъ я прятаться, какъ проглотившій золото,—чтобъ не распластали мою душу?

Развѣ не долженъ я пользоваться ходулями, чтобъ не забыли моихъ длинныхъ ногъ,—всѣ эти мрачные завистники, окружающіе меня?

Эти удушливыя, тепличныя, изношенныя, отцвѣтшія, истосковавшія души—какъ могла бы ихъ зависть выносить мое счастье!

Поэтому я показываю имъ только зиму и ледъ на моихъ вершинахъ—и не показываю, что моя гора окружена также всѣми солнечными поясами!

Они слышатъ только свистъ моихъ зимнихъ бурь: и не слышать, что ношусь я также по теплымъ морямъ, какъ страстные, тяжелые, горячіе южные вѣтры.

Они сожалеютъ также о моихъ несчастьяхъ и случайностяхъ:—но мое слово гласитъ: «предоставьте случаю идти ко мнѣ: невиненъ онъ, какъ малое дитя!»

Какъ могли бы они выносить мое счастье, еслибъ я не наложилъ несчастій, зимней стужи, шапокъ изъ бѣлаго медвѣдя и покрововъ изъ снѣжнаго неба на мое счастье!

— еслибъ самъ я не питалъ жалости къ ихъ состраданію: къ состраданію этихъ мрачныхъ завистниковъ!

— Еслибъ самъ я не вздыхалъ и не дрожалъ предъ ними отъ холода, и не одѣвался терпѣливо, какъ въ шубу, въ состраданіе ихъ!

Въ томъ мудрая радость и благосклонность моей души, что не прячетъ она своей зимы и своихъ морозныхъ бурь; она не прячетъ также и своей ознобы.

Для одного одиночество есть бѣгство больного; для другого одиночество есть бѣгство отъ больныхъ.

Пусть слышатъ они, какъ дрожу и вздыхаю я отъ зимней стужи, всѣ эти бѣдные, завистливые негодяи, окружающіе

меня! Несмотря на эти вздохи и дрожь, всетаки бѣжалъ я изъ ихъ натопленныхъ комнатъ.

Пусть они жалѣютъ меня и вздыхаютъ вмѣстѣ со мною о моей ознобѣ: «отъ льда познанія онъ замерзнетъ еще!»—такъ жалуются они.

А я тѣмъ временемъ бѣгаю всюду, съ теплыми ногами, на моей священной горѣ: въ освѣщенномъ солнцемъ уголку моей священной горы пою и смѣюсь я надъ всякимъ состраданіемъ.—

Такъ плѣлъ Заратустра.

* * *

О прохожденіи мимо.

Итакъ медленно проходя среди многихъ народовъ и чрезъ различные города, вернулся Заратустра окольнымъ путемъ въ свои горы и свою пещеру. И вотъ, подошелъ онъ неожиданно къ воротамъ большого города: но здѣсь бросился къ нему съ распростертыми руками бѣснующійся шутъ и преградилъ ему дорогу. Это былъ тотъ самый шутъ, котораго народъ называлъ «обезьяной Заратустры:» ибо онъ кое-что перенялъ изъ манеры его говорить и любилъ заимствовать изъ сокровищницы его мудрости. И шутъ такъ говорилъ къ Заратустрѣ:

«О, Заратустра, здѣсь большой городъ: тебѣ здѣсь нечего искать, а потерять ты можешь все.

Къ чему захотѣлъ ты пойти въ эту грязь? Пожалѣй свои ноги! Плюнь лучше на городскія ворота и—вернись назадъ!

Здѣсь адъ для мыслей отшельника: здѣсь великія мысли кипятятся живьемъ и развариваются на маленькія.

Здѣсь разлагаются всѣ великія чувства: здѣсь могутъ шумѣть только маленькія высохшія чувства!

Развѣ ты не слышишь запаха бойни и харчевни духа? Развѣ не стоитъ надъ этимъ городомъ смрадъ отъ умерщвленного духа?

Развѣ не видишь ты, что души висятъ здѣсь, точно мягкія, грязныя тряпки?—И они дѣлаютъ еще газеты изъ этихъ тряпокъ!

Развѣ не слышишь ты, что духъ превратился здѣсь въ простую игру словъ? Отвратительныя слова-помои извергаетъ онъ!—И они дѣлаютъ еще газеты изъ этихъ словъ-помоевъ!

Они гонятъ другъ друга и не знаютъ, куда? Они распаляютъ

другъ друга и не знаютъ, зачѣмъ? Они гремятъ своей жестью, они звенятъ своимъ золотомъ.

Они холодны и ищутъ себѣ тепла въ винѣ; они разгорячены и ищутъ прохлады у застывшихъ умовъ; всѣ они хилы и больны общественнымъ мнѣніемъ.

Всѣ похоти и пороки здѣсь у себя дома; но существуютъ здѣсь также и добродѣтельные, существуетъ здѣсь много ловкой, пристроившейся къ мѣсту добродѣтели:—

Много ловкой добродѣтели съ пальцами, чтобъ писать, и съ твердымъ мѣстомъ, чтобъ сидѣть и ждать; она осыпана мелкими звѣздами на груди и награждена дочерью изъ соломы и безъ сѣдалищъ.

Существуетъ здѣсь также много благочестія, много низкой лести и угодничества передъ богомъ воинствъ.

Ибо «сверху» сыплются звѣзды и милостивые плевки; въ верхъ тянется каждая грудь безъ звѣзды.

У мѣсяца есть свой дворъ, и у двора—своя свита: но на все, что исходитъ отъ двора, молятся нищіе и всякая ловкая нищенская добродѣтель.

«Я служу, ты служишь, мы служимъ»—такъ молится господину всякая ловкая добродѣтель: чтобы заслуженная звѣзда прицѣпилась, наконецъ, ко впалой груди!

Но мѣсяцъ вращается еще вокругъ всего земного: такъ вращается и господинъ вокругъ самаго, что ни есть земного:—а это есть золото торгашей.

Богъ воинствъ не есть богъ золотыхъ слитковъ; король предполагаетъ, а торгашъ—располагаетъ!

Во имя всего, что есть въ тебѣ свѣтлаго, сильнаго и добраго, о, Заратустра! плюнь на этотъ городъ торгашей и вернись назадъ!

Здѣсь течетъ кровь испорченная и блѣдная и пѣнится по всѣмъ венамъ: плюнь на большой городъ, на эту большую сорную яму, гдѣ накипаютъ всякая пѣна!

Плюнь на городъ подавленныхъ душъ и впалыхъ грудей, завистливыхъ глазъ и липкихъ пальцевъ—

— на городъ нахаловъ, безстыдниковъ, писаекъ, крикуновъ и распаленныхъ честолюбцевъ:—

— гдѣ все испорченное, зловонное, порочное, мрачное, рыхлое, прыщавое, коварное собрано вмѣстѣ:—

— плюнь на большой городъ и вернись назадъ!—»

Но здѣсь прервалъ Заратустра бѣснующагося шута и зажалъ ему ротъ.

«Перестань наконецъ! воскликнулъ Заратустра, мнѣ давно уже противны твоя рѣчь и твоя манера говорить!

Зачѣмъ же такъ долго жилъ ты въ болотѣ, что ты самъ долженъ былъ сдѣлаться лягушкой и жабою?

Не течетъ ли теперь у тебя самого въ жилахъ гнилая, пѣнистая, болотная кровь, что научился ты такъ квакать и поносить?

Почему не ушелъ ты въ лѣсъ? Или не пахалъ землю? Развѣ море не полно зелеными островами?

Я презираю твое презрѣніе, и если ты предостерегалъ меня,—почему же не предостерегъ ты себя самого?

Изъ одной только любви долженъ исходить полетъ презрѣнія моего и предостерегающей птицы моей: но не изъ болота!—

Тебя называютъ моей обезьяной, ты бѣснующійся шутъ: но я называю тебя своей хрюкающей свиньей,—хрюканьемъ портишь ты мнѣ мою хвалу безумству.

Что же заставило тебя впервые хрюкать? То, что никто достаточно не лъстилъ тебѣ:—поэтому и сѣлъ ты вблизи этой грязи, чтобъ имѣть поводы хрюкать,—

— чтобы имѣть многочисленные поводы для мести! Ибо мечь, ты тщеславный шутъ, и есть вся твоя пѣна, я хорошо разгадалъ тебя!

Но твое шутовское слово вредитъ мнѣ даже тамъ, гдѣ ты правъ! И еслибъ слово Заратустры было сто разъ право: ты все таки вредилъ бы мнѣ—моимъ словомъ!»

Такъ говорилъ Заратустра; и онъ посмотрѣлъ на большой городъ, вздохнулъ и долго молчалъ. Наконецъ онъ такъ говорилъ:

Мнѣ противенъ также этотъ большой городъ, а не только этотъ шутъ. И здѣсь и тамъ нечего улучшать, нечего ухудшать!

Горе этому большому городу!—И мнѣ хотѣлось бы уже видѣть огненный столбъ, въ которомъ сгоритъ онъ!

Ибо такіе огненные столбы должны предшествовать великому полдню. Но всему свое время и своя собственная судьба.—

Но такое поученіе даю я тебѣ, шутъ, на прощаніе: гдѣ нельзя уже любить, тамъ нужно—п р о й т и м и м о!—

Такъ говорилъ Заратустра и прошелъ мимо шута и большого города.

Объ отступникахъ.

I.

Ахъ, все уже поблекло и отцвѣло, что еще недавно зеленѣло и пестрѣло на этомъ лугу? И сколько меду надежды уносишь ты отсюда въ своей улей!

Всѣ эти юныя сердца уже состарились—и даже не состарились! только устали, опошилились и успокоились:—они называютъ это «мы опять стали набожны».

Еще недавно видѣлъ я ихъ на разсвѣтѣ идущими на смѣлыхъ ногахъ: но ихъ ноги познанія устали, и теперь бранятъ они даже свою утреннюю смѣлость!

Поистинѣ, многіе изъ нихъ когда-то поднимали свои ноги, какъ танцоры, ихъ манилъ смѣхъ въ моей мудрости:—потомъ они одумались. Только что видѣлъ я ихъ согбенно—ползущими ко кресту.

Вокругъ свѣта и свободы когда-то порхали они, какъ мотыльки и юные поэты! Немного старше, немного холоднѣе: и они уже сѣли за печку, какъ глупцы и ханжи.

Не по тому ли поникло сердце ихъ, что какъ китъ поглотило меня одиночество? Быть можетъ, долго, съ тоскою, тщетно прислушивалось ихъ ухо къ призыву моихъ трубъ и моихъ герольдовъ?

— Ахъ! Всегда было мало такихъ, чье сердце надолго сохраняетъ смѣлость и пылъ; у такихъ даже духъ остается настоящимъ. Остальные малодушны.

Остальные: это всегда большинство, всеневность, излишекъ, многое множество—всѣ они малодушны.

Кто подобенъ мнѣ, тому встрѣтятся на пути переживанія, подобныя моимъ: такъ что его первыми товарищами будутъ трупы и паяцы.

Его вторыми товарищами—тѣ, кто назовутъ себя вѣрующими и въ него: живая толпа, много любви, много безумія, много безбородаго почитанія.

Но къ этимъ вѣрующимъ не долженъ привязывать своего сердца тотъ, кто подобенъ мнѣ среди людей; въ эту весну и пестрые луга не долженъ вѣрить тотъ, кто знаетъ родъ человѣческій, непостоянный и малодушный!

Еслибъ могли они быть иными, они и хотѣли бы иначе.

Все, что на половину, портить цѣлое. Что листья блекнуть,—на что тутъ жаловаться!

Оставь ихъ летѣть и падать, о, Заратустра, и не жалуйся! Лучше подуй на нихъ шумящими вѣтрами,—

— подуй на эти листья, о, Заратустра, чтобъ все поблекшее скорѣй улетѣло отъ тебя!—

* * *

2.

«Мы опять стали набожны»—такъ признаются эти отступники; и многіе изъ нихъ еще слишкомъ малодушны, чтобъ признаться.

Имъ смотрю я въ глаза,—имъ говорю я въ лицо и въ румянецъ ихъ щекъ: вы тѣ, что опять молитесь!

Но это позоръ, молиться! Не для всѣхъ, а для тебя и для меня, и для тѣхъ, у кого въ головѣ есть совѣсть. Для тебя это позоръ, молиться!

Ты знаешь хорошо: твой малодушный демонъ, сидящій въ тебѣ, охотно складывающій руки и опускающій ихъ на колѣни, и любящій удобства:—этотъ малодушный демонъ говоритъ тебѣ: «есть богъ!»

Но потому ты и принадлежишь къ боящимся свѣта, къ тѣмъ, кому свѣтъ не даетъ покою; теперь долженъ ты съ каждымъ днемъ все глубже засовывать голову свою въ тьму и смрадь!

И поистинѣ, ты хорошо выбралъ часъ: ибо теперь вновь начинаютъ вылетать ночныя птицы. Часъ насталъ для всѣхъ боящихся свѣта, часъ остановки, когда они—не «останавливаются».

Я слышу и чувствую: насталъ ихъ часъ для охоты и торжественныхъ шествій, не для дикой охоты, а для мягкой, вялой и выслѣживающей охоты людей тихо ступающихъ и тихо молящихся,

— для охоты на чувствительныхъ ханжей: всѣ мышеловки для сердецъ теперь опять разставлены! И гдѣ ни поднимаю я завѣсы, отовсюду вылетаетъ ночная бабочка.

Не сидѣла ли она, спрятавшись вмѣстѣ съ другой ночной бабочкой? Ибо всюду чувствую я присутствіе маленькихъ скрытыхъ общинъ; а гдѣ существуютъ пріюты, тамъ существуютъ новые богомольцы и смрадь отъ богомольцевъ.

Они сидятъ по цѣлымъ вечерамъ другъ у друга и говорятъ:

«будемъ опять какъ малыя дѣти и станемъ взывать къ милосердному богу!»—устами и желудкомъ, которые испорчены набожными кондитерами.

Или они смотрятъ долгимъ вечерами на хитраго, подстерегающаго паука крестовика, который самъ проповѣдуетъ мудрость паукамъ и такъ учить ихъ: «подъ крестами хорошо ткать паутину!»

Или они сидятъ по цѣлымъ днямъ съ удочками у болота и потому считаютъ себя г л у б о к и м и; но кто удить тамъ, гдѣ нѣтъ рыбы, того не назову я даже поверхностнымъ!

Или они съ благочестивой радостью учатся играть на арфѣ у пѣвца-поэта, который хотѣлъ бы своей игрою проникнуть въ сердца молодыхъ бабенокъ:—ибо усталъ онъ отъ старыхъ бабъ и ихъ похвалъ.

Или они поучаются страху у полусумасшедшаго ученаго, ожидающаго въ темныхъ комнатахъ появленія духовъ,—тогда какъ ихъ духъ совсѣмъ покинулъ ихъ!

Или они слушаютъ стараго бродягу музыканта, который научился у печальныхъ вѣтровъ рыданію звуковъ; теперь вторить онъ вѣтру и въ звукахъ печали проповѣдуетъ скорбь.

А иные изъ нихъ сдѣлались даже ночными сторожами: они научились теперь трубить въ рогъ, дѣлать ночной обходъ и будить прошлое, давно уже уснувшее.

Пять словъ изъ прошлаго слышалъ я вчера ночью у садовой стѣны: они исходили отъ этихъ старыхъ ночныхъ сторожей, печальныхъ и сухихъ.

«Для отца онъ недостаточно заботится о своихъ дѣтяхъ: человѣческіе отцы дѣлаютъ это лучше!»—

«Онъ слишкомъ старъ! Онъ уже совсѣмъ пересталъ заботиться о своихъ дѣтяхъ»—такъ отвѣчалъ другой ночной сторожъ.

«Развѣ у него есть дѣти? Никто не можетъ этого доказать, если онъ самъ не докажетъ! Мнѣ давно хотѣлось, чтобы онъ однажды основательно доказалъ это».

«Доказалъ? Какъ будто онъ когда-либо что-нибудь доказывалъ! Доказательства ему трудно даются; онъ придаетъ больше значенія тому, чтобы ему вѣ р и л и».

«Да! да! Вѣра дѣлаетъ его блаженнымъ, вѣра въ него. Такова привычка старыхъ людей! То же будетъ и съ нами!»—

— Такъ говорили между собой два старыхъ ночныхъ сторожа

и гонителя свѣта, и затѣмъ печально трубили въ свой рогъ: это происходило вчера ночью у садовой стѣны.

У меня же сердце надрывалось отъ смѣху, оно хотѣло разбиться, и не знало, куда ему дѣться? и надорвало себѣ животъ.

Поистинѣ, моей смертью будетъ — задохнуться отъ смѣху, глядя на пьяныхъ ословъ и слушая ночныхъ сторожей, сомнѣвающихся въ богѣ.

Развѣ не прошло давнымъ давно время для всѣхъ подобныхъ сомнѣній? Кто сталъ бы еще будить старое, давно уснувшее прошлое, враждебное свѣту!

Уже давнымъ давно пришелъ конецъ старымъ богамъ:—и поистинѣ, у нихъ былъ хорошій, веселый божественный конецъ!

Ихъ «сумерки» не продолжались до смерти,—объ этомъ, конечно, лгутъ! Напротивъ: однажды они сами убили себя — смѣхомъ!

Это случилось, когда самое нечестивое слово было произнесено однимъ богомъ,—слово: «Богъ единъ! У тебя не должно быть иного бога, кромѣ меня!»—старая борода, сердитый и ревнивый богъ до такой степени забылся:—

И всѣ боги смѣялись тогда, качаясь на своихъ сидѣньяхъ, и восклицали: «Развѣ не въ томъ божественность, что существуютъ боги, а не богъ!»

Имѣющій уши, да слышитъ.—

Такъ говорилъ Заратустра въ городѣ, который любилъ онъ и который прозывался «Пестрая корова». Отсюда оставалось ему всего два дня пути, чтобъ былъ онъ опять въ своей пещерѣ и у своихъ звѣрей; и душа его непрестанно радовалась въ виду близости возвращенія.—

*
*
*

Возвращеніе.

О, уединеніе! Ты уединеніе, о т ч и з н а моя! Слишкомъ долго жилъ я дикимъ на дикой чужбинѣ, чтобъ не возвратиться со слезами къ тебѣ!

Теперь пригрози мнѣ только пальцемъ, какъ грозитъ мать, теперь улыбнись мнѣ, какъ улыбается мать, теперь скажи только: «А кто однажды, какъ вихрь, улетѣлъ отъ меня?»—

«— кто, разставаясь, кричалъ: слишкомъ долго сидѣлъ я въ одиночествѣ, я разучился молчанію! Э т о м у, конечно, ты научился теперь?»

«О, Заратустра, все знаю я: и то, что въ толпѣ ты былъ болѣе покинутымъ, чѣмъ когда-либо одинъ у меня!

«Одно дѣло—покинутость, другое—уединеніе: э т о м у—научился ты теперь! И что среди людей будешь ты всегда дикимъ и чужимъ:

«— дикимъ и чужимъ, даже когда они любятъ тебя: ибо прежде всего хотятъ они, чтобъ щадили ихъ!

«Здѣсь же ты на родинѣ и у себя дома; здѣсь можешь ты все высказывать и вытряхивать всѣ основанія, здѣсь нечего стыдиться чувствъ скрытыхъ и скупыхъ.

«Сюда приходятъ всѣ вещи, ласкаясь къ твоей рѣчи и заискивая у тебя: ибо онѣ хотятъ скакать верхомъ на твоей спинѣ. Верхомъ на всѣхъ символахъ скачешь ты здѣсь ко всѣмъ истинамъ.

«Прямо и искренне можешь ты говорить здѣсь ко всѣмъ вещамъ: и поистинѣ, какъ похвала, звучитъ въ ихъ ушахъ, что одинъ со всѣми вещами—говорить прямо!

«Но иное дѣло—покинутость. Ибо, помнишь ли ты, о, Заратустра? Когда твоя птица кричала надъ тобой, когда ты стоялъ въ лѣсу, въ нерѣшимости, не зная, куда идти, близкій къ трупѣ:—

«—когда ты говорилъ: пусть ведутъ меня мои звѣри! Среди людей оказалось опаснѣе быть, чѣмъ среди звѣрей:—э т о была покинутость!

«И помнишь ли ты еще, о, Заратустра? Когда ты сидѣлъ на своемъ островѣ, среди пустыхъ ведръ источникъ вина, отдавая себя жаждущимъ и разливая себя безъ счету:

«— пока, наконецъ, ты не сидѣлъ одинъ, жаждущій, среди пьяныхъ и не жаловался по ночамъ: «братъ не есть ли большее наслажденіе, чѣмъ давать? И красть не есть ли еще большее наслажденіе, чѣмъ брать?»—Э т о была покинутость!

«И помнишь ли ты еще, о, Заратустра? Когда приблизилась твоя тишина и гнала тебя прочь отъ тебя самого, когда говорила она злымъ шопотомъ: «Скажи свое слово, и умри!»—

«— когда она заставила тебя сожалѣть о всякомъ твоёмъ ожиданіи и молчаніи и приводила въ уныніе твое кроткое мужество э т о была покинутость!»—

О, уединеніе! Ты, уединеніе, отчизна моя! Какъ блаженно и нѣжно говорить мнѣ твой голосъ!

Мы не спрашиваемъ другъ друга, мы не жалуемся другъ другу, мы открыто идемъ вмѣстѣ въ открытыя двери.

Ибо открыто у тебя и свѣтло: и даже часы бѣгутъ здѣсь болѣе

легкими шагами. Въ темнотѣ время гнететъ больше, чѣмъ при свѣтѣ.

Здѣсь раскрываются мнѣ слова и хранилища словъ всякаго бытія: здѣсь всякое бытіе хочетъ стать словомъ, всякое становленіе хочетъ здѣсь научиться у меня говорить.

Но тамъ внизу—всякая рѣчь напрасна! Тамъ забыть и пройти мимо—лучшая мудрость: э т о м у—научился я теперь!

Кто хотѣлъ бы все понять у людей, долженъ былъ бы ко всему прикоснуться. Но для этого у меня слишкомъ чистыя руки.

Я не хочу уже вдыхать дыханія ихъ; ахъ, зачѣмъ я такъ долго жилъ среди шума и зловоннаго дыханія ихъ!

О, блаженная тишина вокругъ меня! О, чистый запахъ вокругъ меня! О, какъ вдыхаетъ эта тишина полною грудью чистое дыханіе! О, какъ она прислушивается, эта блаженная тишина!

Но тамъ внизу—все говоритъ, тамъ все пропускается мимо ушей. Тамъ хотя въ колокола звони про свою мудрость: торгаши на базарѣ перезвонятъ ее звономъ своихъ грошей!

Все у нихъ говоритъ, никто не умѣетъ уже понимать. Все падаетъ въ воду, ничто уже не падаетъ въ глубокіе родники.

Все у нихъ говоритъ, но ничто не удается и не приходитъ къ концу. Все кудахчетъ, но кому же еще хочется сидѣть въ гнѣздѣ и высиживать яйца?

Все у нихъ говоритъ, все разбавляется водою. И что вчера еще было слишкомъ твердо для самого времени и зубовъ его: сегодня виситъ изо рта у людей настоящаго изгрызаннаго и обглоданнаго.

Все у нихъ говоритъ, все разглашается. И что нѣкогда называлось тайной и достояніемъ душъ глубокихъ, сегодня принадлежитъ уличнымъ трубачамъ и другимъ бабочкамъ.

О ты, странное человѣческое существо! Ты—шумъ на темныхъ улицахъ! Теперь лежишь ты опять позади меня:—моя величайшая опасность лежитъ позади меня!

Въ пощадѣ и жалости лежала всегда моя величайшая опасность; а всякое человѣческое существо хочетъ, чтобъ пощадили и пожалѣли его.

Съ невысказанными истинами, съ руками безумца и съ растреченнымъ сердцемъ, богатый маленькою ложью состраданія: такъ жилъ я всегда среди людей.

Переодѣтымъ сидѣлъ я среди нихъ, готовый не узнавать себя, чтобъ только переносить ихъ, и стараясь увѣрить себя: «глупецъ, ты не знаешь людей!»

Перестаютъ знать людей, когда живутъ среди нихъ: слишкомъ много напускного во всѣхъ людяхъ. — чего хотятъ тамъ дальнзоркіе, проникающіе глаза!

И когда они не узнавали меня: я безумецъ щадилъ ихъ за это больше, чѣмъ себя: привыкнувъ строго относиться къ себѣ и часто еще мстя самому себѣ за эту пощадку.

Искусанный ядовитыми мухами, изрытый подобно камню безчисленными каплями злобы, такъ сидѣлъ я среди нихъ и еще старался увѣрить себя: «не виновно все ничтожное въ моемъ ничтожествѣ!»

Особенно тѣхъ, кто называли себя «добрыми», находилъ я самыми ядовитыми мухами: они кусаютъ въ полной невинности, они лгутъ въ полной невинности; какъ могли бы они быть ко мнѣ—справедливыми!

Кто живетъ среди добрыхъ, того учить состраданіе лгать. Состраданіе дѣлаетъ удѣшливымъ воздухъ для всѣхъ свободныхъ душъ. Ибо глупость добрыхъ не измѣрима.

Скрывать себя самого и свое богатство—э тому научился я тамъ внизу: ибо каждого считалъ я еще за нищаго духомъ. Въ томъ была ложь моего состраданія, что въ отношеніи каждого я зналъ,

— что въ отношеніи каждого я видѣлъ и чувствовалъ, сколько было ему д о с т а т о ч н о духа и сколько было уже с л и ш к о м ъ много для него!

Ихъ надутые мудрецы: я называлъ ихъ мудрыми, а не надутыми,—такъ научился я проглатывать слова. Ихъ могильщики: я называлъ ихъ изслѣдователями и испытателями,—такъ научился я замѣнять слова.

Могильщики выкапываютъ болѣзни себѣ. Подъ старымъ мусоромъ спятъ вредныя испаренія. Не надо тревожить болото. Надо жить на горахъ.

Съ блаженствомъ вдыхаю я опять свободу горъ! Наконецъ мой носъ избавился отъ запаха всякаго человѣческаго существа!

Возбужденная свѣжимъ воздухомъ, какъ отъ пѣнистыхъ винъ, ч и х а е т ъ моя душа, —чихаетъ и весело приговариваетъ: на здоровье!

Такъ говорилъ Заратустра.

О троякомъ злѣ.

I.

Во снѣ, послѣднемъ утреннемъ снѣ стоялъ я сегодня на высокой скалѣ; — по ту сторону міра, держалъ вѣсы и взвѣшивалъ міръ.

О, слишкомъ рано утренняя заря подошла ко мнѣ: пылающая, она разбудила меня, ревнивая! Она всегда ревнуетъ меня къ моему утреннему, знойному сну.

Измѣримымъ для того, у кого есть время, вѣсомомъ для хорошаго вѣсовщика, достижимымъ для сильныхъ крыльевъ, возможнымъ для разгадки тѣми, кто любитъ разгадывать божественныя загадки: такимъ нашелъ мой сонъ міръ:—

Мой сонъ, смѣлый плаватель, полукорабль, полувѣтеръ, молчаливый какъ мотылекъ, нетерпѣливый какъ соколъ: сколько у него сегодня терпѣнія и времени, чтобы взвѣшивать міръ!

Не внушила ли ему это тайно моя мудрость, смѣющаяся, бодрствующая мудрость дня, которая насмѣхается надъ всѣми «безконечными мирами»? Ибо она говоритъ: «гдѣ есть сила, тамъ становится хозяиномъ и число: ибо у него больше силы».

Какъ увѣренно смотрѣлъ мой сонъ на этотъ конечный міръ, безъ любопытства, безъ страха, безъ мольбы:—

— какъ будто наливное яблоко просилось въ мою руку, спѣлое золотое яблоко, съ холодной, мягкой, бархатистой кожицей:— такимъ представлялся мнѣ міръ:—

— какъ будто дерево кивало мнѣ, съ широкими вѣтвями, крѣпкое волею, согнутое для опоры и какъ алтарь для усталого путника: такимъ стоялъ міръ на моей высокой скалѣ:—

— какъ будто красивыя руки несли на встрѣчу мнѣ ящикъ,— ящикъ открытый для восторга стыдливыхъ, почтительныхъ глазъ: такимъ несся сегодня на встрѣчу мнѣ міръ:—

— не на столько загадкой, чтобы спугнуть человѣческую любовь, не на столько разгадкой, чтобы усыпить человѣческую мудрость: человѣчески-добрымъ былъ для меня сегодня міръ, на который такъ зло клеветаютъ!

Какъ благодарю я свой утренній сонъ, что сегодня на зарѣ взвѣсилъ я міръ! Человѣчески добрымъ пришелъ ко мнѣ этотъ сонъ и утѣшитель сердецъ!

И пусть днемъ поступлю я подобно ему, и пусть его лучшее мнѣ послужить примѣромъ: хочу я теперь положить на вѣсы три худшія вещи и по человѣчески взвѣсить ихъ.—

Кто училъ благословлять, тотъ училъ и проклинать: какія же въ мірѣ три наиболѣе проклятыхъ вещи? Ихъ хочу я положить на вѣсы.

Сладострастіе, властолюбіе, себялюбіе: они были до сихъ поръ наиболѣе проклинаемы и на нихъ клеветали и лгали больше всего,—ихъ хочу я по человѣчески взвѣсить.

Ну, что-жъ! Здѣсь моя скала, а тамъ море: оно подкатывается ко мнѣ, косматое, лъстивое, вѣрный, старый, стоголовый чудовищный песъ, любимый мною.

Ну, что-жъ! Здѣсь хочу я держать вѣсы надъ бушующимъ моремъ: и свидѣтелемъ выбираю я, чтобъ смотрѣлъ онъ,—тебя, ты, одинокое дерево, сильно благоухающее, съ широко раскинутой листвою, любимое мною!—

По какому мосту идетъ къ будущему настоящее? Какое принужденіе принуждаетъ высокое склоняться къ низкому? И что велитъ высшему—еще расти вверхъ?—

Теперь вѣсы въ равновѣсіи и не подвижны: три тяжелыхъ вопроса я бросилъ на нихъ, три тяжелыхъ отвѣта несетъ другая чашка вѣсовъ.

* *
*

2.

Сладострастіе: для всѣхъ носящихъ власяницу и презирающихъ тѣло ихъ жало и столпъ, и «міръ», проклятый у всѣхъ мечтающихъ о другомъ мірѣ: ибо оно смѣется и издѣвается надъ всѣми учителями лжи.

Сладострастіе: для толпы медленный огонь, на которомъ сгораетъ она; для всякаго червиваго дерева, для всѣхъ тряпокъ вонючихъ готовая пылающая и клокочущая печь.

Сладострастіе: для свободныхъ сердецъ нѣчто невинное и свободное, счастье рая на землѣ, избытокъ благодарности всякаго будущаго настоящему.

Сладострастіе: только для увядшаго сладкій ядъ, не для тѣхъ, у кого воля льва, великое сердечное подкрѣпленіе и вино изъ винъ, благоговѣйно сбереженное.

Сладострастіе: великій символъ счастья для болѣе высокаго

счастья и наивысшей надежды. Ибо многому обѣщанъ былъ бракъ и больше, чѣмъ бракъ,—

— многому, что болѣе чуждо другъ другу, чѣмъ мужчина и женщина:—и кто же вполне понималъ, какъ чужды другъ другу мужчина и женщина!

Сладострастіе:—однако я хочу наложить узду на свои мысли и даже на свои слова: чтобъ не вторглись въ мои сады свиньи и изступленные!—

Властолюбіе: пылающій бичъ для самыхъ твердыхъ сердецъ, жестокая пытка, которую самый жестокій приготовляетъ для себя самого; мрачное пламя живыхъ костровъ.

Властолюбіе: злая узда, наложенная на самые тщеславные народы; оно насмѣхается надъ всякой сомнительной добродѣтелью; оно ѣздитъ верхомъ на всякомъ конѣ и на всякой гордости.

Властолюбіе: землетрясеніе, разрушающее и разламывающее все гнилое и пустое внутри; катящійся, грохочущій, наказующій разрушитель окрашенныхъ гробовъ; сверкающій вопросительный знакъ въ ряду преждевременныхъ отвѣтовъ.

Властолюбіе: предъ взоромъ его человѣкъ пресмыкается, гнется, раболѣпствуетъ и становится ниже змѣи и свиньи:—пока, наконецъ, великое презрѣніе не возопитъ въ немъ.—

Властолюбіе: грозный учитель великаго презрѣнія, которое городамъ и царствамъ проповѣдуетъ прямо въ лицо «Убирайтесь прочь!»—пока сами они не возопятъ: «Пора намъ убираться прочь!»

Властолюбіе: оно заманчиво поднимается къ чистымъ и одинокимъ и вверхъ къ самодовлѣющимъ вершинамъ, пылая, какъ любовь, заманчиво рисующая пурпурныя блаженства на земныхъ небесахъ.

Властолюбіе: но кто назоветъ его стремленіемъ. когда высокое стремится внизъ къ власти! Поистинѣ, нѣтъ ничего болѣзненнаго въ такомъ стремленіи и нисхожденіи!

Чтобъ одинокая вершина уединялась не на вѣки и не довольствовалась сама собой; чтобъ гора спустилась къ долинѣ, и вѣтры вершины къ низинамъ:—

О, еслибъ кто нашелъ настоящее имя, чтобъ назвать и почтить такое стремленіе! «Дарящая добродѣтель»—такъ называлъ однажды Заратустра то, чему нѣтъ имени.

И тогда случилось—и поистинѣ, случилось въ первый разъ!—

что его слово возвеличило себялюбіе, хорошее, здоровое себялюбіе, которое бьетъ ключемъ изъ могучей души:—

— изъ могучей души, которой принадлежитъ высокое тѣло, красивое, побѣдоносное и улаждающее, вокругъ котораго всякая вещь становится зеркаломъ:

— гибкое, убаждающее тѣло, танцоръ, котораго символомъ и выраженіемъ служить душа, радующаяся себѣ самой. Само-радость такихъ тѣлъ и душъ называетъ сама себя: «добродѣтелю».

Своими словами о добрѣ и злѣ огораживаетъ себя такая само-радость, какъ священной рощею; именами своего счастья гонить она отъ себя все презрѣнное.

Прочь отъ себя гонить она все трусливое: она говоритъ: дурное—з а н а ч и т ь трусливое! Достойнымъ презрѣнія кажется ей всякій, кто постоянно заботится, вздыхаетъ и жалуется. а также кто собираетъ малѣйшія выгоды.

Она презираетъ также всякую унылую мудрость: ибо, поистинѣ, существуетъ также мудрость, цвѣтущая во мракѣ. мудрость ночныхъ тѣней, постоянно вздыхающая: «Все—суета!»

Она не любитъ бояливой недовѣрчивости, и тѣхъ, кто требуетъ клятвъ вмѣсто взоровъ и протянутыхъ рукъ: также всякой слишкомъ недовѣрчивой мудрости, — ибо такова мудрость душъ трусливыхъ.

Еще ниже цѣнить она слишкомъ услужливаго, кто тотчасъ, какъ собака, ложится на спину. смиреннаго; и существуетъ также мудрость смиренная, но собачьи униженная, смиренная и слишкомъ услужливая.

Ненавистенъ и противенъ ей тотъ, кто никогда не хочетъ защищаться, кто проглатываетъ ядовитые плевики и злобныя взгляды, кто слишкомъ терпѣливъ, кто все переноситъ и всѣмъ доволенъ: ибо таковы привычки раба.

Раболѣпствуетъ ли кто предъ богами и стопами ихъ, предъ людьми и глупыми мнѣніями ихъ: на все рабское плюетъ оно, это блаженное себялюбіе!

Дурно: такъ называетъ оно все приниженное и приниженно-рабское, глаза моргающіе и покорные, сокрушенныя сердца, и ту лживую податливую породу, которая цѣлуетъ широкими, трусливыми губами.

И мнимую мудрость: такъ называетъ оно все, надъ чѣмъ мудрствуютъ рабы, старики и усталые: и особенно дурную мудрствующую глупость жрецовъ!

Мнимые мудрецы однако—это всѣ жрецы, всѣ уставшіе отъ міра и тѣ, чья душа похожа на душу женщины и раба,—о, какъ игра ихъ всегда преслѣдовала себялюбіе!

И это должно было быть добродѣтелью и называться добродѣтью, чтобъ преслѣдовать себялюбіе! Быть «безъ себялюбія»—этого хотѣли бы съ полнымъ основаніемъ сами себѣ всѣ эти трусы и пауки крестовики, уставшіе отъ міра!

Но для всѣхъ для нихъ приближается теперь день, перемѣна, мечъ судін, великій полдень: тогда откроется многое!

И кто называетъ «я» здоровымъ и священнымъ, а себялюбіе блаженнымъ, тотъ, поистинѣ, говоритъ, что знаетъ онъ, какъ прорицатель: «Вотъ, онъ приближается, онъ близокъ, великій полдень!»

Такъ говорилъ Заратустра.

*
✻

О духъ тяжести.

I.

Уста мои—уста народа: слишкомъ грубо и сердечно говорю я для изящныхъ людей. И еще болѣе страннымъ звучитъ мое слово для всѣхъ писаекъ и чернильныхъ душъ!

Моя рука—рука безумца: горе всѣмъ столамъ и стѣнамъ, и что можетъ дать мѣсто для украшеній и для маранья безумца!

Моя нога—нога лошади; съ ея помощью мчусь я черезъ пни и камни, вдоль и поперекъ поля, и какъ дьяволъ радуюсь всякому быстрому бѣгу.

Мой желудокъ—должно быть, желудокъ орла? Ибо онъ любитъ больше всего мясо ягненка. Но, во всякомъ случаѣ, онъ—желудокъ птицы.

Вскормленный скудной, невинною пищею, готовый и страстно желающій летать и улетѣть—таковъ я: развѣ я немножко не птица!

И особенно потому, что враждебенъ я духу тяжести, въ этомъ также природа птицы: и поистинѣ, я врагъ смертельный, врагъ заклятый, врагъ отъ рожденія! О, куда только ни летала и гдѣ только ни блуждала моя вражда!

Объ этомъ я могъ бы спѣть пѣсню—и х о ч у ее спѣть: хотя

я одинъ въ пустомъ домѣ и долженъ пѣть ее для своихъ собственныхъ ушей.

Есть, конечно, другіе пѣвцы, у которыхъ только полный домъ дѣлаетъ голосъ ихъ гибкимъ, руку краснорѣчивой, взоръ выразительнымъ, сердце бодрымъ:—на нихъ не похожъ я.—

* * *

2.

Кто научить однажды людей летать, сдвинетъ съ мѣста всѣ пограничные камни; всѣ пограничные камни сами взлетятъ у него на воздухъ, землю вновь окрестить онъ—именемъ «легкая».

Птица страусъ бѣжитъ быстрѣе, чѣмъ самая быстрая лошадь, но и она еще тяжело прячетъ голову въ тяжелую землю: такъ и человѣкъ, не умѣющий еще летать.

Тяжелой кажется ему земля и жизнь; такъ хочетъ духъ тяжести! Но кто хочетъ быть легкимъ и птицей, тотъ долженъ любить себя самого:—такъ учу я.

Конечно, не любовью больныхъ и лихорадочныхъ: ибо у нихъ и собственная любовь дурно пахнетъ!

Надо научиться любить себя самого—такъ учу я—любовью здоровой и неиспорченной: чтобъ сносить себя самого и не скитаться всюду.

Такое скитаніе называется «любовью къ ближнему»: съ помощью этого слова до сихъ поръ лгали и лицемѣрили больше всего, и особенно тѣ, кого весь міръ сносилъ съ трудомъ.

И поистинѣ, это вовсе не заповѣдь на сегодня и на завтра—научиться любить себя. Скорѣе, изъ всѣхъ искусствъ это самое тонкое, самое хитрое, послѣднее и самое терпѣливое.

Ибо для собственника все собственное бываетъ всегда глубоко зарытымъ; и изъ всѣхъ сокровищъ собственный кладъ выкапывается послѣднимъ,—такъ устраиваетъ духъ тяжести.

Почти съ колыбели даютъ уже намъ въ наслѣдство тяжелыя слова и тяжелыя цѣнности: «добро» и «зло»—такъ называется это наслѣдіе. И ради нихъ прощаютъ намъ то, что живемъ мы.

И кромѣ того позволяютъ малымъ дѣтямъ приходить къ себѣ, чтобъ во-время запретить имъ любить самихъ себя: такъ устраиваетъ духъ тяжести.

А мы—мы довѣрчиво тащимъ, что даютъ намъ въ наслѣдство,

на сильныхъ плечахъ по безплоднымъ горамъ! И если мы обливаемся потомъ, намъ говорятъ: «Да, жизнь тяжело нести!»

Но только человѣку тяжело нести себя! Это потому, что тащить онъ слишкомъ много посторонняго на своихъ плечахъ. Какъ верблюдъ, становится онъ на колѣни и позволяетъ хорошенько навьючить себя.

Особенно человѣкъ сильный и выносливый, способный къ глагому почитанію: слишкомъ много постороннихъ тяжелыхъ словъ и цѣнностей навьючиваетъ онъ на себя,— и жизнь кажется ему пустыней!

И поистинѣ! Даже многое свое собственное тяжело нести! Многие внутри человѣка похоже на устрицу, отвратительную и скользкую, которую трудно схватить,—

— такъ что благородная скорлупа съ благородными украшеніями должна заступиться за нее. Но и этому искусству надо научиться: имѣть скорлупою прекрасный призракъ и мудрое ослѣпленіе!

И опять во многомъ можно ошибиться въ человѣкѣ, ибо иная скорлупа бываетъ ничтожной и печальной и слишкомъ ужъ скорлупой. Много скрытой доброты и силы никогда не угадывается: самая драгоцѣнная лакомства не находятъ любителей!

Женщины знаютъ это, самая драгоцѣнная: немного потолще, немного потоньше—о, какъ часто судьба содержится въ столь немногѣ!

Трудно открыть человѣка, а себя самого всего труднѣе; часто лжетъ духъ о душѣ. Такъ устраиваетъ духъ тяжести.

Но тотъ открылъ себя самого, кто говоритъ: это мое добро и мое зло: этимъ заставилъ онъ замолчать полукрота, полукарлика, который говоритъ: «Добро для всѣхъ, зло для всѣхъ».

Поистинѣ, не люблю я тѣхъ, у кого всякая вещь называется хорошей и этотъ міръ даже наилучшимъ изъ міровъ. Ихъ называю я вседовольными.

Вседовольство, умѣющее находить все вкуснымъ: это не лучший вкусъ! Я уважаю упрямые, разборчивые языки и желудки, которые научились говорить «я», «да» и «нѣтъ».

Но все жевать и переваривать—это настоящее свойство свиньи! Постоянно говорить И-А—этому научился только оселъ, и кто соотвѣтствуютъ ему по духу!

Густая желтая и яркая алая краски: ихъ требуетъ мой

вкусъ,—примѣшивающій кровь во всѣ цвѣта. Но кто окрашиваетъ домъ свой бѣлой краской, обнаруживаетъ выбѣленную душу.

Одни влюблены въ муміи, другіе въ призраки; и тѣ и другіе одинаково враждебны всякой плоти и крови—о, какъ противны они моему вкусу! Ибо я люблю кровь.

И тамъ не хочу я жить, гдѣ каждый плюетъ: таковъ мой вкусъ,—лучше сталъ бы я жить среди воровъ и клятвопреступниковъ. Никто не носитъ золота во рту.

Но еще противнѣе мнѣ всѣ прихлебатели; и самое противное животное, какое встрѣчалъ я среди людей, называлъ я паразитомъ: оно не хотѣло любить и однако хотѣло жить отъ любви.

Несчастными называю я всѣхъ, у кого одинъ только выборъ: сдѣлаться лютымъ звѣремъ, или лютымъ укротителемъ звѣрей: у нихъ не построилъ бы я шатра своего.

Несчастными называю я также и тѣхъ, кто всегда долженъ бытъ на стражѣ,—прогивны они моему вкусу: всѣ эти мытари и торгоши, короли и прочіе охранители страны и лавокъ.

Поистинѣ, я также основательно научился быть на стражѣ,—но только на стражѣ самого себя. И прежде всего научился я стоять, и ходить, и бѣгать, и прыгать, и лазить, и танцовать.

Ибо въ томъ мое ученіе: кто хочетъ научиться летать, долженъ сперва научиться стоять, и ходить, и бѣгать, и лазить, и танцовать:—нельзя сразу научиться летать!

По веревочной лѣстницѣ научился я влѣзать во многія окна, проворно влѣзалъ я на высокія мачты: сидѣть на высокихъ мачтахъ познанія казалось мнѣ не малымъ блаженствомъ,—

— горѣть малымъ огнемъ на высокихъ мачтахъ: хотя малымъ огнемъ, но большимъ утѣшеніемъ для сѣвшихъ на мель корабельщиковъ и для потерпѣвшихъ кораблекрушеніе!—

Многими путями и способами дошелъ я до моей истины: не по одной лѣстницѣ поднимался я на высоту, откуда мой взоръ устремлялся въ мою даль.

И всегда неохотно спрашивалъ я о дорогахъ,—это всегда было противно моему вкусу! Я лучше самъ вопрошалъ и испытывалъ дороги.

Испытывать и вопрошать было всѣмъ моимъ хожденіемъ:—и поистинѣ, даже отвѣчать надо научиться на этотъ вопросъ! Но таковъ—мой вкусъ:

— ни хорошій, ни дурной, но мой вкусъ котораго я не стыжусь и не прячу.

«Это—теперь мой путь,—а гдѣ же вашъ?» такъ отвѣчалъ я тѣмъ, кто спрашивалъ меня о «пути». Именно одного пути—и не существуетъ!

Такъ говорилъ Заратустра.

О старыхъ и новыхъ скрижаляхъ.

1.

Здѣсь сижу я и жду; всѣ старыя разбитыя скрижали вокругъ меня, а также новыя, наполовину исписанныя. Когда же настанетъ мой часъ?

— часъ моего нисхожденія, часъ моего заката: ибо еще разъ хочу я пойти къ людямъ.

Его жду я теперь: ибо сперва должны мнѣ предшествовать знаменія, что мой часъ насталъ,—именно, смѣющійся левъ со стаей голубей.

А пока говорю я самъ съ собою, какъ тотъ, у кого есть время. Никто не рассказываетъ мнѣ ничего новаго: поэтому я рассказываю себѣ о самомъ себѣ.---

2.

Когда я пришелъ къ людямъ, я нашелъ ихъ сидящими на старомъ предубѣжденіи: всѣ они вѣрили, что давно уже знаютъ, что для человѣка добро и что для него зло.

Старой утомительной вещью казалась имъ всякая рѣчь о добродѣтели, и кто хотѣлъ спокойно спать, тотъ передъ отходомъ ко сну говорилъ еще о «добрѣ» и «злѣ».

Эту сонливость встряхнулъ я, когда сталъ учить: никто не знаетъ еще, что добро и что зло:—если самъ онъ не есть созидающій!

— Но созидающій—это тотъ, кто создаетъ цѣль для человѣка и даетъ землѣ ея смыслъ и ея будущее: онъ впервые создаетъ добро и зло для всѣхъ вещей.

И я велѣлъ имъ опрокинуть старыя каведры и все, на чемъ только сидѣло это старое предубѣжденіе; я велѣлъ имъ смѣяться надъ ихъ великими учителями добродѣтели, надъ ихъ святыми и поэтами, надъ ихъ избавителями міра.

Надъ ихъ мрачными мудрецами велѣлъ я смѣяться имъ, и надъ тѣми, кто когда-либо, какъ черное пугало, предостерегая, сидѣлъ на деревѣ жизни.

На краю ихъ большой улицы гробницъ сидѣлъ я вмѣстѣ съ падалью и ястребами—и я смѣялся надъ всѣмъ прошлымъ ихъ и гнилымъ развалившимся блескомъ его.

Поистинѣ, подобно проповѣдникамъ покаянія и безумцамъ, изрекъ я свой гнѣвъ на все ихъ великое и малое,—что все лучшее ихъ такъ ничтожно, что все худшее ихъ такъ ничтожно!—такъ смѣялся я.

Мое стремленіе къ мудрости такъ кричало и смѣялось во мнѣ, поистинѣ, она рождена на горахъ, моя дикая мудрость!—мое великое, шумящее крыльями стремленіе.

И часто уносило оно меня въ даль, въ высоту, среди смѣха: тогда летѣлъ я, содрагаясь, какъ стрѣла, чрезъ опьяненный солнцемъ восторгъ:

— туда въ далекое будущее, котораго не видала еще ни одна мечта, на югъ болѣе жаркій, чѣмъ когда-либо мечтали художники: туда, гдѣ боги, танцуютъ, стыдятся всякихъ одеждъ:—

— такъ говорю я въ символахъ, и подобно поэтамъ запинаясь и бормочу: и поистинѣ, я стыжусь, что еще долженъ быть поэтомъ!—

Туда, гдѣ всякое становленіе казалось мнѣ божественной пляской и шалостью, а міръ выпущеннымъ на свободу, невзнузданнымъ, убѣгающимъ обратно къ самому себѣ:—

— какъ вѣчное бѣгство многихъ боговъ отъ себя самихъ и опять новое исканіе себя, какъ блаженное противорѣчіе себѣ, повтореніе и возвращеніе къ себѣ многихъ боговъ:—

Гдѣ всякое время казалось мнѣ блаженной насмѣшкой надъ мгновеніями, гдѣ необходимостью была сама свобода, блаженно игравшая съ жаломъ свободы:—

Гдѣ снова нашелъ я своего стараго демона и заклятаго врага, духа тяжести и все, что создалъ онъ: насиліе, законъ, необходимость, слѣдствіе, цѣль, волю, добро и зло:—

Развѣ не должны существовать вещи, на которыхъ можно

было бы танцовать? Развѣ изъ-за того, что есть легкое и самое легкое,—не должны существовать кроты и тяжелые карлики?

* * *

3.

Тамъ же поднялъ я на дорогѣ слово «сверхъ-человѣкъ» и что человѣкъ есть нѣчто, что должно преодолѣть,

— что человѣкъ есть мость, а не цѣль: что онъ радуется своему полдню и вечеру, какъ пути, ведущему къ новымъ утреннимъ зорямъ:

слово Заратустры о великомъ полднѣ, и что еще навѣсилъ я на человѣка, какъ на вторую пурпурную вечернюю зарю.

Поистинѣ, я далъ ему увидѣть даже новыя звѣзды и новыя ночи; и надъ тучами и днемъ и ночью раскинулъ я смѣхъ, какъ пестрый шатеръ.

Я научилъ его всѣмъ моимъ мыслямъ и всѣмъ стремленіямъ моимъ: собрать воедино и вмѣстѣ нести все, что есть въ человѣкѣ отрывочнаго, загадочнаго и ужасно случайнаго,—

— какъ поэтъ, отгадчикъ и избавитель отъ случая, я научилъ его быть созидателемъ будущаго и все, что было,—спасти, созидая.

Спасти прошлое въ человѣкѣ и преобразовать все, что «было», пока воля не скажетъ: «Но такъ хотѣла я! Такъ захочу я».—

Это называлъ я ему избавленіемъ, одно лишь это училъ я его называть избавленіемъ.—

Теперь я жду своего избавленія,—чтобъ пойти къ людямъ въ послѣдній разъ.

Ибо еще одинъ разъ пойду я къ нимъ: среди нихъ хочу я умереть, и умирая, хочу я дать имъ свой богатѣйшій даръ!

У солнца научился я этому, когда закатывается оно, богатѣйшее свѣтило: золото сыплеть оно въ море изъ неистощимыхъ сокровищницъ своихъ,—

— такъ что даже бѣднѣйшій рыбакъ гребетъ золотымъ весломъ! Ибо это видѣлъ я однажды, и пока я смотрѣлъ, слезы, не переставая, текли изъ моихъ глазъ.—

Подобно солнцу хочетъ закатиться и Заратустра: теперь сидитъ онъ здѣсь и ждетъ; вокругъ него старыя, разбитыя скрижали, а также новыя,—наполовину исписанныя.

* * *

4.

Смотри, вотъ новая скрижаль: но гдѣ же братья мои, которые вмѣстѣ со мной понесутъ ее въ долину и мясистыя сердца?—

Такъ гласить моя великая любовь къ самымъ дальнымъ: не щади своего ближняго. Человѣкъ есть нѣчто, что должно преодолѣть.

Существуетъ много путей и способовъ преодоленія: ищи ихъ самъ! Но только шутъ думаетъ: «черезъ человѣка можно перепрыгнуть».

Преодолей самого себя даже въ своемъ ближнемъ: и право, которое ты можешь завоевать себѣ, ты не долженъ позволять дать тебѣ!

Что ты дѣлаешь, этого никто не можетъ опять сдѣлать тебѣ. Знай, не существуетъ возмездія.

Кто не можетъ повелѣвать себѣ, долженъ повиноваться. И многіе могутъ повелѣвать себѣ, но имъ недостаетъ еще многого, чтобъ умѣть повиноваться себѣ!

* * *

5.

Такъ хочетъ характеръ душъ благородныхъ: онѣ ничего не хотятъ имѣть даромъ, всего менѣе жизнь.

Кто изъ толпы, тотъ хочетъ жить даромъ; мы же другіе, кому дана жизнь,—мы постоянно размышляемъ, что могли бы мы дать лучшаго въ обменъ за нее!

И поистинѣ, благородная рѣчь, которая гласить: «что обѣщаетъ намъ жизнь, мы хотимъ—исполнить для жизни!»

Не надо желать наслаждаться, гдѣ нѣтъ мѣста для наслажденія. И—не надо желать наслаждаться!

Ибо наслаженіе и невинность—самыя стыдливыя вещи: они не хотятъ, чтобъ искали ихъ. Ихъ надо имѣть,—но искать надо скорѣе вины и страданія!—

* * *

6.

О, мои братья, кто первенецъ, тотъ приносится всегда въ жертву. А мы теперь первенцы.

Мы всѣ истекаемъ кровью на тайныхъ жертвенникахъ, мы всѣ горимъ и жаримся въ честь старыхъ идоловъ.

Наше лучшее еще молодо: оно раздражаетъ старое небо. Наше мясо нѣжно, наша кожа только кожа ягненка: — какъ не раздражать намъ старыхъ идольскихъ жрецовъ!

Въ насъ самихъ живетъ еще онъ, старый идольскій жрецъ, онъ жаритъ наше лучшее себѣ на пиръ. Ахъ, мои братья, какъ первенцамъ не быть жертвою!

Но такъ хочеть нашъ родъ; и я люблю тѣхъ, кто не хочеть беречь себя. Погибающихъ люблю я всюю своей любовью: ибо переходятъ они на ту сторону.—

* * *

7.

Быть правдивыми—могутъ немногіе! И кто можетъ, не хочеть еще! Но меньше всего могутъ быть ими добрые.

О, эти добрые!—Добрые люди никогда не говорятъ правды; для духа быть такимъ добрымъ—болѣзнь.

Они уступаютъ, эти добрые, они покоряются, ихъ сердце вторить, ихъ разумъ повинуется: но кто слушается, тотъ не слушаетъ самого себя!

Все, что у добрыхъ зовется злымъ, должно соединиться, чтобъ родилась единая истина: о, мои братья, достаточно ли вы злы для этой истины?

Отчаянное дерзновеніе, долгое недовѣріе, жестокое отрицаніе, пресыщеніе, надрѣзываніе жизни — какъ рѣдко бываетъ это вмѣстѣ. Но изъ такого сѣмени—рождается истина!

Рядомъ съ нечистой совѣстью росло до сихъ поръ все знаніе! Разбейте, разбейте, вы познающіе, старыя скрижали!

* * *

8.

Когда бревна въ водѣ, когда мосты и перила перекинута надъ рѣкою: поистинѣ, не повѣрятъ, если кто скажетъ тогда: «Все плыветъ».

Даже глупые будутъ противорѣчить ему. «Какъ? скажутъ глупые, все плыветъ? Вѣдь балки и перила перекинута надъ рѣкой!»

«Надъ рѣкою все крѣпко, всѣ цѣнности вещей, мосты, понятія, все «добро» и «зло»: все это крѣпко!»—

А когда приходитъ суровая зима, укротительница рѣкъ: тогда и насмѣшники начинаютъ сомнѣваться; и, поистинѣ, не одни только глупые говорятъ тогда: «Не все ли—с по ко й н о?»

«Въ основѣ все спокойно»—это истинное ученіе зимы, удобное для безплоднаго времени, хорошее утѣшеніе для засыпающихъ на зиму и сидящихъ за печкою.

«Въ основѣ все спокойно»:—но противъ этого говорить вѣтеръ въ оттепель!

Вѣтеръ въ оттепель—это быкъ, но не пашущій, а бѣшенный быкъ, разрушитель, гнѣвными рогами ломающій ледъ! Ледъ же—ломаетъ перила!

О, мои братья, не все ли плыветъ теперь? Не всѣ ли перила и мосты попадали въ воду? Кто же станеть держаться еще за «добро» и «зло»?

«Горе намъ! Благо намъ! Теплый вѣтеръ подулъ!»—Такъ проповѣдуйте, мои братья, по всѣмъ улицамъ!

* * *

9.

Есть старое безуміе, оно называется добро и зло. Вокругъ прорицателей и звѣздочетовъ вращалось до сихъ поръ колесо этого безумія.

Нѣкогда вѣрили въ прорицателей и звѣздочетовъ: и потому вѣрили «Все судьба: ты долженъ, ибо такъ надо!»

Затѣмъ опять стали недовѣрять всѣмъ прорицателямъ и звѣздочетамъ: и потому вѣрили «Все свобода: ты можешь, ибо ты хочешь!»

О, мои братья, о звѣздахъ и о будущемъ до сихъ поръ только мечтали, но не знали ихъ; и потому о добрѣ и злѣ до сихъ поръ только мечтали, но не знали ихъ!

* * *

10.

«Ты не долженъ грабить! Ты не долженъ убивать!»—такія слова назывались нѣкогда священными; передъ ними преклоняли колѣна и головы, и къ нимъ подходили разувшись.

Но я спрашиваю васъ: когда на свѣтѣ было больше разбойниковъ и убійцъ, какъ не тогда, когда эти слова были особенно священны?

Развѣ въ самой жизни нѣтъ—грабежа и убійства? И считать эти слова священными, развѣ не значитъ—убивать саму истину?

Или это не было проповѣдью смерти, считать священнымъ то, что противорѣчило всякой жизни и убѣждало не жить?—О, мои братья, разбейте, разбейте старыя скрижали!

* * *

11.

Мнѣ жаль всего прошлаго, ибо я вижу, что оно отдано на произволь,—

— отдано на произволь милости, духа и безумія каждаго изъ поколѣній, которое идетъ и все, что было, превращаетъ въ мость для себя!

Можетъ придти великій тиранъ, злой демонъ, который своей милостью и своимъ гнѣвомъ будетъ насиловать все прошлое: пока оно не станетъ для него мостомъ, знаменіемъ, герольдомъ и крикомъ пѣтуха.

Но вотъ другая опасность и мое другое сожалѣніе:—память тѣхъ, кто изъ толпы, не идетъ дальше дѣда,—и съ дѣдомъ кончается время.

И такъ все прошлое отдано на произволь: ибо можетъ когда-нибудь случиться, что толпа станетъ господиномъ, и всякое время утонетъ въ мелкой водѣ.

Поэтому, о, мои братья, нужна новая аристократія, противница всего, что есть всякая толпа и всякій деспотизмъ, которая на новыхъ скрижаляхъ снова напишетъ слово: «благородный».

Ибо нужно много благородныхъ и разнородныхъ благородныхъ, чтобъ составила аристократія! Или, какъ говорилъ я однажды въ символѣ, «въ томъ божественность, что существуютъ боги, а не богъ!»

* * *

12.

О, мои братья, я жалую васъ въ новую аристократію, что показываю вамъ: вы должны стать созидателями и воспитателями,—сбѣтелями будущаго,—

— поистинѣ, не въ аристократію, что могли бы купить вы,
Ницше.—Такъ говорилъ Заратустра.

какъ торгаши, золотомъ торгашей: ибо мало цѣнности во всемъ томъ, что имѣть свою цѣну.

Не то, откуда вы идете, пусть составитъ отнынѣ вашу честь, а то, куда вы идете! Ваша воля и ваши шаги, идущіе дальше васъ самихъ,—пусть будутъ отнынѣ вашей новою честью!

Поистинѣ, не то, что служили вы князю—что значать теперь князья!—или что были вы оплотомъ тому, что стоитъ, чтобъ крѣпче стояло оно!

Не то, что вашъ родъ при дворахъ сдѣлался придворнымъ и вы научились, пестрые, какъ фламинго, часами стоять въ мелко-водныхъ прудахъ.

— Ибо у мѣнѣе стоять есть заслуга у придворныхъ; и всѣ придворные вѣрятъ, что къ блаженству послѣ смерти принадлежить—позволеніе сѣсть!—

Также и не то, что духъ, котораго они называютъ святымъ, вель вашихъ предковъ въ земли обѣтованныя, которыхъ я не хвалю: ибо гдѣ выросло худшее изъ всѣхъ деревъ—крестъ,—въ такой землѣ хвалить нечего!—

— И поистинѣ, куда бы ни вель этотъ «святой духъ» своихъ рыцарей, всегда бѣжали впереди такихъ шестивій—козлы и гуси, безумцы и помѣшанные!—

О, мои братья, не назадъ долженъ смотрѣть вашъ аристократизмъ, а впередъ! Изгнанниками должны вы быть изъ страны вашихъ отцовъ!

Страну вашихъ дѣтей должны вы любить: эта любовь да будетъ вашимъ новымъ аристократизмомъ,—страну, еще не открытую, лежащую въ самыхъ далекихъ моряхъ! И пусть ищутъ и ищутъ ея ваши корабли!

Своими дѣтьми должны вы искупить то, что вы дѣти своихъ отцовъ: все прошлое должны вы спасти этимъ путемъ! Эту новую скрижаль ставлю я надъ вами!

* * *

13.

«Къ чему жить? Все—суета! Жить—это молотить солому; жить—это сжигать себя и все-таки не согрѣться».—

Эта старая болтовня все еще слыветъ за «мудрость»; за то, что стара она и пахнетъ затхлымъ, еще болѣе уважаютъ ее. Даже плѣсень облагораживаетъ.—

Дѣти могли такъ говорить: они боятся огня, ибо онъ обжогъ ихъ! Много ребяческаго въ старыхъ книгахъ мудрости.

И кто всегда «молотить солому», какое право имѣть онъ хулить молотьбу! Такимъ глупцамъ слѣдовало бы завязывать ротъ!

Они садятся за столъ и ничего не приносятъ съ собой, даже здороваго голода;—и вотъ хулять они «все—суета!»

Но хорошо ѣсть и хорошо пить, о, мои братья, это, поистинѣ, не суетное искусство! Разбейте, разбейте скрижали тѣхъ, кто никогда не радуется!

* * *

14.

«Для чистаго все чисто»—такъ говоритъ народъ. Но я говорю вамъ: для свиней все превращается въ свинью!

Поэтому изступленные и святоши, у которыхъ даже сердце поникло, проповѣдуютъ: «самъ міръ есть грязное чудовище».

Ибо всѣ они не чисты духомъ; особенно тѣ, кто не находятъ ни покоя, ни отдыха, что не видѣли они міра сзади,—эти мечтающіе о другомъ мірѣ!

И м ъ говорю я въ лицо, хотя это и звучитъ не пристойно: міръ тѣмъ похожъ на человѣка, что и у него есть задняя часть,—и лишь н а с т о л ь к о это вѣрно!

Существуетъ въ мірѣ много грязи:—и это вѣрно! Но поэтому самъ міръ не есть еще грязное чудовище!

Есть мудрость въ томъ, что многое въ мірѣ дурно пахнетъ: но само отвращеніе создаетъ крылья и силы, угадывающія источники!

Даже въ лучшемъ есть и нѣчто отвратительное; и даже лучший человѣкъ есть нѣчто, что должно преодолѣть!—

О, мои братья, много мудрости въ томъ, что много грязи есть въ мірѣ!—

* * *

15.

Я слышалъ, какъ благочестивые мечтатели о другомъ мірѣ говорили къ своей совѣсти, и поистинѣ, безъ злобы и лжи,—хотя и нѣтъ въ мірѣ ничего болѣе лживаго и злобнаго.

«Предоставь міру быть міромъ! Не поднимай противъ него даже мизинца!»

«Пусть, кто хочетъ, душить и колеть людей, и сдираетъ съ нихъ кожу: не поднимай противъ него даже мизинца! Такъ учатся они отречься отъ міра».

«А свой собственный разумъ—ты долженъ самъ задушить его; ибо это разумъ міра сего,—такъ учишься ты самъ отречься отъ міра.»—

— Разбейте, разбейте, о мои братья, эти старыя скрижали благочестивыхъ! Разсѣйте слова клеветниковъ на міръ!

* * *

16.

«Кто много учится, разучивается всякому сильному желанію»—такъ шепчутъ сегодня на всѣхъ темныхъ улицахъ.

«Мудрость утомляетъ, ничто—не вознаграждается; ты не долженъ желать!»—эту новую скрижаль нашель я вывѣшенной даже на открытыхъ площадяхъ.

Разбейте, о, мои братья, разбейте и эту новую скрижаль! Утомленные міромъ повѣсили ее, и проповѣдники смерти и тюремщики: ибо, смотрите, это также есть проповѣдь, призывающая къ рабству!—

Ибо они дурно учились и далеко не лучшему, и всему слишкомъ рано и всему слишкомъ скоро: ибо они плохо ѣли, и потому они получили этотъ испорченный желудокъ,—

— ибо испорченный желудокъ есть ихъ духъ: онъ совѣтуетъ смерть! Ибо, поистинѣ, мои братья, духъ есть желудокъ!

Жизнь есть источникъ радости: но въ комъ говорить испорченный желудокъ, отецъ скорби, для того всѣ источники отравлены.

Познавать—это радость для того, въ комъ воля льва! Но кто утомился, тотъ самъ дѣлается лишь «предметомъ воли», съ нимъ играютъ всѣ волны.

И такъ бываетъ всегда съ людьми слабыми: они теряются на своихъ путяхъ. И наконецъ усталость ихъ еще спрашиваетъ: «Къ чему ходили мы когда-то по дорогамъ? Вездѣ все равно!»

Имъ пріятно слышать, когда проповѣдуютъ: «Ничто не вознаграждается! Вы не должны желать!» Но вѣдь это проповѣдь, призывающая къ рабству.

О, мои братья, какъ дуновеніе свѣжаго вѣтра. приходитъ За-

ратустра ко всѣмъ уставшимъ отъ ихъ пути; многіе носы заставить онъ еще чихать!

Даже сквозь стѣны проникаетъ мое свободное дыханіе, входитъ въ тюрьмы и плѣнные умы!

Хотѣть освобождаетъ: ибо хотѣть значитъ созидать: такъ учу я. И только для созиданія должны вы учиться!

И даже учиться должны вы сперва у меня учиться, хорошо учиться!—Имѣющій уши, да слышитъ!

* * *

17.

Челнъ готовъ,—на той сторонѣ ты попадешь, быть можетъ, въ великое ничто. — Но кто хочетъ вступить въ это «быть можетъ»?

Никто изъ васъ не хочетъ вступить въ челнъ смерти! Какъ же хотите вы тогда быть утомленными міромъ!

Утомленные міромъ! Вы даже еще не отрѣшились отъ земли! Похотливыми находилъ я васъ всегда въ отношеніи земли, еще влюбленными въ собственное утомленіе землю!

Не даромъ отвисла у васъ губа:—маленькое земное желаніе еще сидитъ на ней! А въ глазу—развѣ не плаваетъ облачко незабытой земной радости?

На землѣ есть много хорошихъ изобрѣтеній, изъ нихъ одни полезны, другія пріятны: ради нихъ стоитъ любить землю.

И многія изобрѣтенія настолько хороши, что являются, какъ грудь женщины: одновременно полезными и пріятными.

А вы уставшіе отъ міра и лѣнныя! Васъ надо посѣчь розгами! Ударами розги надо вернуть вамъ рѣзвыя ноги.

Ибо: если вы не больныя и не отжившія твари, отъ которыхъ устала земля, то вы хитрые лѣнтяи, или любители наслажденій, прожорливыя и угрюмыя. И если вы не хотите снова весело бѣжать, вы должны—исчезнуть!

Не надо желать быть врачомъ неизлечимыхъ: такъ учить Заратустра:—поэтому вы должны исчезнуть!

Но надо больше мужества для того, чтобы окончить, чѣмъ чтобы продолжать стихи: это знаютъ всѣ врачи и поэты.—

* * *

18.

О, мои братья, есть скрижали, созданныя утомленіемъ, и скрижали, созданныя гнилой лѣнностью: хотя говорятъ онѣ одинаково, но хотятъ, чтобы слушали ихъ неодинаково.—

Посмотрите на этого томящагося жаждой! Только одна пядь еще отдѣляетъ его отъ его цѣли, но отъ усталости легъ онъ здѣсь упрямо въ пыли: этотъ храбрый!

Отъ усталости зѣваетъ онъ на путь, на землю, на цѣль и на себя самого: ни одного шагу не хочетъ сдѣлать онъ дальше,— этотъ храбрый!

И вотъ солнце палитъ его, и собаки лижутъ его потъ: но онъ лежитъ здѣсь въ своемъ упрямствѣ и предпочитаетъ томиться жаждой:—

— на разстояніи пяди отъ своей цѣли томиться жаждой! И, поистинѣ, вамъ придется еще тащить его за волосы на его небо.— этого героя!

Но еще лучше, оставьте его лежать тамъ, гдѣ онъ легъ, чтобы пришелъ къ нему сонъ, утѣшитель, съ шумомъ освѣжающаго дождя.

Оставьте его лежать, пока онъ самъ не проснется,—пока онъ самъ не откажется отъ всякой усталости и отъ всего, чему учила усталость въ немъ!

Только, мои братья, отгоните отъ него собакъ, лѣннвыхъ проныръ и весь шумящій сбродъ:—

— весь шумящій сбродъ людей «культурныхъ», который лакомится—пѣтомъ героевъ!—

* * *

19.

Я замыкаю круги вокругъ себя и священные границы; все меньше поднимающихся со мною на все болѣе высокія горы: я строю хребетъ изъ все болѣе священныхъ горъ.—

Но куда бы ни захотѣли вы подняться вмѣстѣ со мной, о, мои братья, смотрите, чтобъ не поднялся вмѣстѣ съ вами какой-нибудь паразитъ!

Паразитъ: это червь, пресмыкающійся и гибкій, желающій разжирѣть въ больныхъ, израненыхъ уголкахъ вашего сердца.

И въ томъ его искусство, что въ поднимающихся душахъ онъ угадываетъ, гдѣ онѣ утомлены: въ вашемъ горѣ и недовольствѣ, въ вашей нѣжной стыдливости строить онъ свое отвратительное гнѣздо.

Гдѣ сильный бываетъ слабъ, а благородный слишкомъ кротокъ,—тамъ строить онъ свое отвратительное гнѣздо: паразитъ живетъ тамъ, гдѣ у большого чловѣка есть израненные уголки въ сердцѣ.

Какой родъ всего сущаго самый высшій и какой самый низшій? Паразитъ самый низшій родъ; но кто высшаго рода, тотъ кормитъ наибольшее число паразитовъ.

Ибо душа, имѣющая очень длинную лѣстницу и могущая опуститься очень низко: какъ не сидѣть на ней наибольшему числу паразитовъ?—

— душа самая обширная, которая далеко можетъ бѣгать, блуждать и метаться въ себѣ самой; самая необходимая, которая ради удовольствія бросается въ случайность:—

— душа сущая, которая погружается въ становленіе; имущая, которая хочетъ войти въ волю и въ желаніе:—

— убѣгающая отъ себя самой и широкими кругами себя донсящая; душа самая мудрая, которую тихонько приглашаетъ къ себѣ безуміе:—

— наиболѣе себя любящая, въ которой всѣ вещи находятъ свой подъемъ и свое нисхожденіе, свой приливъ и отливъ:—о, какъ не быть въ самой высокой душѣ самымъ худшимъ изъ паразитовъ?

* * *

20.

О, мои братья, развѣ я жестокъ? Но я говорю: что падаетъ, то нужно еще толкнуть!

Все, что отъ сегодня—падаетъ и разлагается: кто захотѣлъ бы удержать его! Но я—я хочу еще толкнуть его!

Знакомо ли вамъ наслажденіе скатывать камни въ отвѣсную глубину?—Эти люди отъ сегодня: смотрите же на нихъ, какъ они скатываются въ мои глубины!

Я только прелюдія для лучшихъ игроковъ, о, мои братья! Примѣръ! Дѣлайте по моему примѣру!

И кого вы не научите летать, того научите — б ы с т р ъ е падать!—

* * *

21.

Я люблю храбрыхъ: но недостаточно быть рубакой,—надо также знать кого рубить!

И часто бываетъ больше храбрости въ томъ, чтобъ удержаться и пройти мимо: чтобъ сохранить себя для болѣе достойнаго врага!

Враги у васъ должны быть только такіе, которыхъ бы вы ненавидѣли, а не такіе, чтобъ ихъ презирать. Надо, чтобъ вы гордились своимъ врагомъ: такъ училъ я уже однажды.

Для болѣе достойнаго врага должны вы беречь себя, о, мои друзья: поэтому должны вы проходить мимо многоаго.—

— особенно мимо многочисленной черни, кричащей вамъ въ уши о народѣ и народахъ.

Берегите свои глаза чистыми отъ ихъ «за» и «противъ»! Тамъ много справедливаго, много несправедливаго: кто заглянетъ туда, негодуешь.

Заглянуть и рубить—это дѣло одной минуты: поэтому уходите въ лѣса и вложите свой мечъ въ ножны!

Идите своими дорогами! И предоставьте народу и народамъ идти своими!—поистинѣ, темными дорогами, не освѣщаемыми ни единой надеждой!

Пусть царствуетъ торгашъ тамъ, гдѣ все, что еще блеститъ,—есть золото торговца! Время королей прошло: что сегодня называется народомъ, не заслуживаетъ королей.

Смотрите же, какъ эти народы теперь сами подражаютъ торговцамъ: они подбираютъ малѣйшія выгоды изъ всякаго мусора!

Они подстерегаютъ другъ друга, они высматриваютъ что-нибудь другъ у друга,—это называютъ они «добрымъ сосѣдствомъ». О, блаженное далекое время, когда народъ говорилъ себѣ: «я хочу надъ народами—быть господиномъ!»

Ибо, мои братья, лучшее должно господствовать, лучшее хотеть господствовать! И гдѣ ученіе гласитъ иначе, тамъ нѣтъ лучшаго.

* * *

22.

Еслибъ э т и—имѣли хлѣбъ даромъ, увь! о чемъ кричали бы они! Ихъ пропитаніе—вотъ настоящая пища для ихъ разговоровъ; и пусть оно трудно достается имъ!

Они хищные звѣри: въ ихъ словѣ «работать»—слышится еще и грабить, въ ихъ словѣ «заработать»—слышится еще и перехитрить! Поэтому пусть оно трудно достается имъ!

Такъ должны они стать лучшими хищными звѣрями, болѣе хитрыми, болѣе умными, болѣе похожими на человѣка: ибо человѣкъ есть самый лучший хищный звѣрь.

У всѣхъ звѣрей человѣкъ уже ограбилъ добродѣтели ихъ: поэтому изъ всѣхъ звѣрей человѣку наиболѣе трудно достается пропитаніе его.

Только еще птицы выше его. И еслибъ человѣкъ научился еще и летать, увь! к у д а б ы — ни залетѣла хищность его!

* * *

23.

Я хочу видѣть мужчину и женщину: одного способнымъ къ войнѣ, другую способной къ дѣторожденію, но обоихъ способными къ пляскѣ головой и ногами.

И пусть будетъ потерянь для насъ тотъ день, когда ни разу не плясали мы! И пусть ложной назовется у насъ всякая истина, у которой не было смѣха!

* * *

24.

Заключеніе вашихъ браковъ: смотрите, чтобъ не вышло оно плохимъ заключеніемъ! Вы заключили слишкомъ быстро: отсюда слѣдуетъ—нарушеніе брака!

И лучше еще нарушить бракъ, чѣмъ гнуться и лгать!—Такъ говорила мнѣ одна женщина: «да, я нарушила бракъ, но сперва бракъ сокрушилъ—меня!»

Плохихъ супруговъ находилъ я всегда самыми мстительными: они мстятъ цѣлому міру за то, что уже не могутъ идти каждый отдѣльно.

Поэтому я хочу, чтобъ честные говорили другъ другу: «мы любимъ другъ друга: посмотримъ, можемъ ли мы продолжать любить другъ друга! Или союзъ нашъ будетъ ошибкою?»

— «Дайте намъ срокъ и недолгій союзъ, чтобъ видѣли мы, годимся ли мы для долгаго союза! Великое дѣло — всегда быть вдвоемъ!»

Такъ совѣтую я всѣмъ честнымъ: и чѣмъ была бы любовь моя къ сверхъ-человѣку и ко всему, что должно наступить, еслибы я совѣтовалъ и говорилъ иначе!

Не только множиться, но и расти вверху—о, братья мои, да поможетъ вамъ садъ супружества!

* * *

25.

Кто умудренъ въ старыхъ источникахъ, смотри, тотъ будетъ въ концѣ концовъ искать родниковъ будущаго и новыхъ источниковъ.—

О, мои братья еще не долго, и возникнутъ новые народы, и новые родники зашумятъ, ниспадая въ новыя глубины.

Ибо землетрясеніе—засыпаетъ много колодцевъ и создаетъ многихъ томящихся жаждою: но оно же вызываетъ на свѣтъ внутреннія силы и тайны.

Землетрясеніе открываетъ новые родники. При сотрясеніи старыхъ народовъ вырываются новые родники.

И кто тогда восклицаетъ: «Смотри, здѣсь единый родникъ для многихъ жаждущихъ, единое сердце для многихъ томящихся, единая воля для многихъ орудій»:—вокругъ того собирается народъ, т. е. много испытующихъ.

Кто умѣетъ повелѣвать, кто долженъ повиноваться — это испытуется тамъ! Ахъ, какимъ долгимъ исканіемъ удачей и неудачею, изученіемъ и новыми попытками!

Человѣческое общество: это попытка, такъ учу я,—долгое исканіе: но оно ищетъ повелѣвающаго!—

— попытка, о, братья мои! Но не «договоръ»! Разбейте, разбейте это слово сердце мягкихъ и нерѣшительныхъ и людей половинчатыхъ!

* * *

26.

О, братья мои! Въ комъ же лежитъ наибольшая опасность для всего человѣческаго будущаго? Не въ добрыхъ ли и праведныхъ?—

— не въ тѣхъ ли, кто говоритъ и въ сердцѣ чувствуетъ: «мы знаемъ уже, что хорошо и что праведно, мы достигли этого; горе тѣмъ, кто здѣсь еще ищетъ!»

И какой бы вредъ ни нанесли злые: вредъ добрыхъ самый вредный вредъ!

И какой бы вредъ ни нанесли клеветники на міръ: вредъ добрыхъ самый вредный вредъ.

О, братья мои, въ сердцѣ добрыхъ и праведныхъ воззрѣлъ нѣкогда Тотъ, кто тогда говорилъ: «это—фарисеи». Но Его не поняли.

Сами добрые и праведные не должны были понять Его; ихъ духъ въ плѣну у ихъ спокойной совѣсти. Глупость добрыхъ неизмѣримо умна.

Но вотъ истина: добрые должны быть фарисеями,—имъ нѣтъ другого выбора!

Добрые должны распинать того, кто находитъ себѣ свою собственную добродѣтель! Это—истина!

Вторымъ же, кто открылъ страну ихъ, страну, сердце и землю добрыхъ и праведныхъ: былъ тотъ, кто тогда вопрошалъ: «кого ненавидятъ они больше всего?»

Созидающаго ненавидятъ они больше всего: того, кто разбиваетъ скрижали и старыя цѣнности, разрушителя,—кого называютъ они преступникомъ.

Ибо добрые — не могутъ созидать: они всегда начало конца:—

— они распинаютъ того, кто пишетъ новыя цѣнности на новыхъ скрижаляхъ, они приносятъ себѣ въ жертву будущее,—они распинаютъ все человѣческое будущее!

Добрые—были всегда началомъ конца.—

✱ * ✱

27.

О, братья мои, поняли ли вы также и это слово? И что ска- залъ я однажды о «послѣднемъ человѣкѣ»?—

Въ комъ же лежитъ наибольшая опасность для всего человѣческаго будущаго? Не въ добрыхъ ли и праведныхъ?

Разбейте, разбейте добрыхъ и праведныхъ! — О, братья мои, поняли ли вы также и это слово?

* * *

28.

Вы бѣжите отъ меня? Вы испуганы? Вы дрожите при этомъ словѣ?

О, братья мои, когда я велѣлъ вамъ разбить добрыхъ и скрижали добрыхъ: тогда впервые пустилъ я человѣка плыть по его открытому морю.

И теперь только наступаетъ для него великій страхъ, великая осмотрительность, великая болѣзнь, великое отвращеніе, великая морская болѣзнь.

Обманчивые берега и ложную безопасность указали вамъ добрые; во лжи добрыхъ были вы рождены и окутаны ею. Добрые все извратили и исказили до самаго основанія.

Но кто открылъ землю «человѣкъ», открылъ также и землю «человѣческое будущее». Теперь должны вы быть мореплавателями, отважными, и терпѣливыми!

Ходите прямо во-время, о, братья мои, учитесь ходить прямо! Море бушуетъ: многіе нуждаются въ васъ, чтобы снова подняться.

Море бушуетъ: все въ морѣ. Ну, что-жъ! впередъ! старая сердца моряковъ!

Что вамъ до родины! Туда стремится корабль нашъ, гдѣ страна дѣтей нашихъ! Тамъ, на просторѣ, болѣе неистово, чѣмъ море, бушуетъ наше великое желаніе!—

* * *

29.

«Почему ты такой твердый!—сказаль однажды простой уголь алмазу; развѣ мы не близкіе родственники?»—

Почему вы такіе мягкіе? О, братья мои, такъ спрашиваю я васъ: развѣ вы—не братья мои?

Почему же вы такіе мягкіе, такіе уступчивые, такіе податли-

вые? Почему такъ много отрицанія, отреченія въ сердцѣ вашемъ? Такъ мало рокового во взорѣ вашемъ?

И если вы не хотите быть роковыми и неумолимыми: какъ могли бы вы вмѣстѣ со мною—побѣждать?

И если ваша твердость не хочетъ сверкать, рѣзать и разбивать: какъ могли бы вы нѣкогда вмѣстѣ со мною—созидать?

Ибо созидающіе тверды. И блаженствомъ должно казаться вамъ налагать руку на тысячелѣтія, какъ на воскъ,—

— блаженствомъ писать на волѣ тысячелѣтій какъ на мѣди,—тверже, благороднѣе, чѣмъ на мѣди. Совѣмъ твердымъ бываетъ только самое благородное.

Эту новую скрижаль, о, братья мои, ставлю я надъ вами: будьте тверды!—

* * *

30.

О, воля моя! Ты отдохъ отъ всякой нищеты, ты необходимость моя! Предоохрани меня отъ всякихъ маленькихъ побѣдъ!

Ты случайность души моей, которую называю я судьбою! Ты во мнѣ! Надо мною! Предоохрани и сбереги меня для единой великой судьбы!

И послѣднее величіе свое, о, воля моя, сохрани для конца,—чтобъ была ты неумолима въ побѣдѣ своей! Ахъ, кто не покорялся побѣдѣ своей!

Ахъ, чей глазъ не темнѣлъ въ этихъ опьяняющихъ сумеркахъ! Ахъ, чья нога не спотыкалась, и не разучалась въ побѣдѣ—стоять!—

Да буду я готовъ и зрѣлъ въ великій полдень: готовъ и зрѣлъ, какъ раскаленная до бѣла мѣдь, какъ туча, чреватая молніями, и какъ вымя, вздутое отъ молока:—

— готовъ для себя самого и для самой сокровенной воли своей: какъ лукъ, пламенѣющій къ стрѣлѣ своей, какъ стрѣла, пламенѣющая къ звѣздѣ своей:

— какъ звѣзда, готовая и зрѣлая въ полднѣ своемъ, пылающая, пронзенная, блаженная передъ уничтожающими стрѣлами солнца:—

— какъ само солнце и неумолимая воля его, готовая къ уничтоженію въ побѣдѣ!

О, воля, отдыхъ отъ всякой нищеты, ты необходимость моя!
Сохрани меня для единой великой побѣды!—

Такъ говорилъ Заратустра.

Выздоровливающей.

1.

Въ одно утро, вскорѣ послѣ возвращенія своего въ пещеру, вскочилъ Заратустра съ ложа своего, какъ сумасшедшій, сталъ кричать ужаснымъ голосомъ, махая руками, какъ будто кто лежалъ на ложѣ и не хотѣлъ вставать; и такъ гремѣлъ голосъ Заратустры, что звѣри его, испуганные, прибѣжали къ нему, и изъ всѣхъ норъ и щелей, сосѣднихъ съ пещерой Заратустры, всѣ животныя разбѣжались улетая, уползая и прыгая, смотря по тому, къ чему даны были имъ ноги и крылья ихъ. Заратустра же такъ говорилъ:

Вставай, бездонная мысль, выходи изъ глубины моей! Я пѣтухъ твой и утреннія сумерки твои, заспавшійся червь: вставай! голосъ мой разбудить тебя!

Расторгни узы слуха твоего: слушай! Ибо я хочу слышать тебя! Вставай! Вставай! Здѣсь достаточно грома, чтобъ заставить и могилы прислушиваться!

Сотри сонъ, а также всякую близорукость, всякое ослѣпленіе съ глазъ своихъ! Слушай меня даже глазами своими: голосъ мой лекарство даже для слѣпорожденныхъ.

И когда ты проснешься, ты навѣки останешься бодрствующей. Не такъ о в ѣ я, чтобъ, разбудивъ прабабушекъ отъ сна, сказать имъ—чтобъ продолжали онѣ спать!

Ты шевелишься, потягиваешься и хрипишь? Вставай! Вставай! Не хрипѣть—говорить должна ты! Заратустра зоветъ тебя, нечестивецъ!

Я, Заратустра, защитникъ жизни, защитникъ страданія, защитникъ круга—тебя зову я, самую глубокую изъ мыслей моихъ!

Благо мнѣ! Ты идешь,—я слышу тебя! Бездна моя говоритъ, свою послѣднюю глубину извлекъ я на свѣтъ!

Благо мнѣ! Иди! Дай руку—ха! пусти! Ха, ха,—отвращеніе! отвращеніе! отвращеніе!—горе мнѣ!

2.

Но едва Заратустра сказалъ слова эти, какъ упалъ замертво и долго оставался какъ мертвый. Придя же въ себя, онъ былъ блѣденъ, дрожалъ, продолжалъ лежать и долго не хотѣлъ ни ѣсть, ни пить. Такое состояніе продолжалось въ немъ семь дней; звѣри его не покидали его ни днемъ, ни ночью, и только орелъ улеталъ, чтобъ принести пищи. И все, что онъ находилъ, и что случалось ему отнять силою, складывалъ онъ на ложе Заратустры: такъ что Заратустра лежалъ, наконецъ, среди желтыхъ и красныхъ ягодъ, среди винограда, розовыхъ яблоковъ, благовонныхъ травъ и кедровыхъ шишекъ. У ногъ же его были простерты два ягненка, которыхъ орелъ съ трудомъ отнялъ у пастуховъ ихъ.

Наконецъ, послѣ семи дней, поднялся Заратустра на своемъ ложѣ, взялъ въ руку розовое яблоко, понюхалъ его и нашелъ запахъ его пріятнымъ. Тогда подумали звѣри его, что настало время заговорить съ нимъ.

«О, Заратустра, сказали они, вотъ уже семь дней, какъ лежишь ты съ закрытыми глазами: не хочешь ли ты, наконецъ, съпать подняться на ноги?»

Выйди изъ пещеры своей: міръ ожидаетъ тебя, какъ садъ. Вѣтеръ играетъ тяжелчмъ благоуханіемъ, которое просится къ тебѣ; и всѣ ручьи хотѣли бы бѣжать вслѣдъ за тобой.

Всѣ вещи тоскуютъ по тебѣ, почему ты семь дней оставался одинъ,—выйди изъ своей пещеры! Всѣ вещи хотятъ быть твоими врачами!

Развѣ новое познаніе снизошло къ тебѣ, горькое, тяжелое? Подобно закисшему тѣсту, лежалъ ты, твоя душа поднялась и раздулась за свои предѣлы.»—

— О, звѣри мои, отвѣчалъ Заратустра, продолжайте болтать и позвольте мнѣ слушать васъ! Меня освѣжаетъ ваша болтовня: гдѣ болтаютъ, тамъ міръ уже простирается предо мною, какъ садъ.

Какъ пріятно, что есть слова и звуки: не есть ли слова и звуки радуга и призрачные мосты, перекинутые черезъ все, что разъединено навѣки?

У каждой души особый міръ; для каждой души всякая другая душа потусторонній міръ.

Только между самымъ сходнымъ призракъ бываетъ всего обманчивѣе; ибо черезъ наименьшую пропасть труднѣе всего перекинуть мостъ.

Для меня—какъ существовало бы что-нибудь внѣ меня? Нѣтъ ничего внѣ насъ! Но это забываемъ мы при всякомъ звукѣ; и какъ отрадно, что мы забываемъ!

Имена и звуки не затѣмъ ли даны вещамъ, чтобъ человѣкъ освѣжался вещами? Говорить—это прекрасное безуміе: говоря, танцуетъ человѣкъ на всѣхъ вещахъ.

Какъ пріятна всякая рѣчь и всякая ложъ звуковъ! Благодаря звукамъ танцуетъ наша любовь на пестрыхъ радугахъ.—

— «О, Заратустра, сказали на это звѣри, для тѣхъ, кто думаетъ, какъ мы, всѣ вещи танцуютъ сами: все приходитъ, подаетъ другъ другу руку, смѣется и убѣгаетъ—и опять возвращается.

Все идетъ, все возвращается; вѣчно вращается колесо бытія. Все умираетъ, все вновь расцвѣтаетъ, вѣчно бѣжитъ годъ бытія.

Все погибаетъ, все вновь устрояется; вѣчно строится тотъ же домъ бытія. Все разлучается, все снова другъ друга привѣтствуетъ; вѣчно остается вѣрнымъ себѣ кольцо бытія.

Въ каждый мигъ начинается бытіе; вокругъ каждого «здѣсь» катится «тамъ». Центръ всюду. Кривая—путь вѣчности».—

— О, вы, проказники и шарманки! отвѣчала Заратустра и снова улыбнулся, какъ хорошо знаете вы, что должно было исполниться въ семь дней:—

— и какъ то чудовище заползло мнѣ въ глотку и душило меня! Но я откусилъ ему голову и отплюнулъ ее далеко отъ себя.

А вы,—вы уже сдѣлали изъ этого личную пѣснь? А я лежу здѣсь еще, утомленный этимъ откусываніемъ и отплеиваніемъ, еще больной отъ собственного избавленія.

И вы смотрѣли на все это? О, звѣри мои, развѣ и вы жестоки? Неужели вы хотѣли смотрѣть на мое великое страданіе, какъ дѣлаютъ люди? Ибо человѣкъ самое жестокое изъ всѣхъ животныхъ.

Во время трагедій, боя быковъ и распятій онъ до сихъ поръ лучше всего чувствовалъ себя на землѣ; и когда онъ нашель себѣ адъ, онъ сдѣлалъ его небомъ на землѣ.

Когда большой человѣкъ кричить:—мигомъ подбѣгаетъ къ чему маленькій; и языкъ виситъ у него изо рта отъ удовольствія. Но онъ называетъ это своимъ «состраданіемъ».

Маленькій человѣкъ, особенно поэтъ,—съ какимъ жаромъ

обвиняетъ онъ жизнь на словахъ! Слушайте его, но не прослушайте радости во всѣхъ жалобахъ его!

Это обвинители жизни: ихъ побѣждаетъ жизнь въ одно мгновѣніе. «Ты любишь меня? говоритъ дерзновенная; подожди же немного, у меня нѣтъ еще для тебя времени».

Человѣкъ для себя самого самое жестокое животное; и во всемъ, что зовется «грѣшникъ», «несущій крестъ» и «кающійся», не прослушайте радости, примѣшанной къ этимъ жалобамъ и обвиненіямъ!

А я самъ—не хочу ли я быть обвинителемъ человѣка? Ахъ, звѣри мои, только одному научился я до сихъ поръ, что человѣку нужно его самое злое для его же лучшаго,—

— что все самое злое есть его наилучшая сила и самый твердый камень для наивысшаго созидателя; и что человѣкъ долженъ становиться лучше и злѣе:—

Не за то былъ я пригвожденъ къ дереву мученій, что я знаю, что человѣкъ золъ,—но за то, что я кричалъ, какъ никто еще не кричалъ:

«Ахъ, его самое злое такъ ничтожно! Ахъ, его самое лучшее такъ ничтожно!»

Великое отвращеніе къ человѣку—оно душило меня и заползло мнѣ въ глотку: и что прорицатель предсказывалъ: «Все равно, ничто не вознаграждается, знаніе душитъ».

Долгія сумерки тянулись предо мною, смертельно усталая, пьяная до смерти печаль, которая говорила, зѣвая во весь ротъ.

«Вѣчно возвращается человѣкъ, отъ котораго усталъ ты, маленькій человѣкъ»—такъ зѣвала печаль моя, потягивалась и не могла заснуть.

Въ пещеру презратилась для меня человѣческая земля, ея грудь ввалилась, все живущее стало для меня человѣческой гнилью, костями и развалинами прошлаго.

Мои вздохи сидѣли на всѣхъ человѣческихъ могилахъ и не могли встать; мои вздохи и вопросы кричали, давились, грызли и жаловались день и ночь:

— «ахъ, человѣкъ вѣчно возвращается! Маленькій человѣкъ вѣчно возвращается!»

Нагими видѣлъ я нѣкогда обоихъ, самага большаго и самага маленькаго человѣка: слишкомъ похожи они другъ на друга,—еще слишкомъ человѣкъ даже самый большой человѣкъ!

Слишкомъ малъ самый большой!—Это было отвращеніе мое

къ челоуѣку! А вѣчное возвращеніе даже самаго маленькаго челоуѣка!—Это было отвращеніе мое ко всякому существованію!

Ахъ, отвращеніе! отвращеніе! отвращеніе!—Такъ говорилъ Заратустра, вздыхая и дрожа, ибо онъ вспоминалъ о своей болѣзни. Но тутъ звѣри его не дали ему продолжать.

«Перестань говорить, о, выздоравливающей!—такъ отвѣчали ему звѣри его, уходи отсюда и иди туда, гдѣ міръ ожидаетъ тебя, подобный саду.

Иди къ розамъ, къ пчеламъ и стаямъ голубей! Въ особенности же къ пѣвчимъ птицамъ: чтобъ научиться у нихъ пѣть!

Ибо пѣніе свойственно выздоравливающимъ; здоровый же пусть говоритъ. И если даже здоровый хочетъ пѣсенъ, онъ хочетъ другихъ пѣсенъ, чѣмъ выздоравливающей».

— О, вы проказники и шарманки, замолчите же!—отвѣчалъ Заратустра и смѣялся надъ рѣчью своихъ звѣрей. Какъ хорошо знаете вы, какое утѣшеніе нашель я себѣ въ эти семь дней!

Надо, чтобъ снова я пѣлъ,—это утѣшеніе и это выздоровленіе нашель я себѣ: не хотите ли вы и изъ этого тотчасъ сдѣлать уличную пѣснь?

— «Перестань говорить, отвѣчали ему во второй разъ звѣри его; лучше, о, выздоравливающей, сдѣлай лиру себѣ, новую лиру!

Ибо видишь, о, Заратустра! Для твоихъ новыхъ пѣсенъ нужна новая лира.

Пой и шуми, о, Заратустра, врачуй новыми пѣснями свою душу: чтобъ ты могъ нести свою великую судьбу, которая не была еще судьбою ни одного челоуѣка!

Ибо твои звѣри хорошо знаютъ, о, Заратустра, кто ты и къѣмъ долженъ ты стать: смотри, ты учитель вѣчнаго возвращенія,—въ этомъ теперь твое назначеніе!

Ты долженъ первымъ возвѣстить это ученіе,—и какъ же этой великой судьбѣ не быть также и твоей величайшей опасностью и болѣзнию!

Смотри, мы знаемъ, чему ты учишь: что всѣ вещи вѣчно возвращаются и мы сами вмѣстѣ съ ними, и что мы уже существовали безконечное число разъ и всѣ вещи вмѣстѣ съ нами.

Ты учишь, что существуетъ великій годъ становленія, чудовишно великій годъ: онъ долженъ, подобно песочнымъ часамъ,

вѣчно сызнава поворачиваться, чтобъ течь сызнава и опять становиться пустымъ:—

— такъ что всѣ эти годы похожи сами на себя, въ большомъ и маломъ,—такъ что и мы сами, въ каждый великій годъ, похожи сами на себя, въ большомъ и маломъ.

И еслибъ ты захотѣлъ умереть теперь, о, Заратустра: смотри, мы знаемъ также, что сталъ бы ты тогда говорить къ самому себѣ:—но звѣри твои просятъ тебя не умирать еще.

Ты сталъ бы говорить безтрепетно, вздохнувъ нѣсколько разъ отъ блаженства: ибо великая тяжесть и уныніе были бы сняты съ тебя, о, самый терпѣливый!—

«Теперь я умираю и исчезаю, сказалъ бы ты, и черезъ мгновение я буду ничѣмъ. Души также смертны, какъ и тѣла.

Но связь причинности, въ которую вплетенъ я, опять возвратится,—она опять создастъ меня! Я самъ принадлежу къ причинамъ вѣчнаго возвращенія.

Я снова возвращусь съ этимъ солнцемъ, съ этой землею, съ этимъ орломъ, съ этой змѣею—ни къ новой жизни, ни къ лучшей жизни, ни къ жизни, похожей на прежнюю:

— я буду вѣчно возвращаться къ той же самой жизни, въ большомъ и маломъ, чтобъ снова учить о вѣчномъ возвращеніи всѣхъ вещей,—

— чтобъ повторить слово о великомъ полднѣ земли и человѣка, чтобъ опять возвѣстить людямъ о сверхъ-человѣкѣ.

Я сказалъ свое слово, я разбиваюсь о свое слово: такъ хочеть моя вѣчная судьба,—какъ провозвѣстникъ, погибаю я!

Чась насталь, когда умирающій благословляетъ самого себя. Такъ—к о н ч а е т с я закатъ Заратустры».—

Сказавъ это, звѣри умолкли и ждали, чтобъ Заратустра что-нибудь сказалъ имъ: но Заратустра не слышалъ, что они умолкли. Онъ лежалъ тихо, съ закрытыми глазами, какъ спящій, хотя и не спалъ онъ: ибо онъ разговаривалъ въ это время съ своею душой. Змѣя же и орелъ, видя его такимъ молчаливымъ, почтили великую тишину вокругъ него и удалились осторожно.

О великомъ томленіи.

О, душа моя, я научилъ тебя говорить «сегодня» такъ же, какъ «нѣкогда» и «прежде», и водить свои хороводы надъ всѣми «здѣсь», «тамъ» и «туда».

О, душа моя, я избавилъ тебя отъ всѣхъ закоулковъ, я отвратилъ отъ тебя пыль, пауковъ и сумерки.

О, душа моя, я смылъ съ тебя маленькій стыдъ и добродѣтель закоулковъ, и убѣдилъ тебя стоять обнаженной предъ очами солнца.

Бурею, называемой «духомъ», подулъ я на твое волнующееся море; всѣ тучи прогналъ я оттуда, я задушилъ даже душителя, называемаго «грѣхомъ».

О, душа моя, я далъ тебѣ право говорить «нѣтъ», какъ буря, и говорить «да», какъ говорить «да» отверстое небо: теперь ты тиха, какъ свѣтъ, и спокойно проходишь чрезъ бури отрицанія.

О, душа моя, я возвратилъ тебѣ свободу надъ созданнымъ и несозданнымъ: и кто знаетъ, какъ ты ее знаешь, радость будущаго?

О, душа моя, я училъ тебя презрѣнію, но не тому, что приходить, какъ червоточина, а великому, любящему презрѣнію, которое больше всего любитъ тамъ, гдѣ оно больше всего презираетъ.

О, душа моя, я училъ тебя такъ убѣждать, чтобы ты самая основанія притягивала къ себѣ: подобно солнцу, убѣждающему даже море подняться на его высоту.

О, душа моя, я снялъ съ тебя всякое послушаніе, колѣнопреклоненіе и раболѣпство; я самъ далъ тебѣ имя «отдыхъ отъ нищеты» и «судьба».

О, душа моя, я далъ тебѣ новыя имена и разноцвѣтныя игрушки, я назвалъ тебя «судьбою», «пространствомъ пространства», «пуповиной времени» и «лазоревымъ колоколомъ».

О, душа моя, твоей почвѣ далъ я испытъ всю мудрость, всѣ новыя вина и даже всѣ незапамятно старыя, крѣпкія вина мудрости.

О, душа моя, всякое солнце изливалъ я на тебя и всякую тьму, и всякое молчаніе и всякое томленіе:—ты выросла предо мной, какъ виноградный кустъ.

О, душа моя. обильной и тяжелой стоишь ты теперь, какъ

виноградный кусть со вздутыми сосцами и плотными темно-золотистыми гроздьями:—

— стѣсненная и придавленная своимъ счастьемъ, въ ожиданіи избытка и стыдась еще своего ожиданія.

О, душа моя, не существуетъ теперь нигдѣ другой души, болѣе любящей, болѣе объемлющей и болѣе обширной! Гдѣ же будущее и прошедшее были бы ближе другъ къ другу, какъ не у тебя?

О, душа моя, я далъ тебѣ все, и руки мои опустѣли изъ-за тебя:—а теперь! Теперь говоришь ты мнѣ, улыбаясь, полная тоски: «Кто же изъ насъ долженъ благодарить?»—

— долженъ ли благодарить дающій, что берущій бралъ у него? Дарить—не есть ли потребность? Брать—не есть ли страданіе?»—

О, душа моя, я понимаю улыбку твоей тоски: твое чрезмѣрное богатство само простираетъ теперь тоскующія руки!

Твой избытокъ бросаетъ взоры на шумящее море и ищетъ, и ждетъ; тоска отъ чрезмѣрнаго избытка смотритъ изъ смѣющагося неба твоихъ очей!

И поистинѣ, о, душа моя! Кто бы могъ смотрѣть на твою улыбку и не обливаться слезами? Сами ангелы обливаются слезами отъ чрезмѣрной доброты твоей улыбки.

Твоя доброта и чрезмѣрная доброта не хочетъ жаловаться и плакать: и все-таки, о, душа моя, твоя улыбка хочетъ слезъ, и твои дрожащія уста рыданій.

«Развѣ всякій плачъ не есть жалоба? И всякая жалоба не есть обвиненіе?» Такъ говоришь ты сама себѣ, и потому хочешь ты, о, душа моя, лучше улыбаться, чѣмъ изливать въ слезахъ свое страданіе—

— въ потокахъ слезъ изливать все свое страданіе объ избыткѣ своемъ и о потребности виноградаря въ виноградарѣ и ножѣ его!

Но если не хочешь ты плакать и выплакать свою пурпурную тоску, то ты должна пѣть, о, душа моя!—Смотри, я самъ улыбаюсь, предложившій тебѣ пѣть:

— пѣть громкимъ голосомъ, пока не стихнутъ всѣ моря, чтобъ прислушаться къ твоему томленію,—

— пока по тихимъ, тоскующимъ морямъ не поплыветъ челнокъ, золотое чудо, вокругъ золота котораго кружатся всѣ хорошія, дурныя, удивительныя вещи:—

— и много животныхъ, большихъ и малыхъ, и все, что

имѣтъ легкія удивительныя ноги, чтобъ бѣжать по голубымъ тропамъ,—

— туда, къ золотому чуду, къ вольному челноку и хозяину его; но это—виноградарь, ожидающій съ алмазнымъ ножомъ,—

— твой великій избавитель, о, душа моя, не имѣющій имени— которому лишь будущія пѣсни найдутъ впервые имя! И поистинѣ, уже благоухаетъ твое дыханіе будущими пѣснями,—

— уже пылаешь ты и гредишь, уже пьешь ты жадно изъ всѣхъ глубокихъ, звонкихъ колодцевъ—утѣшителей, уже отдыхаетъ твоя тоска въ блаженствѣ будущихъ пѣсней!—

О, душа моя, теперь я далъ тебѣ все и даже послѣднее свое, и мои руки опустѣли изъ-за тебя:—въ томъ, что я приказалъ тебѣ пѣть, былъ послѣдній мой даръ!

За то, что я приказывалъ тебѣ пѣть, скажи же, скажи: кто изъ насъ долженъ теперь—благодарить?—Но еще лучше: пой мнѣ, пой, о, душа моя! И предоставь мнѣ благодарить!—

Такъ говорилъ Заратустра.

Другая пѣснь пляска.

I.

«Въ твои глаза заглянулъ я не давно, о, жизнь: золото блистало въ твоихъ темныхъ, какъ ночь, глазахъ,—мое сердце оставилось передъ этой нѣгою:

— золотой челнокъ блисталъ на ночныхъ водахъ, ныряющій, всплывающій, манящій золотой челнокъ-качалка!

На мою ногу, страстно желающую пляски, бросала ты взоръ, смѣющійся, вопрошающій, расплавляющій взоръ-качалку:

Только дважды тронула ты свою погремущку маленькими ручками—и уже закачалась моя нога въ страстномъ желаніи пляски.—

Мои пятки поднимались, пальцы моихъ ногъ прислушивались, чтобъ понять тебя: вѣдь у танцора уши—въ пальцахъ ногъ его!

Къ тебѣ прыгнулъ я: ты попятилась отъ прыжка моего; и навстрѣчу мнѣ засвистѣли змѣйки развивавшихся волосъ твоихъ!

Отъ тебя и отъ змѣй твоихъ отпрыгнулъ я: и вотъ ты стояла уже, полуобернувшись, съ глазами, полными желаній.

Косыми взглядами—учишь ты меня кривымъ путямъ; на кривыхъ путяхъ научается нога моя—коварству!

Я боюсь тебя вблизи, я люблю тебя вдали; твое бѣгство манить меня, твое исканіе останавливаетъ меня:—я страдаю, но чего бы охотно не вынесъ я изъ-за тебя!

Чей холодъ воспламеняетъ, чья ненависть соблазняетъ, чье бѣгство связываетъ, чья насмѣшка—волнуетъ:

— кто могъ бы ненавидѣть тебя, великая, связывающая, опускающая, искушающая, ищущая и находящая! Кто могъ бы не любить тебя, невинная, нетерпѣливая, стремительная грѣшница съ глазами ребенка!

Куда влечешь ты меня теперь, чудо мое и неукротимая моя? И вотъ убѣгаешь ты опять отъ меня, милая, дикая, неблагодарная шалунья!

Я танцую, я слѣдую по пятамъ за тобой. Гдѣ ты? Дай мнѣ руку! Или хотя бы палецъ!

Здѣсь пещеры и заросли: мы заблудимся!—Стой! Подожди! Развѣ ты не видишь, какъ мелькаютъ совы и летучія мыши?

Ты сова! Ты летучая мышь! Ты хочешь дразнить меня? Гдѣ мы? У собакъ научилась ты такъ выть и лаять.

Ты мило скалишь на меня бѣлые зубки, твои злые глаза сверкаютъ на меня изъ-подъ кудрей твоихъ!

Какая пляска по пятамъ и камнямъ! я охотникъ,—хочешь ли ты быть собакой, или серной моей?

Теперь ко мнѣ! И живѣе, злая прыгунья! Вверхъ! И на ту сторону!—Горе! Прыгнувъ, я самъ упалъ!

О, смотри, какъ растянулся я! смотри, дерзкая, какъ молю я тебя о пощадѣ! Охотно пошелъ бы я съ тобою—болѣе пріятными тропами!

— тропами любви мимо молчаливыхъ пестрыхъ кустарниковъ! Или тамъ берегомъ озера: тамъ плаваютъ и танцуютъ золотыя рыбки!

Ты устала теперь? Смотри: на той сторонѣ овцы и вечернія зори: развѣ не чудо заснуть подъ звуки пастушечьей свирѣли?

Ты очень устала? Я понесу тебя туда, опусти только руки! И если ты чувствуешь жажду,—я бы нашель. чѣмъ напоить тебя. но ты не хочешь этого пить!—

— О, эта проклятая змѣя, эта быстрая, проворная чародейка! Куда дѣвалась ты? Но на своемъ лицѣ чувствую я отъ твоей руки два красныхъ пятна!

Поистинѣ, я усталъ быть постоянно твоимъ! овечьимъ пастухомъ! Для тебя, чародѣйка, пѣлъ я до сихъ поръ, теперь ты должна для меня—кричать!

Подъ тактъ моей плетки должна ты плясать и кричать! Я не забылъ вѣдь о плеткѣ?—Нѣтъ!»—

* * *

2.

Такъ отвѣчала мнѣ жизнь и при этомъ заткнула изящныя уши свои:

«О, Заратустра! Не щелкай такъ страшно своей плеткой! Ты вѣдь знаешь: шумъ убиваетъ мысли,—а сейчасъ пришли ко мнѣ такія нѣжныя мысли.

Мы оба не годимся ни для добра, ни для зла. По ту сторону добра и зла обрѣли мы островъ свой и зеленый лугъ свой—мы одни, вдвоемъ! Уже поэтому мы должны любить другъ друга!

А если мы и не любимъ другъ друга отъ всей души,—то развѣ слѣдуетъ сердиться, что не любишь отъ всей души?

А что я люблю тебя и часто даже слишкомъ люблю,—это знаешь ты: и есть основаніе у меня ревновать тебя къ твоей мудрости. Ахъ, эта старая безумная мудрость!

Если твоя мудрость когда-нибудь убѣжитъ отъ тебя. ахъ! тогда и любовь моя также быстро убѣжитъ отъ тебя».—

Тутъ жизнь задумчиво оглянулась кругомъ и тихо сказала «О, Заратустра, ты недостаточно вѣренъ мнѣ!

Ты любишь меня далеко не такъ сильно, какъ говоришь; я знаю, ты думаешь о томъ, что ты хочешь скоро покинуть меня.

Существуетъ старый, тяжелый, очень тяжелый колоколь-ревунъ: онъ реветъ по ночамъ вплоть до самой пещеры твоей:—

— когда ты слышишь, какъ этотъ колоколь въ полночь бьетъ часы, ты думаешь между часомъ и двѣнадцатымъ о томъ—

— ты думаешь о томъ, о, Заратустра. я знаю это, что ты хочешь скоро покинуть меня!»—

«Да, отвѣчалъ я въ нерѣшимости, но ты знаешь также—». И я сказалъ ей нѣчто на ухо, прямо въ ея спутанныя, желтыя, безумныя пряди волосъ.

«Ты знаешь это, о, Заратустра? Этого никто не знаетъ».—

И мы смотрѣли другъ на друга и бросали свои взоры на зеленый лугъ, по которому только что пробѣжала вечерняя прохлада, и оба мы плакали.—И въ тотъ разъ жизнь была мнѣ милѣе, чѣмъ когда-либо вся мудрость моя.—

Такъ говорить Заратустра.

* * *

3.

Разъ!

О, другъ, внимай!

Два!

Что полночь говорить? внимай!

Три!

«Быль дологъ сонъ,—

Четыре!

«Глубокій сонъ, развѣянъ онъ:—

Пять!

«Миръ—глубина,

Шесть!

«Глубь эта дню едва видна.

Семь!

«Скорбь міра эта глубина,—

Восемь!

«Но радость глубже, чѣмъ она:

Девять!

«Жизнь гонить скорби тѣнь!

Десять!

«А радость рвется въ вѣчный день,—

Одиннадцать!

«Въ желанный вѣковѣчный день!»

Д в ѣ н а д ц а т ь !

* * *

Семь печатей.

(Или: пѣсь о да и аминь).

I.

Если я прорицатель и полонъ того пророческаго духа, что носится надъ высокой скалой между двухъ морей—

— носится между прошедшимъ и будущимъ, какъ тяжелая туча, — враждебный удушливымъ низменностямъ и всему, что устало и не можетъ ни умереть, ни жить:

готовый къ молніи въ темной груди и къ лучу избавляющаго свѣта, чреватый молніями, которыя говорятъ «да» и смѣются, готовый къ пророческимъ молніеноснымъ лучамъ:—

— но блаженъ, кто такъ чреватъ! И поистинѣ, кто долженъ нѣкогда зажечь свѣтъ будущаго, долженъ долго висѣть, какъ тяжелая туча, на вершинѣ скалы!—

О, какъ же страстно не стремиться мнѣ къ вѣчности и къ брачному кольцу колець,—къ кольцу возвращенія!

Никогда еще не встрѣчалъ я женщины, отъ которой хотѣлъ бы имѣть я дѣтей, кромѣ той женщины, что люблю я: ибо я люблю тебя, о, вѣчность!

Ибо я люблю тебя, о, вѣчность!

* * *

2.

Если гнѣвъ мой нѣкогда разрушалъ могилы, двигалъ пограничные столбы и скатывалъ старыя разбитыя скрижали въ отвѣсную пропасть:

Если насмѣшка моя нѣкогда сметала, какъ соръ, истлѣвшія слова, и я приходилъ, какъ метла, для пауковъ крестовиковъ, и какъ очистительный вѣтеръ, для старыхъ, удушливыхъ склеповъ:

Если нѣкогда сидѣлъ я, ликуя, на мѣстѣ, гдѣ погребены были старые боги, благословляя міръ, любя міръ, возлѣ памятниковъ старыхъ клеветниковъ на міръ:—

— ибо даже церкви и могилы бога люблю я, когда небо смотритъ яснымъ окомъ сквозь разрушенные своды ихъ; я люблю сидѣть на разрушенныхъ церквахъ, какъ трава и красный макъ—

О, какъ же страстно не стремиться мнѣ къ вѣчности и къ брачному кольцу колець,—къ кольцу возвращенія?

Никогда еще не встрѣчалъ я женщины, отъ которой хотѣлъ бы имѣть я дѣтей, кромѣ той женщины, что люблю я: ибо я люблю тебя, о, вѣчность!

Ибо я люблю тебя, о, вѣчность!

* * *

3.

Если нѣкогда дыханіе снисходило на меня отъ дыханія творческаго и отъ той небесной необходимости, что принуждаетъ даже случаи водить звѣздные хороводы:

Если нѣкогда смѣялся я смѣхомъ созидающей молніи, за которой, гремя, но съ покорностью, слѣдуетъ долгій громъ дѣйствія:

Если нѣкогда за божественнымъ столомъ земли игралъ я въ кости съ богами, такъ что земля дрожала и трескалась, изрыгая огненные рѣки:—

— ибо земля есть божественный столъ, дрожащій отъ новыхъ творческихъ словъ и отъ шума игральныхъ костей:—

О, какъ же страстно не стремиться мнѣ къ вѣчности и къ брачному кольцу колець,—къ кольцу возвращенія?

Никогда еще не встрѣчалъ я женщины, отъ которой хотѣлъ бы имѣть я дѣтей, кромѣ той женщины, что люблю я: ибо я люблю тебя, о, вѣчность!

Ибо я люблю тебя, о, вѣчность!

* * *

4.

Если нѣкогда однимъ глоткомъ выпивалъ я пѣнящійся кубокъ съ пряною смѣсью, гдѣ всѣ вещи хорошо перемѣшаны:

Если нѣкогда рука моя подливала самое дальнее къ самому

близкому, и огонь къ духу, радость къ страданію и самое худшее къ самому лучшему:

Если самъ я крупинка той избавляющей соли, что заставляетъ всѣ вещи хорошо перемѣшиваться въ кубкѣ для смѣси:—

— ибо бываетъ соль, связующая добро со зломъ; и даже самое злое достойно быть приправой и пѣниться въ кубкѣ:—

О, какъ же страстно не стремиться мнѣ къ вѣчности и къ брачному кольцу колецъ,—къ кольцу возвращенія?

Никогда еще не встрѣчалъ я женщины, отъ которой хотѣлъ бы имѣть я дѣтей, кромѣ той женщины, что люблю я: ибо я люблю тебя, о, вѣчность!

Ибо я люблю тебя, о, вѣчность!

* * *

5.

Если я люблю море и все, что похоже на море, и больше всего, когда оно гнѣвно противорѣчить мнѣ:

Если есть во мнѣ та радость искателя, что гонитъ корабль къ еще неоткрытому, если есть въ моей радости радость мореплавателя:

Если нѣкогда ликование мое восклицало: «берегъ исчезъ—теперь пали съ меня послѣднія цѣпи:—

— безпредѣльность шумитъ вокругъ меня, вдали отъ меня блеситъ пространство и время, ну, что-жъ! впередъ! старое сердце!»—

О, какъ же страстно не стремиться мнѣ къ вѣчности и къ брачному кольцу колецъ,—къ кольцу возвращенія?

Никогда еще не встрѣчалъ я женщины, отъ которой хотѣлъ бы имѣть я дѣтей, кромѣ той женщины, что люблю я: ибо я люблю тебя, о, вѣчность!

Ибо я люблю тебя, о, вѣчность!

* * *

6.

Если добродѣтель моя добродѣтель танцора, и часто прыгаль я обѣими ногами въ золотисто-изумрудный восторгъ:

Если моя злоба злоба смѣющаяся, живущая подъ кустами розъ и подъ изгородью изъ лилій:

— ибо въ смѣхѣ все злое собрано вмѣстѣ, но признано священнымъ и оправдано своимъ собственнымъ блаженствомъ:—

И если въ томъ альфа и омега моя, чтобъ все тяжелое стало легкимъ, всякое тѣло танцоромъ, всякій духъ птицею: а поистинѣ, въ этомъ альфа и омега моя!—

О, какъ же страстно не стремиться мнѣ къ вѣчности и къ брачному кольцу колецъ,—къ кольцу возвращенія?

Никогда еще не встрѣчалъ я женщины, отъ которой хотѣлъ бы имѣть я дѣтей, кромѣ той женщины, что люблю я: ибо я люблю тебя, о, вѣчность!

Ибо я люблю тебя, о, вѣчность!

✧ * ✧

7.

Если нѣкогда простиралъ я тихія небеса надъ собою и леталъ на собственныхъ крыльяхъ въ собственные небеса свои:

Если я плавалъ, играя, въ глубокой свѣтлой дали, и прилетала птица-мудрость свободы моей:—

— ибо такъ говоритъ птица-мудрость: «Знай, нѣтъ ни верху, ни низу! Бросайся всюду, вверхъ и внизъ, ты свободный отъ тяжести! Пой! перестань говорить!»

— «развѣ всѣ слова сдѣланы не для тѣхъ, кто подъ дѣйствіемъ тяжести? Не лгутъ ли всѣ слова тому, кто свободенъ отъ тяжести! Пой! перестань говорить!»—

О, какъ же страстно не стремиться мнѣ къ вѣчности и къ брачному кольцу колецъ,—къ кольцу возвращенія?

Никогда еще не встрѣчалъ я женщины, отъ которой хотѣлъ бы имѣть я дѣтей, кромѣ той женщины, что люблю я: ибо я люблю тебя, о, вѣчность!

Ибо я люблю тебя, о, вѣчность!

* * *

ТАКЪ ГОВОРИЛЪ ЗАРАТУСТРА.

Часть четвертая и послѣдняя.

Ахъ, гдѣ въ мірѣ совершалось больше
безумія, какъ не среди сострадательныхъ?
И что въ мірѣ причиняло больше стра-
данія, какъ не безуміе сострадательныхъ?

Горе всѣмъ любящимъ, у которыхъ:
нѣтъ болѣе высокой вершины, чѣмъ
жалость ихъ!

Такъ говорилъ мнѣ однажды демонъ:
«даже у бога есть свой адъ: это лю-
бовь его къ людямъ».

И недавно я слышалъ, какъ гово-
рилъ онъ такіа слова: «богъ умеръ;
отъ состраданія своего къ людямъ
умеръ богъ»

Такъ говорилъ Заратустра II стр. 76

Жертва медовая.

— И снова бѣжали мѣсяцы и годы надъ душой Заратустры, и онъ не замѣчалъ ихъ; но волосы его побѣлѣли. Однажды, когда онъ сидѣлъ на камнѣ передъ пещерой своей и молча смотрѣлъ въ даль—ибо отсюда далеко видно было море поверхъ вздымавшихся пучинъ—звѣри его задумчиво ходили вокругъ него и наконецъ остановились передъ нимъ.

«О, Заратустра, сказали они, не высматриваешь ли ты счастья своего?»—«Что мнѣ до счастья! отвѣчалъ онъ, я давно уже не стремлюсь къ счастью, я стремлюсь къ своему дѣлу».—«О, Заратустра, снова заговорили звѣри, это говоришь ты, какъ тотъ, кто пресыщенъ добромъ. Развѣ не лежишь ты въ лазуревомъ озерѣ счастья?»—«Хитрецы, отвѣчалъ Заратустра, улыбаясь, какъ удачно выбрали вы сравненіе! Но вы знаете также, что счастье мое тяжело и не похоже на подвижную волну: оно гнететъ меня и не отстаетъ отъ меня, прилипнувъ какъ растопленная смола».

Тогда звѣри продолжали задумчиво ходить вокругъ него и затѣмъ снова остановились передъ нимъ. «О, Заратустра, сказали они, такъ вотъ почему ты самъ становишься все желтѣе и темнѣе, хотя волосы твои хотятъ казаться бѣлыми, похожими на лень? Смотри же, ты сидишь въ своей смолѣ!»—«Что говорите вы, звѣри мои, сказалъ Заратустра, смѣясь, поистинѣ, я клеветалъ, говоря о смолѣ. Что происходитъ со мною, бываетъ со всѣми плодами, которые созрѣваютъ. Это медъ въ моихъ жилахъ дѣлаетъ мою кровь болѣе густой и мою душу болѣе молчаливой».—«Должно быть, такъ, о, Заратустра, отвѣчали звѣри, приближаясь къ нему; но не хочешь ли ты сегодня подняться на высокую гору? Воздухъ чистъ, и сегодня можно видѣть изъ міра больше, чѣмъ когда-либо».—«Да, звѣри мои, отвѣчалъ Заратустра, вы даете прекрасный совѣтъ и онъ мнѣ по сердцу: я хочу сегодня подняться на высокую гору! Но позаботьтесь, чтобы тамъ медъ былъ у меня подъ руками, золотой сотовый медъ, желтый и бѣлый, хороший и

свѣжій, какъ ледъ. Ибо знаете, я хочу тамъ наверху принести жертву медовую».—

Но когда Заратустра былъ на вершинѣ, отослалъ онъ домой звѣрей, провожавшихъ его, и нашель, что теперь онъ одинъ:— тогда засмѣялся онъ отъ всего сердца, оглянувшись кругомъ и такъ говорилъ:

Я говорилъ о жертвахъ и о медовыхъ жертвахъ; но это было только уловкою рѣчи моей и, поистинѣ, полезнымъ безуміемъ! Здѣсь наверху я могу говорить уже свободнѣе, чѣмъ передъ пещерами отшельниковъ и домашними животными ихъ.

Что говорилъ я о жертвахъ! Я расточаю, что дарится мнѣ, я расточитель съ тысячею рукъ: какъ бы могъ я называть это— жертвоприношеніемъ!—

И когда я хотѣлъ меду, хотѣлъ я лишь притравы и сладкаго густого соку, которымъ лакомятся ворчуны медвѣди и странныя, угрюмыя, злыя птицы:

— лучшей притравы, въ какой нуждаются охотники и рыболовы. Ибо, если міръ похожъ на темный лѣсъ, населенный звѣрями, на садъ для улады всѣхъ дикихъ охотниковъ, то, по моему, онъ еще больше и скорѣе похожъ на бездонное богатое море,

— на море, полное разноцвѣтныхъ рыбъ и раковъ, изъ-за котораго сами боги пожелали бы стать рыболовами и закинуть сѣти свои: такъ богатъ міръ странностями, большими и малыми!

Особенно человѣческой міръ, человѣческое море:—въ него закидываю я теперь свою золотую удочку и говорю: развернись, человѣческая бездна!

Развернись и выбрось мнѣ твоихъ рыбъ и сверкающихъ раковъ! Своей лучшей притравою приманиваю я сегодня самыхъ удивительныхъ человѣческихъ рыбъ!

— само счастье свое закидываю я во всѣ страны, на востокъ, на югъ и на западъ, чтобъ видѣть, много ли человѣческихъ рыбъ будетъ учиться дергать и биться на кончикѣ счастья моего.

Пока онѣ, закусивъ острые, скрытые крючки мои, не будутъ вынуждены подняться на высоту мою, самые пестрые пискарни глубинъ къ злѣйшему ловцу человѣческихъ рыбъ.

Ибо таковъ я отъ начала и до глубины, притягивающій, привлекающій, поднимающій и возвышающій, воспитатель и наставникъ, который нѣкогда не напрасно говорилъ себѣ: «Стань такимъ, каковъ ты есть!»

Пусть же люди поднимаются вверхъ ко мнѣ: ибо жду я еще знаменія, что часъ нисхожденія моего насталь, еще самъ я не умираю, какъ я долженъ, среди людей.

Поэтому жду я здѣсь, хитрый и насмѣшливый, на высокихъ горахъ, не будучи ни нетерпѣливымъ, ни терпѣливымъ, скорѣе какъ тотъ, кто разучился даже терпѣнію,—ибо онъ не «терпитъ» больше.

Ибо судьба моя даетъ мнѣ время: не забыла ли она меня? Или сидитъ она за большимъ камнемъ въ тѣни и ловитъ мухъ?

И поистинѣ, я благодаренъ вѣчной судьбѣ моей, что она не гонитъ, не давитъ меня и даетъ мнѣ время для шутокъ и злобы: такъ что сегодня для рыбной ловли поднялся я на эту высокую гору.

Ловилъ ли когда-нибудь человѣкъ рыбъ на высокихъ горахъ? И пусть даже будетъ безуміемъ то, чего я хочу здѣсь наверху и что дѣлаю: все-таки это лучше, чѣмъ еслибъ сталъ я тамъ внизу торжественнымъ, зеленымъ и желтымъ отъ ожиданія—

— гнѣвно надутымъ отъ ожиданія, какъ завываніе священной бури, несущейся съ горъ, какъ нетерпѣливецъ, который кричитъ въ долины: «Слушайте, или я ударю васъ бичемъ божіимъ!»

Не потому, чтобъ я сердился на этихъ негодующихъ: они хороши лишь для того, чтобы мнѣ посмѣяться надъ ними! Я понимаю, что не терпѣливы они, эти большіе шумящіе бараны, которымъ принадлежитъ слово сегодня, или никогда!

Но я и судьба моя—мы не говоримъ къ «сегодня», мы не говоримъ также къ «никогда»: у насъ есть терпѣнье, чтобъ говорить, и время и даже слишкомъ много времени. Ибо нѣкогда онъ долженъ же прійти и не можетъ не прійти.

Кто же долженъ нѣкогда прійти и не можетъ не прійти? Нашъ великій случай, наше великое, далекое Царство Человѣка, царство Заратустры, которое продолжится тысячу лѣтъ.—

Далека ли еще эта даль? что мнѣ до этого! Она отъ того не менѣе твердо стоитъ для меня,—обѣими ногами крѣпко стою я на этой почвѣ,

— на вѣчной основѣ, на твердомъ вѣковомъ камнѣ, на этой самой высокой, самой твердой первобытной горѣ, гдѣ сходятся всѣ вѣтры, какъ у грани бурь, вопрошая гдѣ? откуда? куда?

Здѣсь смѣйся, смѣйся, моя свѣтлая, здоровая злоба! Съ высокихъ горъ бросай внизъ свой сверкающій, презрительный смѣхъ!

Примани мнѣ своимъ сверканіемъ самыхъ прекрасныхъ человѣческихъ рыбъ!

И что во всѣхъ моряхъ принадлежитъ мнѣ, что мое и для меня во всѣхъ вещахъ,—э т о выуди мнѣ, э т о приведи на высоту мою: этого жду я, злѣйшій изъ всѣхъ ловцовъ рыбъ.

Дальше, дальше, удочка моя! Опускайся глубже, приманка счастья моего! Источай по каплямъ сладчайшую росу свою, медь сердца моего! Впивайся, моя удочка, въ животь всякой черной скорби!

Смотри въ даль, глазъ мой! О, какъ много морей вокругъ меня, сколько зажигающихся человѣческихъ жизней! А надо мной—какая розовая тишина! Какое безоблачное молчаніе!

*
✱
*

Крикъ о помощи.

На слѣдующій день Заратустра опять сидѣлъ на камнѣ своемъ передъ пещерою, въ то время какъ звѣри его блуждали по свѣту, чтобъ принести домой новую пищу,—а также и новый медъ: ибо Заратустра истратилъ старый медъ до послѣдней капли. Но пока онъ такъ сидѣлъ, съ посохомъ въ рукѣ, и рисовалъ свою тѣнь на землѣ, погруженный въ размышленіе, и поистинѣ! не о себѣ и не о тѣни своей,—онъ внезапно испугался и вздрогнулъ: ибо онъ увидѣлъ рядомъ со своею тѣнью еще другую тѣнь. И едва онъ успѣлъ оглянуться и быстро встать, какъ увидѣлъ вблизи себя прорицателя, того самаго, котораго онъ однажды кормилъ и поилъ за столомъ своимъ, провозвѣстника великой усталости, учившаго: «Все одинаково, не стоитъ ничего дѣлать, въ мірѣ нѣтъ смысла, знаніе душишь». Но тѣмъ временемъ измѣнилось лицо его; и когда Заратустра взглянулъ ему въ глаза, вторично испугалось сердце его: такъ много дурныхъ предсказаній и пепельносѣрыхъ молній пробѣжало по этому лицу.

Прорицатель, почувствовавшій, что произошло въ душѣ Заратустры, провелъ рукою по лицу своему, какъ бы желая стереть его; то же сдѣлалъ и Заратустра. И когда они оба, молча, такъ оправившись и подкрѣпили себя, они подали другъ другу руку, чтобъ показать, что желаютъ узнать одинъ другого.

«Милости просимъ, предсказатель великой усталости, сказалъ Заратустра, ты не напрасно однажды былъ гостемъ за мо-

нмѣ столонѣ. Также и сегодня ѣшь и пей у меня, и прости, если веселый старикъ сядетъ за столъ вмѣстѣ съ тобою!»—«Веселый старикъ? отвѣчалъ прорицатель, качая головою: но кѣмъ бы ты ни былъ, или кѣмъ бы ни хотѣлъ быть, о, Заратустра, тебѣ не долго оставаться здѣсь наверху,—твой челнъ скоро не будетъ лежать на сушѣ!»—«Развѣ я лежу на сушѣ?» спросилъ Заратустра, смѣясь.—«Волны вокругъ горы твоей, отвѣчалъ прорицатель, все поднимаются и поднимаются, волны великой нищеты и печали: скоро онѣ поднимутъ челнъ твой и унесутъ тебя отсюда».—Заратустра молчалъ и удивлялся.—«Развѣ ты еще ничего не слышишь? продолжалъ прорицатель: не доносятся ли шумъ и клокотанье изъ глубины?»—Заратустра снова молчалъ и прислушивался: тогда онъ услыхалъ долгій, протяжный крикъ, который пучины перебрасывали одна другой, ибо ни одна изъ нихъ не хотѣла оставить его у себя: такъ гибельно звучалъ онъ.

«Роковой провозвѣстникъ, сказалъ, наконецъ, Заратустра, это крикъ о помощи, крикъ человѣка, онъ очевидно исходитъ изъ чернаго моря. Но что мнѣ за дѣло до человѣческой бѣды! Послѣдній грѣхъ, оставленный мнѣ,—знаешь ли ты, какъ называется онъ?»

— «Состраданіемъ! отвѣчалъ прорицатель отъ полноты сердца и поднявъ обѣ руки—о, Заратустра, я иду, чтобъ ввести тебя въ твой послѣдній грѣхъ!»

И едва произнесены были эти слова, какъ вторично раздался крикъ, болѣе протяжный и тоскливый, чѣмъ прежде, и уже гораздо ближе. «Слышишь? слышишь, о, Заратустра? кричалъ прорицатель, къ тебѣ обращенъ этотъ крикъ, тебя зоветъ онъ: приходи, приходи, приходи, время настало, нельзя терять ни минуты!»—

Но Заратустра молчалъ, смущенный и потрясенный; наконецъ онъ спросилъ, какъ тотъ, кто колеблется въ себѣ самомъ: «А кто тотъ, который тамъ зоветъ меня?»

«Но ты вѣдь знаешь его, съ раздраженіемъ отвѣчалъ прорицатель, зачѣмъ же ты скрываешься? Это высшій чело-вѣкъ възываетъ къ тебѣ!»

«Высшій чело-вѣкъ? воскликнулъ Заратустра, объятый ужасомъ: чего хочетъ онъ? Чего хочетъ онъ? Высшій чело-вѣкъ! Чего хочетъ онъ здѣсь?»—и тѣло его покрылось потомъ.

Но прорицатель не отвѣчалъ на испугъ Заратустры, а продолжалъ прислушиваться къ пучинѣ. Когда же тамъ надолго

водворилась тишина, онъ оглянулся и увидѣлъ, что Заратустра стоитъ попрежнему и дрожить.

«О, Заратустра, началъ онъ печальнымъ голосомъ, ты стоишь не такъ, какъ тотъ, кого счастье заставляетъ кружиться: ты долженъ будешь плясать, чтобъ не упасть навзничь.

И еслибъ даже ты и захотѣлъ плясать предо мною и продѣлывать прыжки свои во всѣ стороны: все-таки никто не могъ бы сказать мнѣ: «Смотри, вотъ пляшетъ послѣдній веселый человѣкъ!»

Напрасно поднялся бы на эту вершину тотъ, кто искалъ бы ег о здѣсь: онъ нашелъ бы пещеры и тайники для скрывшихся, но не нашелъ бы шахтъ и сокровищницъ счастья, ни новыхъ золотыхъ жилъ его.

Счастье—развѣ можно найти счастье, у этихъ заживо погребенныхъ и отшельниковъ! Неужели долженъ я искать послѣдняго счастья на блаженныхъ островахъ и далеко среди забытыхъ морей?

Но все одинаково, не стоитъ ничего дѣлать, тщетны всѣ поиски, не существуетъ больше и блаженныхъ острововъ!»—

Такъ вздыхалъ прорицатель; но при послѣднемъ вздохѣ его сдѣлался Заратустра опять свѣтель и увѣренъ, какъ тотъ, кто изъ глубокой пропасти выходитъ на свѣтъ. «Нѣтъ! Нѣтъ! Трижды нѣтъ! воскликнулъ онъ твердымъ голосомъ и погладилъ себѣ бороду—э т о знаю я лучше! Существуютъ еще блаженные острова! Не говори объ э т о м ъ, ты вздыхающій мѣшокъ печали!

Перестань журчать объ э т о м ъ, ты дождевое облако передъ полуднемъ! Развѣ я еще не промокъ отъ печали твоей, какъ облитая водою собака?

Теперь я встряхнусь и убѣгу отъ тебя, чтобъ просохнуть: этому ты не долженъ удивляться! Не кажусь ли я тебѣ невѣжливымъ? Но здѣсь м о и владѣнія.

Что же касается твоего высшаго человѣка: ну, что-жъ! я мигомъ поищу его въ этихъ лѣсахъ: о т т у д а раздавался крикъ его. Быть можетъ, его преслѣдуетъ какой-нибудь лютый звѣрь.

Онъ въ м о и х ъ владѣніяхъ: здѣсь не должно случиться съ нимъ несчастья! И поистинѣ, есть много лютыхъ звѣрей у меня.»—

Съ этими словами Заратустра хотѣлъ уйти. Тогда сказалъ прорицатель: «О, Заратустра, ты—плуть!

Я знаю: ты хочешь отдѣлаться отъ меня! Съ большимъ удовольствіемъ побѣдишь ты въ лѣсахъ и будешь охотиться на дикихъ звѣрей!

Но поможетъ ли это тебѣ? Вечеромъ все-таки я буду у тебя; въ твоей собственной пещерѣ буду я сидѣть, терпѣливый и тяжелый, какъ колода,—и поджидать тебя!»

«Пусть будетъ такъ! крикнулъ Заратустра уходя: и что мое въ пещерѣ моей, принадлежить и тебѣ, дорогому гостю моему!

Если же ты нейдешь въ ней еще медъ, ну, что-жъ! полижи его ты, ворчливый медвѣдь, и улади душу свою! Ибо къ вечеру оба мы будемъ веселы,

— веселы и довольны, что день этотъ кончился! И ты самъ долженъ будешь плясать подъ пѣсни мои, какъ ученый медвѣдь мой.

Ты не вѣришь этому? Ты качаешь головой? Ну, что-жъ! Ступай! Старый медвѣдь! Но и я прорицатель».

Такъ говорилъ Заратустра.

* * *

Бесѣда съ королями.

1.

Заратустра не ходилъ еще и часу въ горахъ и лѣсахъ своихъ, какъ вдругъ увидѣлъ онъ странное шествіе. Какъ разъ по дорогѣ, съ которой онъ думалъ спуститься, шли два короля, украшенные коронами и красными поясами и пестрые, какъ птица фламинго: они гнали передъ собой нагруженного осла. «Чего хотятъ эти короли въ царствѣ моемъ?» съ удивленіемъ говорилъ Заратустра въ сердцѣ своемъ и быстро спрятался за кустъ. Но когда короли подошли близко къ нему, онъ сказалъ въ полголоса, какъ тотъ, кто говоритъ самъ съ собой: «Странно! Странно! Какъ согласить это? Я вижу двухъ королей — и только одного осла!»

Тогда оба короля остановились, улыбнулись, посмотрѣли въ ту сторону, откуда исходилъ голосъ, и затѣмъ взглянули другъ другу въ лицо. «Такъ думаютъ многіе и у насъ, сказалъ король направо, но не высказываютъ этого».

Король налѣво пожалъ плечами и отвѣтилъ: «Это, должно быть, козій пастухъ. Или отшельникъ, слишкомъ долго жившій среди скалъ и деревьевъ. Ибо отсутствіе всякаго общества тоже портить добрые нравы».

«Добрые нравы? съ негодованіемъ и горечью возразилъ другой король: отъ кого же сторонимся мы? Не отъ «добрыхъ ли нравовъ?» Не отъ нашего ли «хорошаго общества?»

Поистинѣ, ужъ лучше жить среди отшельниковъ и козыхъ пастуховъ, чѣмъ среди нашей раззолоченной, лживой, нарумяненной черни, — хотя бы она и называла себя «хорошимъ обществомъ»,

— хотя бы она и называла себя «аристократіей». Но въ ней все лживо и гнило, начиная отъ крови, благодаря застарѣлымъ дурнымъ болѣзнямъ и еще болѣе дурнымъ исцѣлителямъ.

Я предпочитаю ей и считаю лучше ея здороваго крестьянина, грубаго, хитраго, упрямаго и выносливаго: сегодня это самый благородный типъ.

Крестьянинъ сегодня лучше всѣхъ другихъ; и крестьянскій типъ долженъ бы быть господиномъ! И однако теперь царство толпы, — я не позволяю себѣ болѣе обольщаться. Но толпа значить: всякая всячина.

Толпа—это всякая всячина: въ ней все перемѣшано, и святой и негодяй, и дворянинъ и еврей, и всѣ животныя изъ ноеваго ковчега.

Добрые нравы! Все у насъ лживо и гнило. Никто уже не умѣетъ благоговѣть: этого именно мы всѣ избѣгаемъ. Это заискивающія, назойливыя собаки, они золотятъ пальмовые листья.

Отвращеніе душитъ меня, что мы короли сами стали поддѣльными, что мы обвѣшаны и переодѣты въ старый, пожелтѣвшій прадѣдовскій блескъ, что мы лишь показныя медали для глупцовъ и пройдохъ и для всѣхъ тѣхъ, кто ведетъ сегодня торговлю съ властью!

Мы не первые—и однако, надо, чтобы мы казались первыми: наконецъ, мы устали и пресытились, наконецъ, этимъ обманомъ.

Отъ толпы отстранились мы, отъ всѣхъ этихъ крикуновъ и пишущихъ мухъ, отъ запаха торгашей, отъ борьбы честолюбій и отъ зловоннаго дыханія:—тьфу, жить среди толпы,

— тьфу, среди толпы казаться первыми! Ахъ, отвращеніе! отвращеніе! отвращеніе! Какое значеніе имѣемъ еще мы, короли!»—

«Твоя старая болѣзнь возвращается къ тебѣ, сказалъ тутъ»

король налѣво, отвращеніе возвращается къ тебѣ, мой бѣдный братъ. Но ты вѣдь знаешь, кто-то подслушиваетъ насъ».

И тотчасъ же вышелъ Заратустра изъ убѣжища своего, откуда онъ съ напряженнымъ вниманіемъ слушалъ эти рѣчи, подошелъ къ королямъ и началъ такъ:

«Кто васъ слушаетъ, васъ слушаетъ охотно, вы короли, называется Заратустра.

Я—Заратустра, который однажды сказалъ: «Какое значеніе имѣютъ еще короли!» Простите, я обрадовался, когда вы сказали другъ другу: «Что намъ до королей!»

Но здѣсь мое царство и мое господство: чего могли бы вы искать въ моемъ царствѣ? Но, быть можетъ, дорогою нашли вы то, чего я ищу: высшаго человѣка».

Когда короли услышали это, они ударили себя въ грудь и сказали въ одинъ голосъ: «Мы узнаны!

Мечемъ этого слова разсѣкаешь ты густѣйшій мракъ нашего сердца. Ты открылъ нашу скорбь, ибо видишь ли! Мы пустились въ путь, чтобъ найти высшаго человѣка—

— человѣка, который выше насъ: хотя мы и короли. Ему ведемъ мы этого осла. Ибо высшій человѣкъ долженъ быть на землѣ и высшимъ повелителемъ.

Нѣтъ болѣе тяжкаго несчастія во всѣхъ человѣческихъ судьбахъ, какъ если сильныя земли не суть также и первые люди. Тогда все становится лживымъ, кривымъ и чудовищнымъ.

И когда они бываютъ даже послѣдними и болѣе скотами, чѣмъ людьми: тогда поднимается и поднимается толпа въ цѣнѣ и, наконецъ, говоритъ даже добродѣтель толпы: «смотри, лишь я добродѣтель!»—

«Что слышалъ я только что? отвѣчалъ Заратустра; какая мудрость у королей! Я восхищенъ, и поистинѣ, мнѣ очень хочется облечь это въ риѣмы:—

— это будетъ, быть можетъ, риѣмы, которыя не годятся для ушей cadaго. Я разучился давно уже обращать вниманіе на длинныя уши. Ну, что-жъ! Впередъ!

(Но тутъ случилось, что и оселъ также заговорилъ: но онъ сказалъ отчетливо и съ злымъ умысломъ И А).

Однажды—въ первый годъ по Рождествѣ Христа—

Сивилла пьяная (не отъ вина) сказала:

«Горе, горе, какъ все нынѣ низко пало!

«Какая всюду нищета!

«Сталъ Римъ большимъ публичнымъ домомъ,
«Паль Цезарь до скота, еврей сталъ—богомъ!»

* * *

2.

Короли наслаждались этими риемами Заратустры; но король направо сказалъ: «О, Заратустра, какъ хорошо сдѣлали мы, что отправились повидать тебя!

Ибо враги твои показывали намъ образъ твой въ своемъ зеркалѣ: тамъ являлся ты въ образѣ демона съ язвительной улыбкой его; такъ что мы боялись тебя.

Но развѣ это помогло! Ты продолжалъ проникать въ уши и сердца наши своими изреченіями. Тогда сказали мы наконецъ что намъ до того, какъ онъ выглядитъ!

Мы должны его слышать, его, который учитъ «любите миръ, какъ средство къ новымъ войнамъ, и короткій миръ больше чѣмъ долгій!»

Никто не произносилъ еще такихъ воинственныхъ словъ: «Что хорошо? Хорошо быть храбрымъ. Благо войны освящаетъ всякую цѣль».

О, Заратустра, кровь нашихъ отцовъ заволновалась при этихъ словахъ въ нашемъ тѣлѣ: это была какъ бы рѣчь весны къ старымъ бочкамъ вина.

Когда мечи скрещивались съ мечами, подобно змѣямъ съ красными пятнами, тогда жили отцы наши полною жизнью: всякое солнце мира казалось имъ блѣднымъ и холоднымъ, а долгій миръ приноситъ позоръ.

Какъ они вздыхали, отцы наши, когда они видѣли на стѣнѣ совсѣмъ свѣтлые, притупленные мечи! Подобно имъ, жаждали они войны. Ибо мечъ хочетъ упиваться кровью и сверкаетъ отъ желанія». —

— Пока короли говорили съ жаромъ, мечтая о счастья отцовъ своихъ, напало на Заратустру сильное желаніе посмѣяться надъ пыломъ ихъ: ибо было очевидно, что короли, которыхъ онъ видѣлъ передъ собой, были очень миролюбивые короли, со старыми, тонкими лицами. Но онъ превозмогъ себя. «Ну, что-жъ! ска- залъ онъ, вотъ дорога, ведущая къ пещерѣ Заратустры; и пусть у сегодняшняго дня будетъ долгій вечеръ! А теперь меня поспѣшно отзываетъ отъ васъ крикъ о помощи.

Пещерѣ моей будетъ оказана честь, если короли будутъ сидѣть въ ней и ждать: но, конечно, долго придется вамъ ждать!

Такъ что-жъ! Гдѣ же учатся сегодня лучше ждать, какъ не при дворахъ? И вся добродѣтель королей, какая у нихъ еще осталась,—не называется ли она сегодня у мѣнѣе ждать?»

Такъ говорилъ Заратустра.

* * *

Піявка.

И Заратустра въ раздумьи продолжалъ свой путь, спускаясь все ниже, проходя по лѣсамъ и мимо болотъ; и какъ случается съ каждымъ, кто обдумываетъ трудныя вещи, наступилъ онъ нечаянно на человѣка. И вотъ посыпались ему разомъ въ лицо крикъ отъ боли. За проклятыя и двадцать скверныхъ ругательствъ: такъ что онъ въ испугѣ замахнулся палкой и еще ударилъ того, на кого наступилъ. Но тотчасъ же онъ опомнился; и сердце его смѣялось надъ глупостью, только что совершенной имъ.

«Прости, сказалъ онъ человѣку, на котораго наступилъ и который съ яростью приподнялся и сѣлъ, прости и выслушай прежде сравненіе.

Какъ путникъ, мечтающій о далекихъ вещахъ, нечаянно на пустынной улицѣ наталкивается на спящую собаку. лежащую на солнцѣ:

— какъ оба они вскакиваютъ и бросаются другъ на друга, подобно смертельнымъ врагамъ. оба смертельно испуганные: такъ случилось и съ нами.

И однако! И однако—немногого недоставало, чтобы они приласкали другъ друга, эта собака и этотъ одинокій! Вѣдь оба они—одинокіе!»

— «Кто бы ты ни былъ, отвѣтить, все еще въ гнѣвѣ, человѣкъ. на котораго наступилъ Заратустра, ты слишкомъ больно затрогиваешь меня и своимъ сравненіемъ, а не только своей ногою!

Смотри, развѣ я собака?»—и при этихъ словахъ тотъ, кто сидѣлъ, поднялся и вытащилъ свою голую руку изъ болота. Ибо сперва онъ лежалъ вытянувшись на землѣ, скрытый и неузнаваемый. какъ тѣ, кто выслѣживаютъ болотную дичь.

«Но что съ тобой!» воскликнулъ испуганный Заратустра. ибо

онъ увидѣлъ кровь, обильно струившуюся по обнаженной рукѣ, — «что случилось съ тобой? Не укусило ли тебя, несчастный, какое-нибудь вредное животное?»

Обливавшійся кровью улыбнулся, все еще продолжая сердиться. «Что тебѣ за дѣло! сказалъ онъ и хотѣлъ идти дальше. Здѣсь я дома и въ своемъ царствѣ. Пусть спрашиваетъ меня, кто хочетъ: но всякому болвану врядъ ли стану я отвѣчать».

«Ты заблуждаешься, сказалъ Заратустра съ состраданіемъ и удержалъ его, ты ошибаешься: здѣсь ты не у себя, а въ моемъ царствѣ, и здѣсь ни съ кѣмъ не должно быть несчастья.

Называй меня, впрочемъ, какъ хочешь,—я тотъ, кѣмъ я долженъ быть. Самъ же себя называю я Заратустрой.

Ну, что-жъ! Тамъ вверху идетъ дорога къ пещерѣ Заратустры, она не далека,—не хочешь ли ты у меня полечить свои раны?

Пришлось тебѣ плохо, несчастный, въ этой жизни: сперва укусило тебя животное, и потомъ — наступилъ на тебя чело-вѣкъ!»—

Но, услыхавъ имя Заратустры, окровавленный преобразился. «Что со мной! воскликнулъ онъ, кто же интересуется меня еще въ этой жизни, какъ не этотъ единственный чело-вѣкъ — Заратустра, и не это единственное животное, живущее кровью, — пѣвка?»

Ради пѣвки лежалъ я здѣсь на краю этого болота, какъ рыболовъ, и уже была моя вытянутая рука укушена десять разъ, какъ вдругъ начинаетъ питаться моей кровью еще болѣе прекрасное животное, самъ Заратустра!

О, счастье! О, чудо! Да будетъ благословенъ этотъ день, привлеکشій меня въ это болото! Да будетъ благословенна лучшая, самая дѣйствительная изъ кровеносныхъ банокъ, нынѣ живущихъ, да будетъ благословенна великая пѣвка совѣсти, Заратустра!»—

Такъ говорилъ тотъ, на кого наступилъ Заратустра; и Заратустра радовался словамъ его и ихъ тонкой почтительности. «Кто ты? спросилъ онъ и протянулъ ему руку, между нами остается еще многое, что надо выяснить и освѣтить: но уже, кажется мнѣ, настаетъ чистый, ясный день».

«Я совѣстливый духомъ, отвѣчалъ вопрошаемый, и въ вопросахъ духа трудно найти кого-либо болѣе строгаго, болѣе узкаго и болѣе твердаго, чѣмъ я, исключая того, у кого я учился, самого Заратустры.

Лучше ничего не знать, чѣмъ знать многое на половину! Лучше быть глупцомъ на свой рискъ, чѣмъ мудрецомъ на основаніи чужихъ мнѣній! Я—доискиваюсь основы:

— что до того, велика ли она, или мала? Называется ли она болотомъ, или небомъ? Пяди основанія достаточно для меня: если только она дѣйствительно есть основаніе!

— пяди основанія: на немъ можно стоять. Въ истинной совѣстливости знанія нѣтъ ничего ни большого, ни малаго».

«Такъ ты, быть можетъ, познающій пѣвку? спросилъ Заратустра; и ты изслѣдуешь пѣвку до послѣдняго основанія, ты, совѣстливый духомъ?»

«О, Заратустра, отвѣчалъ тотъ, на кого наступилъ Заратустра, было бы чудовищно, еслибъ дерзнулъ я на это!

Но если что знаю я прекрасно и досконально, такъ это мозгъ пѣвки:—это мой міръ!

И это также міръ!—Но прости, если здѣсь говоритъ моя гордость, ибо здѣсь нѣтъ мнѣ равнаго. Поэтому и сказалъ я «здѣсь я дома».

Сколько уже времени изслѣдую я эту единственную вещь. Мозгъ пѣвки, чтобъ скользкая истина не ускользнула отъ меня! Здѣсь мое царство!

— ради этого отбросилъ я все остальное, ради этого сталъ я равнодушенъ ко всему остальному; и рядомъ съ знаніемъ моимъ простирается черное невѣжество мое.

Совѣстливость духа моего требуетъ отъ меня, чтобъ зналъ я что-нибудь одно и остальное не зналъ: мнѣ противны всѣ половинчатые духомъ, всѣ туманные, порхающіе и мечтательные.

Гдѣ кончается честность моя, я слѣпъ и хочу быть слѣпымъ. Но гдѣ я хочу знать, хочу я также быть честнымъ, а именно суровымъ, строгимъ, узкимъ, жесткимъ и неумолимымъ.

Какъ сказалъ ты однажды, о, Заратустра: «Духъ есть жизнь. которая убиваетъ самую жизнь», это соблазнило и привело меня къ ученію твоему. И, поистинѣ, собственною кровью умножилъ я себѣ собственное знаніе!»

— «Какъ доказываетъ очевидность», перебилъ Заратустра: ибо кровь все еще текла по обнаженной рукѣ совѣстливаго духомъ. Ибо десять пѣвокъ впились въ нее.

«О, странный товарищъ, сколь многому научаетъ меня эта очевидность, т. е. ты самъ! И, быть можетъ, не все слѣдовало бы мнѣ влить въ твои строгія уши!

Ну, что-жъ! Разстанемся здѣсь! Но мнѣ очень хотѣлось бы опять встрѣтиться съ тобой. Тамъ вверху идетъ дорога къ пещерѣ моей: сегодня ночью будешь ты тамъ желаннымъ гостемъ моимъ!

Мнѣ хотѣлось бы также полечить тѣло твое, на которое наступилъ ногой Заратустра: объ этомъ я подумаю. А теперь меня поспѣшно отзываетъ отъ тебя крикъ о помощи».

Такъ говорилъ Заратустра.

* * *

Чародѣй.

1.

Но когда Заратустра обогнулъ скалу, онъ увидѣлъ внизу, недалеко отъ себя, на ровной дорогѣ, человѣка, который, тряся, какъ бѣснующійся, и наконецъ бросился животомъ на землю. «Стой! сказалъ тогда Заратустра въ сердцѣ своемъ, должно быть это высшій человѣкъ, отъ него исходилъ этотъ мучительный крикъ о помощи,—я посмотрю, нельзя ли помочь ему». Подбѣжавъ къ мѣсту, гдѣ лежалъ на землѣ человѣкъ, нашель онъ дрожащаго старика съ неподвижными глазами; и какъ ни старался Заратустра поднять его и поставить на ноги, всѣ усилія его были тщетны. Даже казалось, что несчастный не замѣчаетъ, что возлѣ него есть кто-то; напротивъ, онъ трогательно осматривался, какъ человѣкъ, покинутый цѣлымъ міромъ и одинокій. Наконецъ, послѣ продолжительнаго дрожанья, судорогъ и подергиваній, началъ онъ такъ горько жаловаться:

Кто въ силахъ отогрѣть меня, кто еще любить?
Горячія мнѣ руки протяните
И пламя рдѣющихъ углей для сердца дайте.
Лежу безсильно я, отъ страха цѣпенія.
Какъ передъ смертію, когда ужъ ноги стынуть,
Дрожа въ припадкахъ злой, невѣдомой болѣзни,
И трепеща подъ острыми концами
Твоихъ холодныхъ, леденящихъ стрѣлъ.

За мной охотнись ты, мысли духъ,
Окутанный, ужасный, безымянный—
Охотникъ изъ-за тучъ!—
Какъ молніею пораженъ я глазомъ,
Насмѣшливо изъ темноты смотрящимъ!
И такъ лежу я, извиваясь,
Согнувшись, мучаясь, постигнутый всѣми
Мученьями, что на меня наслалъ ты,
Безжалостный охотникъ,
Невѣдомый мнѣ богъ!—

Рази же глубже,
Еще разъ попади въ меня и сердце
Разбей и проколи!
Но для чего жъ теперь
Тупыми стрѣлами меня терзать?
Зачѣмъ опять ты смотришь на меня,
Ненасытимый муками людскими,
Молніеноснымъ и злораднымъ бога взглядомъ?
Да, убивать не хочешь ты,
А только мучить, мучить хочешь!
Зачѣмъ тебѣ, зачѣмъ мое мученье,
Злорадный незнакомый богъ?
Я вижу, да!
Въ полночный часъ подкрался ты ко мнѣ.
Скажи жъ, чего ты хочешь?
Меня тѣснишь и давишь ты,
И, право, черезчуръ ужъ близко!
Ты слушаешь дыханіе мое,
Подслушиваешь сердца бьенье,—
Да ты ревнуешь! Но къ кому жъ ревнуешь?
Прочь, Прочь! Куда—
Пробраться затѣваешь ты?
Ты въ сердце самое проникнуть хочешь,
Въ завѣтнѣйшіе помыслы проникнуть!
Безстыдный, ты чужой мнѣ, воръ!
Что хочешь выкрасть ты себѣ на долю
И что подслушать хочется тебѣ?

Что хочешь выпытать ты отъ меня, мучитель?
Божественный палачъ!
Ужъ не долженъ ли, какъ собака, я
Валяться предъ тобой, хвостомъ вилая
И отдаваясь, внѣ себя отъ страсти,
Тебѣ въ любви виляньемъ признаваться?

Напрасно трудишься,
Рази сильнѣй!
Какой уколъ ужасный!
Нѣтъ, не ищейка я тебѣ,—твоя добыча,
Безжалостный охотникъ,
Я плѣнникъ гордый твой,
За облаками скрывшійся разбойникъ!
Скажи же, наконецъ, чего,
Чего, грабитель, отъ меня ты хочешь?

Какъ? Выкупа?
Какого же и сколько?
Потребуй много,—такъ твердить мнѣ гордость.—
И кратко говори,—другой ея совѣтъ.

Такъ вотъ какъ? Да? Меня?
Меня ты хочешь?
Меня всецѣло, и всего?

А!—такъ зачѣмъ же
Ты мучаешь меня, глупецъ, при этомъ?
Зачѣмъ терзаешь душу униженьемъ?..
— Дай мнѣ любви, кому меня согрѣтъ?
Горячую мнѣ руку протяни
И пламя рдѣющихъ углей для сердца дай мнѣ.

Мнѣ одинокому въ своемъ уединеніи,—
Что ко врагамъ и семиричный ледъ,
Къ врагамъ стремиться научаетъ.
Ты самъ отдайся мнѣ,
Необоримый врагъ,—
С а м ъ — мнѣ!

Прочь! улетѣль!—
Умчался прочь—
Единственный товарищ мой и врагъ,
Великій врагъ
И чуждый мнѣ опять
Божественный палачъ.

Нѣтъ!
Возвратись ко мнѣ
И съ пытками твоими,
Мои всѣ слезы льются за тобой,
И для тебя вдругъ загорѣлся снова
Огонь послѣдній на сердцѣ моемъ.
Вернись, вернись ко мнѣ, мой богъ,—мое страданье,
И счастье послѣднее мое!...

✱ * ✱

2.

— Но тутъ Заратустра не могъ долѣе сдерживать себя, схватилъ свою палку и ударилъ изъ всѣхъ силъ того, кто такъ горько жаловался. «Перестань, кричалъ онъ ему со злобнымъ смѣхомъ, перестань, комедіантъ! фальшивый монетчикъ! закоренѣлый лжецъ! Я узнаю тебя!

Я отопрѣю тебѣ ноги, злой чародѣй, я хорошо умѣю поджаривать такихъ, какъ ты!»

— «Оставь, сказалъ старикъ и вскочилъ съ земли, не бей больше, о, Заратустра! Все это была только комедія!

Ничше.—Такъ говорилъ Заратустра.

Въ этомъ искусство мое; тебя самого хотѣлъ я испытать, подвергая тебя этому искусу! И, поистинѣ, ты разгадалъ меня!

Но и ты также—далъ мнѣ о себѣ немалое свидѣтельство: ты суровъ, ты мудрый Заратустра! Суровые удары наносишь ты своими «истинами», сучковатая палка твоя вынуждаетъ у меня—эту истину!»

— «Не лъсти, отвѣчалъ Заратустра, все еще возбужденный и мрачно смотря на него, ты закоренѣлый фигляръ! Ты лживъ: что толкуешь ты—объ истинѣ!

Ты павлинъ изъ павлиновъ, ты море тщеславія, что разыгрывалъ ты предо мною, ты злой чародѣй, въ кого долженъ былъ я вѣрить, когда ты такъ горько жаловался?»

«Кающагося духомъ», сказалъ старикъ, его — представлялъ я: ты самъ избобрѣлъ нѣкогда это слово—

— поэта и чародѣя, обратившаго наконецъ духъ свой противъ себя самого, преображенного, который замерзаетъ отъ своего плохого знанія и отъ своей дурной совѣсти.

И сознайся: нужно было много времени, о, Заратустра, прежде чѣмъ ты замѣтилъ искусство мое и ложь мою! Ты повѣрилъ въ мое горе, когда ты держалъ мнѣ голову обѣими руками,—

— я слышалъ, какъ ты горько жаловался «его слишкомъ мало любили, слишкомъ мало любили!» Что я такъ далеко тебя обманулъ, этому радовалась внутри меня злоба моя.

«Ты, пожалуй, обманывалъ и болѣе хитрыхъ, чѣмъ я, сказалъ Заратустра сурово. Я не стерегусь обманщиковъ, ибо неосторожнымъ долженъ я быть: такъ хочеть судьба моя.

Но ты — долженъ обманывать: настолько я знаю тебя! Слова твои всегда должны имѣть два, три, четыре смысла! Даже въ чемъ сознавался ты сейчасъ, не было для меня ни достаточной правдой, ни достаточной ложью!

Злой фальшивый монетчикъ, развѣ могъ бы ты поступать иначе! Даже болѣзнь свою нарумянилъ бы ты, еслибъ нагимъ показался врачу своему.

Точно также румянилъ ты предо мною ложь свою, когда говорилъ: «все это была только комедія!» Было въ этомъ и нѣчто серьезное, ибо и самъ ты отчасти такой же кающійся духомъ!

Я хорошо угадываю тебя: ты сталъ чародѣемъ для всѣхъ, но-

для себя не осталось у тебя больше ни лжи, ни лукавства,—ты самъ пересталъ быть для себя чародѣемъ!

Ты пожиналъ отвращеніе, какъ единственную истину свою. Нѣтъ ни одного правдиваго слова въ тебѣ, но еще правдивы уста твои: правдиво отвращеніе, прилипшее къ устамъ твоимъ».—

— «Но кто же ты! воскликнулъ тутъ старый чародѣй надменнымъ голосомъ, кто смѣетъ такъ говорить со мною, самымъ великимъ среди живущихъ нынѣ?»—и зеленая молнія сверкнула изъ его глазъ на Заратустру. Но тотчасъ же онъ измѣнился и сказалъ съ грустью:

«О, Заратустра, я усталъ, противны мнѣ искусства мои, я не великъ, для чего притворяюсь я! Но, ты знаешь это хорошо—я искалъ величія!

Великаго человѣка хотѣлъ я представлять и убѣдилъ въ этомъ многихъ: но эта ложь была выше силъ моихъ. Объ нее разбиваюсь я.

О, Заратустра, все ложь во мнѣ: но что я разбиваюсь—это правда во мнѣ!»—

«Это дѣлаетъ тебѣ честь, сказалъ Заратустра мрачно и смотря въ сторону, дѣлаетъ тебѣ честь, что искалъ ты величія, но это же и выдаетъ тебя. Ты не великъ».

Злой, старый чародѣй, это твое лучшее и самое честное, и я чту въ тебѣ то, что усталъ ты отъ себя и сказалъ: «я не великъ».

За это чту я тебя, какъ кающагося духомъ: даже если только на одинъ мигъ, но въ этотъ моментъ былъ ты—правдивъ.

Но скажи, чего ищешь ты здѣсь въ лѣсахъ и на скалахъ моихъ? И если для меня лежалъ ты на дорогѣ, чего хотѣлъ ты отъ меня?—

— въ чемъ искушалъ ты меня?»—

Такъ говорилъ Заратустра и глаза его сверкали. Старый чародѣй помолчалъ немного, потомъ сказалъ онъ: «Развѣ я искушалъ тебя? Я—только ищу.

О, Заратустра, я ищу кого-нибудь правдиваго, простого, справедливаго, недвусмысленнаго, человѣка честнаго во всѣхъ отношеніяхъ, сосуда мудрости, праведника знанія, великаго человѣка!

Развѣ ты не знаешь этого, о, Заратустра? Я ищущу Заратустру».

— Тутъ воцарилось долгое молчаніе между ними; Заратустра погрузился въ глубокое раздумье, такъ что даже закрылъ глаза.

Но затѣмъ, возвратясь къ своему собесѣднику, онъ схватилъ чародѣя за руку и сказалъ ему вѣжливо и съ хитростью:

«Ну, что-жъ! Туда вверхъ идетъ дорога, тамъ находится пещера Заратустры. Въ ней можешь ты искать, кого хотѣлъ бы ты найти.

И спроси совѣта у звѣрей моихъ, у орла моего и у змѣи моей: пусть помогутъ они тебѣ искать. Но пещера моя велика.

Правда, я самъ—я не видѣлъ еще великаго человѣка. Для великаго грубъ еще сегодня глазъ даже самыхъ тонкихъ людей. Теперь царство толпы.

Многихъ встрѣчалъ я уже, которые тянулись и надувались. а народъ кричалъ: «Вотъ великій человѣкъ!» Но что могутъ значить всѣ раздувательные мѣхи! Въ концѣ концовъ воздухъ выйдетъ изъ нихъ.

Въ концѣ концовъ лопается лягушка, которая слишкомъ долго надувалась: и воздухъ выйдетъ изъ нея. Ткнуть въ животъ надувшемуся, это называю я славной шуткою. Слушайте, дѣти!

Это сегодня принадлежитъ голубѣ: кто тамъ знаетъ еще, что велико и что мало! Кто искалъ тамъ успѣшно величiя! Только глупецъ: и глупцы имѣютъ успѣхъ.

Ты ищешь великихъ людей, ты странный глупецъ? Кто научилъ тебя искать ихъ? Развѣ теперь время для этого? О, злой искатель, въ чемъ—искушаешь ты меня?»—

Такъ говорилъ Заратустра, утѣшенный въ сердцѣ своемъ, и пошелъ, смѣясь, своей дорогою.

* * *

Въ отставкѣ.

Немного спустя послѣ того, какъ Заратустра освободился отъ чародѣя, увидѣлъ онъ опять, что кто-то сидитъ на дорогѣ, по которой онъ шелъ, это былъ черный, высокій человѣкъ съ тощимъ, блѣднымъ лицомъ: онъ сильно раздосадовалъ его. «Горе, сказалъ онъ въ сердцѣ своемъ, вотъ сидитъ закутанная печаль, мнѣ кажется, она изъ рода священниковъ: чего хотятъ они въ моемъ царствѣ?

Какъ! Едва избѣгъ я одного чародѣя: какъ другой чернокнижникъ опять становится мнѣ поперекъ дороги,—

— какой-нибудь колдунъ со сложенными руками, какой-нибудь мрачный чудотворецъ божьей милостью, какой-нибудь помазанный клеветникъ на міръ, чтобъ чортъ его побралъ!

Но чортъ никогда не бываетъ тамъ, гдѣ онъ былъ бы на мѣстѣ: всегда приходитъ онъ слишкомъ поздно, этотъ проклятый карликъ и кривоножка!»—

Такъ клялся Заратустра съ нетерпѣніемъ въ сердцѣ своемъ и думалъ, какъ бы, не глядя на чернаго человѣка проскользнуть мимо него: но случилось иначе. Ибо въ этотъ самый моментъ его уже увидѣлъ сидѣвшій; и подобно тому, кто наталкивается на неожиданное счастье, вскочилъ онъ и пошелъ навстрѣчу Заратустрѣ.

«Кто бы ты ни-былъ, ты, странникъ, сказалъ онъ, помощи заблудившемуся, ищущему, старому человѣку, съ которымъ здѣсь легко можетъ случиться несчастье!

Этотъ міръ здѣсь мнѣ чуждъ и далекъ, даже слыхалъ я рычаніе дикихъ звѣрей; а того, кто могъ бы служить мнѣ защитой, уже нѣтъ.

Я искалъ послѣдняго благочестиваго человѣка, одного святого и отшельника, который одинъ въ лѣсу своемъ еще ничего не слыхалъ о томъ, о чемъ весь міръ знаетъ сегодня».

«О чемъ же знаетъ сегодня весь міръ? спросилъ Заратустра. Не о томъ ли, что старый богъ не живъ болѣе, въ котораго весь міръ нѣкогда вѣрилъ?»

«Ты сказалъ это, отвѣчалъ опечаленный старикъ. А я служилъ этому старому богу до послѣдняго часа его.

Теперь же я внѣ служенія, безъ господина и все-таки я не свободенъ, нѣтъ у меня ни одного веселаго часа, развѣ только въ воспоминаніяхъ.

Для того и поднялся я на эти горы, чтобы наконецъ опять устроить себѣ праздникъ, какъ подобаетъ старому папѣ и отцу церкви: ибо знай, я послѣдній папа!—праздникъ благочестивыхъ воспоминаній и богослуженій.

Но теперь онъ самъ умеръ, самый благочестивый человѣкъ, тотъ святой въ лѣсу, который постоянно славилъ своего бога пѣніемъ и бормотаніемъ.

Его самого не нашелъ я уже, когда я нашелъ его хижину,— и двухъ волковъ въ ней, которые выли объ его смерти—ибо всѣ звѣри любили его. И я убѣжалъ оттуда.

Неужели я пришелъ напрасно въ эти лѣса и горы? Тогда рѣ-

шилось сердце мое искать другого, самого благочестиваго изъ всѣхъ тѣхъ, кто не вѣрятъ въ бога,—искать Заратустру!»

Такъ говорилъ старикъ и окинулъ острымъ взглядомъ того, кто стоялъ предъ нимъ; Заратустра же взялъ руку стараго папы и разсматривалъ ее долго съ удивленіемъ.

«Посмотри, досточтимый, сказалъ онъ потомъ, какая прекрасная и длинная рука! Это рука того, кто постоянно раздавалъ благословеніе. Но теперь держать она того, кого ты ищешь, меня, Заратустру.

Это—я, нечестивый Заратустра, который говоритъ: кто нечестивѣ меня, чтобы могъ я радоваться наставленію его?»—

Такъ говорилъ Заратустра и пронизывалъ своимъ взоромъ мысли и заднія мысли стараго папы. Наконецъ тотъ началъ:

«Кто его любилъ и имъ владѣлъ больше всего, тотъ теперь и утратилъ его больше всего:—

— посмотри, не самъ ли я изъ насъ двоихъ теперь болѣе нечестивый? Но кто бы могъ этому радоваться!»—

«Ты служилъ ему до конца, спросилъ Заратустра задумчиво, послѣ глубокаго молчанія, ты знаешь, какъ онъ умеръ? Правда ли, какъ говорятъ, что его задушила жалость,

— что онъ видѣлъ, какъ человѣкъ висѣлъ на крестѣ, и не вынесъ этого, такъ что любовь къ человѣку сдѣлалась его адомъ и наконецъ его смертью?»—

Но старый папа ничего не отвѣтилъ, а посмотрѣлъ робко въ сторону страдальческимъ, мрачнымъ взглядомъ.

«Оставь его, сказалъ Заратустра послѣ долгаго размышленія, продолжая смотрѣть старику прямо въ глаза.

Оставь его, онъ умеръ. И хотя тебѣ дѣлаетъ честь, что ты о мертвомъ говоришь только хорошее, но ты также хорошо знаешь, какъ и я, кто онъ былъ; и что онъ ходилъ странными путями».

«Говоря межъ трехъ глазъ, сказалъ, повеселѣвъ, старый папа (ибо онъ былъ слѣпъ на одинъ глазъ), въ вопросахъ бога я просвѣщеннѣе самого Заратустры—и имѣю право на это.

Моя любовь служила ему долгіе годы, моя воля слѣдовала во всемъ его волѣ. Но хорошій слуга знаетъ все и даже многое, что его господинъ скрываетъ отъ себя самого.

Это былъ скрытный богъ, полный таинственности. Поистинѣ, даже къ сыну своему шелъ онъ не иначе, какъ потаеннымъ путемъ. У дверей его вѣры стоитъ прелюбодѣяніе.

Кто его прославляетъ, какъ бога любви, тотъ недостаточно высокаго мнѣнія о самой любви. Развѣ этотъ богъ не хотѣлъ быть также судьей? Но любящій любить по ту сторону награды и возмездія.

Когда онъ былъ молодъ, этотъ богъ съ востока, тогда былъ онъ жестокъ и мстителенъ и выстроилъ себѣ адъ, чтобъ забавлять своихъ любимцевъ.

Но наконецъ онъ состарился, сталъ мягкимъ и сострадательнымъ, болѣе похожимъ на дѣда, чѣмъ на отца, и всего больше похожимъ на трясущуюся старую бабушку.

Такъ сидѣлъ онъ, поблекшій, въ своемъ углу на печкѣ, и сокрушался о своихъ слабыхъ ногахъ, усталый отъ міра, усталый отъ воли, пока наконецъ не задохнулся отъ своего слишкомъ большого состраданія».—

«Ты старый папа, прервалъ тутъ Заратустра, видѣлъ ли ты это своими глазами? Могло быть и такъ, могло быть и иначе. Когда боги умираютъ, умираютъ они всегда разнаго рода смертями.

Ну, что-жъ! Такъ или иначе—онъ умеръ! Онъ былъ не по вкусу моимъ ушамъ и глазамъ, худшаго не хотѣлъ бы я о немъ говорить.

Я люблю все, что ясно смотреть и правдиво говорить. Но онъ—ты вѣдь знаешь это, ты старый папа, онъ былъ немного изъ твоего рода, изъ рода священническаго—его можно было разное понимать.

Его часто и совсѣмъ нельзя было понять. Какъ же сердился онъ на насъ, этотъ дышашій гнѣвомъ, что мы его плохо понимали! Но почему же не говорилъ онъ яснѣе?

И если вина была въ нашихъ ушахъ, почему далъ онъ намъ уши, которыя его плохо слышали? Если была грязь въ нашихъ ушахъ, кто же вложилъ ее туда?

Слишкомъ многое неудавалось ему, этому горшечнику, не доучившемуся до конца! Но если онъ еще мстилъ своимъ горшкамъ и твореніямъ за то, что они ему плохо удавались,—это было уже грѣхомъ противъ хорошаго вкуса.

Существуетъ и въ благочестіи хорошій вкусъ: онъ говоритъ наконецъ: «Прочь съ такимъ богомъ! Лучше совсѣмъ безъ бога, лучше на собственный страхъ устраивать судьбу, лучше быть безумцемъ, лучше самому быть богомъ!»

— «Что слышу я! сказалъ тутъ старый папа, наостривъ уши; о, Заратустра, ты благочестивѣе, чѣмъ ты думаешь, при такомъ

безвѣріи! Какой-нибудь богъ въ тебѣ обратилъ тебя къ твоему нечестію.

Развѣ не само твое благочестіе не позволяетъ тебѣ болѣе вѣрить въ бога? И твоя чрезмѣрная правдивость поведетъ тебя еще дальше, по ту сторону добра и зла!

Посмотри, что осталось тебѣ? У тебя есть глаза, руки и уста, которые отъ вѣчности предназначены для благословенія. Благословляютъ не только руками.

Вблизи тебя, хотя ты и хочешь быть самымъ нечестивымъ, я чувствую тайное благоуханіе долгихъ благословеній; мнѣ становится при этомъ хорошо и мучительно.

Позволь мнѣ быть твоимъ гостемъ, о, Заратустра, на одну только ночь! Нигдѣ на землѣ мнѣ не будетъ теперь лучше, чѣмъ у тебя!»

«Аминь! Да будетъ такъ! сказалъ Заратустра съ великимъ удивленіемъ, туда вверхъ ведетъ дорога, тамъ находится пещера Заратустры.

Поистинѣ, я самъ охотно проводилъ бы тебя туда, досточтимый, ибо я люблю всѣхъ благочестивыхъ людей. Но теперь меня поспѣшно отзываетъ отъ тебя крикъ о помощи.

Въ моемъ царствѣ ни съ кѣмъ не должно быть несчастія; пещера моя хорошая пристань. И больше всего хотѣлъ бы я всякаго, кто печалится, опять поставить на твердую землю и на твердыя ноги.

Но кто сниметъ съ плечъ твою печаль? Для этого я слишкомъ слабъ. Поистинѣ, долго придется намъ ждать, пока кто-нибудь опять воскреситъ тебѣ твоего бога.

Ибо этотъ старый богъ не живъ болѣе: онъ основательно умеръ».—

Такъ говорилъ Заратустра.

* * *

Самый безобразный человѣкъ.

— И опять бѣжали ноги Заратустры по горамъ и лѣсамъ, и глаза его непрестанно искали, но нигдѣ не видно было, кого искали они, кто кричалъ о помощи и страдалъ великою скорбью. Всю дорогу однако радовался онъ въ сердцѣ своемъ и былъ полонъ

признательности. «Какія хорошія вещи, говорилъ онъ, подарилъ мнѣ однако этотъ день, въ награду, что такъ скверно начался онъ! Какихъ рѣдкихъ собесѣдниковъ нашель я!

Долго придется пережевывать мнѣ слова ихъ, какъ хорошія хлѣбныя зерна; и зубамъ моимъ придется непрерывно молоть ихъ, пока не потекутъ они въ душу мою, какъ молоко!»—

Но когда дорога опять обогнула скалу, сразу измѣнился видъ мѣстности, и Заратустра вступилъ въ царство смерти. Здѣсь торчали черные и красные выступы скалъ: не было ни травы, ни деревьевъ, ни пѣнія птицъ. Ибо это была долина, которой избѣгали всѣ животныя, даже хищные звѣри; и только змѣи одной породы—безобразныя, толстыя, зеленыя, состарившісь, приползали сюда умирать. Поэтому называли пастухи эту долину: Смертью змѣй.

Но Заратустра погрузился въ мрачныя воспоминанія, ибо ему казалось, что однажды онъ уже стоялъ въ этой долинѣ. И много тяжелаго вспоминалось ему: такъ что шелъ онъ все тише и тише и наконецъ остановился совсѣмъ. Здѣсь, открывъ глаза, увидѣлъ онъ передъ собою что-то сидѣвшее на краю дороги, по виду на-томинавшее человѣка или почти что человѣка, нѣчто невыразимое. И мгновенно охватилъ Заратустру великій стыдъ, что пришлось ему своими глазами увидѣть нѣчто подобное: покраснѣвъ до сѣдыхъ волосъ своихъ, отвернулся онъ и хотѣлъ уже бѣжать изъ этого несчастнаго мѣста. Вдругъ мертвая пустыня огласилась шипѣвшими и хрипѣвшими звуками, поднимавшимися изъ самой земли, подобно тому, какъ ночью шипитъ и хрипитъ вода въ засорившейся водопроводной трубѣ; наконецъ эти звуки сложились въ человѣческій голосъ и человѣческую рѣчь:—и она такъ гласила:

«Заратустра! Заратустра! Разгадай загадку мою! Говори, говори! Что такое мѣсто свидѣтелю?

Я предостерегаю тебя, здѣсь скользкій ледъ! Смотри. смотри, какъ бы гордость твоя не сломила здѣсь ногу себѣ!

Ты считаешь себя мудрымъ, ты гордый Заратустра! Такъ разгадай же загадку, ты, искусный разгадчикъ, — загадку, которую представляю я! Скажи: кто я!»

— Но когда Заратустра услышалъ слова эти, какъ думаете вы, что случилось съ душою его? Состраданіе овладѣло имъ, и вдругъ онъ упалъ ницъ, какъ дубъ, долго сопротивлявшійся многимъ дровосѣкамъ, тяжело, внезапно, пугая даже тѣхъ, кто хотѣлъ срубить его. Но вотъ онъ снова поднялся съ земли, и лицо его сдѣлалось суровымъ.

«Я отлично узнаю тебя, сказалъ онъ голосомъ, звучащимъ, какъ мѣдъ: ты убійца Бога! Пусти меня.

Ты не вынесъ того, кто видѣлъ тебя,—кто всегда и насквозь видѣлъ тебя,—самаго безобразнаго человѣка! Ты отмстить этому свидѣтелю!»

Такъ говорилъ Заратустра и хотѣлъ идти, но невыразимый схватилъ его за край одежды и снова сталъ клокотать и подыскивать слова. «Останься! сказалъ онъ наконецъ—

— останься! Не проходи мимо! Я угадалъ, какая сѣкира сразила тебя: хвала тебѣ, о, Заратустра, что ты снова всталъ!

Ты угадалъ, я знаю это, каково тому, кто его убилъ,—убійцѣ Бога. Останься! Присядь ко мнѣ, это будетъ не напрасно.

Къ кому же стремился я, какъ не къ тебѣ? Останься, сядь! Но не смотри на меня! Почти этимъ—безобразіе мое!

Они преслѣдуютъ меня: теперь ты послѣднее убѣжище мое. Не ненавистью своей, не погоней своей:—о, надъ такимъ преслѣдованіемъ смѣялся бы я, гордился бы имъ и радовался ему!

Развѣ успѣхъ не былъ доселѣ на сторонѣ хорошо преслѣдуемыхъ? И кто хорошо преслѣдуетъ, легко научиться слѣдовать—по привычкѣ ходить по пятамъ! Но отъ ихъ состраданія—

— отъ ихъ состраданія бѣгу я и прибѣгаю къ тебѣ. О, Заратустра, защити меня, ты послѣднее убѣжище мое, ты единственный, разгадавшій меня:

— ты угадалъ, каково тому, кто убилъ его. Останься! И если ты хочешь идти, ты нетерпѣливый: не ходи дорогою, какою я шель. Эта дорога плохая.

Ты сердись, что я такъ долго болтаю? Что я даю уже совѣты тебѣ? Но знай, что это я, самый безобразный человѣкъ,

— у котораго самыя большія и тяжелыя ноги. Гдѣ я шель, тамъ дорога плохая. Я обращаю всѣ дороги въ смерть и позоръ.

Но по тому, какъ ты прошелъ молча мимо меня, какъ ты покраснѣлъ, я это видѣлъ: я узналъ въ тебѣ Заратустру.

Всякій другой бросилъ бы мнѣ милостыню свою, состраданіе свое. взоромъ и рѣчью. Но для этого—я недостаточно нищій, это угадалъ ты—

— для этого я слишкомъ богатъ, богатъ великимъ, ужаснымъ, самымъ безобразнымъ и невыразимымъ! Твой стыдъ, о, Заратустра, почтилъ меня!

Съ трудомъ ушелъ я изъ толпы сострадательныхъ, — чтобы

найти единственного, который сегодня учить «состраданіе навязчиво»,—тебя, о, Заратустра!

— будь оно божескимъ, будь оно человѣческимъ состраданіемъ: оно противорѣчитъ стыду. И нежеланіе помочь можетъ быть благороднѣе, чѣмъ эта услужливая добродѣтель.

Но состраданіе называется сегодня у всѣхъ маленькихъ людей самой добродѣтелью:—они не умѣютъ чтить великое несчастье, великое безобразіе, великую неудачу.

Черезъ головы всѣхъ ихъ смотрю я, какъ смотритъ собака черезъ спины овецъ, копошащихся въ стадахъ своихъ. Это маленькіе, доброшерстные, доброжелательные, сѣрые люди.

Какъ цапля, закинувъ голову, съ презрѣніемъ смотритъ поверхъ мелководныхъ прудовъ: такъ смотрю я поверхъ кипѣнія сѣрыхъ маленькихъ волнъ, маленькихъ желаній и маленькихъ душъ.

Давно уже дано имъ право, этимъ маленькимъ людямъ: такъ что дана имъ наконецъ и власть—теперь учатъ они: «хорошо только то, что маленькіе люди называютъ хорошимъ».

И «истиной» называется сегодня то, о чемъ говорилъ проповѣдникъ, самъ вышедшій изъ нихъ, этотъ странный святой и защитникъ маленькихъ людей, который свидѣтельствовалъ о себѣ «я—истина».

Этотъ нескромный давно уже сдѣлалъ маленькихъ людей горделивыми—онъ, учившій огромному заблужденію, когда онъ училъ «я—истина».

Отвѣтили ли нескромному когда-нибудь вѣжливо?—Но ты, о, Заратустра, прошелъ мимо него и говорилъ: «Нѣтъ! Нѣтъ! Трижды нѣтъ!»

Ты предостерегалъ отъ его заблужденія, ты первый предостерегалъ отъ состраданія—не всѣхъ и не каждаго, но себя и подобныхъ тебѣ.

Ты стыдишься стыда великихъ страданій; и поистинѣ, когда ты говоришь «отъ состраданія приближается тяжелая туча, берегитесь, люди!»

— когда ты учишь «всѣ созидающіе тверды, всякая великая любовь выше ихъ состраданія»: о, Заратустра, какъ хорошо кажешься ты мнѣ изучившимъ знаменія времени!

Но и ты самъ—остерегайся ты самъ своего состраданія! Ибо многіе находятся на пути къ тебѣ, многіе страждущіе, сомнѣвающиеся, отчаивающіеся, утопающіе, замерзающіе.—

Я предостерегаю тебя и противь меня. Ты разгадалъ мою лучшую, мою худшую загадку, меня самого и что свершилъ я. Я знаю сѣкиру, тебя поразившую.

Но онъ—долженъ былъ умереть: онъ видѣлъ глазами, которые все видѣли,—онъ видѣлъ глубины и бездны челоуѣка, весь его скрытый позоръ и безобразіе.

Его состраданіе не знало стыда: онъ проникалъ въ мои самые грязные закоулки. Самый любопытный, сверхъ-назойливый, сверхъ-сострадательный долженъ былъ умереть.

Онъ видѣлъ всегда меня: этому свидѣтелю хотѣлъ я отмстить—или самому не жить.

Богъ, который все видѣлъ, не исключая и челоуѣка: этотъ Богъ долженъ былъ умереть! Челоуѣкъ не выноситъ, чтобъ такой свидѣтель жилъ».

Такъ говорилъ самый безобразный челоуѣкъ. Заратустра же всталъ и собирался уходить: ибо его знобило до самыхъ внутренностей.

«Ты невыразимый, сказалъ онъ, ты предостерегъ меня отъ своего пути. Въ благодарность за это хвалю я тебѣ мой путь. Смотри, тамъ вверху пещера Заратустры.

Моя пещера велика и глубока, и много закоулковъ въ ней; тамъ находитъ самый скрытый сокровенное мѣсто свое.

И по близости есть сотни расщелинъ и сотни убѣжищъ для животныхъ пресмыкающихся, порхающихъ и прыгающихъ.

Ты изгнанный, самъ себя изгнавшій, ты не хочешь жить среди людей и челоуѣческаго состраданія? Ну, что-жъ, дѣлай, какъ я! Такъ научишься ты у меня; только тотъ, кто дѣйствуетъ, учится.

И прежде всего разговаривай съ моими животными! Самое гордое животное и самое умное животное—пусть будутъ для насъ обоихъ вѣрными совѣтчиками!»—

Такъ сказалъ Заратустра и пошелъ своей дорогою, еще задумчивѣе и еще медленнѣе, чѣмъ прежде: ибо онъ вопрошалъ себя о многомъ и не легко находилъ отвѣты.

«Какъ бѣденъ однако челоуѣкъ! думалъ онъ въ сердцѣ своемъ, какъ безобразенъ, какъ онъ хрипитъ, какъ полонъ скрытаго позора!

Мнѣ говорятъ, что челоуѣкъ любитъ себя самого: ахъ, какъ велико должно быть это себялюбіе! Какъ много презрѣнія противустоить ему!

И этотъ столько же любилъ себя, сколько презиралъ себя,— по моёму, онъ великій любящій и великій презирающій.

Никого еще не встрѣчалъ я, кто бы глубже презиралъ себя: а э т о и есть высота. Горе, быть можетъ, э т о былъ высшій человѣкъ, чей крикъ я слышалъ?

Я люблю великихъ презирающихъ. Но человѣкъ есть нѣчто, что должно превзойти».——

* * *

Добровольный нищій.

Когда Заратустра покинулъ самаго безобразнаго человѣка, ему стало холодно и онъ почувствовалъ себя одинокимъ; ибо много холоднаго и одинокаго пронеслось по чувствамъ его, такъ что члены его холодѣли. Но поднимаясь все дальше и дальше, по горамъ и долинамъ, миновавъ зеленые пастбища и пустое, каменное русло, гдѣ прежде нетерпѣливый ручей пролагалъ себѣ ложе: ему сразу стало теплѣе, и сердце его укрѣпилось.

«Что со мной? спросилъ онъ себя, что-то теплое и живое подкрѣпляетъ меня, оно должно быть вблизи отъ меня.

Уже я не такъ одинокъ, невѣдомые спутники и братья бродятъ вокругъ меня, ихъ теплое дыханіе волнуетъ мнѣ душу».

Осматриваясь кругомъ и ища утѣшителей въ одиночествѣ своемъ: онъ увидѣлъ коровъ, столпившихся на возвышеніи; ихъ близость и запахъ согрѣли сердце его. Повидимому, эти коровы внимательно слушали человѣка, говорившаго къ нимъ, и не обращали вниманія на вновь прибывшаго.

Когда же Заратустра подошелъ совсѣмъ близко къ нимъ, услышалъ онъ отчетливо человѣческій голосъ изъ среды коровъ; и видно было, что всѣ онѣ повернули свои головы къ говорившему.

Тогда Заратустра стремительно бросился на возвышеніе и разогналъ коровъ, ибо онъ боялся, чтобъ здѣсь не случилось съ кѣмъ-нибудь несчастія, которому едва-ли помогло бы состраданіе коровъ. Но въ этомъ онъ ошибся; ибо передъ нимъ сидѣлъ человѣкъ на землѣ и, казалось, убѣждалъ животныхъ, чтобъ они не боялись его,—миролюбивый человѣкъ и нагорный проповѣдникъ, изъ глазъ котораго проповѣдовала сама доброта. «Чего ищешь ты здѣсь?» воскликнулъ Заратустра съ удивленіемъ.

«Чего я здѣсь ищу? отвѣчалъ онъ: того же самаго, чего ищешь и ты, нарушитель мира! ищу счастья на землѣ.

Ему хотѣлъ я научиться у этихъ коровъ. Ибо, знаешь ли, половину утра говорю я къ нимъ, и онѣ только что собирались отвѣчать мнѣ. Зачѣмъ помѣшалъ ты имъ?

Если мы не вернемся назадъ и не будемъ какъ коровы, мы не войдемъ въ царство небесное. Ибо одному должны мы научиться у нихъ: пережевыванію.

И поистинѣ, еслибъ человѣкъ приобрѣлъ цѣлый міръ и не научился одному,—пережевыванію: какая польза была бы ему! Онъ не избавился бы отъ скорби своей,

— отъ великой скорби своей: но она называется сегодня отвращеніемъ. А у кого же сегодня сердце, уста и глаза не полны отвращеніемъ? И у тебя! И у тебя! Но взгляни на этихъ коровъ!»—

Такъ говорилъ нагорный проповѣдникъ и поднялъ взоръ свой на Заратустру,—ибо до сей поры глядѣлъ онъ съ любовью на коровъ: и вдругъ преобразился онъ. «Кто это, съ кѣмъ говорю я? Боскликнулъ онъ въ испугѣ и вскочилъ съ земли.

Это человѣкъ свободный отъ отвращенія, это самъ Заратустра, побѣдитель великаго отвращенія, это глаза, это уста, это сердце самого Заратустры».

И, говоря это, онъ, съ глазами полными слезъ, поцѣловаль руку тому, кому онъ говорилъ, и велъ себя совсѣмъ какъ тотъ, кому неожиданно падаетъ съ неба драгоценный даръ или сокровище. А коровы смотрѣли на все это и удивлялись.

«Не говори обо мнѣ ты, странный, дорогой мечтатель! сказалъ Заратустра, защищаясь отъ его нѣжности, говори сперва о себѣ! Не тотъ ли ты добровольный нищій, который нѣкогда отказался отъ большого богатства,—

— который устыдился богатства своего и богатыхъ и бѣжалъ къ самымъ бѣднымъ, чтобъ отдать имъ избытокъ свой и сердце свое? Но они не приняли его».

«Но они не приняли меня, сказалъ добровольный нищій, ты хорошо знаешь это. Такъ что пошелъ я наконецъ къ звѣрямъ и коровамъ этимъ».

«Тамъ научился ты, прервалъ Заратустра говорившаго, насколько труднѣе умѣть дарить, чѣмъ умѣть брать, и что хорошо дарить есть искусство, и при томъ высшее, самое мудреное искусство доброты».

«Особенно въ наши дни, отвѣчалъ добровольный нищій: осо-

бенно теперь, когда все низкое возмутилось, стало недовѣрчивымъ и гордымъ по-своему: на манеръ толпы.

Ибо, ты знаешь, насталь часъ великаго возстанія толпы и рабовъ, возстанія гибельнаго, долгаго и медлительнаго: оно все растетъ и растетъ!

Теперь возмущаетъ низшихъ всякое благодѣяніе и пренебрежительная милостыня; и тѣ, кто слишкомъ богатъ, пусть будутъ насторожѣ!

Кто сегодня, подобно пузатой бутылкѣ, сочится сквозь слишкомъ узкое горлышко:—у такихъ бутылей любятъ теперь отбивать горлышко.

Похотливая алчность, желчная зависть, подавленная мстительность, гордость толпы: все это бросилось мнѣ въ глаза. Уже не вѣрно, что нищіе блаженны. Но царство небесное у коровъ».

«А почему же оно не у богатыхъ?» спросилъ испытующе Заратустра, отгоняя коровъ, которыя дружески обнюхивали миролюбиваго проповѣдника.

«Къ чему испытujesz ты меня? отвѣчалъ онъ. Ты самъ знаешь это лучше меня. Что же гнало меня къ самымъ бѣднымъ. о, Заратустра? развѣ не отвращеніе къ нашимъ богачамъ?

— къ каторжникамъ богатства, извлекающимъ выгоды свои изъ всякаго мусора, съ холодными глазами и похотливыми мыслями, къ этой черни, отъ которой подымается къ небу зловоніе.

— къ этой раззолоченной, лживой черни, предки которой были ворами или стервятниками или тряпичниками, падкими до женщинъ, похотливыми и забывчивыми: — ибо всѣ они недалеко ушли отъ блудницы—

Чернь сверху, чернь снизу! Что значитъ сегодня «бѣдный» и «богатый»? Эту разницу забылъ я,—и бѣжалъ я все дальше и дальше, пока я не пришелъ къ этимъ коровамъ».

Такъ говорилъ миролюбивый проповѣдникъ, а самъ тяжело дышалъ и потѣлъ при своихъ словахъ: такъ что коровы снова удивлялись. Но Заратустра, пока онъ такъ жестко говорилъ, смотрѣлъ ему съ улыбкою въ лицо и молча качалъ при этомъ головою.

«Ты дѣлаешь надъ собою насиліе, ты нагорный проповѣдникъ, употребляя такія жесткія слова. Для такой жесткости не годятся ни твои уста, ни твои глаза.

И, какъ мнѣ кажется, даже желудокъ твой: ему противны

всякій гнѣвъ и всякая ненависть съ пѣною. Твой желудокъ требуетъ болѣе мягкой пищи: ты не любитель мяса.

Скорѣе кажешься ты мнѣ любителемъ растительной пищи и собирателемъ травъ и корней. Быть можетъ, жуешь ты зерна. Во всякомъ случаѣ ты не находишь удовольствія въ мясѣ и любишь медъ».

«Ты угадалъ, отвѣчалъ добровольный нищій съ облегченнымъ сердцемъ. Я люблю медъ и жую зерна, ибо я ищу, что вкусно и дѣлаетъ дыханіе чистымъ:

— а также что требуетъ много времени и надъ чѣмъ трудятся цѣлые дни рты кроткихъ лѣнтяевъ и тунеядцевъ.

Но дальше всѣхъ ушли въ этомъ эти коровы: онѣ выдумали пережевыванье и лежаніе на солнцѣ. И онѣ воздерживаются отъ всякихъ тяжелыхъ мыслей, отъ которыхъ пучитъ сердце».

«Ну, что-жъ! сказалъ Заратустра: тебѣ бы слѣдовало посмотрѣть также м о и хъ звѣрей, орла моего и змѣю мою,—равныхъ имъ не существуетъ теперь на землѣ.

Смотри, тамъ дорога ведетъ къ пещерѣ моей: будь гостемъ ся эту ночь. И поговори со звѣрями моими о счастья звѣрей,—

— пока я самъ не вернусь. А теперь меня поспѣшно отзываетъ отъ тебя крикъ о помощи. Также найдешь ты новый медъ у меня, въ свѣжихъ янтарныхъ сотахъ: ѣшь его!

А теперь простись поскорѣе съ своими коровами, странный, дорогой мечтатель! какъ бы тебѣ тяжело это ни было. Ибо это лучшіе учителя твои и друзья!»—

— «За исключеніемъ одного, котораго я люблю еще больше, ствѣчалъ добровольный нищій. Ты самъ добрый и лучше еще, чѣмъ всякая корова, о, Заратустра!»

«Прочь уходи отъ меня! ты низкій льстецъ! закричалъ Заратустра со злобою, зачѣмъ портишь ты меня такой похвалой и медомъ лести?»

«Прочь, прочь отъ меня!» закричалъ онъ еще разъ и замахнулся своей палкой на нѣжнаго нишаго; но тотъ поспѣшно бѣжалъ отъ него.

Т Ъ Н Ъ.

Но едва убъжалъ добровольный нищій, и Заратустра остался опять одинъ съ собою, какъ услышалъ онъ позади себя новый голосъ, взывавшій: «Стой! Заратустра! Подожди же меня! Въдь это я, о. Заратустра. я, тѣнь твоя!» Но Заратустра не остановился, ибо внезапная досада овладѣла имъ, что такое скопленіе въ горахъ у него. «Куда же дѣвалось уединеніе мое? говорилъ онъ.

Понстинѣ, это становится слишкомъ много для меня; эти горы кишатъ людьми, царство мое уже не отъ міра сего, мнѣ нужны новыя горы.

Моя тѣнь зоветъ меня? Что мнѣ до тѣни моей! Пусть бѣжитъ за мною! я—убѣгу. отъ нея».

Такъ говорилъ Заратустра въ сердцѣ своемъ и бѣжалъ дальше. Но тотъ, кто былъ позади его, слѣдовалъ за нимъ: такъ что образовалось трое бѣгущихъ одинъ за другимъ,—впереди бѣжалъ добровольный нищій, потомъ Заратустра и позади всѣхъ тѣнь его. Но недолго бѣжали они такъ, ибо Заратустра скоро созналъ безуміе свое и сразу стряхнулъ съ себя всякую досаду и всякое отвращеніе.

«Какъ! говорилъ онъ, развѣ самыя смѣшныя вещи съ давнихъ поръ не случались съ нами, старыми отшельниками и святыми?

Понстинѣ, безуміе мое сильно выросло въ горахъ! И вотъ теперь слышу я, какъ шесть старыхъ ногъ, принадлежащихъ безумцамъ, бѣгутъ одна за другой!

Но развѣ Заратустра имѣетъ право бояться какой-нибудь тѣни? И наконецъ, мнѣ кажется, что ноги ея длиннѣе моихъ».

Такъ говорилъ Заратустра, смѣясь глазами и всѣмъ нутромъ своимъ; онъ остановился и быстро обернулся назадъ, такъ что чуть не опрокинулъ на землю тѣнь, которая преслѣдовала его: такъ близко слѣдовала она по пятамъ его, и такъ слаба была она. Ибо, когда онъ измѣрилъ ее глазами, испугался онъ, какъ передъ внезапнымъ призракомъ: такъ худъ, черенъ, истощенъ и старъ былъ этотъ преслѣдователь.

«Кто ты? спросилъ Заратустра грубо, что дѣлаешь ты здѣсь? И почему называешь ты себя моей тѣнью? Ты не нравишься мнѣ».

«Прости меня, отвѣчала тѣнь, что это я; и если я тебѣ не нравлюсь, ну, что-жъ! о. Заратустра, я хвалю тебя и твой хорошій вкусъ.

Ницше.—Такъ говорилъ Заратустра.

Я—странникъ, который уже много ходилъ по пятамъ твоимъ: вѣчно въ дорогѣ, но безъ цѣли и даже безъ родины: такъ что мнѣ, поистинѣ, немногого недостаетъ для вѣчнаго жида, только что не вѣченъ я и не жидъ.

Какъ? Неужели должна я всегда быть въ пути? Увлекаемой и гонимой каждымъ вѣтромъ? О, земля, ты стала для меня слишкомъ круглой!

На всякой поверхности побывала я уже; какъ усталая пыль, спала я на зеркалахъ и оконныхъ стеклахъ: все беретъ отъ меня, но ничто не даетъ, я становлюсь тощей.—почти похожу я на тѣнь.

Но за тобой, о, Заратустра, я слѣдовала и преслѣдовала тебя дольше всего, и если я и пряталась отъ тебя, все-таки я была твоей вѣрной тѣнью: гдѣ ты только садился, садилась и я.

Съ тобой обошла я самые далекіе, самые холодные міры, какъ призракъ, которому нравится бѣгать зимою по крышамъ и по снѣгу.

Вмѣстѣ съ тобою стремилась я ко всему запретному, самому дурному и дальнему: и если что-нибудь во мнѣ можетъ быть названо добродѣтелью, такъ это то, что не боялась я никакого запрета.

Вмѣстѣ съ тобою разбила я все, что когда-либо читло сердце мое, всѣ пограничные столбы и всѣхъ иловъ опрокинула я, за самыми опасными желаніями гонялась я, — поистинѣ, по всѣмъ преступленіямъ однажды прошла я.

Вмѣстѣ съ тобою разучилась я вѣрѣ въ слова, цѣнности и великія имена. Когда чортъ мѣняетъ кожу, не отпадаетъ ли тогда также и имя его? Ибо имя есть только кожа. И самъ чортъ, быть можетъ,—только кожа.

«Нѣтъ истины, все дозволено»: такъ убѣждала я себя. Въ самыя холодныя воды погружалась я съ сердцемъ и головою. Ахъ, какъ часто стояла я поэтому нагая и красная, какъ ракъ!

Ахъ, куда дѣвалось все доброе, и весь стыдъ, и вся вѣра въ добрыхъ! Ахъ, куда дѣвалась та лживая невинность, которой нѣкогда обладала я, невинность добрыхъ и ихъ благородной лжи!

Слишкомъ часто, поистинѣ, слѣдовала я по пятамъ за истинной: и она грубо отвергала меня. Много разъ думала я, что лгу, и только тогда прикасалась я—къ истинѣ.

Слишкомъ многое прояснилось для меня: теперь оно уже не касается меня. Уже ничто не живо, что я люблю,—какъ могла бы я еще любить самое себя?

«Жить, какъ мнѣ нравится, или вовсе не жить»: такъ хочу я, такъ хочеть даже святой. Но, увы! есть ли еще для меня—радость?

Есть ли еще у меня—цѣль? Пристань, куда бѣжить корабль мой?

Попутный вѣтеръ? Ахъ, только тотъ, кто знаетъ, куда онъ ѣдетъ, знаетъ также, какой вѣтеръ попутный ему.

Что еще осталось мнѣ? Усталое, дерзкое сердце; безпокойная боля; крылья негодныя, чтобъ летать; разбитый позвоночный столбъ.

А это исканіе своего дома: о, Заратустра, ты вѣдь знаешь, это исканіе было наказаніемъ моимъ, оно пожираетъ меня.

«Гдѣ—домъ мой?» Я спрашиваю о немъ, ищу и искала его, и нигдѣ не нашла. О, вѣчное вездѣ, о, вѣчное нигдѣ, о, вѣчное—напрасно!»

Такъ говорила тѣнь, и лицо Заратустры вытягивалось при словахъ ея. «Да, ты—моя тѣнь, сказалъ онъ наконецъ съ грустью.

И не малая опасность грозитъ тебѣ, ты свободный духъ и странникъ! Плохой день былъ у тебя: смотри, какъ бы не наступилъ еще худшій вечеръ!

Такимъ безпокойнымъ, какъ ты, можетъ наконецъ даже тюрьма показаться блаженствомъ. Видѣла ли ты когда-нибудь, какъ спать заключенные преступники? Они спятъ спокойно, они наслаждаются впервые своей безопасностью.

Берегись, чтобы тебя, наконецъ, не уловила въ сѣти какая-нибудь узкая вѣра, какое-нибудь жестокое, суровое заблужденіе! Ибо теперь соблазняетъ и искушаетъ тебя все узкое и твердое.

Ты утратила цѣль: увы, какъ утѣшиться тебѣ въ этой утратѣ? Вмѣстѣ съ тѣмъ ты—потеряла и дорогу!

Бѣдный, блуждающій мечтатель, уставшій мотылекъ! не хочешь ли ты на этотъ вечеръ имѣть пристанище и отдыхъ? Такъ иди вверхъ въ пещеру мою!

Эта дорога ведетъ къ пещерѣ моей. А теперь я скорѣе убѣгу отъ тебя. Уже дожится какъ бы тѣнь на меня.

Я побѣгу одинъ, чтобъ опять стало свѣтло вокругъ меня. Къ тому же я еще долго долженъ быть веселъ и на ногахъ. Вечеромъ же будутъ у меня—танцы!»—

Такъ говорилъ Заратустра.

Въ полдень.

— И Заратустра все бѣжалъ, и не находилъ никого больше. Онъ былъ одинъ и продолжалъ встрѣчать только себя, онъ наслаждался и упивался своимъ одиночествомъ, и думалъ о хорошихъ вещахъ,—въ теченіе цѣлыхъ часовъ. Въ полуденный часъ, когда солнце стояло прямо надъ головой Заратустры, проходилъ онъ мимо стараго дерева, кривого и суковатаго, которое кругомъ было охвачено богатой любовью виноградной лозы и скрыто отъ себя самого: съ него свѣшивались путнику въ изобиліи желтые грозди. Тогда захотѣлось ему утолить маленькую жажду и сорвать одну кисть; но едва протянулъ онъ къ ней руку, какъ овладѣло имъ другое желаніе, болѣе сильное: лечь подъ деревомъ въ самый полдень и уснуть.

Такъ и сдѣлалъ Заратустра; и только что онъ легъ на землю, среди таинственной тиши пестраго луга, какъ забылъ уже о своей маленькой жадѣ и заснулъ. Ибо, какъ гласить поговорка Заратустры: одно бываетъ необходимѣе другого. Только глаза его оставались открытыми:—ибо они не могли до сыта насмотрѣться и насладиться деревомъ и любовью къ нему виноградной лозы. Но засыпая, такъ говорилъ Заратустра въ сердцѣ своемъ:

«Тише! Тише! Не сталъ ли міръ совершененъ? Что-жъ однако происходитъ со мной?

Какъ легкій вѣтерокъ невидимо танцуетъ по гладкому морю, легкій, какъ перышко: такъ—сонъ танцуетъ на мнѣ.

Глазъ не смыкаетъ онъ мнѣ, душу оставляетъ онъ бодрствовать. Легокъ онъ, поистинѣ! легокъ какъ перышко.

Онъ убѣждаетъ меня, я не знаю какъ? онъ дотрогивается внутри меня ласкающей рукою, онъ принуждаетъ меня. Да, онъ принуждаетъ мою душу потягиваться:—

— какой она становится длинной и усталой, моя странная душа! Неужели вечеръ седьмого дня пришелъ для нея какъ разъ въ полдень? Ужъ не блуждала ли она слишкомъ долго, блаженная, среди добрыхъ и зрѣлыхъ вещей?

Долго потягивается она,—все больше и больше! она лежитъ тихо, странная душа моя. Слишкомъ ужъ много добраго вкусила она; эта золотая печаль гнететъ ее, она сковываетъ уста.

— Какъ корабль, зашедшій въ самую тихую пристань свою:

—теперь опирается онъ на землю, усталый отъ долгихъ странствій и невѣдомыхъ морей. Развѣ земля не надежнѣе?

Когда такой корабль пристаеъ къ берегу, жмется къ нему:— тогда достаточно, чтобъ паукъ протянулъ отъ земли къ нему паутину свою. Въ болѣе крѣпкой веревкѣ нѣтъ надобности.

Какъ такой усталый корабль въ тихой пристани: такъ отдыхаю и я теперь близъ земли, преданный, довѣрчивый, ожидающій, привязанный къ ней тончайшими нитями.

О, счастье! О, счастье! Не хочешь ли ты запѣть, о, душа моя? Ты лежишь въ травѣ. Но теперь таинственный, торжественный часъ, когда ни одинъ пастухъ не играетъ на свирѣли своей.

Берегись! Жаркій полдень спитъ на нивахъ. Не пой! Тише! Міръ совершененъ.

Не пой, ты птица луговъ, о, душа моя! Не говори даже шопотомъ! Смотри—кругомъ тишина! старый полдень спитъ, онъ шевелитъ губами: не пьетъ ли онъ сейчасъ каплю счастья—

— старую, потемнѣвшую каплю золотого счастья, золотого вина? Счастье пробѣгаетъ по немъ. его счастье смѣется. Такъ— смѣется богъ. Тише!—

— «Для счастья, какъ мало надо для счастья!» Такъ говорилъ я когда-то и считалъ себя мудрымъ. Но это была хула, э т о м у научился я теперь. Мудрые безумцы говорятъ лучше.

Ибо все самое малое, самое тихое, самое легкое, шорохъ ящерицы, дуновение, мгновение, мигъ — малое количество составляетъ качество лучшаго счастья. Тише!

— Что случилось со мною: слушай! Не улетѣло ли время? Не падаю ли я? Не упалъ ли я—въ колодезь вѣчности?

— Что происходитъ со мною? Тише! Меня кольнуло — о, горе!—въ сердце? Въ самое сердце! О, разбейся, разбейся, сердце, послѣ такого счастья, послѣ такого укола!

— Какъ? Не сталъ ли міръ сейчасъ совершененъ? Круглымъ и зрѣлымъ? О. золотой круглый дискъ—куда летитъ онъ? Развѣ я бѣгу за нимъ! Тише!

Тише»—(тутъ Заратустра потянулся и почувствовалъ, что спитъ).

«Вставай, ты, сонливецъ! говорилъ онъ самому себѣ. Ты. спящій въ полдень! Ну, вставайте, вы старыя ноги! Уже пора, давно пора. еще добрый конецъ пути остался вамъ.—

Теперь вы выспались, долго ли спали вы? Половину вѣчности!

Ну, вставай теперь, мое старое сердце! Много ли нужно тебѣ времени послѣ такого сна—чтобъ проснуться?»

(Но тутъ онъ снова заснулъ, а душа его противилась, защищалась и опять легла)—«Оставь же меня! Тише! Не сталъ ли міръ сейчасъ совершененъ? О, золотой круглый дискъ!»—

«Вставай, говорилъ Заратустра, ты маленькая воровка, лѣнтяйка! Какъ? Все еще потягиваться, зѣвать, вздыхать и падать въ глубокіе колодцы?»

Кто же ты, о, душа моя!» (и тутъ испугался онъ, ибо солнечный лучъ упалъ съ неба на лицо ему).

«О, небо надо мной, сказалъ онъ вздыхая и сѣлъ, ты глядишь на меня? Ты слушаешь странную душу мою?»

Когда выпьешь ты эту каплю росы, упавшую на все земное,— когда выпьешь ты эту странную душу—

— когда, колодезь вѣчности! ты радостная, ужасающая полуденная бездна! когда обратно втянешь ты въ себя мою душу?»

Такъ говорилъ Заратустра и поднялся съ ложа своего у дерева, какъ будто послѣ страннаго опьяненія; а солнце все еще стояло прямо надъ головою его. Изъ этого можно заключить справедливо, что Заратустра въ тотъ разъ спалъ недолго.

* * *

Привѣтствіе.

Лишь поздно вечеромъ, послѣ долгихъ, напрасныхъ исканій, Заратустра опять вернулся къ пещерѣ своей. Но когда онъ остановился передъ нею не болѣе, какъ въ двадцати шагахъ, случилось то, чего онъ теперь ожидалъ всего менѣе: снова услыхалъ онъ великій крикъ о помощи. И, странно! на этотъ разъ крикъ исходилъ изъ его собственной пещеры. Но это былъ долгій, сложный, странный крикъ, и Заратустра ясно различалъ, что онъ состоитъ изъ многихъ голосовъ: только издали можно было принять его за крикъ изъ однихъ только устъ.

Тогда Заратустра бросился къ пещерѣ своей, и вотъ какое зрѣлище ожидало его тотчасъ послѣ этого хора! Тамъ сидѣли въ сборѣ всѣ, съ кѣмъ провелъ онъ день: король направо и король налево, старый чародѣй, папа, добровольный нищій, тѣнь, совѣстливый духомъ, мрачный прорицатель и осель; а самый безобраз-

ный человѣкъ надѣлъ на себя корону и опоясался двумя красными поясами—ибо онъ любилъ, какъ всѣ безобразные, красиво одѣваться. Посреди же этого печальнаго общества стоялъ орелъ Заратустры, взъерошенный и тревожный, ибо онъ долженъ былъ на многое отвѣчать, на что у гордости его не было отвѣта; а мудрая змѣя висѣла вокругъ шеи его.

На все это смотрѣлъ Заратустра съ великимъ удивленіемъ; затѣмъ разглядѣлъ онъ отдѣльно каждаго изъ гостей своихъ съ снисходительнымъ любопытствомъ, читалъ въ душѣ ихъ и удивлялся снова. Тѣмъ временемъ собравшіеся поднялись съ мѣстъ своихъ и почтительно ожидали, чтобъ Заратустра заговорилъ. Заратустра же говорилъ такъ:

«Вы отчаявшіеся! Вы странные люди! Это вашъ крикъ о помощи слышалъ я? И теперь знаю я, гдѣ надо искать того, кого тщетно искалъ я сегодня: вы сшаго чело в ѣ ка:—

— въ моей собственной пещерѣ сидитъ онъ, высшій чело в ѣ къ! Но чему удивляюсь я! Не самъ ли я привлекъ его къ себѣ медовыми жертвами и хитрыми приманками счастья своего?

Однако, мнѣ кажется, что вы не годитесь для совмѣстнаго общества, вы, взывающіе о помощи, вы смущаете сердце другъ другу, сидя здѣсь вмѣстѣ? Сперва долженъ придти нѣкто,

— нѣкто, который опять заставитъ васъ смѣяться, добрый, веселый шутникъ, танцоръ, вѣтеръ, сорви-голова, какой-нибудь старый безумецъ:—какъ кажется вамъ?

Но простите мнѣ, вы отчаявшіеся, что я обращаюсь къ вамъ съ такой ничтожной рѣчью, недостойной, поистинѣ, такихъ гостей! Но вы не догадываетесь, что дѣлаетъ бодримъ сердце мое:—

— вы сами дѣлаете это и видъ вашъ, простите мнѣ! Ибо всякій, кто смотритъ на отчаявшагося, становится бодримъ. Чтобъ утѣшить отчаявшагося—для этого считаетъ себя каждый достаточно сильнымъ.

Мнѣ самому придали вы эту силу,—драгоценный даръ, мои высокіе гости! Настоящій подарокъ гостей! Ну, что-жъ, не сердитесь, что я предлагаю вамъ свой.

Здѣсь царство мое и владѣнія мои: но все мое на этотъ вечеръ и эту ночь должно быть и вашимъ. Пусть звѣри мои служатъ вамъ: пусть будетъ пещера моя мѣстомъ отдохновенія вашего!

Въ моемъ домѣ, у очага моего никто не долженъ отчаяваться,

съ моихъ владѣнiяхъ защищаю я каждого отъ дикихъ звѣрей его. И первое, что предлагаю я вамъ: безопасность!

Второе же: мой мизинецъ. И если онъ у васъ, возьмите и всю руку, ну, что-жъ! и сердце въ придачу! Милости просимъ, поклонъ вамъ, желанные гости мои!»

Такъ говорилъ Заратустра и смѣялся полный любви и злобы. Послѣ этого привѣтствiя гости его вторично поклонились ему въ почтительномъ молчанiи; король же направо отвѣчалъ ему отъ ихъ имени.

«По тому, о, Заратустра, какъ ты предложилъ намъ руку и привѣтъ свой, узнаемъ мы въ тебѣ Заратустру. Ты унизился передъ нами, почти оскорбилъ наше уваженiе къ тебѣ:—

— но кто сумѣлъ бы, какъ ты, унизиться съ такой гордостью? Это ободряетъ насъ самихъ, это услада для глазъ и сердецъ нашихъ.

Чтобъ видѣть только это, мы охотно поднялись бы на болѣе высокiя горы, чѣмъ эта гора. Ибо, какъ любители зрѣлищъ, пришли мы, мы хотѣли видѣть, что дѣлаетъ яснымъ печальный взоръ.

И вотъ, уже прекратился всякiй крикъ нашъ о помощи. Уже открыты мысли и сердца наши и восхищены. Немного надо: и наше мужество станетъ бодрымъ.

Ничего, о, Заратустра, не растетъ на землѣ болѣе радостнаго, какъ высокая, сильная воля: она прекраснѣйшее изъ произведенiй ея. Цѣлый ландшафтъ оживляется отъ одного такого дерева.

Съ кедромъ сравниваю я, о, Заратустра, всякаго, кто вырастаетъ подобно тебѣ: высокiй, молчаливый, твердый. одинокий, сдѣланный изъ лучшаго гибкаго дерева, прекрасный,—

— простирающiй крѣпкiя зеленые вѣтви за предѣлы господства своего, энергично вопрошающiй вѣтры и бурю и все. что отъ вѣка близко къ высотамъ,

— еще энергичнѣе отвѣчающiй, повелѣвающiй, побѣдоносный: о, кто бы ни поднялся на высокiя горы, чтобъ только посмотреть на такiя деревья?

Подъ деревомъ твоимъ, о, Заратустра, оживляется и печальный и неудачникъ, при видѣ тебя успокоивается безпокойный, и исцѣляется сердце его.

И, поистинѣ, на гору твою и къ дереву твоему обращены сегодня многiе взоры: возникло великое томленiе, и многiе научились спрашивать: кто такой Заратустра?

И всѣ, кому ты нѣкогда по каплямъ вливалъ въ уши пѣсню

свою и медь свой: всѣ, кто прятался, кто жилъ одиноко или вдвоемъ, заговорили сразу къ сердцу своему:

«Живъ ли еще Заратустра? Не стоитъ больше жить, все равно, все тщетно:—мы должны жить съ Заратустрой!»

«Почему не приходитъ тотъ, кто такъ давно возвѣстилъ о себѣ? такъ вопрошаютъ многіе; не поглотило ли его одиночество? Или мы должны сами пойти къ нему?»

Теперь случается, что само одиночество перетлѣло и распадается, подобно могилѣ, которая распадается и не можетъ больше держать мертвецовъ своихъ. Всюду видны воскресіе.

Теперь волны поднимаются все выше и выше вокругъ горы твоей, о, Заратустра. И какъ ни высока высота твоя, многіе должны подняться къ тебѣ; твой челнъ уже недолго останется на сушѣ.

И то, что мы, отчаявшіеся, теперь пришли въ пещеру твою и уже больше не отчаиваемся: служить лишь предзнаменованіемъ, что лучшіе находятся на пути къ тебѣ,—

— ибо онъ самъ находится на пути къ тебѣ, послѣдній остатокъ бога среди людей, а таковы именно: всѣ люди великаго томленія, великаго отвращенія, великаго пресыщенія,

— всѣ, кто не хочетъ жить, если только не научится снова надеяться—если только не научится у тебя, о, Заратустра, великой надеждѣ!»

Такъ говорилъ король направо и схватилъ руку Заратустры, чтобъ поцѣловать ее; но Заратустра уклонился отъ его почитанія и отступилъ съ испугомъ, молча и какъ бы внезапно устремляясь въ широкую даль. Но немного спустя былъ онъ уже опять у гостей своихъ, смотрѣлъ на нихъ яснымъ, испытующимъ взоромъ и говорилъ:

«Гости мои, вы высшіе люди, я хочу говорить съ вами по-нѣмецки и ясно. Не вась ожидалъ я здѣсь, въ этихъ горахъ».

(«По-нѣмецки и ясно? Боже, упаси! сказалъ тутъ король налѣво; замѣтно, онъ не знаетъ милыхъ нѣмцевъ, этотъ мудрецъ съ востока!»)

Но онъ хочетъ сказать «по-нѣмецки и грубо»—ну, что-жъ! Для сегодня это еще не худшій вкусъ!»)

Пускай, поистинѣ, вы будете вмѣстѣ взятые, высшими людьми: но для меня—вы недостаточно высоки и недостаточно сильны.

Для меня, это значить: для неумолимаго, что молчить во мнѣ.

но не всегда будет молчать. Если вы и принадлежите мнѣ, то все-таки не такъ, какъ правая рука моя.

Ибо кто самъ ходитъ на больныхъ и слабыхъ ногахъ, подобно вамъ, тотъ хочетъ прежде всего, знаетъ ли онъ это, или скрываетъ отъ себя: чтобъ щадили его.

Но ни рукъ моихъ, ни ногъ моихъ не щажу я, я не щажу своихъ воиновъ: какъ же могли бы вы годиться для моей войны?

Съ вами погубилъ бы я всякую побѣду. И многіе изъ васъ упали бы, какъ только услышали бы громкій бой барабановъ моихъ.

Также вы для меня недостаточно прекрасны и недостаточно благородны. Я употребляю чистыя и гладкія зеркала для ученія своего; а на вашей поверхности искажается даже собственный образъ мой.

Ваши плечи давить много тяжестей, много воспоминаній; много злыхъ карликовъ сидитъ, скорчившись, въ закоулкахъ вашихъ. Даже въ васъ есть скрытая чернь.

И пусть вы высоки и болѣе высокаго рода: многое въ васъ криво и безобразно. Нѣтъ въ мірѣ кузнеца, который могъ бы исправить и выпрямить васъ.

Вы только мостъ: чтобы высшіе перешли черезъ васъ! Вы сзнаете ступени: не сердитесь же на того, кто по васъ поднимается на высоту свою!

Быть можетъ, изъ сѣмени вашего нѣкогда вырастетъ настоящий сынъ и совершенный наслѣдникъ мой: но это еще далеко. Сами вы не тѣ, кому принадлежитъ наслѣдство мое и имя мое.

Не васъ жду я здѣсь, въ этихъ горахъ, не съ вами спущусь я внизъ въ послѣдній разъ. Только какъ предзнаменованіе, пришли вы ко мнѣ, что высшіе люди находятся уже на пути ко мнѣ,—

— не люди великаго томленія, великаго отвращенія, великаго пресыщенія, и не тѣ, что называли вы послѣднимъ остаткомъ бога.

— Нѣтъ! нѣтъ! трижды нѣтъ! Другихъ жду я здѣсь, въ этихъ горахъ, и безъ нихъ не шевельну я ногой, чтобъ уйти отсюда,

— высшихъ, болѣе сильныхъ, побѣдоносныхъ, болѣе веселыхъ, такихъ, у которыхъ правильно построены тѣло и душа: смѣющіеся львы должны придти!

О, желанные гости мои, вы странные люди,—неужели вы еще

ничего не слышали о дѣтяхъ моихъ? И что они находятся на пути ко мнѣ?

Говорите же мнѣ о садахъ моихъ, о блаженныхъ островахъ моихъ, о новомъ прекрасномъ потомствѣ моемъ,—почему не говорите вы мнѣ о нихъ?

Объ этомъ дарѣ прошу я у любви вашей, чтобъ говорили вы мнѣ о дѣтяхъ моихъ. Ими богатъ я, чрезъ нихъ обѣднѣлъ я: чего не отдалъ я,—

— чего ни отдалъ бы я, чтобъ имѣть лишь одно: э т и х ъ дѣтей, э т и живыя насажденія, э т и деревья жизни, моей воли и моей высшей надежды!»

Такъ говорилъ Заратустра и внезапно прервалъ рѣчь свою: ибо имъ овладѣло томленіе его, и онъ сомкнулъ глаза и уста, такъ велико было движеніе сердца его. И всѣ гости его также молчали, неподвижные и смущенные: одинъ только старый прорицатель дѣлалъ знаки рукою и выраженіемъ лица своего.

* * *

П и р ь.

На этомъ мѣстѣ прорицатель прервалъ привѣтствіе Заратустры и гостей его: онъ протѣснился впередъ, какъ тотъ, кому нельзя терять времени, схватилъ руку Заратустры и воскликнулъ: «Но, Заратустра!

Одно бываетъ необходимѣе другого, такъ говоришь ты самъ: ну, что-жъ, одно для м е н я теперь необходимѣе всего остального.

Кстати: развѣ не пригласилъ ты меня на п и р ь? И здѣсь находятся многіе, совершившіе длинный путь. Не рѣчами же хочешь ты накормить насъ?

Кромѣ того, всѣ мы уже слишкомъ много говорили о замерзаніи, утопленіи, удушеніи и другихъ тѣлесныхъ бѣдствіяхъ: но никто не вспомнилъ о м о е й бѣдѣ, о страхѣ умереть съ голоду»—

(Такъ говорилъ прорицатель; но когда звѣри Заратустры услыхали слова эти, они со страху убѣжали. Ибо они видѣли, что всего принесеннаго ими въ теченіе дня будетъ недостаточно, чтобъ накормить до сыта одного только прорицателя).

«Включая сюда и страхъ умереть отъ жажды, продолжалъ

прорицатель. И хотя я слышу, что вода здѣсь журчитъ, подобно рѣчамъ мудрости, въ изобиліи и неустанно: но я—хочу вина!

Не всякій, какъ Заратустра, пьетъ отъ рожденья одну только воду. Вода не годится для усталыхъ и поблекшихъ: н а м ъ нужно вино,—только о н о даетъ внезапное выздоровленіе и импровизованное здоровье!»

При этомъ удобномъ случаѣ, пока прорицатель просилъ вина, удалось и королю налѣво, молчаливому, также промолвить слово. «О винѣ, сказалъ онъ, мы позаботились, я съ моимъ братомъ, королемъ направо: у насъ вина достаточно,—цѣлый осель. Такъ что недостаеъ только хлѣба».

«Хлѣба? возразилъ Заратустра, смѣясь. Какъ разъ хлѣба и не бываетъ у отшельниковъ. Но не однимъ только хлѣбомъ живъ человѣкъ, но и мясомъ хорошихъ ягнятъ, а у меня ихъ двое:

— пусть скорѣе заколютъ ихъ и приправятъ ароматомъ шалфея: такъ люблю я. Также нѣтъ недостатка въ кореньяхъ и плодахъ, годныхъ даже для лакомокъ и гастрономовъ; есть также орѣхи и другія загадки, чтобъ пощелкать.

Мы скоро устроимъ знатный пиръ. Но кто хочетъ въ немъ участвовать, долженъ также приложить руки, даже короли. Ибо у Заратустры даже король можетъ быть поваромъ».

Это предложеніе пришлось всѣмъ по сердцу: только добровольный нищій былъ противъ мяса, вина и пряностей.

«Слушайте-жъ этого обжору Заратустру! сказалъ онъ шутиливо: для того-ль идутъ въ пещеры и на высокія горы, чтобы устраивать такіе пиры?

Теперь понимаю я, чему онъ нѣкогда насъ училъ, говоря: «Хвала малой бѣдности!» почему и онъ хочетъ уничтожить нищихъ».

«Будь веселъ, какъ я, отвѣчалъ Заратустра. Оставайся при своихъ привычкахъ, превосходный человѣкъ! жуй свои зерна, пей свою воду, хвали свою кухню: если только она веселитъ тебя!

Я законъ только для моихъ, а не законъ для всѣхъ. Но кто принадлежитъ мнѣ, долженъ имѣть крѣпкія кости и легкую поступь,—

— находить удовольствіе въ войнахъ и пиршествахъ, а не быть хмурымъ мечтателемъ, быть готовымъ ко всему самому трудному, какъ къ празднику своему, быть здоровымъ и невредимымъ.

Лучшее принадлежитъ моимъ и мнѣ; и если не дадутъ намъ

его, мы сами его беремъ:—лучшую пищу, самое чистое небо, самыя мощныя мысли, самыхъ прекрасныхъ женщинъ!»—

Такъ говорилъ Заратустра; но король направо замѣтилъ: «Странно! Слыханы ли когда-нибудь такія умныя рѣчи изъ устъ мудреца?»

И, поистинѣ, весьма рѣдко встрѣчается мудрецъ, который вдобавокъ былъ бы уменъ и не былъ бы осломъ».

Такъ говорилъ король направо и удивлялся; осель же зло-
ратно прибавилъ къ его рѣчи И-А. Это и было началомъ той продолжительной бесѣды, которая названа «пиромъ» въ историческихъ книгахъ. Но во время этого пира не говорилось ни о чемъ другомъ, какъ только о высшемъ человѣкѣ.

* * *

О высшемъ человѣкѣ.

I.

Когда въ первый разъ пошелъ я къ людямъ, совершилъ я безуміе отшельника, великое безуміе: я явился на базарную площадь.

И когда я говорилъ ко всѣмъ, я ни къ кому не говорилъ. Но къ вечеру канатные плясуны были моими товарищами и трупы; и я самъ сталъ почти что трупомъ.

Но съ новымъ утромъ пришла ко мнѣ и новая истина: тогда научился я говорить: «Что мнѣ до базара и толпы, до шума толпы и длинныхъ ушей ея!»

Вы, высшіе люди, этому научитесь у меня: на базарѣ не вѣрить никто въ высшихъ людей. И если хотите вы тамъ говорить, ну, что-жъ! Но толпа моргаетъ: «мы всѣ равны».

«Вы, высшіе люди,—такъ моргаетъ толпа—не существуетъ высшихъ людей, мы всѣ равны, человѣкъ есть человѣкъ, предъ богомъ—мы всѣ равны!»

Передъ богомъ!—Но теперь умеръ этотъ богъ. Но передъ толпою мы не хотимъ быть равны. Вы, высшіе люди, уходите съ базара!

* * *

2.

Передъ богомъ!—Но теперь умеръ этотъ богъ! Вы высіе люди, этотъ богъ былъ вашей величайшей опасностью.

Съ тѣхъ поръ, какъ лежитъ онъ въ могилѣ, вы впервые воскресли. Только теперь наступаетъ великій полдень, только теперь высшій человѣкъ становится—господиномъ!

Поняли ли вы это слово, о братья мои? Вы испугались: встретилося сердце ваше? Не зіяетъ ли здѣсь бездна для васъ? Не лаетъ ли здѣсь адскій песъ на васъ?

Ну, что-жъ! впередъ! высіе люди! Только теперь гора человѣческаго будущаго готова родить. Богъ умеръ: теперь хотимъ мы,—чтобъ жилъ сверхъ-человѣкъ.

* * *

3.

Самые заботливые вопрошаютъ теперь: «какъ сохраниться человѣку?» Заратустра же спрашиваетъ, единственный и первый: «какъ превзойти человѣка?»

Къ сверхъ-человѣку лежитъ сердце мое, онъ для меня первое и единственное,—а не человѣкъ: не ближній, не самый бѣдный, не самый страждущій, не самый лучший.—

О, братья мои, если что я могу любить въ человѣкѣ, такъ это только то, что онъ есть переходъ и уничтоженіе И даже въ васъ есть многое, что пробуждаетъ во мнѣ любовь и надежду.

Ваша ненависть, о, высіе люди, пробуждаетъ во мнѣ надежду. Ибо великіе ненавистники суть великіе почитатели.

Ваше отчаяніе достойно великаго уваженія. Ибо вы не научились подчиняться, вы не научились маленькому благоразумію.

Ибо теперь маленькіе люди стали господами: они всѣ проповѣдуютъ покорность, скромность, благоразуміе, стараніе, осторожность и длинную вереницу остальныхъ маленькихъ добродѣтелей.

Все женское, все рабское, и особенно вся чернь: это хочетъ теперь стать господиномъ всей человѣческой судьбы — о, отвращеніе! отвращеніе! отвращеніе!

Они неустанно спрашиваютъ: «какъ лучше, долѣе и пріятнѣе сохраниться человѣку?» И потому—они господа сегодняшняго дня.

Этихъ господъ сегодняшняго дня превзойдите мнѣ, о, братья мои,

—этихъ маленькихъ людей: они величайшая опасность для сверхъ-человѣка!

Превзойдите мнѣ, о, высшіе люди, маленькія добродѣтели, маленькое благоразуміе, боязливую осторожность, кишѣнные муравьевъ, жалкое довольство, «счастье большинства»!—

И лучше ужъ отчаявайтесь, но не сдавайтесь. И поистинѣ, я люблю васъ за то, что вы сегодня не умѣете жить, о, высшіе люди! Ибо такъ вы живете—лучше всего!

* * *

4.

Есть ли въ васъ мужество, о, братья мои? Есть ли сердце въ васъ? Не мужество передъ свидѣтелями, а мужество отшельника и орла, на которое уже не смотреть даже богъ?

У холодныхъ душъ, у муловъ, у слѣпыхъ и у пьяныхъ нѣтъ того, что называю я мужествомъ. Лишь у того есть мужество, кто знаетъ страхъ, но побѣждаетъ его, кто видитъ бездну, но съ гордостью смотритъ въ нее.

Кто смотритъ въ бездну, но глазами орла, кто хватается бездну когтями орла: лишь въ томъ есть мужество.—

* * *

5.

«Человѣкъ золь»—такъ говорили мнѣ въ утѣшеніе всѣ мудрецы. Ахъ, еслибъ это и сегодня было еще правдой! Ибо зло есть лучшая сила человѣка.

«Человѣкъ долженъ становиться все лучше и злѣе» — такъ учу я. Самое злое нужно для блага сверхъ-человѣка.

Могло быть благомъ для проповѣдника маленькихъ людей, что страдалъ и несъ онъ грѣхи людей. Но я радуюсь великому грѣху, какъ великому утѣшенію своему.—

Но все это сказано не для длинныхъ ушей. Не всякое слово годится ко всякому рылу. Это тонкія, дальнія вещи: ноги овецъ не должны топтать ихъ!

* * *

6.

О, высшіе люди, не думаете ли вы, что я здѣсь для того, чтобъ исправить, что сдѣлали вы дурного?

Или что хочу я отнынѣ удобнѣ уложить васъ, страдающихъ? Или указать вамъ, безпокойнымъ, сбившимся съ пути и потерявшимъ въ горахъ, новыя, болѣе удобныя тропинки?

Нѣтъ! нѣтъ! трижды нѣтъ! Все больше, все лучшіе изъ рода вашего должны гибнуть,—ибо вамъ должно становиться все хуже и жестче. Ибо только этимъ путемъ—

— только этимъ путемъ вырастаетъ человѣкъ до той высоты, гдѣ молнія поражаетъ и убиваетъ его: достаточно высоко для молніи!

На немногое, на долгое, на дальнее направлена мысль моя и желаніе мое: что мнѣ до вашей маленькой, обыкновенной и короткой нищеты!

По-моему, вы еще недостаточно страдаете! Ибо вы страдаете изъ-за себя, вы еще не страдали изъ-за человѣка. Вы солгали бы, еслибъ сказали иначе! Никто изъ васъ не страдаетъ изъ-за того, изъ-за чего я страдалъ.—

* * *

7.

Мнѣ недостаточно, чтобъ молнія не вредила больше. Не отвращать хочу я ее: она должна научиться работать—для меня.

Моя мудрость собирается уже давно, подобно тучѣ, она становится все спокойнѣе и темнѣе. Такъ бываетъ со всякою мудростью, которая должна нѣкогда родить молнію.—

Для этихъ людей сегодняшняго дня не хочу я быть свѣтомъ, ни называться имъ. Ихъ—хочу я ослѣпить: молнія мудрости моей! выжги имъ глаза!

* * *

8.

Вы не должны ничего хотѣть свѣше силъ своихъ: дурная ложность присуща тѣмъ, кто хочетъ свѣше силъ своихъ.

Особенно, когда они хотятъ великихъ вещей! Ибо они воз-

буждаютъ недовѣріе къ великимъ вещамъ, эти ловкіе фальшивые монетки, эти комедіанты:—

— пока наконецъ они не изолгутся, косые, снаружи окрашенные, но внутри разѣдаемые червями, прикрытые великими словами, показными добродѣтелями, блестящими поддѣльными дѣлами.

Будьте очень осторожны относительно ихъ, о, высшіе люди! Ибо нѣтъ для меня сегодня ничего болѣе драгоцѣннаго и болѣе рѣдкаго, какъ правдивость.

Но не принадлежитъ ли это «сегодня» толпѣ? Но толпа не знаетъ, что велико, что мало, что прямо и правдиво: она криводушна по невинности, она лжетъ всегда.

* * *

9.

Будьте сегодня недовѣрчивы, о, высшіе люди, люди мужественные и чистосердечные! И держите втайнѣ основанія ваши! Ибо это «сегодня» принадлежитъ толпѣ.

Чему толпа научилась вѣрить безъ основаній, кто могъ бы у нея это опровергнуть—основаніями?

На базарѣ убѣждаютъ жестами. Но основанія дѣлаютъ толпу недовѣрчивой.

И если когда-нибудь истина достигала тамъ торжества, то спрашивайте себя съ недовѣріемъ: «какое же великое заблужденіе боролось за нее?»

Остерегайтесь также ученыхъ! Они ненавидятъ васъ: ибо они бесплодны! У нихъ холодные, иссохшіе глаза, передъ ними лежитъ всякая птица ощипанной.

Они кичатся тѣмъ, что они не лгутъ: но неспособность ко лжи далеко еще не есть любовь къ истинѣ. Остерегайтесь!

Отсутствіе лихорадки далеко еще не есть познаніе! Застывшимъ умамъ не вѣрю я. Кто не можетъ лгать, не знаетъ, что есть истина.

* * *

10.

Если вы хотите высоко подняться, пользуйтесь собственными ногами! Не позволяйте нести себя, не садитесь на чужія плечи и головы!

Но ты сѣлъ на коня? Ты быстро мчишься теперь вверхъ къ своей цѣли? Ну, что-жъ, мой другъ! Но твоя хромая нога также сидитъ на лошади вмѣстѣ съ тобою!

Когда ты будешь у цѣли своей, когда ты спрыгнешь съ коня своего: именно на высотѣ своей, о, высшій человѣкъ,—ты и споткнешься!

* * *

11.

Вы созидающіе, вы высшіе люди! Бываетъ беременность только своимъ ребенкомъ.

Не позволяйте вводить себя въ заблужденіе! Кто же ближній в а ш ъ? И если дѣйствуете вы «для ближняго»,—вы созидаете все-таки не для него!

Забудьте же объ этомъ «для», вы, созидающіе: ибо ваша добродѣтель требуетъ, чтобы вы не имѣли никакого дѣла съ этими «для», «ради» и «потому что». Заткните уши свои отъ этихъ лживыхъ, маленькихъ словъ.

«Для ближняго»—это добродѣтель только маленькихъ людей: у нихъ говорятъ «одинъ стоитъ другого» и «рука руку моетъ»:—у нихъ нѣтъ ни права, ни силы для в а ш е г о эгоизма!

Въ эгоизмѣ вашемъ, вы, созидающіе, есть осторожность и предусмотрительность беременной женщины! Чего никто еще не видѣлъ глазами, плодъ: онъ охраняетъ, бережетъ и питаетъ всю вашу любовь.

Въ ребенкѣ вашемъ вся ваша любовь, въ немъ же и вся ваша добродѣтель! Ваше дѣло, ваша воля—«ближній» в а ш ъ; не позволяйте навязывать себѣ ложныхъ цѣнностей!

* * *

12.

Вы, созидающіе, вы, высшіе люди! Кто долженъ родить, тотъ боленъ; но кто родилъ, тотъ не чистъ.

Спросите у женщинъ: родятъ не потому, что это доставляетъ удовольствіе. Боль заставляетъ кудахтать куръ и поэтовъ.

Вы, созидающіе, и въ васъ есть много нечистаго. Это потому, что вы должны быть матерями.

Новорожденный: о, какъ много новой грязи появилось съ нимъ на свѣтъ! Посторонитесь! И кто родиль, долженъ омыть душу свою!

* * *

13.

Не будьте добродѣтельны выше силъ своихъ! И не требуйте отъ себя ничего невѣроятнаго!

Ходите по стопамъ, по которымъ уже ходила добродѣтель отцовъ вашихъ! Какъ могли бы вы подняться высоко, еслибъ воля отцовъ вашихъ не поднималась съ вами?

Но кто хочетъ быть первенцемъ, пусть смотритъ, чтобы не сдѣлаться ему послѣднимъ! И гдѣ есть пороки отцовъ вашихъ, тамъ не должны вы желать казаться святыми!

Что было бы, еслибъ потребовалъ отъ себя цѣломудрія тотъ, чьи отцы пощщали женщинъ и любили крѣпкія вина и кабановъ?

Это было бы безуміемъ! Для него, поистинѣ, будетъ уже много, если будетъ онъ мужемъ одной, двухъ или трехъ женщинъ.

И еслибъ основывалъ онъ монастыри и писалъ надъ дверью: «дорога къ святому»,—я все-таки сказалъ бы: къ чему! вѣдь это новое безуміе!

Онъ основалъ для себя самого смиренный домъ и убѣжище: на здоровье! Но я не вѣрю этому.

Въ уединеніи растетъ, что каждый вноситъ въ него, даже внутреннее животное. Поэтому отговариваю я многихъ отъ одиночества.

Существовало ли до сихъ поръ на землѣ что-нибудь болѣе грязное, чѣмъ отшельники? Около нихъ срывался съ цѣпи не только дьяволъ,—но и свинья.

* * *

14.

Оробѣвшими, пристыженными, неловкими, похожими на тигра, которому не удался прыжокъ его: такими, о, высшіе люди, видѣлъ я часто васъ, когда крались вы стороною. Игра въ кости не удалась вамъ.

Но что-жъ изъ этого, вы, играющіе въ кости! Вы не научи-

лись играть и смѣяться, какъ нужно играть и смѣяться! Не сидимъ ли мы всегда за большимъ столомъ насмѣшекъ и игръ?

И если вамъ не удалось великое, значитъ ли это, что вы сами—не удались? И если не удались вы сами, не удался и—человѣкъ? Если же не удался человѣкъ: ну, что-жъ!

* * *

15.

Чѣмъ совершеннѣе вещь, тѣмъ рѣже она удается. О, высшіе люди, развѣ не всѣ вы—не удались?

Будьте бодры, что изъ этого! Сколь многое еще возможно! Учитесь смѣяться надъ собой, какъ надо смѣяться!

Что-жъ удивительнаго, что вы не удались, или что удались наполовину, вы полуразбитые! Не бьется ли и не мечется ли въ васъ—б у д у щ е е человѣка?

Все, что есть въ человѣкѣ самаго далекаго, самаго глубокаго, звѣздоподобная высота его и огромная сила его: все это не бродить ли въ котлѣ вашемъ?

Что-жъ удивительнаго, если иной котель разбивается! Учитесь смѣяться надъ собой, какъ надо смѣяться! О, высшіе люди, сколь многое еще возможно!

И, поистинѣ, сколь многое удалось уже! Какъ богата эта земля маленькими, хорошими, совершенными вещами, вещами вполнѣ удавшимися!

Окружайте себя маленькими хорошими, совершенными вещами, о, высшіе люди! Ихъ золотая зрѣлость исцѣляетъ сердце. Все совершенное учить надѣяться.

* * *

16.

Что было здѣсь на землѣ доселѣ самымъ тяжкимъ грѣхомъ? Не были ли этимъ грѣхомъ слова того, кто говорилъ: «Горе здѣсь смѣющимся!»

Развѣ не нашелъ онъ на землѣ никакихъ основаній для смѣха? Значить, искалъ онъ плохо. Дитя находитъ здѣсь основанія для смѣха.

Онъ—недостаточно любилъ: иначе онъ полюбилъ бы и насъ, смѣющихся! Но онъ ненавидѣлъ и позорилъ насъ, плачь и скрежетъ зубовный предрекалъ онъ намъ.

Надо ли тотчасъ проклинать, гдѣ не любишь? Это—кажется мнѣ дурнымъ вкусомъ. Но такъ дѣлалъ онъ, этотъ безусловный. Онъ происходилъ изъ толпы.

И онъ самъ недостаточно любилъ: иначе онъ меньше сердился бы, что не любятъ его. Всякая великая любовь х о ч е т ь не любви:—она х о ч е т ь большаго.

Сторонитесь всѣхъ этихъ безусловныхъ! Это бѣдный, больной родъ, родъ толпы: они дурно смотрятъ на эту жизнь, у нихъ дурной глазъ для этой земли.

Сторонитесь всѣхъ этихъ безусловныхъ! У нихъ тяжелая поступь и тяжелыя сердца:—они не умѣютъ плясать. Какъ могла бы для нихъ земля быть легкой!

* * *

17.

Кривымъ путемъ приближаются всѣ хорошія вещи къ цѣли своей. Онѣ выгибаются, какъ кошки, онѣ мурлычатъ отъ близкаго счастья своего,—всѣ хорошія вещи смѣются.

Походка обнаруживаетъ, идетъ ли кто уже по п у т и с в о е м у: смотрите, какъ я иду! Но кто приближается къ цѣли своей, тотъ танцуетъ.

И, поистинѣ, статуей не сдѣлался я, еще не стою я неподвижнымъ, тупымъ и окаменѣлымъ, какъ столбъ; я люблю быстрый бѣгъ.

И хотя есть на землѣ трясина и густая печаль: но у кого легкія ноги, тотъ бѣжитъ поверхъ тины и танцуетъ, какъ на разчищенномъ льду.

Поднимайте сердца ваши, братья мои, выше, все выше! И не забывайте также и ногъ! Поднимайте также и ноги ваши, вы, хорошіе танцоры, а еще лучше: стойте на головахъ!

* * *

18.

Этотъ вѣнокъ смѣющагося, этотъ вѣнокъ изъ розъ: я самъ надѣлъ на себя этотъ вѣнокъ, я самъ призналъ священнымъ свой

смѣхъ. Никого другого не нашелъ я теперь достаточно сильнымъ для этого.

Заратустра танцоръ, Заратустра легкій, машущій крыльями, готовый летѣть, манящій всѣхъ птицъ, проворный, божественно легкій:—

Заратустра прорицатель, Заратустра смѣющийся, не нетерпѣливый, не безусловный, любящій прыжки; я самъ надѣлъ на себя этотъ вѣнокъ!

* * *

19.

Поднимайте сердца ваши, братья мои, выше! все выше! И не забывайте также и ногъ! Поднимайте также и ноги ваши, вы, хорошіе танцоры, а еще лучше: стойте на головахъ!

Существуютъ и въ счастья тяжеловѣсные звѣри, есть неуклюжіе отъ рожденія. Они дѣлаютъ смѣшныя усилія, какъ слонъ, старающійся стоять на головахъ.

Но лучше быть смѣшнымъ отъ счастья, чѣмъ смѣшнымъ отъ несчастья, лучше неуклюже танцовать, чѣмъ ходить хромя. Учитесь же у мудрости моей: даже у худшей вещи есть двѣ хорошія обратныя стороны,—

— даже у худшей вещи есть хорошія ноги для танцевъ: такъ учитесь же вы сами, о, высшіе люди, становитесь на настоящія ноги свои!

Забудьте же о скорби и о всякой печали толпы! О, какими печальными кажутся мнѣ сегодня народныя шуты. Но это «сегодня» принадлежитъ толпѣ.

* * *

20.

Подражайте вѣтру, когда вырывается онъ изъ своихъ горныхъ ущелій: подъ звуки собственной свирѣли хочетъ онъ танцовать, моря дрожать и прыгаютъ подъ стопами его.

Хвала доброму, неукротимому духу, который даетъ крылья осламъ, который доитъ львицъ, который приходитъ, какъ ураганъ. для всякаго «сегодня» и для всякой толпы,—

— который есть врагъ всякому чертополоху, всѣмъ увядшимъ листьямъ и сорнымъ травамъ: хвала этому духу бурь, ди-

кому, доброму и свободному, который танцуетъ по болотамъ и по печали, какъ по лугамъ!

Который ненавидитъ чахлахъ псовъ изъ толпы и всякое неудачное мрачное отродье: хвала этому духу всѣхъ свободныхъ умовъ, смѣющейся бурѣ, которая засыпаетъ глаза пылью всѣмъ, кто видитъ лишь черное и самъ покрытъ язвами!

О, высшіе люди, ваше худшее въ томъ: что всѣ вы не научились танцовать, какъ нужно танцовать, — танцовать выше себя! Что изъ того, что вы не удались!

Сколь многое еще возможно! Такъ научитесь же смѣяться выше себя! Поднимайте сердца ваши, вы хорошіе танцоры, выше, все выше! И не забывайте также и добраго смѣха!

Этотъ вѣнокъ смѣющагося, этотъ вѣнокъ изъ розъ: вамъ, братья мои, кидаю я этотъ вѣнокъ! Смѣхъ призналъ я священнымъ; о, высшіе люди, научитесь же у меня—смѣяться!

* * *

Пѣснь тоски.

I.

Когда Заратустра говорилъ эти рѣчи, стоялъ онъ близко ко входу въ пещеру свою; но съ послѣдними словами незамѣтно ускользнулъ онъ отъ гостей своихъ и выбѣжалъ на короткое время на чистый воздухъ.

«О, чистый запахъ, воскликнулъ онъ, о, блаженная тишина, меня окружающіе! Но гдѣ звѣри мои? Сюда, сюда, орелъ мой и змѣя моя!

Скажите мнѣ, звѣри мои: эти высшіе люди всѣ вмѣстѣ—быть можетъ, они пахнутъ не хорошо? О, чистый запахъ, окружающій меня! Теперь только знаю и чувствую я, какъ я люблю васъ, звѣри мои».

— И Заратустра повторилъ еще разъ: «я люблю васъ, звѣри мои!» Орелъ же и змѣя приблизились къ нему, когда онъ произнесъ эти слова, и подняли на него взоры свои. Такъ стояли они тихо втроемъ и вдыхали въ себя чистый воздухъ. Ибо воздухъ здѣсь, снаружи, былъ лучше, чѣмъ у высшихъ людей.

* * *

2.

Но едва покинулъ Заратустра пещеру свою, какъ поднялся старый чародѣй, лукаво оглянувшись кругомъ и сказалъ: «Онъ вышелъ!»

И вотъ уже, о, высшіе люди—позвольте и мнѣ, подобно ему, польстить вамъ этимъ именемъ лстивой похвалы—и вотъ уже овладѣваетъ мною мой злой духъ, обманщикъ и чародѣй, мой демонъ тоски,

— который, до глубины души, противникъ этого Заратустры: простите это ему! Теперь хочетъ онъ показать вамъ свои чары, ибо настала часть его: тщетно борюсь я съ этимъ злымъ духомъ.

Всѣмъ вамъ, какое бы почитаніе ни воздавали вы себѣ на словахъ, будете ли вы называть себя «свободомыслящими», или «правдивыми», или «кающимися духомъ», или «освобожденными изъ оковъ», или «алчущими и жаждущими»,

— всѣмъ вамъ, страдающимъ подобно мнѣ великимъ отвращеніемъ, для которыхъ умеръ старый богъ, а новый богъ даже не лежитъ еще спеленутымъ въ колыбели,—всѣмъ вамъ милъ мой духъ и демонъ-чародѣй.

Я знаю васъ, о, высшіе люди, я знаю его, — я знаю также этого демона, котораго я люблю противъ воли, этого Заратустру: онъ самъ часто кажется мнѣ похожимъ на прекрасную маску святого,

— похожимъ на новый удивительный маскарадъ, въ которомъ находитъ удовольствіе мой злой духъ, мой демонъ тоски:— я люблю Заратустру, часто кажется мнѣ, ради моего злого духа.—

Но онъ уже овладѣваетъ мною и угнетаетъ меня, этотъ духъ тоски, этотъ демонъ вечернихъ сумерекъ: и, поистинѣ, о, высшіе люди, ему хочется—

— шире раскройте глаза! — ему хочется прійти нагимъ, мужчиной, или женщиной, еще не знаю я: но онъ идетъ, онъ угнетаетъ меня, горе! шире раскройте чувства ваши!

День отзвучалъ, для всѣхъ вещей наступаетъ теперь вечеръ, даже для лучшихъ вещей; слушайте теперь и смотрите, о, высшіе люди, каковъ этотъ демонъ, мужчина или женщина этотъ духъ вечерней тоски!»

Такъ говорилъ старыі чародѣй, лукаво оглянулся и схватилъ свою арфу.

* * *

3.

Когда яснѣетъ воздухъ и на землю,
Какъ утѣшеніе, роса нисходитъ
Стопой невидимой, неслышанной, нѣжной,
Какъ все, несущее успокоенья сладость—
Ты вспоминаешь ли, горячая душа,—
Какою жаждою томила ты когда-то
По ниспадающимъ съ небесъ слезамъ-росинкамъ,
Усталая въ изнеможеніи жалкомъ,
Подъ злыми взглядами спускавшаго солнца,
Спѣшившаго тропинкой пожелтѣвшей
Злорадно ослѣплявшими лучами
Между деревъ, чернѣвшихъ вкругъ меня.

Ты правды рыцарь? Ты? такъ тѣшились они.
Нѣтъ, ты поэтъ и только.
Ты хищный, лживый ползающій звѣрь,
Который долженъ лгать,
Подъ маской хитрой жертву карауля,
Самъ маска для себя
И самъ себѣ добыча.
И это рыцарь правды?! Нѣтъ.
Лишь скоморохъ, поэтъ и только,
Хитро болтающій подъ маскою затѣйной
Ты, рыскающій вкругъ, карабкаясь, вползаешь—
По ложнымъ изъ нагроможденныхъ словъ мостамъ.
По лживымъ радугамъ среди небесъ обманныхъ.
Лишь скоморохъ, поэтъ и только.

И это рыцарь правды?! Нѣтъ.
Ты не стоишь холодный, недвижимый,
Какъ образъ божества, спокойный,
Какъ изваяніе его предъ храмомъ,
Какъ вратъ господнихъ стражъ...
Ты добродѣтельной устойчивости врагъ,

Не въ храмахъ дома ты, а въ дикой чашѣ,
Ты полнъ упрямаго, кошачьяго стремленья,
Радъ выпрыгнуть въ окно подь всякій случай,
И лѣсу дѣвственному радъ кричать привѣтно,
Что въ чашѣ непролазной ты носился.
Средь пестрыхъ хищниковъ въ косматыхъ шкурахъ,
Грѣховной красоты здоровья полный,—
Что сладострастно ноздри раздувая,
Насмѣшливый въ блаженствѣ кровожадномъ,
Ты хищничалъ и крался полный лжи.

Порой орлу подобно съ высоты
Уставивъ въ глубину недвижный взглядъ,
Въ свое владѣнье, въ пропасть смотришь долго,
Какъ, вглубь стремясь, она все ниже, внизъ
Змѣится кольцами, спускаясь внутрь—
И вдругъ
Затѣмъ
Въ паденіи отвѣсномъ
Полетъ, какъ мечъ, направивъ,
Въ ягнать ударить ты,
Стремительно бросаясь съ хищнымъ жаромъ
Терзать ягнать
Со злобой противъ всѣхъ овечьихъ душъ
И яростно кипя на все, что смотреть
Овцеподобно, добродѣтельно, курчаво,
Съ привѣтной тупостью ягнать молочныхъ.

Вотъ такъ
Пантеры свойствъ, орлиныхъ качествъ
Исполнены поэта ощущенья,
Они твои подь тысячью личинъ,
Твои, поэтъ и скоморохъ.

Вѣдь это ты, признавшій въ человѣкѣ
Такъ безразлично бога и овцу,
И божество терзая въ человѣкѣ,
Въ немъ также и овцу терзаешь ты,
Терзаешь, радуясь.

Твое блаженство въ этомъ,
Блаженство злой пантеры и орла,
Блаженство скомороха и поэта.

Когда яснѣтъ воздухъ и луна
Серпомъ зеленоватымъ между тучекъ,
Среди полосъ пурпурныхъ вдругъ мелькнувши,
Прокрадется, завистливо, какъ врагъ,
Дневного свѣта врагъ—
Она все ближе, ближе подступаетъ,
Подрѣзывая тайно, постепенно
Ковры изъ розъ, гирляндами висящихъ,
Пока цвѣты съ головкой поблѣднѣвшей
Не опрокинутся въ ночную тьму.

Такъ я упалъ когда-то съ высоты,
Гдѣ въ сновидѣньяхъ правды я носился—
Весь полный ощущеній дня и свѣта,
Упалъ я навзничъ въ тьму вечерней тѣни,
Испепеленный правдою одною
И жаждущій единой этой правды—
Ты помнишь ли еще, горячая душа,
Какъ мы тогда томились этой жаждой,
Томились тѣмъ, что ты въ изгнаніи вѣчномъ
Отъ всякой правды далеко,
Лишь скоморохъ, поэтъ и только.

* * *

О наукѣ.

Такъ пѣлъ чародѣй; и всѣ собравшіеся попали, какъ птицы, незамѣтно въ сѣти его хитраго, мрачнаго сладострастія. Только совѣстливый духомъ не былъ пойманъ имъ: онъ быстро отнялъ арфу изъ рукъ чародѣя и воскликнулъ «Воздуху! Впустите чистаго воздуха! Впустите Заратустру! Ты дѣлаешь воздухъ этой пещеры удушливымъ и ядовитымъ, ты старый, злой чародѣй!

Лживый и утонченный, ты соблазняешь къ невѣдомымъ страстямъ и къ невѣдомымъ пустынямъ. И горе, если такіе, какъ ты, говорить объ истинѣ и придаютъ значеніе ей!

Горе всѣмъ свободнымъ умамъ, которые не остерегаются т а к и х ъ чародѣевъ! Они должны проститься со свободой своей: ты учишь возвращенію въ тюрьмы и манишь назадъ, въ темницы,—

— ты старый, мрачный демонъ, въ жалобѣ твоей слышится манящая свирѣль, ты похожъ на тѣхъ, кто своей похвалою цѣло-чудрію призываетъ тайно къ разврату!»

Такъ говорилъ совѣстливый; старый же чародѣй оглядывался кругомъ, наслаждаясь побѣдой своей, и потому проглотилъ досаду, причиненную ему совѣстливымъ. «Помолчи! сказалъ онъ скромнымъ голосомъ, хорошія пѣсни должны хорошо отзываться въ сердцахъ: послѣ хорошихъ пѣсенъ надо долго хранить молчаніе.

Такъ поступаютъ всѣ эти высшіе люди. Но ты, должно быть, мало понялъ изъ пѣсни моей? Въ тебѣ очень мало отъ духа чародѣя».

«Ты хвалишь меня, возразилъ совѣстливый, отдѣляя меня отъ себя; ну, что-жъ! Но вы остальные, что вижу я? Вы всѣ сидите еще съ похотливыми глазами:—

О, свободныя души, куда дѣвалась свобода ваша! Вы кажетесь мнѣ похожими на тѣхъ, кто долго смотрѣлъ на развратныхъ женщинъ, нагихъ и танцующихъ: ваши души сами начали танцовать!

Въ васъ, о, высшіе люди, еще много есть изъ того, что чародѣй называетъ своимъ злымъ духомъ, обманщикомъ и чародѣемъ:—мы, конечно, должны быть различны.

И, поистинѣ, мы достаточно говорили и думали вмѣстѣ, прежде чѣмъ Заратустра вернулся въ пещеру свою, чтобъ знать, что мы различны.

И мы и щ е м ъ различнаго даже здѣсь, наверху, вы и я. Ибо я ищу побольше у с т о й ч и в о с т и, потому и пришелъ я къ Заратустрѣ. Ибо онъ самая крѣпкая башня и воля—

— теперь, когда все колеблется, когда вся земля дрожить. Но когда я вижу глаза, какіе вы дѣлаете, я скорѣе повѣрилъ бы, что вы ищите п о б о л ь ш е н е у с т о й ч и в о с т и,

— побольше страха, побольше опасности, побольше землетрясенія. Вы хотите, такъ кажется мнѣ, простите предположеніе мое, о, высшіе люди,—

— вы хотите самой трудной, самой опасной жизни, внушающей м н ѣ наибольшій страхъ, жизни дикихъ звѣрей, хотите лѣсовъ, пещеръ, горныхъ стремнинъ и непроходимыхъ ущелій.

И не тѣ, что ведутъ васъ изъ опасности, нравятся вамъ больше всего, а тѣ, что уводятъ васъ въ сторону отъ всѣхъ до-

рогъ, соблазнитель. Но если такое желаніе истинно въ васъ. все-таки оно кажется мнѣ невозможнымъ.

Ибо страхъ—наслѣдственное, основное чувство человѣка; страхомъ объясняется все, наслѣдственный грѣхъ и наслѣдственная добродѣтель. Изъ страха выросла и моя добродѣтель, она называется: наука.

Ибо страхъ передъ дикими животными—этотъ страхъ дольше всего воспитывается въ человѣкѣ, включая и страхъ передъ тѣмъ животнымъ, котораго человѣкъ прячетъ и страшится въ себѣ самомъ:—Заратустра называетъ его «внутреннимъ животнымъ».

Этотъ долгій, старый страхъ, ставшій наконецъ тонкимъ и одухотвореннымъ,—теперь, мнѣ кажется, называется: н а у к а.—

Такъ говорилъ совѣстливый; но Заратустра, который только что вернулся въ пещеру свою и слышалъ послѣднія слова и угадалъ смыслъ ихъ, кинулъ совѣстливому горсть розъ и смѣялся надъ «истинами» его. «Какъ! воскликнулъ онъ, что слышалъ я только что? Поистинѣ. кажется мнѣ, что или ты глупецъ, или я самъ: и твою «истину» мигомъ поставлю я вверхъ ногами.

Ибо страхъ—исключеніе для насъ. Но мужество, духъ приключеній, любовь къ неизвѣстному, къ тому, на что никто еще не отважился,—мужествомъ кажется мнѣ вся первобытная исторія человѣка.

Самымъ дикимъ, самымъ мужественнымъ животнымъ позавидоваль онъ и отнялъ у нихъ всѣ добродѣтели ихъ: только этимъ путемъ сталъ онъ—человѣкомъ.

Этотъ мужество, ставшее наконецъ тонкимъ и одухотвореннымъ, это мужество человѣческое, съ орлиными крыльями и змѣиною мудростью: это мужество, кажется мнѣ, называется теперь—»

«Заратустрой!» крикнули въ одинъ голосъ всѣ собравшіеся и громко разсмѣялись; но отъ нихъ поднялось какъ бы тяжелое облако. Чародѣй также засмѣялся и сказалъ съ лукавымъ видомъ: «Ну, что-жъ! Онъ ушелъ, мой злой духъ!

И развѣ я самъ не предостерегалъ васъ отъ него, когда я говорилъ, что онъ обманщикъ, духъ лжи и обмана?

Особенно когда онъ показывается нагимъ. Но развѣ я отвѣтственъ за козни его! Развѣ я создалъ его и мѣръ?

Ну, что-жъ! Будемъ опять добрыми и веселыми! И хотя Заратустра смотреть уже сердито—взгляните однако на него! онъ сердится на меня:—

— но прежде чѣмъ наступитъ ночь, научится онъ снова меня любить и хвалить, онъ не можетъ долго жить, не дѣлая этихъ безумствъ.

Онъ—лжбѣтъ враговъ своихъ: это искусство понимаетъ онъ лучше всѣхъ, кого только я видѣлъ. Но за это онъ мститъ—друзьямъ своимъ!»

Такъ говорилъ старый чародѣй, и высшіе люди согласились съ нимъ: такъ что Заратустра сталъ обходить друзей своихъ, пожимая имъ руки со злобой и любовію,—какъ тотъ, кто имѣетъ передъ каждымъ изъ нихъ въ чемъ-нибудь извиниться и что-нибудь поправить. Но когда подошелъ онъ къ двери пещеры своей, ему опять захотѣлось на чистый воздухъ и къ звѣрямъ своимъ,—и онъ уже собрался ускользнуть къ нимъ.

* * *

Среди дочерей пустыни.

1.

«Не уходи! сказалъ тутъ странникъ, называвшій себя тѣнью Заратустры, останься съ нами,—иначе прежняя, удушливая тоска опять овладѣетъ нами.

Уже далъ намъ этотъ старый чародѣй все худшее, что было у него, и смотри, добрый благочестивый папа сидитъ уже со слезами на глазахъ и готовъ плыть по морю тоски.

Эти короли, кажется мнѣ, еще бодрятся передъ нами: ибо этому научились они у всѣхъ насъ сегодня лучше всего! Но не будь свидѣтелей, я держу пари, также и у нихъ опять началась бы скверная игра,—

— скверная игра ползущихъ облаковъ, влажной тоски, заволоченного неба, украденныхъ солнцъ, завывающихъ осеннихъ вѣтровъ,—

— скверная игра нашего плача и крика о помощи: останься у насъ, Заратустра! Здѣсь много скрытой нищеты, которая хочетъ говорить, много сумрака, много тучъ, много удушливого воздуха!

Ты напитай насъ крѣпкой пищею мужей и подкрѣпляющими изреченіями: не допускай же, чтобы нами, на десертъ, опять овладѣли изнѣженные женскіе духи!

Ты одинъ дѣлаешь окружающій тебя воздухъ крѣпкимъ и чистымъ! Находилъ ли я когда-нибудь на землѣ такой чистый воздухъ, какъ у тебя въ пещерѣ твоей?

И однако много странъ видѣлъ я, ность мой научился различать и оцѣнивать разный воздухъ: но только у тебя испытываютъ ноздри мои величайшую радость!

Кромѣ,—кромѣ,—о, прости мнѣ одно старое воспоминаніе! Прости мнѣ одну старую застольную пѣснь, которую я нѣкогда сочинилъ среди дочерей пустыни.

Ибо и у нихъ былъ такой же хорошій, чистый воздухъ Востока; тамъ былъ я всего дальше отъ старой Европы, покрытой тучами, сырой и тоскливой!

Тогда любилъ я этихъ дѣвушекъ Востока и другія царства съ лазуревыми небесами, надъ которыми не висѣли ни облака, ни мысли.

Вы не повѣрите, какъ мило онѣ сидѣли, когда не танцовали, глубокия, но безъ мыслей, какъ маленькія тайны, какъ украшенные лентами загадки, какъ десертные орѣхи—

пестрыя и чуждыя, поистинѣ! но безъ тучъ: загадки, которыя легко разгадывались: въ честь этихъ дѣвушекъ сочинилъ я тогда свой застольный псаломъ».

Такъ говорилъ странникъ, называвшій себя тѣнью Заратустры, и прежде чѣмъ кто-либо успѣлъ отвѣтить ему, онъ уже схватилъ арфу стараго чародѣя, и скрестивъ ноги, оглянувшись кругомъ, спокойный и мудрый:—затѣмъ онъ медленно, испытующе потянулъ воздухъ ноздрями, какъ тотъ, кто въ новыхъ странахъ пробуетъ новый воздухъ. Потомъ онъ запѣлъ съ какимъ-то завываньемъ.

* * *

2.

Пустыня ширится сама собою: горе тому, кто самъ въ себѣ свою пустыню носить.

Вотъ какъ! Торжественно,
Достойное начало!
Торжественно, по-африкански, да.
Достойно даже льва
Иль обезьяны—ревуна морали;

Но вѣдь совѣмъ ничто для насъ,
Прелестныя мои подруги.
А между тѣмъ сидѣть у вашихъ ногъ
Мнѣ, европейцу у подножья пальмъ,
На долю счастье выпало.

Села.

Да, это удивительно: сию я
У самой у пустыни и все также,
Попрежнему далекій отъ нея,
Средь пустоты ея самъ горшая пустыня.
Сказать яснѣе: проглотилъ меня
Оазисъ маленький,
Который, вдругъ зѣвнувъ,
Мнѣ ротикъ свой открылъ на встрѣчу,
И въ эти тонко пахнуція губки
Попалъ я вдругъ и тамъ пропалъ,
Ворвался, проскочилъ, и вотъ я среди васъ,
Подруги мои милыя.

Села.

Да слава, слава оному киту,
Коль также хорошо въ немъ было гостью!
Вѣдь ясенъ вамъ, не правда ли, вполне
Намекъ ученый мой?
Да здравствуетъ во вѣкъ китово чрево,
Когда оно такимъ же милымъ было
Оазисомъ-брюшкомъ, какъ мой пріютъ;
Но это мнѣ сомнительно, конечно,
Вѣдь прибылъ къ вамъ я изъ Европы,
Что недовѣрчивѣй всѣхъ женокъ въ мірѣ.
Пусть самъ Господь исправитъ то!

Аминь.

Переслащенный, словно финикъ смуглый,
И обѣщаній золотистыхъ полнъ, какъ онъ,
Я съ вами здѣсь въ оазисѣ-малюткѣ,—
Какъ онъ, томлюсь по дѣвичьей мордашкѣ,
По зубкамъ-грызунамъ, по бѣлоснѣжнымъ,
Какъ дѣвушки, и острымъ и холоднымъ;
По нимъ-то именно сердца тоскуютъ
Всѣхъ накалённыхъ финиковъ.

Села.

Какъ этотъ южный фруктикъ, самъ
Похожій на него чрезъ мѣру,
Лежу я здѣсь, легучимъ роємъ
Жучковъ крылатыхъ окруженный,
И вокругъ меня въ игривой пляскѣ рѣя,
Мелькаютъ также крохотныя ваши
Язвительно затѣйливыя ваши
Причуды и желаньица...
Вы, скружившія меня облавой молчаливой,
Чего-то чающія и нѣмыя,
Вы кошки—дѣвушки,
Зулейка и Дуду.
О сфинксовалииы меня кругомъ
(Чтобъ много чувствъ вмѣстить въ едино слово—
Грѣхъ противъ языка прости мнѣ, Боже),—
И я сижу, вдыхая здѣсь—
Чистѣйшій воздухъ, райскій воздухъ, право,
Прозрачно легкій въ золотыхъ полоскахъ.
Нѣтъ, никогда еще съ луны на землю
Не ниспадалъ такой хорошій воздухъ,
Ни по случайности, ни по капризу,
О чемъ намъ пѣли древніе поэты.
Но это мнѣ сомнительно, конечно,
Вѣдь прибылъ къ вамъ я изъ Европы,
Что недовѣрчивѣй всѣхъ женокъ въ мірѣ,
Пусть самъ Господь исправить то!

Аминь.

Чистѣйшій этотъ воздухъ поглощая
Ноздрями-кубками, раскрытыми широко,
Безъ будущаго, безъ воспоминаній,
Сижу я здѣсь, прелестныя подруги,
И все смотрю, смотрю на эту пальму,
Которая, подобно танцовщицѣ,
Такъ изгибается и ластится, качаясь...
Что заглядѣвши, станешь дѣлать то же—
Подобно танцовщицѣ, долго, мнится,
Опасно долго, на одной на ножкѣ
Она стояла до того, что позабыла
Она совсѣмъ о ножкѣ о другой.
По крайней мѣрѣ, тщетно я старался

Сокрывшуюся прелесть разглядѣть,
Обоихъ близнецовъ единства прелесть,—
Конечно, именно, вторую ножку,
Въ священной близости изящныхъ и воздушныхъ
Блестящей юбочки порхающихъ зубцовъ.
И если мнѣ, прекрасныя подруги,
Готовы вѣрить вы охотно—прелесть эту
Она утратила.
Ужъ нѣтъ ея! Утраченная ножка
Навѣкъ потеряна, какъ жалко милой ножки!
Гдѣ одинокая она груститъ въ разлукѣ,
Покинутая, гдѣ она тоскуетъ?
Быть можетъ, въ ужасѣ предъ бѣлокуромъ
Чудовищемъ со львиной гривой или,
Быть можетъ, ужъ обглодана до кости
Она, увы, изѣдана!

Села.

О, да не плачьте же, не смѣйте плакать
Вы, нѣжныя сердца!
Въ бѣломолочной грудкѣ, словно финикъ,
Сердечко ваше, кошелекъ—мѣшочекъ
Со сладкимъ корешкомъ.
Зулейка, будь мужчиною, довольно!
Бодрѣй, бодрѣе, блѣдная Дуду,
Не плачь же больше!—
—Иль, быть можетъ,
Умѣстнѣй здѣсь иное средство, сердце
Способное легко унять—скрѣпить?
Какъ назидательное изрѣченье, къ слову—
Или воззванія торжественный призывъ?
Да, да, зову тебя,
Достоинство, на сцену,
Ты добродѣтелью надутой мѣхъ,
Шипи, свисти и дуй еще,

Да, да.

Еще разъ проревъ:
Морали ревомъ,
Рыкая львомъ предъ дочерью пустыни,
Морали львомъ!
Вѣдь, милыя мои!..

Вой добродѣтели въ Европѣ, знайте,
Сильнѣй, чѣмъ жаръ души, души вѣдь европейской.
Чѣмъ европейца страстная тоска.
И вотъ я передъ вами европейцемъ
И не могу, о, Господи, иначе.
Да будетъ такъ!

Аминь.

Пустыня ширится сама собою: горе тому, кто
самъ въ себѣ свою пустыню носить!

* * *

Пробужденіе.

I.

Послѣ пѣсни странника и тѣни, пещера наполнилась вдругъ шумомъ и смѣхомъ; и такъ какъ собравшіеся гости говорили всѣ сразу и такъ какъ осель, при подобномъ поощреніи, также не молчалъ, то Заратустрой овладѣло нѣкоторое отвращеніе и насмѣшливое чувство къ посѣтителямъ своимъ: хотя его и тѣшила радость ихъ. Ибо она казалась ему признакомъ выздоровленія. Онъ незамѣтно вышелъ изъ пещеры на чистый воздухъ и сталъ говорить со звѣрями своими.

«Куда же дѣвалось теперь несчастье ихъ? спросилъ онъ, и уже самъ вздохнулъ съ облегченіемъ отъ своей маленькой досады,—у меня разучились они, какъ мнѣ кажется, кричать о помощи!

— хотя, къ сожалѣнію, не разучились еще вообще кричать». И Заратустра заткнулъ уши себѣ, ибо въ этотъ моментъ ослиное И-А удизительно смѣшивалось съ шумомъ веселья этихъ высихъ людей.

«Они веселы, продолжалъ онъ, и кто знаетъ? быть можетъ, на счетъ хозяина ихъ; и если научились они у меня смѣяться, то не моему смѣху научились они.

Ну, что-жъ! Они старые люди: они выздоравливаютъ по своему, они смѣются по своему; мои уши выносили еще худшее и не дѣлались отъ того раздражительными.

Этотъ день—побѣда: онъ удаляется уже, онъ бѣжитъ, д у х ъ

тяжести, мой старый смертельный врагъ! Какъ хорошо хочеть кончиться этотъ день, такъ дурно и тяжело начавшійся.

И кончиться хочеть онъ. Уже настаеть вечеръ: по морю скачеть онъ, добрый всадникъ! Какъ онъ качается на своихъ пурпурныхъ сѣдлахъ, онъ, блаженный, возвращающійся домой!

Небо ясное смотреть, міръ покоится глубоко: о, всѣ вы, странные люди, пришедшіе ко мнѣ, право, стоитъ жить у меня!»

Такъ говорилъ Заратустра. И снова крикъ и смѣхъ высихъ людей послышался изъ пещеры. И Заратустра продолжалъ.

«Они идутъ на удочку, приманка моя дѣйствуетъ, и отъ нихъ отступаетъ ырагъ ихъ, духъ тяжести. Уже учатся они смѣяться сами надъ собой: такъ ли слышу я?

Моя пища мужей дѣйствуетъ, мои изреченія сочныя и сильныя: и, поистинѣ, я не кормилъ ихъ овощами, отъ которыхъ пучить животъ! Но пищею боиновъ, пищею завоевателей: новыя желанія пробудилъ я въ нихъ.

Новыя надежды явились въ рукахъ и ногахъ ихъ, сердце ихъ потягивается. Они находятъ новыя слова, скоро духъ ихъ будетъ дышать дерзновеніемъ.

Такая пища, конечно, не для дѣтей, и не для томныхъ женщинъ, молодыхъ и старыхъ. Нужны иныя средства, чтобъ убѣдить ихъ внутренности; я не врачъ и не учитель ихъ.

Отвращеніе отступаетъ отъ этихъ высихъ людей: ну, что-жъ! это — моя побѣда. Въ царствѣ моемъ они чувствуютъ себя въ безопасности, всякій глупый стыдъ бѣжитъ ихъ, они открываются.

Они открываютъ сердца свои, хорошее время возвращается къ нимъ, они празднуютъ и пережываютъ, — они становятся благодарными.

Это считаю я за лучшій признакъ: они становятся благодарными. Еще немного, и они начнутъ придумывать себѣ праздники и поставятъ памятники своимъ старымъ радостямъ.

Они—вы зд о р а в л и в а ю щ и е!» Такъ говорилъ Заратустра радостно въ сердцѣ своемъ и глядѣлъ вдаль; звѣри же его тѣснились къ нему и чтили счастье его и молчаніе его.

2.

Но внезапно испуганъ былъ слухъ Заратустры: ибо въ пещерѣ, дотолѣ полной шума и смѣха, сразу водворилась мертвая тишина;—носъ же его ощутилъ благоухающій дымъ ладона, какъ будто горѣли кедровыя шишки.

«Что тутъ происходитъ? Что дѣлаютъ они?» спрашивалъ онъ себя и подкрался ко входу, чтобъ незамѣтно смотрѣть на гостей своихъ. О, чудо изъ чудесъ! что пришлось ему тамъ увидѣть своими собственными глазами!

«Всѣ они опять стали набожны, они молятся, они безумцы!»—говорилъ онъ и дивился чрезмѣрно. И, дѣйствительно! всѣ эти высшіе люди, два короля, папа въ отставкѣ, злой чародѣй, добровольный нищій, странникъ и тѣнь, старый прорицатель, совѣстливый духомъ и самый безобразный человѣкъ: всѣ они, какъ дѣти или старыя бабы, стояли на колѣняхъ и молились ослу. И вотъ началъ самый безобразный человѣкъ пыхтѣть и клокотать, какъ будто что-то незрѣкаемое собиралось выйти изъ него; но, когда онъ добрался дѣйствительно до словъ, неожиданно оказались они благоговѣйнымъ, страннымъ молебномъ въ прославленіе ослы, которому молились и кадили. И этотъ молебенъ такъ звучалъ:

Аминь! Слава, честь, премудрость, благодареніе, хвала и сила богу нашему, отъ вѣки вѣковъ!

— Осель же кричалъ на это И-А.

Онъ несетъ тяготу нашу, онъ принялъ образъ раба, онъ кроетъ сердцемъ и никогда не говоритъ нѣтъ; и кто любитъ своего бога, тотъ бичуетъ его.

— Осель же кричалъ на это И-А.

Онъ не говоритъ: только къ міру, имъ созданному, онъ вѣчно говоритъ да: такъ прославляетъ онъ міръ свой. Его хитрость не позволяетъ ему говорить: поэтому бываетъ онъ рѣдко не правъ.

— Осель же кричалъ на это И-А.

Невиднымъ проходитъ онъ чрезъ міръ. Въ сѣрый цвѣтъ тѣла своего закутываетъ онъ добродѣтель свою. Если есть въ немъ духъ, то онъ скрываетъ его; но всякій вѣритъ въ длинныя уши его.

— Осель же кричалъ на это И-А.

Какая скрытая мудрость въ томъ, что онъ носитъ длинныя

уши и говорить всегда да и никогда нѣтъ! Развѣ не создалъ онъ міръ по образу своему, т. е. глупымъ, насколько возможно?

— Осель же кричалъ на это И-А.

Ты идеешь прямыми и кривыми путями, и безпокоишь тебя мало, что намъ, людямъ, кажется прямымъ или кривымъ. По ту сторону добра и зла царство твое. Невинность твоя въ томъ, чтоо́бъ не знать, что такое невинность.

— Осель же кричалъ на это И-А.

И готъ ты не отталкиваешь отъ себя никого, ни нищихъ, ни королей. Дѣтей допускаешь ты къ себѣ, и если злые мальчишки соблазняютъ тебя, ты говоришь просто И-А.

— Осель же кричалъ на это И-А.

Ты любишь ослицъ и свѣжія смоквы, ты не разборчивъ на пищу. Чертополохъ радуется сердцу твоему, когда ты голоденъ. Въ этомъ премудрость бога.

— Осель же кричалъ на это И-А.

* * *

Праздникъ осла.

1.

Но на этомъ мѣстѣ молебна не могъ Заратустра больше сдерживать себя, самъ закричалъ И-А еще громче, чѣмъ осель, и бросился въ середину своихъ обезумѣвшихъ гостей. «Что дѣлаете вы здѣсь, вы, человѣческія дѣти? воскликнулъ онъ, поднимая молящихся съ земли. Горе, еслибъ васъ увидѣлъ кто-нибудь другой, а не Заратустра:

Всякій подумалъ бы, что вы съ вашей новой вѣрою стали худшими изъ богохульниковъ или самыми неразумными изъ всѣхъ старыхъ бабъ!

И ты самъ, ты старый папа, какъ миришься ты съ самимъ собою, что въ такомъ образѣ молишься ослу здѣсь, какъ богу?»—

«О, Заратустра, отвѣчалъ папа, прости мнѣ, но въ вопросахъ бога я просвѣщеннѣе тебя. Такъ лучше.

Лучше молиться богу съ этимъ образѣмъ, чѣмъ безъ всякаго образа. Поразмысли объ этомъ изреченіи, мой высокій другъ: и ты скоро убѣдишься, что въ этомъ изреченіи скрывается мудрость.

Тотъ, кто говоритъ «Богъ есть духъ»—тотъ дѣлалъ до сихъ

поръ на землѣ величайшій шагъ къ безвѣрію: такія слова на землѣ не легко исправлять!

Мое старое сердце бьется и трепещетъ отъ того, что еще есть на землѣ чему молиться. Прости это, о, Заратустра, старому благосердечивому сердцу папы!»—

— «И ты, сказалъ Заратустра страннику и тѣни, ты называешь и мнишь себя свободнымъ духомъ? И совершаешь здѣсь подобные идолослуженія и обманы?

Худшимъ, поистинѣ, занимаешься ты здѣсь дѣломъ, чѣмъ у своихъ скверныхъ смуглыхъ дѣвушекъ, ты новый вѣрующій и хитрецъ!»

«Довольно печально, отвѣчалъ странникъ и тѣнь, ты правъ: но что же дѣлать! Старый богъ еще живъ, о, Заратустра, что ты ни говори.

Самый безобразный человѣкъ виноватъ во всемъ: онъ опять воскресилъ его. И хотя онъ говоритъ, что онъ его нѣкогда убилъ: смерть у Боговъ всегда есть только предразсудокъ».

— «И ты, сказалъ Заратустра, ты злой старый чародѣй, что надѣлалъ ты! Кто же въ этотъ свободный вѣкъ будетъ впредь тебѣ вѣрить, если ты вѣришь въ подобныхъ боговъ-ословъ?

То, что ты дѣлалъ, было глупостью; какъ могъ ты, хитрый, дѣлать такую глупость!»

«О, Заратустра, отвѣчалъ хитрый чародѣй, ты правъ, это была глупость,—она достаточно дорого обошлась мнѣ».

— «И даже ты, сказалъ Заратустра совѣстливому духомъ, подумай же и приложи палецъ къ своему носу! Развѣ здѣсь нѣтъ ничего противнаго твоей совѣсти? Не слишкомъ ли чистъ духъ твой для этихъ моленій и для еиміама этихъ святошъ?»

«Есть нѣчто, отвѣчалъ совѣстливый духомъ и приложилъ палецъ къ носу, есть нѣчто въ этомъ зрѣлищѣ, что даже пріятно моей совѣсти.

Быть можетъ, я не имѣю права вѣрить въ бога; но несомнѣнно, что богъ въ этомъ образѣ кажется мнѣ еще наиболѣе достойнымъ вѣры.

Богъ долженъ быть вѣчнымъ, по свидѣтельству самыхъ благочестивыхъ: у кого такъ много времени, тотъ не спѣшитъ. Такъ долго и такъ глупо, какъ только возможно: съ этимъ можно однако идти очень далеко.

И у кого слишкомъ много духа, тотъ можетъ самъ зара-

зиться глупостью и безумством. Подумай о себѣ самомъ, о, Заратустра!

Ты самъ—поистинѣ! даже ты могъ бы отъ избытка мудрости сдѣлаться осломъ.

Не идетъ ли и совершенный мудрецъ охотно по самымъ кривымъ путямъ? Какъ доказываетъ очевидность, о, Заратустра,—твоя очевидность!»

— «И ты самъ наконецъ, сказалъ Заратустра и обратился къ самому безобразному человѣку, все еще лежавшему на землѣ и протягивавшему руку къ ослу (ибо онъ поилъ его виномъ). Скажи, ты неизреченный, что ты сдѣлалъ!

Ты кажешься мнѣ пресображеннымъ, твой взоръ горитъ, плащъ возвышеннаго облагаетъ безобразіе твое: что сдѣлалъ ты?

Правду ли говорятъ они, что ты опять воскресилъ его? И къ чему? Развѣ онъ не былъ съ полнымъ основаніемъ убитъ?

Ты самъ кажешься мнѣ воскрешеннымъ: что сдѣлалъ ты? что ниспровергалъ ты? Въ чемъ убѣждалъ ты себя? Говори, ты неизреченный?»

«О, Заратустра, отвѣчалъ самый безобразный человѣкъ. ты—плутъ!

Живъ ли онъ еще или воскресъ или окончательно умеръ,—кто изъ насъ двоихъ знаетъ это лучше? Я спрашиваю тебя.

Одно только знаю я,—отъ тебя самого однажды научился я этому, о, Заратустра: кто хочетъ окончательно убитъ. тотъ смеется.

«Убиваютъ не гнѣвомъ, а смѣхомъ» — такъ говорилъ ты однажды. О, Заратустра, ты скрывающийся, ты разрушитель безъ гнѣва, ты опасный святой,—ты плутъ!»

* * *

2.

Но тутъ случилось, что Заратустра, удивленный этими плутовскими отвѣтами, бросился ко входу въ пещеру свою и, обращаясь ко всѣмъ своимъ гостямъ, крикнулъ громкимъ голосомъ:

«О, всѣ вы хитрые дураки и паяцы! Что притворяетесь и скрываетесь вы предо мной!

Какъ трепетало сердце каждаго изъ васъ отъ радости и злобы, что вы наконецъ опять стали, какъ дѣти, благочестивы,—

— что вы наконецъ опять поступали, какъ поступаютъ дѣти, именно молились, складывали крестомъ руки и говорили «Боже милостивый!»

Но теперь предоставьте мнѣ эту дѣтскую комнату, мою собственную пещеру, гдѣ сегодня было столько ребячества. Остудите на воздухъ вашъ горячій дѣтскій задоръ и біеніе вашихъ сердецъ!

Конечно: если не будете вы, какъ дѣти, то не войдете вы въ это небесное царство. (И Заратустра показалъ рукою на верхъ).

Но мы и не хотимъ вовсе войти въ небесное царство: мужами стали мы,—и потому хотимъ мы царства земного».

* * *

3.

И еще разъ началъ говорить Заратустра: «О, мои новые друзья, говорилъ онъ,—вы странные, вы высшіе люди, какъ нравитесь вы мнѣ теперь,—

— съ тѣхъ поръ, какъ стали вы опять веселыми! Понистинѣ, вы всѣ расцвѣли: мнѣ кажется, что такимъ цвѣтамъ, какъ вы, нужны новыя праздники,

— какое-нибудь маленькое смѣлое безумство, какое-нибудь богослуженіе и праздникъ осла, какой-нибудь старый веселый безумецъ—Заратустра, вихрь, который, дыханіемъ своимъ, освѣщаетъ вамъ души.

Не забывайте этой ночи и этого праздника осла, вы высшіе люди! Это изобрѣли вы у меня, это принимаю я, какъ доброе знаменіе,—нѣчто подобное изобрѣтаютъ только выздоравливающіе!

И если будете вы вновь праздновать этотъ праздникъ осла, дѣлайте это изъ любви къ себѣ, дѣлайте также изъ любви ко мнѣ: и въ мое воспоминаніе!»

Такъ говорилъ Заратустра.

* * *

Пѣснь опьяненія.

I.

Но тѣмъ временемъ они вышли одинъ за другимъ на чистый воздухъ, въ прохладную задумчивую ночь; самъ же Заратустра

вель за руку самага безобразнаго челоуѣка, чтобъ показать ему свой ночной міръ, большую круглую луну и серебряные водопады у пещеры своей. И вотъ наконецъ они стояли безмолвно всѣ вмѣстѣ; это были все старые люди, но сердца ихъ утѣшились, исполнились рѣшимости, и дивились они про себя, что имъ такъ хорошо было на землѣ; а тайна ночи все глубже проникала въ сердца ихъ. И снова думаль Заратустра про себя: «о, какъ нравятся мнѣ теперь эти высшіе люди!»—но онъ не сказалъ этого, ибо чтить счастье ихъ и молчаніе ихъ.—

И тогда случилось то, что было самага изумительнаго въ тотъ долгій изумительный день: самый безобразный челоуѣкъ во второй и послѣдній разъ принялся пыхтѣть и клокотать, но когда онъ добрался до словъ, то изъ устъ его вдругъ отчетливо и чисто вылетѣлъ вопросъ—хорошій, глубокій, ясно поставленный вопросъ, стъ котораго у всѣхъ, слышавшихъ его, шевельнулось сердце въ груди.

«Вы всѣ друзья мои, что теперь у васъ на сердцѣ? спросилъ самый безобразный челоуѣкъ. Ради этого дня—я впервые доволенъ, что жилъ всю свою жизнь.

И засвидѣтельствовать столь многое, это для меня еще недостаточно. Стоитъ жить на землѣ: одинъ день, одинъ праздникъ, проведенный съ Заратустрой, научилъ меня любить землю.

«Такъ это было—жизнь?» скажу я смерти. «Ну, что-жъ! Еще разъ!»

Друзья мои, что теперь у васъ на сердцѣ? Не скажете ли вы смерти, подобно мнѣ: Такъ это было—жизнь? Ну, что-жъ, ради Заратустры,—еще разъ!»—

Такъ говорилъ самый безобразный челоуѣкъ; но было уже близко къ полуночи. И какъ вы думаете, что случилось тогда? Какъ только высшіе люди услышали его вопросъ, они вдругъ сознали превращеніе свое и выздоровленіе свое и кому обязаны они всѣмъ этимъ: тогда они бросились къ Заратустрѣ, исполненные признательности, уваженія и любви, цѣлуя ему руки, и смотря по настроенію каждаго, одни смѣялись, другіе плакали. Старый же прорицатель плясалъ отъ удовольствія; и если, какъ думаютъ многіе повѣствователи, онъ былъ тогда пьянъ отъ сладкаго вина, то несомнѣнно, онъ былъ еще болѣе пьянъ отъ сладости жизни; и онъ отрекся отъ всякой усталости. Нѣкоторые даже разсказываютъ, что тогда плясалъ и осель: ибо не напрасно самый безоб-

разныи челоуѣкъ напоить его виномъ. Это было такъ, можетъ быть, и иначе; и если дѣйствительно осель не плясалъ въ тотъ вечеръ, все-таки случилось тогда еще болѣе великія и странныя вещи, чѣмъ танецъ осла. Однимъ словомъ, какъ гласить поговорка Заратустры: «ну, что-жъ!»

* * *

2.

Заратустра же, пока это происходило съ самымъ безобразнымъ челоуѣкомъ, стоялъ какъ опьяненный: его взоръ потухъ, его языкъ заплетался, его ноги дрожали. И кто сумѣлъ бы отгадать, какія мысли бѣжали тогда по душѣ Заратустры? Но видно было, что духъ его отступилъ отъ него, бѣжалъ впередъ и находился гдѣ-то въ широкой дали, блуждая, какъ сказано въ писаніи, «надъ высокою скалою, между двухъ морей,

— между прошедшимъ и будущимъ, какъ тяжелая туча». Но мало-по-малу, пока высшіе люди держали его на рукахъ своихъ, немного пришелъ онъ въ себя и отстранилъ рукою толпу озабоченныхъ почитателей; однако онъ не говорилъ. Но вдругъ повернулъ онъ быстро голову, ибо казалось, что онъ услышалъ что-то: тогда приложилъ онъ палецъ къ губамъ и сказалъ: «Идемъ!»

И тотчасъ водворилась тишина и тайна вокругъ него; а изъ глубины медленно доносился звукъ колокола. Заратустра прислушивался къ нему также, какъ и высшіе люди; потомъ онъ вторично приложилъ палецъ къ губамъ и опять сказалъ: «Идемъ! Идемъ! Полночь приближается!»—и голосъ его изменился. Но онъ все еще не трогался съ мѣста: тогда водворилась еще большая тишина и еще большая тайна, и весь міръ прислушивался, даже осель и почетные звѣри Заратустры, орелъ и змѣя, а также пещера Заратустры, большая холодная луна и даже сама ночь, Заратустра же въ третій разъ приложилъ палецъ къ губамъ и сказалъ:

Идемъ! Идемъ! Идемъ! Начнемъ теперь странствовать! Часъ насталъ! Начнемъ странствовать ночью!

* * *

3.

Полночь приближается, о, высшіе люди: и вотъ скажу я вамъ нѣчто на ухо, какъ этотъ старый колоколь говоритъ мнѣ на ухо,—

— съ такой же таинственностью, съ такимъ же ужасомъ, съ такой же сердечностью, съ какой говоритъ ко мнѣ этотъ полнотный колоколь, пережившій больше, чѣмъ одинъ человѣкъ:

— уже отсчитавшій болѣзненные удары сердца вашихъ отцовъ—ахъ! ахъ! какъ она вздыхаетъ! какъ она смѣется во снѣ! старая, глубокая, глубокая полночь!

Тише! Тише! Слышится многое, что не смѣетъ днемъ говорить о себѣ; но теперь, когда воздухъ чистъ, когда стихаетъ шумъ сердецъ вашихъ,—

— теперь говорится оно, теперь слышится, теперь крадется оно въ ночныя бодрствующія души: ахъ! ахъ! какъ она вздыхаетъ! какъ она смѣется во снѣ!

— развѣ не слышишь ты, съ какой таинственностью, съ какимъ ужасомъ, съ какой сердечностью говоритъ къ тебѣ старая, глубокая, глубокая полночь?

О, другъ, вни ка й!

* *
* *
* *

4.

Горе мнѣ! Куда дѣвалось время? Не опустился ли я въ глубокіе родники? Міръ спитъ—

Ахъ! Ахъ! Песъ воетъ, луна сіяетъ. Я предпочитаю умереть, умереть, чѣмъ сказать вамъ, о чемъ сейчасъ думаетъ мое полнотное сердце.

Вотъ я уже умеръ. Свершилось. Паукъ, зачѣмъ ткешь ты паутину вокругъ меня? Ты хочешь крови? Ахъ! Ахъ! Роса падаетъ, часъ приближается—

— часъ, когда знобитъ меня и я мерзну, часъ, который спрашиваетъ, неустанно спрашиваетъ: «у кого достаточно мужества для этого?

— кому быть господиномъ земли? Кто скажетъ: такъ должны вы течъ, вы большія и малыя рѣки!»

— часть приближается: о, человекъ, о, высшій человекъ, внимай! эта рѣчь для тонкихъ ушей, для твоихъ ушей—что полночь говоритъ? внимай!

* * *

5.

Меня уносить, душа моя танцуетъ. Ежедневный трудъ! Ежедневный трудъ! Кому быть господиномъ земли?

Мѣсяцъ холоденъ, вѣтеръ молчитъ. Ахъ! Ахъ! Летали ли вы уже достаточно высоко? Вы плясали: но ноги еще не крылья.

О, хорошіе плясуны, теперь всякая радость миновала: вино прокисло, всѣ кубки разбились, могилы заговорили.

Вы летали не достаточно высоко: теперь заговорили могилы: «спасите же мертвыхъ! Почему длится такъ долго ночь? Не опьяняетъ ли насъ луна?»

О, высшіе люди, спасите же могилы, воскресите трупы! Ахъ, почему гложетъ еще червь? Приближается, приближается часъ,—

— колоколь глухо звучитъ, сердце еще хрипитъ, червь еще гложетъ, червь сердца. Ахъ! Ахъ! Міръ—глубина!

* * *

6.

Сладкозвучная лира! Сладкозвучная лира! Я люблю звукъ твоихъ струнъ, этотъ опьяняющій однообразный звукъ!—какъ медленно, какъ издалека доносится до меня твой звукъ, издалека, съ прудовъ любви!

Ты старый колоколь, ты сладкозвучная лира! Всѣ скорби разрывали сердце тебѣ, скорбь отца, скорбь дѣдовъ, скорбь пра-дѣдовъ; рѣчь твоя стала зрѣлой,—

— зрѣлой подобно золотой осени и полдню, подобно моему сердцу отшельника — теперь говоришь ты: міръ самъ созрѣлъ, лоза зарумянилась,

— теперь хочетъ онъ умереть, умереть отъ счастья. О, высшіе люди, чувствуете ли вы запахъ? Тайно поднимается запахъ,

— благоуханіе, запахъ вѣчности, запахъ золотистаго вина, потемнѣвшаго и блаженно-краснаго отъ стараго счастья,

— отъ спьянѣлаго счастья смерти, отъ счастья полуночи, которое поетъ: міръ—глубина, г л у б ь э т а д н ю е д в а в и д н а !

* * *

7.

Оставь меня! Оставь меня! Я слишкомъ чистъ для тебя. Не дотрогивайся до меня! Развѣ мой міръ сейчасъ не сталъ совершеннымъ?

Моя кожа слишкомъ чиста для твоихъ рукъ. Оставь меня, ты темный, глупый, душный день! Развѣ полночь не свѣтлѣе?

Самые чистые должны быть господами земли, самые непознанные, самые сильные. души полночныя, которыя свѣтлѣе и глубже всякаго дня.

О, день, тяжелой поступью идешь ты за мной? Ты протягиваешь руки за моимъ счастьемъ? Для тебя я богатъ. одинокій, для тебя я кладъ и сокровищница?

О, міръ, ты хочешь мѣнѣя? Развѣ для тебя я отъ міра? Развѣ я набоженъ? Развѣ я божественъ? Но день и міръ. вы слишкомъ грубы,

— имѣйте болѣе ловкія руки, прострите ихъ къ болѣе глубокому счастью, къ болѣе глубокому несчастью, прострите ихъ къ какому-нибудь богу, но не простирайте ихъ ко мнѣ:

— мое несчастье, мое счастье глубоки. ты дивный день, но все-же я не богъ и не адъ божій: скорбь міра эта глубина.

✱ * *

8.

Скорбь бога глубже. о. дивный міръ! Простри руки къ скорби бога, а не ко мнѣ! Что я! Опьяненная сладкозвучная лира.

— полночная лира, звукъ колокола. котораго никто не понимаетъ, но который долженъ говорить передъ глухими, о, высшіе люди! Ибо вы не понимаете меня!

Свершилось! Свершилось! О. юность! О. полдень! О, время послѣ полудня! Теперь наступилъ вечеръ и ночь и полночь.—песъ воетъ, вѣтеръ:

— развѣ вѣтеръ не песъ? Онъ визжитъ. онъ тявкаетъ, онъ воетъ. Ахъ! Ахъ! Какъ она вздыхаетъ, какъ она смѣется, какъ она хрипитъ и охаетъ. эта полночь!

Какъ она сейчасъ трезво говорить, эта пьяная мечтательница! Она. должно быть, перепила свое опьяненіе? она стала черезчуръ бодрой? она пережевываетъ?

— свою скорбь переживаетъ она во снѣ, старая, глубокая полночь, и еще больше свою радость. Радость, когда уже скорбь глубока: радость глубже, чѣмъ она.

* * *

9.

Ты, виноградная лоза! За что хвалишь ты меня! Вѣдь я срѣзалъ тебя! Я жестокъ, ты истекаешь кровью:—чего хочетъ твоя хвала моей опьяненной жестокости?

«Что стало совершеннымъ, все зрѣлое—хочетъ умереть!» такъ говоришь ты. Благословенъ, да будетъ благословенъ ножъ виноградаря! Но все незрѣлое хочетъ жить: о, горе!

Скорбь говорить: «Пройди! Исчезни, ты скорбь!» Но все, что страдаетъ, хочетъ жить, чтобъ стать зрѣлымъ, радостнымъ и полнымъ желаній,

— полнымъ желаній далекаго, болѣе высокаго, болѣе свѣтлаго. «Я хочу наслѣдниковъ, такъ говоритъ все, что страдаетъ, я хочу дѣтей, я не хочу себя».—

Радость же не хочетъ ни наслѣдниковъ, ни дѣтей,—радость хочетъ себя самое, хочетъ вѣчности, хочетъ возвращенія, хочетъ, чтобъ все было вѣчнымъ.

Скорбь говорить: «Разбейся, истекай кровью, сердце! Двигайтесь, ноги! Крылья, летите! Въ даль! Вверхъ! Скорбь!» Ну, что-жъ! Да будетъ! О, мое старое сердце: Жизнь гонить скорби тѣнь!

* * *

10.

О, высшіе люди? Что теперь у васъ на сердцѣ? Прорицатель ли я? Сновидецъ? Опьяненный? Толкователь сновъ? Полночный колоколь?

Капля росы? Испареніе и благоуханіе вѣчности? Развѣ вы не слышите? Развѣ вы не чувствуете? Мой міръ сейчасъ сталъ совершеннымъ, полночь—тотъ же полдень.—

Скорбь также радость, проклятіе тоже благословеніе, ночь тоже солнце, — уходите! или вы научитесь: мудрецъ тотъ же безумецъ.

Утверждали ли вы когда-либо радость? О, друзья мои, тогда

утверждали вы также и всякую скорбь. Все сцѣплено, все спутано, все влюблено одно въ другое,—

— хотѣли ли вы когда-либо дважды пережить мгновенье, горючили ли вы когда-нибудь «ты нравишься мнѣ, счастье! мигъ! мгновенье!» Такъ хотѣли вы, чтобъ все вернулось!

— все сызнова, все вѣчно, все сцѣплено, все спутано, все влюблено одно въ другое, о, такъ любили вы міръ,—

— вы вѣчные, любите его вѣчно и во всѣ времена: и говорите также къ скорби: пройди, но вернись назадъ! Ибо радость рвется — вѣчный день!

* * *

11.

Всякая радость хочетъ вѣчности всѣхъ вещей, хочетъ меду, хочетъ дрожжей, хочетъ опьяненной полуночи, хочетъ могиль, хочетъ слезъ утѣшенія на могилахъ, хочетъ золотой вечерней зари—

— чего только ни хочетъ радость! она болѣе жаждущая, болѣе сердечная, болѣе алчущая, болѣе ужасная, болѣе таинственная, чѣмъ всякая скорбь, она хочетъ себя; она кусаетъ себя. воля кольца борется въ ней,—

— она хочетъ любви, она хочетъ ненависти, она чрезмѣрно богата, она дарить, отвергаетъ, просить, какъ милостыни, чтобъ кто-нибудь взялъ ее, благодарить берущаго, она хотѣла бы, чтобъ ее ненавидѣли,—

— такъ богата радость, что она жаждетъ скорби, зла, ненависти, позора, уродства, міра,—ибо этотъ міръ, о, вы, конечно, знаете его!

О, высшіе люди, по васъ томится радость, необузданная, блаженная,—по скорби вашей, вы, неудачники! По всему неудавшемуся томится всякая вѣчная радость.

Ибо всякая радость хочетъ себя самое, вотъ почему хочетъ она также сердечной муки! О, счастье, о, скорбь! О, сердце, разбейся! Высшіе люди, научитесь же, радость хочетъ вѣчности,

— радость хочетъ вѣчности всѣхъ вещей, она рвется въ желанный вѣковѣчный день!

* * *

12.

Научились ли вы теперь пѣсни моей? Угадали ли вы, чего хочетъ она? Ну, что-жъ! Да будетъ! О, высшіе люди, такъ спойте же мнѣ теперь всѣ вмѣстѣ пѣсню мою!

Спойте мнѣ теперь сами ту пѣсню, имя которой «Еще разъ», а смыслъ «во вѣки вѣковъ!»—спойте же всѣ вмѣстѣ, о, высшіе люди, пѣснь Заратустры!

О, другъ, вникай!
Что полночь говорить? Внимай!
«Былъ дологъ сонъ,—
«Глубокій сонъ, развѣянъ онъ:—
«Міръ—глубина,
«Глубь эта дню едва видна.
«Скорбь міра эта глубина,—
«Но радость глубже, чѣмъ она:
«Жизнь гонитъ скорби тѣнь!
«А радость рвется въ вѣчный день,—
«Въ желанный вѣковѣчный день!»

* * *

Знаменіе.

Но поутру, послѣ этой ночи, вскочилъ Заратустра съ ложа своего, опоясалъ чресла свои и вышелъ изъ пещеры своей, сіяющей и сильный, какъ утреннее солнце, подымающееся изъ-за темныхъ горъ.

«Великое свѣтило, сказалъ онъ, какъ нѣкогда уже говорилъ онъ, ты глубокое око счастья, къ чему свелось бы счастье твое, еслибъ не было у тебя тѣхъ, кому ты свѣтишь!

И еслибъ они оставались въ домахъ своихъ, въ то время, какъ ты уже проснулось и идешь, чтобъ одарять и надѣлять: какъ годовала бы на это гордая стыдливость твоя!

Ну, что-жъ! они спятъ еще, эти высшіе люди, въ то время, какъ я уже бодрствую: это не истинные послѣдователи мои! Не ихъ жду я злѣсь въ горахъ моихъ.

За свое дѣло хочу я приняться, и начать свой день: но они

не понимаютъ, каковы знаменія утра моего, мои шаги—для нихъ не призывъ къ пробужденію.

Они спятъ еще въ пещерѣ моей, ихъ сонъ упивается еще иоими пѣснями опьяненія. Ушей слушающихъ меня,—ушей повинующихся недостаетъ имъ».

Заратустра говорилъ это въ сердцѣ своемъ, въ то время, какъ солнце поднималось: тогда онъ вопросительно взглянулъ на небо, ибо услышалъ надъ собою рѣзкій крикъ орла своего. «Ну, что-жъ! крикнулъ онъ въ вышину, это нравится мнѣ, это подобаетъ мнѣ. Звѣри мои проснулись, ибо я проснулся.

Орелъ мой проснулся и чтить, подобно мнѣ, солнце. Орлиными когтями хватаетъ онъ новый свѣтъ. Вы настоящіе звѣри мои; я люблю васъ.

Но еще недостаетъ мнѣ моихъ настоящихъ людей!»—

Такъ говорилъ Заратустра; но тутъ случилось, что онъ вдругъ почувствовалъ себя какъ бы окруженнымъ множествомъ птицъ, летавшихъ вокругъ него,—шумъ отъ такого множества крыльевъ и давка надъ головою его были такъ велики, что онъ закрылъ глаза. И, поистинѣ, на него спустилась какъ бы туча изъ стрѣлъ, которыя сыплется на новаго врага. Но здѣсь это была туча любви, спускавшаяся на новаго друга.

«Что происходитъ со мной?» думалъ Заратустра въ удивленномъ сердцѣ своемъ, и медленно опустился на большой камень, лежавшій у входа въ пещеру его. Но пока онъ махалъ руками вокругъ себя и надъ собою, защищаясь отъ нѣжности птицъ, случилось съ нимъ нѣчто еще болѣе изумительное: ибо онъ незамѣтно ухватился за густую, теплую косматую гриву; и въ то же мгновеніе раздался передъ нимъ ревъ,—кроткій, протяжный ревъ льва.

«Знаменіе приближается», сказалъ Заратустра, и сердце его преобразилось. И, поистинѣ, когда передъ нимъ просвѣтлѣло, онъ увидѣлъ, что у ногъ его лежалъ огромный желтый звѣрь, прижимаясь головою къ колѣнямъ его; изъ любви онъ не хотѣлъ покидать его и походилъ на собаку, нашедшую стараго хозяина своего. Но и голуби были не менѣе усердны въ любви своей, чѣмъ левъ; и всякій разъ, когда голубъ порхалъ передъ носомъ льва, левъ съ удивленіемъ качалъ головою и начиналъ смѣяться.

Видя это, Заратустра произнесъ одно только слово: «Дѣти мои близко, мои дѣти»—затѣмъ сталъ онъ совершенно

нѣмъ. Но сердце его было утѣшено, и изъ глазъ его текли слезы и падали на руки ему. А онъ ни на что не обращалъ больше вниманія и сидѣлъ неподвижно, не защищаясь уже отъ звѣрей. Голуби же улетали и прилетали, садились на плечи ему, ласкали сѣдые волосы его, и не уставали въ нѣжности и блаженствѣ своемъ. А могучій левъ безпрестанно лизалъ слезы, падавшія на руки Заратустры, и робко рычалъ при этомъ. Такъ вели себя эти звѣри.—

Все это продолжалось или долгое время или очень короткое время: ибо, въ дѣйствительности, не существуетъ для такихъ вещей на землѣ времени.—Между тѣмъ высшіе люди проснулись въ пещерѣ Заратустры и составили изъ себя шествіе, чтобъ идти на встрѣчу Заратустрѣ и принести ему утреннее привѣтствіе: ибо, проснувшись, они замѣтили, что его уже нѣтъ между ними. Но когда они подошли къ выходу изъ пещеры, предшествуемые шумомъ шаговъ своихъ, левъ грозно наострилъ уши, и отвернувшись сразу отъ Заратустры, съ дикимъ ревомъ прыгнулъ къ пещерѣ; а высшіе люди, услыхавъ ревъ его, вскрикнули въ одинъ голосъ, и побѣжавъ обратно, исчезли въ одно мгновеніе.

Но самъ Заратустра, оглушенный и пораженный, поднялся съ мѣста своего, оглянулся съ удивленіемъ, вопрошалъ сердце свое, подумалъ и остался одинъ. «Что слышалъ я? сказалъ онъ, наконецъ, медленно, что сейчасъ произошло со мною?»

И вотъ воспоминаніе вернулось къ нему, и онъ сразу понялъ все, что произошло между вчера и сегодня. «Вотъ камень, сказалъ онъ, глядя себѣ бороду, на которомъ вчера утромъ сидѣлъ я; а здѣсь приходилъ прорицатель ко мнѣ, здѣсь впервые услыхалъ я крикъ, только что слышанный мною, великій крикъ о помощи.

О, высшіе люди, это о помощи вамъ говорилъ мнѣ вчера утромъ старый прорицатель,—

— помощью вамъ хотѣлъ онъ соблазнить и искусить меня: о, Заратустра, говорилъ онъ мнѣ, я иду, чтобъ ввести тебя въ твой послѣдній грѣхъ.

Въ мой послѣдній грѣхъ? воскликнулъ Заратустра, гнѣвно смѣясь надъ своимъ собственнымъ словомъ: что же было оставлено мнѣ, какъ мой послѣдній грѣхъ?»

— И еще разъ погрузился Заратустра въ себя, опять сѣлъ на большой камень и началъ размышлять. Вдругъ онъ вскочилъ.—

«Состраданіе! Состраданіе къ высшему че-

ловѣку! воскликнулъ онъ, и лицо его стало какъ мѣдь. Ну, что-жъ! Этому — было свое время!

Мое страданіе и мое состраданіе — ну, что-жъ? Развѣ къ счастью стремлюсь я? Я ищу своего дѣла!

И вотъ! Левъ пришелъ, мои дѣти близко, Заратустра созрѣлъ, часъ мой пришелъ:—

Это мое утро, брежитъ мой день: вставай же, вставай, великій полдень!»—

Такъ сказалъ Заратустра и покинулъ пещеру свою, сіяющій и сильный, какъ утреннее солнце, поднимающееся изъ-за темныхъ горъ.

* *
* * *

К О Н Е Ц Ъ .

Никита Хрущев. Воспоминания. Карманный формат, 303 стр., цена — 12.00

Никита Хрущев. Воспоминания, книга вторая. Карманный формат, 288 стр., цена -- 12,00

Владимир Буковский. Письма русского путешественника. Цена -- 12.00

Вторая книга известного русского правозащитника и публициста. Автор увлекательно и талантливо излагает свои впечатления о Западе.

Ответственность поколения. 143 стр., цена -- 8.00

Татьяна Литвинова, Виктор Некрасов, Мстислав Ростропович, Владимир Максимов, Эрнст Неизвестный, Татьяна Ходорович, Наум Коржавин, Вероника Туркина, Людмила Алексеева, Леонид Тарасюк, Александр Есенин-Вольпин обсуждают личный опыт того, как они пришли к осознанию своей ответственности за судьбу своей страны. Составитель В. Чалидзе.

Валерий Чалидзе. Победитель коммунизма. (Мысли о Сталине, социализме и России). 96 стр., цена -- 7.00

В этой книге, вызвавшей много споров, автор утверждает, что Сталин полностью победил коммунизм в России и построил империю, не являющуюся ни социалистической, ни коммунистической.

Лев Конелев. На крутых поворотах короткой дороги. Повесть. Цена -- 7.00 (выходит в декабре)

Раиса Орлова. Последний год жизни Герцена. Цена -- 6.00 (выходит в декабре)

Ирина Кичанова-Лифшиц. Прости меня за то, что я живу. Цена -- 10.00 (выходит в декабре)

Книга содержит воспоминания о встречах с М. Зощенко, Ю.Олешей, Вл. Лебедевым, С. Маршаком и другими. И. Лифшиц была замужем за Вл. Лебедевым и В. Лифшицом. В книге приведены неопубликованные ранее письма известных деятелей и большое количество фотографий.

Юз Алешковский. Синенький скромный платочек. Скорбная повесть. Цена -- 7.00 (выходит в декабре)

Евгений Гнедин. Выход из лабиринта. 120 стр., цена -- 8.00 (выходит в декабре)

Автор — один из близких сотрудников советского министра Максима Литвинова в конце 30-х годов. Репрессирован в 1939 г. и освобожден после смерти Сталина. Книга является второй частью мемуаров. Первая часть издана Фондом им. Герцена.

А. Зимин. Социализм и неосталинизм. 214 стр., цена — 9.00

Проблемы Восточной Европы. Ежеквартальный журнал под редакцией *Франтишека и Ларисы Силницких.* В каждом выпуске около 200 стр., цена выпуска — 9.00

СССР: Внутренние противоречия. Редактор *В. Чалидзе*. 1-й выпуск -- 284 стр., цена выпуска -- 15.00

Проблемный журнал, печатающий статьи о социальных, экономических, национальных и других вопросах.

Солженицын в Гарварде. 205 стр., цена -- 15.00

Сборник статей, перевод с английского.

Николай Новиков. Эрнст Неизвестный: искусство и реальность. Книга богато иллюстрирована. 135 стр., цена -- 10.00

Петр Кушников. Военный дневник 1917 года. Малотиражное издание. 95 стр., цена -- 10.00. На обложке -- портрет автора.

Уникальный исторический документ, содержащий дневниковые записи русского физика, в то время молодого русского офицера, описывающего развал русской армии, непосредственно перед и сразу после октябрьского переворота.

Николай Евреинов. История телесных наказаний в России. 234 стр., цена -- 15.00

Бертран Рассел. История западной философии. Малотиражное издание, 855 стр., цена -- 30.00

Фридрих Ницше. Так говорил Заратустра. 292 стр., цена -- 15.00 (выходит в декабре)

Георгий Федотов. Россия и свобода. 271 стр., цена -- 15.00

Сборник содержит статьи известного русского философа: Трагедия интеллигенции, Сталинокрафия, Письма о русской культуре, Загадки России, Народ и власть, Россия и свобода, Судьба империй, Запад и СССР, Рождение свободы.

Серан Киркегор. Наслаждение и долг. Репринт, 420 стр., цена -- 15.00

Иегошуа Яхот. Подавление философии в СССР (20-30 годы). Цена -- 15.00

Коран. Репринт с советского издания 1963 г. Перевод *Крачковского*. Карманный формат, 490 стр., цена -- 20.00

О. Иоанн Мейендорф. Православие в современном мире. 230 стр., цена -- 12.00

З. Авалов. Присоединение Грузии к России. Репринт, 320 стр., цена -- 15.00

Петр Гарви. Профессиональные союзы в России после революции. 155 стр., цена -- 7.00

Николай Валентинов. Встречи с Лениным. Карманный формат, 356 стр., цена -- 12.00

ЗАКАЗЫ ТОЛЬКО ПО ПОЧТЕ
ОПЛАТА ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ

